

Очерки социально-политической истории Кореи в новое и новейшее время.

ВСТУПЛЕНИЕ АВТОРА

Зачем и о чем эта книга? Причин ее написания несколько, и одна – чисто утилитарная: в течение нескольких последних лет автор ведет в Институте стран Азии и Африки при МГУ и других вузах курс истории Кореи, охватывающий период, который принято называть «новым и новейшим». Рано или поздно рукописные методички, которые преподаватель пишет для своих студентов, разрастаются до размера учебника, который пора издавать. Тем более что автору всегда хотелось написать развернутый текст по истории Кореи, который был бы ориентирован не только на студента-востоковеда, но и на более широкую аудиторию.

Еще когда я был студентом, мои преподаватели часто говорили о том, что в определенном смысле Корее не повезло. Среди корееведов не нашлось автора ранга и талантов Вс. Овчинникова, чьи работы по истории и культуре изучаемой страны заставили бы большой круг молодежи «заболеть» этой страной и заняться ее изучением. Книжки, которая, подобно «Ветке сакуры», стала бы основополагающим источником для формирования в массовом сознании образа Кореи, и я мечтал написать такую книгу.

Конечно, с тех пор прошло много лет, и за это время вышло несколько хороших ориентированных на широкую аудиторию книг, претендующих на подобную роль. Но они не делают акцент на истории Кореи и корейцев, и потому на слуху массового читателя лишь какие-то разрозненные эпизоды.

Обычно это: подвиг крейсера «Варяг» в корейском порту; антияпонские партизаны со странным названием *Ыйбён*; депортация советских корейцев с Дальнего Востока в Среднюю Азию и Казахстан; Корейская война 1950-1953 гг.; южнокорейское экономическое чудо; культ личности Ким Ир Сена и бронепоезд Ким Чен Ира.

Между тем, корейская история таит в себе немало трагических и увлекательных событий, которые, будучи описаны доступным языком, способны пробудить к ней не меньший интерес. К глубокому сожалению, целый ряд трагических моментов корейской истории (в первую очередь, раскол единой страны на два государства после окончания второй мировой войны) явился следствием слабого знания истории этой страны и ее особенностей теми, кто тогда принимал решения.

Именно потому вторая причина написания этой книги - «исправление имён». Точнее, желание донести до широкой аудитории правильное понимание корейской истории, особенно истории XX в. Многие ее элементы, в первую очередь – история раздела страны, Корейская война и последующие события слишком часто использовались в политических играх. К тому же, поскольку определенные темы корейской истории считаются «горячими», они часто становятся объектом спекуляций со стороны дилетантов, фальсификаторов или лиц, которые именуют себя экспертами, но при этом не знают ни корейскую историю, ни корейский язык. Однако, в отличие от трудов историков-корееведов, именно их работы расходятся массовыми тиражами и потому формируют общественное мнение об этой стране. Заметный вклад в это вносит и Южная Корея, представители которой активно работают над тем, чтобы российская аудитория знала только одну, «единственно верную» трактовку событий, совпадающую с взглядами ее официальных чиновников от истории.

В результате большая часть российской аудитории (в том числе довольно многие из тех, кто принимает стратегические решения по вопросам, связанным с политикой России в данном регионе) находится под влиянием целой серии искажающих мифов, весьма плотно укоренившихся в массовом сознании и касающихся как Севера, так и Юга. Эти мифы застилают людям глаза и мешают не только объективному видению ситуации, но и формированию правильной политики в отношении стран Корейского полуострова.

Заниматься критикой подобных писаний можно, но это неконструктивно. Значительно более верный путь – написать книгу, которая будет увлекательнее и интереснее, чем то, что на ту же самую тему пишут непрофессионалы. Именно поэтому я заранее прошу у академической аудитории прощения за то, что язык этой книги не всегда будет похож на язык научной монографии. Ориентируя ее на современную молодежную аудиторию, автор заранее извиняется за ее не всегда академический язык.

«Исправление имен» в первую очередь касается Северной Кореи, которую следует воспринимать как конфуцианское государство, однако реинтерпретация трактовок затрагивает и ряд исторических событий, оценки которых ранее считались неприкосновенными.

К тому же, подобно конфуцианским историкам древности, видящим в прошлом корни настоящего, автор воспринимает эту книгу как трибуну, с которой пытается озвучить свою собственную гражданскую позицию, касающуюся не только некоторых проблем корейской истории, но и тенденции развития ситуации в нашей стране. В истории Кореи конца XIX – начала XX веков есть много элементов, которые человек, интересующийся историей России или вообще неравнодушный к судьбе своей страны, сможет найти интересными и поучительными для себя, ибо ряд параллелей напрашивается достаточно ярко.

Наша страна сейчас находится на рубеже значимых перемен и в непростой политической ситуации. В такое время всегда возникает интерес к истории, поскольку мы ищем в ней какие-то аналогии, примеры удачных и неудачных политических решений, которые позволят найти верные решения/ориентиры в настоящем, глядя на них через призму прошлого. Автору как востоковеду видится довольно много любопытных аналогий и примеров. И потому рассказы о новой и новейшей истории Кореи могут показаться аудитории имеющими современное наполнение, а не «забытой древностью», интересной только узкому кругу специалистов.

История – не мертвая наука, как думают некоторые. Указывая на ошибки прошлого, она помогает нам избежать их сегодня. И лучше учиться на чужих ошибках, чем делать свои. Поэтому иногда в тексте книги будут встречаться своего рода реплики в сторону или «рассуждения историографа» вроде тех, которые мы читаем у Сыма Цяня или Ким Бу Сика. Подобно историкам Древней Кореи и Древнего Китая, которые высказывали свою гражданскую позицию подобным образом, в этой книге автор старается не только дать свою трактовку того, что было написано до него, но и позволить читателю увидеть многие проблемы – корейские и российские - в новом ракурсе. Некоторые «рассуждения историографа» будут посвящены анализу неких общих вопросов, связанных с моментами корейской истории и позволяющих рассмотреть их более детально и объективно.

Оттого автор сразу же отмечает, что в определенной степени эта книга пристрастна. Почти у каждого историка, который долго занимается темой, есть свои «любимчики» среди исторических личностей и те, кто вызывает у него неприязнь, но там, где его оценки кажутся спорными, он будет стараться, как минимум, указывать на наличие альтернативных точек зрения, чтобы читатель мог составить самостоятельное мнение о проблеме. Именно поэтому в некоторых вопросах он будет отмечать свое личное мнение или свои личные гипотезы, оставляя за аудиторией право проанализировать их и, возможно, с ними поспорить.

Не претендует она и на роль энциклопедического учебника корейской истории, и именно поэтому автор назвал ее «очерками социально-политической истории», так как вопросам экономики и культуры, в которых он разбирается хуже, в ней будет уделено меньше внимания. Зато желающие, относясь со вниманием к сноскам или библиографии, безусловно, смогут продолжить и расширить свое корееведческое образование.

Автор видит эту книгу первой ступенькой лестницы на пути постижения корейской истории. Поэтому в ней много ссылок, в том числе – на другие книги по истории Кореи. Потому что если из желания поспорить с

автором читатель начнет активно углубляться в материал для того, чтобы составить собственное суждение, задача по вовлечению его в интересную тему будет выполнена.

Немного о структуре книги. Планируется четыре тома – хотя бы потому, что преподавание новой и новейшей истории Кореи обычно занимает четыре семестра, и логично на каждый из них выдать студентам по тексту. Впрочем, ради неразрывности изложения нумерация глав в этих томах будет сплошной – за исключением «нулевых глав», которые, открывая второй, третий и четвертый тома, будут своего рода «кратким содержанием предыдущих серий», благо, скорее всего, тексты будут выходить в печать по одному в год.

То, что вы держите в руках - первая часть «Традиция, Открытие, Закабаление», которая в основном посвящена трагическому и противоречивому времени, когда после открытия страны Корея не смогла удержать свою национальную независимость и, оказавшись на пересечении интересов нескольких сверхдержав, в конечном итоге была аннексирована Японией.

Вторая часть «Колониализм, Освобождение, Раскол» охватывает период японского колониального ига, хотя здесь мы анализируем и национально-освободительное движение корейского народа за пределами полуострова. В этой же части мы рассмотрим освобождение страны и сложный процесс складывания государственности, завершившийся расколом прежде единой страны и созданием на ее территории советской и американской оккупационных зон, двух государств – Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР) на Севере и Республики Корея (РК) на Юге.

Третья часть «Война, Авторитаризм, Чучхэ(сон)» рассмотрит весьма драматичный период корейской истории. В основном, мы акцентируем внимание на разделе страны и Корейской войне 1950-1953 гг., выделяя

первичность внутренних факторов ее возникновения. Здесь же мы опишем последствия войны и дальнейшее формирование политических систем Севера и Юга вплоть до того момента, когда и Пхеньян, и Сеул использовали в своей идеологии, по сути, один и тот же концепт «национального субъективизма».

Четвертая часть «Дивергенция, Демократизация, Будущее» будет посвящена последнему периоду истории Кореи, и мы попробуем как довести наше повествование до самых последних по времени значимых событий, так и сделать ряд выводов об особенностях корейской политической культуры и исторических уроках, которые Корея может преподнести мировому сообществу.

Глава первая, в которой повествуется об истории Кореи «от Тангуна до Тэвонгуна»

На фоне окружающих ее сверхдержав Корея кажется маленькой страной, однако следует помнить, что совокупная территория двух корейских государств примерно равна Англии, а их население – численности объединенной Германии. Корейская история тоже может показаться менее значительной по сравнению с богатой событиями историей Китая или Японии, но вглубь веков она уходит не менее далеко.

Конечно, эта глава не претендует на полный исторический очерк. Задача, стоящая перед автором – дать аудитории последовательность основных событий, обратив внимание на те вехи или события, которые имеют важное значение для понимания периода, который рассматриваем мы.

Седая древность

И южная, и северная корейская историография разделяют тезис о «пятитысячелетней истории Кореи», причем в корейском написании она звучит даже как не «пятитысячелетняя», а как «полудесятитысячелетняя»¹. Разница в том, что северокорейские историки считают, что предки современных корейцев всегда проживали на полуострове и выделяют так называемую тэдонганскую культуру как одну из пяти самых древних цивилизаций (наряду с Египтом, Двуречьем, Индией и Китаем), а южнокорейские полагают, что предки корейцев откуда-то пришли, чаще всего – из районов Алтая. Некоторые южнокорейские националисты приписывают корейской истории и семь, и семьдесят тысяч лет, но они при этом опираются на памятники, которые, если сравнить их с аналогичными российскими, находятся в нише «Велесовой книги» и прочих известных исторических фальшивок.

---

¹ «Десять тысяч» на Дальнем Востоке – следующий разряд после тысячи, и корейцы, как китайцы и японцы, ведут счет не тысячами, а десятками тысяч. Миллион, например, записывается как *пэкман* - сто раз по десять тысяч.

Если же подходить к этому вопросу с археологической точки зрения, то самые ранние следы человека на Корейском полуострове корейские учёные относят к позднему палеолиту. Одно из древнейших жилищ Восточной Азии открыто при раскопках стоянки Сокчанни (около города Конджу, пров. Чхунчхон-Намдо, РК). Это землянка с остатками очага, в котором найдены каменные фигурки животных. Однако, вопрос о том, имеет ли позднее палеолитическое население отношение к предкам корейцев, дискуссионен. Хотя в КНДР такую связь считают несомненной (что продиктовано государственным мифом об исконной связи предков корейцев с нынешней территорией обитания²), а на юге эту точку зрения тоже скорее поддерживают, но убедительных доказательств ее пока не представлено.

Ранние памятники неолита датируются VII-VI тысячелетиями до н. э. Неолитическая культура широко представлена по всей территории Корейского п-ова.) Начиная с V-IV тысячелетий до н. э. появляются зачатки земледелия и скотоводства. Известно большое число памятников так называемой кунсанской культуры конца III — начала II тысячелетия до н. э., свидетельствующих о занятиях населения охотой и рыболовством, о зачатках земледелия, ремесла и скотоводства. Можно предположить, что у корейских племён уже была родовая община. Искусство выплавки бронзы пришло в страну из Китая в конце II тысячелетия до н. э., применение железных орудий - с середины I тысячелетия до н. э., однако металлические орудия сосуществовали в Корее с каменными вплоть до начала нашей эры.

Корейские историки утверждают, что громадные керамические сосуды для хранения кимчхи известны со II тысячелетия до н. э., хотя в своем современном виде (в частности, с красным перцем) это блюдо корейской кухни существует от силы 2-3 столетия³.

² Кое-что для понимания ситуации дает лингво-исторический анализ корейского языка. Скорее всего, он - изолированная ветвь алтайской семьи (изолированная настолько, что его часто выводят в самостоятельную семью), носители которой в древности обитали в восточной части Великой степи и/или в Маньчжурии

³ Choong Soon Kim. Tradition and Transformation in Korea. Seoul. 2007. P. 18

Древний Чосон

Государство с таким названием, означающим «Утренняя Свежесть»⁴ и ставшим впоследствии одним из главных этнонимов Кореи, существовало на севере полуострова в I в. до н. э. и было покорено ханьским Китаем. Время возникновения этого государства и его географическое положение тоже остаются предметом научных дискуссий.

Согласно легендам, официально поддерживаемым как на Юге, так и на Севере, корейская государственность началась в 2333 г. до н. э., когда в мире появился Тангун – легендарный основатель корейской нации. Традиционная хронология, используемая в Южной Корее, до сих пор отталкивается от этой даты.

Краткое содержание легенды о Тангуне, самая ранняя из сохранившихся до наших дней запись которой содержится в памятнике XIII в. *Самгук юса* (Дополнение к истории Трех государств) буддийского монаха Ирёна, сводится к следующему. Однажды к сыну божественного правителя, который спустился на Землю, чтобы управлять делами этого мира, пришли тигр и медведь, желавшие стать людьми. Им был дан совет: запереться на 60 дней в темной пещере, не видя солнечного света и питаясь исключительно полынью и чесноком. Тигр не выдержал такую диету и сбежал, а медведь по истечении заданного срока превратился в женщину столь неопишуемой красоты, что сын правителя на ней женился. Плодом этого брака и был легендарный Тангун, основавший первое государство корейцев. Он же научил корейцев возделывать просо⁵.

По мнению корейских историков, легенда о Тангуне отражает определенные исторические факты, «являясь источником духовного пробуждения во времена национального кризиса». Однако, несмотря на желание

⁴ В английском языке образ «Страна утренней свежести» впервые появился в 1886 г в одноименной книге Персиваля Лоуэлла, астронома, автора нескольких книг по Восточной Азии и советника первой корейской ознакомительной миссии США.

⁵ Choong Soon Kim. Tradition... P. 23.

националистов обоих корейских государств сделать из него историческое лицо (в КНДР «обнаружили» могилу Тангуна, в РК выходит серия материалов о Чосоне того периода), личность его примерно равнозначна личности русского царя Гороха.

Китайские же летописцы, упоминавшие о государстве Чосон до появления у древних корейцев собственных летописей, считают основателем корейской государственности некоего Ци Цзы (кор. Ки Джа), который с группой приверженцев династии Шан прибыл в Чосон после падения этой династии в 1122 г. до н. э. Считается, что Древний Чосон существовал уже в VII в. до н. э., а создавшие его племена проживали на территории южной части современного Северо-Восточного Китая и на севере Корейского п-ова. К V—IV вв. до н. э. Древний Чосон представлял собой могущественное рабовладельческое государство.

В сочинении китайского историка Сыма Цяня (II в. до н. э.) *Ши цзи* (Исторические записи) упоминается китайский военачальник Ви Ман (кит. Вэй Мань), который сверг правителя Чуна и утвердился на престоле Чосона в 194 г. до н. э.

С начала II в. до н.э. между Древним Чосоном и Китаем устанавливаются мирные отношения на основе формального вассалитета. В Чосоне существовали зачатки государственного аппарата, наследственная монархическая власть, социальное неравенство, возможно – товарно-денежные отношения. В древнекитайских источниках рассказывается о войнах Чосона с китайскими государствами Янь, Цинь и Хань.

В 109 г. до н. э. после кровопролитной войны войска Ханьской династии завоевали Чосон. На захваченной территории китайцы создали 4 округа, главным из которых был Лолан (кор. Наннан) со столицей на месте Пхеньяна. Однако юг и северо-восток полуострова оставались вне их контроля, и располагающиеся там корейские племенные союзы постепенно захватили эту территорию. Три округа вскоре были упразднены, дольше всех просуществовал Лолан.

Период Трех государств (первые века нашей эры—VII в.)

Если не считать упоминания о легендарных корейских государях, то зафиксированные сведения о первых государственных образованиях на территории Корейского полуострова относятся к I в. до н. э. Общей чертой в них было то, что складывались они на одинаковой основе, путем объединения родственных общин – «*пу*», одна из которых приобретала главенствующее положение и имела право выдвигать королей - *ванов*⁶.

Конечно, вопрос о том, с какого времени Три государства можно действительно считать государствами, а не союзами племен/общин или тем, что на Западе называется «вождеством», иногда трактуется как дискуссионный. С точки зрения ряда западных историков, о государстве в принятом смысле слова можно говорить только в III - IV вв., когда мы точно знаем о существовании в это время в Корее таких элементов государственной системы, как сбор налогов, постоянная армия, появление бюрократического аппарата⁷.

Когурё со столицей Куннэсон на правом берегу среднего течения р. Амноккан было образовано в 37 г. до н.э. и включало часть территории современного Северо-Восточного Китая. В 313 г. н. э. Когурё завоевало земли Лолана. В 427 г. его столица была перенесена в Пхеньян.

Когурё имело самую большую территорию. Оно располагалось на севере Корейского полуострова и захватывало значительную часть Маньчжурии, включая весь Ляодунский полуостров. Наиболее известный памятник Когурё, так называемая Стела Квангэтхо-вана (имя вана означает «Расширитель земель», годы правления 391-412), установленная при его преемнике вана Чансу (413-491), находится в глубине китайской территории.

⁶ Слово «ван» в нашей исторической литературе принято переводить как «король», и в дальнейшем слово «король» будет встречаться в тексте параллельно с «ваном», но хочется напомнить, что этот перевод условный и исторический статус *вана* не тождественен королевскому. То же самое в целом касается применения к корейским реалиям терминов типа «феодалы»

⁷ Хронология для этого периода ненадёжна, а традиционные датировки заведомо «удревлены» (подробнее см. в работах М. В. Воробьёва или М.Н. Пака).

Когурё оставило след в истории и отражением экспансии Китая. Суйский император Ян-ди дважды организовывал поход с целью завоевания Когурё, но потерпел поражение. В 612 г. на покорение страны отрядили огромную армию, наголову разбитую предводителем когурёских войск Ыльчи Мундоком. Династия Тан с 644 г. предприняла ряд безуспешных походов против Когурё, но даже такой выдающийся полководец как танский император Тайцзун не смог довести до конца покорение Когурё, а осада крепости Анси в октябре 645 г. даже стоила ему потери глаза.

Существует мнение, что по языку и культуре когурёсцы несколько отличались от племен, населяющих юг Корейского полуострова. Во всяком случае, в когурёсцах достаточно сильно присутствовал древнеалтайский компонент, сформировавший вместе с палеоазиатским и протомалайским основу корейского этноса.

На юге Корейского полуострова сложились племенные объединения «самхан»⁸, послужившие основой двух новых государств: Пэкче на юго-западе, на землях Махан (традиционная дата основания 18 г. до н.э.), и Силла на юго-востоке, близ современного города Кёнджу, на землях Пёнхан (традиционная дата основания – 57 г. до н.э.). Кроме того, в плодородной дельте р. Нактонган образовалось протогосударство Кая (Тэкая).

Силла сформировалось как племенной союз нескольких протогосударственных объединений, и его структура власти содержала значительное число архаичных элементов. Так, в Силла существовал Совет старейшин (кор. *Хвабэк*), а должность правителя была не наследственной, а выборной из числа представителей трех аристократических правящих родов. Кроме того, существовала система *кольхум*, которая жестко делила аристократические роды по старшинству - места в служебной иерархии предоставлялись в строгом соответствии со степенью знатности.

Еще одним эндемичным изобретением Силла был хваранский корпус,

---

⁸ Этот иероглиф «хан» впоследствии использовался для обозначения всей корейской нации и сегодня присутствует в самоназвании Южной Кореи – *Тэхан*.

игравший важную роль в формировании морального духа и военной организации страны. Пять заповедей *хваранов* формулировались так: государю будь предан (верен); со старшими будь почтителен; с друзьями будь искренен; в бою будь храбр (буквально «неотступчив»); убивая живое, будь разборчив (первоначально серия запретов формального характера постепенно трансформировалась в идею не убивать в том случае, если это не необходимо). Как видно, они были связаны с буддизмом, проникшим на полуостров с IV в., но несли и элемент конфуцианства, представляя собой как бы облегченный вариант требований, позволявших совместить буддийскую мораль с обязательствами образцового подданного.

На юго-западе полуострова находилось государство Пэкче, которое уступало Когурё и Силла в военно-политическом отношении, но имело высокий уровень культуры и в значительной степени ответственно за ранние корейско-японские отношения. На данном этапе Корея играла роль культурного моста, и многие достижения китайской культуры попали в Японию именно через Корею.

Период Трёх государств ознаменовался прогрессом в области производительных сил (применение железных орудий, использование упряжки крупного рогатого скота, развитие поливного земледелия, культивирование риса, внедрение шелководства, ткачества, совершенствование плавки и обработки металлов и пр.). Наряду с утверждением государственной собственности на землю возникали и различные формы крупного землевладения, например кормовые округа — *сигын*, раздаваемые *ваном* (правителем) своим военным слугам с правом сбора поземельного налога (ренты). Распространялись конфуцианство и буддизм (буддизм утвердился в Когурё в 372 г. и стал официальной религией в Когурё и Пэкче в IV в., а в Силла — в VI в., затем там активно использовали буддийскую идеологию для объединения страны).

Такая картина на текущий момент считается классической, хотя ряд историков задаются вопросом, все ли Три государства были заселены предками нынешних корейцев. Ибо непонятно, насколько племена хан, которые по

южнокорейской версии, стали основой *всего* корейского этноса, входили в состав Древнего Чосона и вообще являются «родственниками» тех, кто обитал на севере полуострова. Впрочем, в изложении корейской истории устами националистов хватает подобных «узких мест», но поскольку наш учебник посвящен истории нового и новейшего времени, специально заикливаться на них мы не будем. Скорее хочется обратить внимание не то, что хотя для обозначения Кореи и корейцев в рассматриваемый нами период применялись оба этнонима, связанная с ними коннотация несколько различна.

Иная проблема в том, что представляли из себя ранние «корейско-японские» отношения: известно, что корейские следы обнаружены в большом числе японских могильников IV-VIII вв.⁹ Считается, что искусство Пэкче послужило основой для японской культуры периода Асука, и я не раз наталкивался на заявления южнокорейских¹⁰ и иных¹¹ историков о том, что мораторий на раскопки древних памятников, которого придерживается правительство Японии, связан с боязнью обнаружить слишком много аналогий с корейской культурой, что наносит серьезный удар государственному мифу об автохтонности японского пути. А неспешные темпы, которыми японские археологи ведут раскопки своих императорских гробниц, могут быть связаны с боязнью обнаружить лишние свидетельства корейского происхождения императорской династии, и отмечает, что, как и американцы, корейцы значительно меньше монолитны и гомогенны, чем кажется на первый взгляд, в том числе – и с точки зрения расового/генетического типа¹².

Тем не менее, в целом доказано, что корейские мастера приложили руку к созданию большинства храмов периода Нара, корейские монахи были наставниками японской правящей династии, и даже форма самурайского меча, возможно, имеет корейское происхождение¹³.

⁹ Cumings, Bruce. Korea's place in the sun. A modern history. New York, 1998. P. 30-31.

¹⁰ Choong Soon Kim. Tradition... P. 30.

¹¹ Cumings B. Korea's place... P. 33.

¹² Там же. P. 12.

¹³ Впрочем, абсолютизировать роль Кореи как культурного моста между Китаем и Японией тоже не стоит. Б. Камингс приводит в своей книге (см. ниже) на с. 20 аналоги из европейской истории, считая, что нельзя,

Конечно, существует и совсем иная точка зрения, базирующаяся на японских летописях, в которых утверждается, что Япония покорила Корею и основала на Корейском полуострове свою колонию Мимана (кор. Имна). Признавая существование этого образования, корейцы, однако, считают его самостоятельным, очень болезненно реагируя на каждую попытку японцев «извращать исторические факты». В 1986 г. автор даже присутствовал на лекции северокорейского историка Ким Сок Хёна, который пытался убедить советских студентов в том, что Мимана была корейской колонией на японской территории, а не наоборот.

На Севере и на Юге национальную историю Трех государств интерпретируют несколько по-разному. Так, в Северной Корее уделяют значительно больше внимания Когурё и его борьбе с китайской агрессией в VI-VII вв. На Юге в значительно большей степени считают себя правопреемниками Силла и даже традиционную неприязнь между представителями Ённамского (юго-восток) и Хонамского (юго-запад) регионов считают уходящей корнями во времена противостояния Силла и Пэкче¹⁴.

С расширением территории государств между ними началась борьба за преобладание на полуострове. Вначале (I – IV век н.э.) Когурё, Пэкче и Силла занимались присоединением окружавших их мелких государственных образований. IV в., особенно его последняя четверть, проходит в постоянных военных столкновениях между Когурё и Пэкче, после того, как с ликвидацией в 313 г. на территории Корейского полуострова последних китайских округов эти два государства соприкоснулись непосредственно. В начале V в. вану Квангэтхо удалось лишить Пэкче владений в долине р. Ханган. Однако Пэкче и Силла

например, говорить о том, что наследие греко-римской цивилизации в Галлии оказало существенное влияние на формирование английской культуры через французов и нормандцев.

¹⁴ В настоящее время националистически настроенные корейские историки очень любят строить предположения относительно того, что было бы, если бы Три Государства объединились под гегемонией Когурё. По их мнению, в этом случае территория Корейского государства была бы гораздо больше, охватывая Маньчжурию и советский Дальний Восток, а само государство, безусловно, сохранило бы гораздо больше национальной эдимики, не занимая вассальный статус по отношению к Китаю и проводя самостоятельную политику.

вскоре объединились, чтобы дать отпор общему врагу.

VI в. отмечен резким подъемом военно-политической активности Силла. В период между 532 и 562 гг. были покорены государства Кая, в 551 г., в правление вана Чинхына (540-576), Силла и Пэкче смогли вытеснить Когурё из бассейна р. Ханган, но захваченные ими земли были присвоены Силла. Это, во-первых, повысило его экономическую мощь, ибо вновь приобретенные земли в дельтах рек Ханган и Нактонган были богаты и плодородны, а во-вторых, дало ему возможность торговать через Желтое море.

Теперь уже Силла было вынуждено столкнуться с противодействующей коалицией Когурё и Пэкче, однако победа была одержана благодаря помощи нового союзника в лице танского Китая. Совместно действовавшие армии под командованием вана Мурёля, военачальника Ким Юсина и китайских полководцев одержали победу над Пэкче в 660 г.¹⁵, а в 668 г., воспользовавшись внутренней смутой в Когурё (после смерти фактического правителя страны там началась усобица между его сыновьями, один из которых запросил о помощи Силла), захватили и его. Танская династия надеялась закрепить за собой все земли Когурё и Пэкче, но Силла вступило в борьбу со своим недавним союзником. В 676 г. танские завоеватели были изгнаны из Пэкче и южного Когурё, но в 677 г. между государствами установились мирные отношения на основе вассалитета Силла, которые впоследствии не нарушались. К 735 г. граница Объединенного Силла со столицей в Кымсоне (совр. Кёнджу) проходила по р. Тэдонган, так что большая часть когурёсских земель была безвозвратно утрачена.

Объединение Трех государств имело три очень важных последствия. Во-первых, начиная с этого времени, все последующие тринадцать веков своего существования Корея была единой страной. Во-вторых, начиная с периода Объединенного Силла, страна стала интенсивно вбирать в себя наследие китайской философии и культуры, особенно культуры административной. Вообще, надо отметить, что из всех государств конфуцианского культурного

¹⁵ Считается, что чуть ли не с этого времени жители региона, территорию которого ранее занимало Пэкче, были отделены от «большой политики».

региона Корея была связана с Китаем наиболее тесно. В-третьих, объединение страны при помощи Китая закрепило ориентацию на «большого брата» и относительно подчиненное положение по отношению к нему.

Остатки когурёсской элиты бежали на северные территории и создали на базе местных племен просуществовавшее до 926 г. государство Бохай (кор. Пархэ), которое к VIII в. контролировало северную часть Кореи, Ляодунский полуостров и северо-восточную Маньчжурию. Вопрос о «корейскости» Бохай также находится в стадии рассмотрения, так как современные южнокорейские историки в последнее время проявляют к нему значительный интерес, диктуемый, однако, политическими целями. Сопоставляя Бохай с существовавшими параллельно ему Силла, а затем – Корё, эти авторы пытаются доказать факт длительного сосуществования на Корейском полуострове двух корейских государств, хотя в Бохай корейскими были только правящая династия и некоторые элементы культуры¹⁶. То, что там использовали традиционную корейскую систему подогрева полов *ондоль*, - археологический факт¹⁷.

Период Объединенного Силла (668-936)

Объединенное Силла существовало 260 лет, а само государство Силла – 992 года, что составляет определенный рекорд. В этот период в Корее сложились характерные черты строя, который с поправкой на азиатскую специфику принято называть феодальным. Происходил процесс закрепощения государственных крестьян, превращения их в *ноби* (крепостных). Существовали крестьянские наделы (*чонджон*) и крупные феодальные землевладения (чиновные и кормовые наделы). Успехи орошаемого земледелия, подъём ремёсел (основной формой было казённое ремесло подневольных мастеров) сделали возможным развитие торговли. Изделия ремесленников и разнообразная продукция промыслов находили сбыт далеко за пределами Силла. Периферийные центры стремились

¹⁶ Если следовать этой логике, то основанная варягами Киевская Русь является скандинавской страной.

¹⁷ Cumings B. Korea's place.... P. 35.

бороться за лидерство со столицей. В один из таких центров в IX в. превратился о. Вандо, находившийся во владении Чан Бого, знатока морских путей, соединявших Корею с Китаем и Японией.

С объединением Трех Государств Силла вошло в сферу китайского культурного влияния. Административное управление в провинции и система землепользования были организованы по китайскому образцу. Столица Кёнджу была построена по образцу танской столицы Чанъань¹⁸. Для изучения классических конфуцианских текстов был основан национальный университет Кукхак (682 г.), по образцу танского Китая были введены специальные экзамены для чиновников (788 г.) , хотя государственная система по-прежнему представляла собой сугубо аристократическую систему, построенную на принципе “кольпхум”.. Выходцы из Кореи делали успешную карьеру при танском дворе, процветала торговля с Китаем, в том числе морская

С увеличением земельных раздач чиновникам и духовенству, укреплением феодальных владений централизованное государство ослаблялось. К X в. эндемичные элементы культуры и структуры управления постепенно начали тормозить развитие страны, и государство вошло в полосу кризиса, выразившегося в ослаблении правящего дома и появлении региональных властителей.

С ослаблением государственной системы Силла на территории полуострова наступил кратковременный период раздробленности на отдельные государственные объединения. Начало X в. в истории Кореи иногда называют временем Поздних Трех Государств. В действительности речь идет скорее о феодальной усобице, когда хозяева независимых уделов просто официально декларировали свою самостоятельность. Влиятельный местный правитель Кён Хвон основал так называемое Позднее Пэкче, а бывший силласский принц Кунье создал свое государство в северных районах, но в 918 г. он был свергнут своим первым министром Ван Гоном, происходившим из района Кэсона¹⁹.

¹⁸ Choong Soon Kim. Tradition... P. 32

¹⁹ Choong Soon Kim. Tradition ...P. 34.

В результате внутренних войн территория Силла сократилась до ничтожных размеров, но период Поздних Трех Государств длился, в общем, недолго, окончившись после того, как Ван Гон, основавший в 918 г. государство Корё, вынудил в 935 г. последнего *вана* Силла отречься от престола в его пользу. В 936 г. он покорил позднее Пэкче, и Кор, стало единым государством. В 938 г. был присоединен остров Тхамна (Чеджу). В это же время на северо-западе Корё вышло к р. Амноккан.

Отступление историографа. Земельный вопрос

Здесь следует сделать короткое отступление по земельному вопросу. Плодородной земли в Корее немного, и потому ценность земельного надела высока. Земля была фундаментом, на котором базировалось богатство правящей элиты. Наделение земель чиновников воспринималось как материальная компенсация за их службу. Хотя постепенно оно все же было вытеснено выплатой жалования, концепция государственного владения землей стимулировала централизованную бюрократическую систему, удерживала феодалов от перехвата контроля над ресурсами и позволяла в свою очередь контролировать их через награждение земель верных и лишение наделов нелояльных.

Успех или неудача земельной политики монарха находились в прямой связи с его политической силой. Теоретически вся земля принадлежала государю, но в действительности частное владение сохранялось из-за слабого контроля государя над принадлежащей ему землей, и чем слабее был контроль, тем больше земли уходило в частные руки. Поэтому на протяжении всего средневековья, начиная с Эпохи Силла и заканчивая династией Ли, можно обратить внимание на спиралевидное развитие следующего процесса.

В целом государство обладает собственностью на землю, которая служит основным способом жалования аристократов и чиновников. Это жалование тем или иным образом осуществляется по принципу «условного держания», когда

имеющий ранг чиновник получает земельный надел, которым пользуется до тех пор, пока исполняет свои обязанности.

Однако частное, безусловное, держание тоже было. Поначалу оно воспринимается как исключение из правила и привилегия только для особо достойных и заслуженных сановников. Однако постепенно возникает тенденция к росту количества таких «наградных» земель хотя бы потому, что число сановников, заслуживающих такой награды, возрастает.

В результате на определенном этапе фонд государственных земель, предназначенных для такой раздачи, сокращается, так как, с одной стороны, растет число частных земель, а с другой – возникает тенденция, когда те, кто имеет землю в «условном держании», пытаются превратить его в безусловное и фактически захватывают государственные земли. В результате государство получает меньший доход, и его мощь ослабляется, а это означает порочный круг, поскольку более слабое государство не в состоянии контролировать процесс «уплыwania» его земель в частные руки.

Понятно, что выход ищут. Но расширение территории государства или освоение залежных земель имеют предел, а увеличение налогового гнета государственных крестьян или попытки реквизировать землю у крупных частных землевладельцев приводит к тому, что государственные крестьяне начинают убегать на частные земли, а землевладельцы становятся в оппозицию к государству, что увеличивает опасность политического кризиса.

Когда кризис наступает, то выясняется, что центральная власть ничего не может сделать против крупных собственников, которые фактически превратились в самостоятельных правителей на своей территории. После чего эти правители или входят во власть или меняют ее.

Новая власть обычно помнит ошибки старой. Поэтому сразу же пытается составить земельный кадастр, проведя перепись всех наделов, в том числе – и незаконно захваченных. Бродяг пытаются прикрепить к земле и заставить заниматься земледелием, а реквизиция земли «проигравшей стороны» позволяет

снова накопить в руках государства значительные земельные ресурсы, которые затем можно будет раздавать в «условное держание» по чуть более сложной схеме с учетом ошибок или недочетов предшествующего варианта. Тем не менее, «заслуженных сановников» все равно надо награждать, а это значит, что в какой-то мере частное землевладение поддерживается, после чего все начинается сначала.

Альтернативные варианты с выдачей жалования зерном по аналогии с рисовым пайком для самураев периодически возникают, но для того, чтобы самостоятельно осуществлять сбор налогов и распределение зерна, требуется более высокий уровень документооборота и бюрократии, в то время как выдать человеку надел гораздо проще.

Понятно, что каждый новый вариант системы земельных отношений делается с учетом укрепления роли государства и предусматривает более сложные «социальные технологии», будь то фиксированная рента или «пенсионные наделы», выдаваемые на время и затем сдаваемые в казну. Однако большинство подобных систем работает только при сильном государстве. Когда государство слабеет, они превращаются в объект коррупции и перестают функционировать.

Государство Корё (918-1392)

В течение династии Корё китаизация политической системы продолжалась. В 928 г. в стране были введены государственные экзамены «квэго», что окончательно определило путь развития политической структуры страны как симбиоз чиновничества и аристократии. Власть определялась не правом рождения, а занимаемой должностью и соответствующим ей рангом. При этом теоретически экзамен на чин мог сдать представитель любого сословия, хотя долгая и сложная подготовка к нему, требующая досконального изучения конфуцианских трактатов, не оставляла больших возможностей для тех, кто был

занят обработкой земли. Установление централизованной бюрократической системы китайского типа окончательно завершилось только в XI в. С этого же времени начало складываться «дворянское сословие» *янбанов*, объединяющее гражданских и военных чиновников²⁰.

Централизованное феодальное государство окончательно сложилось при правителях Кёнджоне и Сонджоне, что обеспечило успешную борьбу с нашествиями киданей (в 993, 1010—1011 и 1018—1019 гг.) и благотворно повлияло на развитие экономики. Расширились посевные площади, чему способствовали льготы на распашку заброшенных полей, а также государственные ссуды в районах, пострадавших от нашествий. Развивались ремёсла (производство бумаги, фарфора, тканей, металлических и др. изделий) и торговля, находившиеся под контролем феодального государства. О размере внутренней торговли свидетельствуют крупные рынки в столице Корё (Кэгёне, современный Кэсон) и провинциальных центрах. Появилась металлическая монета. Корё вело оживлённую торговлю с сунским Китаем, северными племенами, Японией. Сюда приезжали арабские купцы.

Буддизм оставался государственной религией, оберегающей страну, но «оберегал» её он на мистическом уровне: посредством проведения особых обрядов; размещения храмов в местах, важных с точки зрения геомантии; использования в топонимике названий храмов, имен правителей или определенных мистических символов и т. п.²¹ Информация о буддийских монахах, которые защищают страну при помощи сложных эзотерических ритуалов, встречается и в летописи *Самгук Юса*²².

Однако к XII в. из-за роста числа чиновников земельных наделов стало не хватать, а благосостояние основной массы чиновников - падать. Начались конфликты между низшими и высшими чиновниками, а также военными, чей статус был ниже. Феодальные междоусобицы (1126, 1135, 1170, 1196 гг. и др.) и

²⁰ Буквальный перевод слова «янбан» означает «два деления».

²¹ Grayson, James Huntley. Korea. A religious history. Oxford, 1989. P. 84, 93, 104.

²² Samguk Yusa. Legends and History of the Three Kingdoms of Ancient Korea. Seoul, 1972. P. 98, 335, 338.

продолжающееся закрепощение государственных крестьян вызвали ряд крестьянских восстаний (в 1176—1178 гг. в районе Конджу под руководством Манъи, восстания под руководством Ким Дана и др.).

Важным для нас элементом корейской истории этого периода был мятеж «националистов», возглавляемый монахом Мёчхоном (1134 г.). Мёчхон пытался превратить Корею из вассала Китая в государство, равное ему. Опираясь на геомантические выкладки, он настаивал на переносе столицы из Кэсона в Пхеньян (бывшую столицу Когурё) и принятии *ваном* титула императора, поднимая мятеж, когда его попытки действовать по официальным каналам потерпели крах.

Интересно, что подавлением мятежа Мёчхона занимался один из лидеров прокитайской фракции Ким Бу Сик, под редакцией которого впоследствии, в 1145 г., был составлен многотомный труд *Самгук Саги* - единственный дошедший до нас полномасштабный источник по истории Трёх Государств, созданный по образцу «Исторических записок» Сыма Цяня и в значительной степени проникнутый конфуцианскими идеями.

После подавления этого мятежа китаефилы утвердились у власти окончательно, однако почувствовавшие свою силу гражданские чиновники настолько перегнули палку в своем конфуцианском пренебрежении к военным, что в 1170 г. произошел военный переворот, и власть оказалась в руках военных чиновников (1170-1270). Приход к власти военных чиновников ознаменовался массовыми убийствами тех, кто носил платье гражданского чиновника²³, но затем военные начали борьбу за власть между собой, и после кратковременной череды военных временщиков победителем вышел Чхве Чхун Хон, создал как бы параллельную *ванам* династию, правление которой длилось 60 лет.

Этот период иногда сравнивают с японским сёгунатом, зарождение которого относится примерно к тому же времени, однако, в отличие от Японии, это были именно военные чиновники, а не сословие профессиональных воинов. Интерес к этому периоду со стороны историков РК связан с тем, что этот

---

²³ Choong Soon Kim. Tradition... P. 36.

небольшой период корейской истории, когда в условиях господства конфуцианской идеологии и примата гражданского начала над военной властью была в руках у военного сословия, казался похожим на военные режимы конца XX в. Историки искали прецеденты и аналогии.

Третий период истории Корё связан с обретением вассального статуса по отношению к монгольской империи Юань (1264-1368). Процесс завоевания Кореи монголами занял около тридцати лет, однако проходил по налаженной схеме. Вторгающаяся монгольская армия разбивала корейскую, *ван* эвакуировался на о. Канхвадо, призывая население к партизанской войне. Монголы опустошали страну, подступали к острову и, не имея флота, начинали вести с *ваном* переговоры, которые обычно заканчивались тем, что *ван* обещал покориться, заплатить дань и в следующем году появиться при юаньском дворе, чтобы засвидетельствовать свое почтение императору. Монголы уходили. *Ван* не выполнял своих обещаний, и через некоторое время все начиналось сначала.

В итоге «хунта военных чиновников» была свергнута, а не сумевшие добиться своей цели исключительно силовыми методами монголы сохранили в стране правящую династию и принцип косвенного управления, который они применяли только в двух государствах – в Корее и в России. Хотя территории на северо-западе и северо-востоке были отделены, *ваны* в принудительном порядке женились на монгольских принцессах, уровень контроля все равно был несколько ниже, чем в европейских отношениях «сюзерен-вассал». В самой Корее монгольские чиновники надзирали за административным аппаратом, собирали дань и облагали население дополнительными налогами.

Следует отметить и роль, которую сыграли корейцы в подготовке вторжения монголов в Японию. В операции участвовали корейские вспомогательные части, корейские мастера построили, как минимум, половину кораблей флота вторжения, однако существует и версия, что именно корейские навигаторы, саботировавшие вторжение, «подвели монгольский флот под тайфуны». Такое мнение высказывает несколько историков, в том числе и Лю Ён

Ик.

Монгольское правление, с одной стороны, расширило связи Кореи с окружающим миром. В этот период Корея активно вбирала в себя чужие достижения, и до берегов Корё доплывали даже арабские торговцы. В 1377 г. в Корее началось производство огнестрельного оружия. Артиллерия активно использовалась на море для борьбы с японскими пиратами: созданный в Японии флот легких судов для борьбы с монголами нашел себе второе применение. Японские пираты *вако* совершали глубокие рейды вглубь Корейского полуострова, продвигаясь на 20-25 км, нападая на населенные пункты и захватывая людей²⁴. Несколько раз они даже пытались захватить остров Канхвадо, но были отбиты.

С другой стороны, оно же стимулировало определенный рост националистических тенденций в истории и культуре. В отношении монголов, которые и сами подчеркивали свою некитайскость, можно было не придерживаться столь рьяно «принципа служения старшему» (кор. *садэчжуый*), являвшегося коренным определением сути китайско-корейских отношений. Неслучайно именно к этому периоду относится появление мифа о Тангуне.

Одновременно снова упал престиж центральной власти на фоне роста частного землевладения, причем одним из крупнейших собственников была буддийская церковь, так как храмы быстро стали серьезными собственниками, а отряды их храмовой стражи играли серьезную роль во внутривластной борьбе, являясь, в частности, основными противниками военных в борьбе за власть после 1170 г. Немудрено, что набирающие силу неоконфуцианцы активно бичевали буддийскую церковь за коррумпированность и неисполнение своих обязанностей по сакральной защите страны.

Государство Корё было разрушено после того, как на смену монгольской

---

²⁴ Тема пленников *вако*, равно как и судьба многих корейских ремесленников, вывезенных в Японию в ходе Имджинской войны, до сих пор является одной из болевых точек в корейско-японских отношениях. Так, когда в свое время Япония попыталась предъявить Северной Корее претензии по поводу своих 13-ти граждан, вроде бы похищенных северокорейскими шпионами, северяне немедленно припомнили им, сколько корейцев было «безжалостно похищено в прошлые времена».

династии Юань в Китае пришла династия Мин (1368-1644). Внутри страны шла борьба между промонгольской и прокитайской партиями, против вторжений чжурчжэней с севера и японских пиратов с юга. На этом фоне ван Конмин (1351-1374) начал активные действия, направленные против монголов, а также назначил главным министром популярного в народе буддийского монаха Синдона, который начал земельную реформу и пытался изъять захваченные феодалами земли и крестьян. Это вызвало противодействие, к тому же монах не выдержал испытания властью и быстро прославился коррупцией и аморальным поведением настолько, что предложил бездетному королю одну из своих наложниц, которая уже была беременна от него²⁵. В итоге Синдона обвинили в измене и ван был вынужден его казнить, а вскоре промонгольская партия извела и самого Конмина.

Династия оказывалась все больше зависимой от региональных военачальников, один из которых, Ли Сон Ге, пользовавшийся широкой популярностью за победы над японскими пиратами, сначала ликвидировал всех своих соперников и стал фактическим правителем страны, а потом сверг последнего корёсского вана и стал основателем новой династии Ли.

Окончательный приход к власти Ли Сон Ге был, кстати, связан с весьма любопытными обстоятельствами. На тот момент Ли был выдающимся полководцем, но его основной оппонент, Чхве Ён, превосходил его и по возрасту, и по опыту, и по популярности. Однако, в 1388 г., когда минский Китай заявил претензии на северные территории Корё, Чхве отдал приказ о походе на Китай. Ли Сон Ге, который был его заместителем, был против, но был вынужден подчиниться приказу. По пути на Север солдаты терпели лишения, а агенты Ли Сон Ге активно разжигали в них мятежный дух. В результате армия так и не дошла до китайской границы, взбунтовалась и перешла под контроль Ли, который таким способом удачно разделался с основным противником.

Ли и его семья, активно потворствующая его замыслам, пыталась получить одобрение конфуцианских ученых на смену режима,- соглашались не все, и

²⁵ The Passing of Korea, стр. 80

ученый Чон Мон Чжу, погибший за свою преданность династии Корё и убитый кувалдой на мосту Сончжук в Кэсоне по приказу сына Ли Сон Ге, стал символом нестигаемости, когда облек свой отказ в форму стихотворения:

Моё тело может умереть сотню раз,

Мои кости превратятся в пыль, а душа исчезнет.

Но моя непоколебимая преданность не умрет никогда.

Династия Ли (1392-1910)

При новой династии государство было снова названо Чосон, а столица перенесена в Хансон / Ханъян, получивший в конце XIX в. в народе название Сеул, т. е. «столица». Хотя официально это название за городом закрепилось только в 1946 г.

Династия Ли продержалась у власти 518 лет - период правления, сравнимый разве что с правлением японской императорской династии или годами правления Корё (475 лет). Такой долгий срок историки обычно делят на две части: ранний период и поздний период. Границей между ними является Имджинская война 1592-1598 гг.

Интересного и поучительного в течение этих лет было много, и династия Ли видела разных правителей²⁶, но излишнее углубление в детали ранней истории государства Чосон чревато еще одной книгой. Поэтому, к некоторому сожалению, придется рассказывать вкратце.

Первые правители династии Ли учли ошибки правителей Корё и сразу же начали курс на централизацию власти и окончательную китаизацию бюрократического аппарата²⁷. Была окончательно сформирована система государственных экзаменов, при которой к ним допускались лишь члены семей

---

²⁶ Можно вспомнить и вана Седжо, пришедшего к власти в результате дворцового переворота и изведшего своего малолетнего племянника, и вана Ёнджо, который заточил своего сына-шизофреника в ящик для риса за асоциальное поведение и проявление сыновней непочтительности после того, как тот отказался покончить с собой.

²⁷ Более подробно о том, что представлял собой традиционная структура власти и общества в конфуцианском культурном регионе и чем корейская версия отличалась от китайской, см. в след. главе.

янбанов, и составлен унифицированный судебный кодекс *Кёнгук тэджон*. (1474 г.). Заново составлен земельный кадастр и издан Закон о земле, согласно которому чиновники получали право на ренту - налог со служебного надела в соответствии с рангом и должностью.

Господствующей религией/идеологией стало неоконфуцианство в трактовке Чжу Си, и потому некоторые историки отсчитывают окончательную китаизацию Кореи только с этого времени. Буддизм утратил господствующее значение и имел очень низкий социальный статус: монахам было запрещено входить в столичные города, и формально на социальной лестнице они находились на одной ступеньке с мясниками, рабами, актерами и проститутками. Конфуцианские же нормы стали более жесткими. В частности, был запрещен практиковавшийся ранее повторный выход замуж.

Расширялись посевные площади за счёт новых земельных участков, внедрялась система высадки рисовой рассады (что повышало урожайность), распространялась новая культура — хлопок (ввезён из Китая в конце XIV в.).

Исчезла и проблема японских пиратов. В 1417 г. корейский флот совершил рейд на остров Цусима, где располагалось большинство пиратских баз, и уничтожил врага в его логове. Собственно, примерно до XVI в. Корея не уступала Японии по уровню экономического и культурного развития, а, по мнению ряда историков (не только корейских), даже превосходила ее. Япония импортировала корейское зерно и первой извинялась за действия неподконтрольных властям *вако*. Именно Корея устанавливала «правила игры» в дипломатических отношениях.

Вообще, следует отметить, что этот остров, неоднократно игравший роль моста в корейско - японских отношениях, находится гораздо ближе к Корее, чем к Японии (в хорошую погоду его видно с побережья), и потому резонно предполагать, что он находился не только под японским, но и под корейским влиянием. Есть даже весьма спорная точка зрения А. Мансурова, который полагает, что факт такой карательной экспедиции подтверждает то, что Цусима

был скорее вассалом Кореи, чем территорией Японии.

В XV столетии в Корее появляются первые крупные труды по истории и географии, - например, история династии Корё (*Корёса*), фундаментальная географо-историческая энциклопедия *Тонгук ёджи сынным* и энциклопедия национальной музыки *Акхак квебом*. Некоторые из этих изданий, особенно конфуцианские тексты для высшей конфуцианской академии (*Сонгюнган*) и летописи каждого королевского правления (*Силлок*), печатались с применением подвижных металлических литер, первый достоверный факт использования которых относится к 1403 г. (заметим, куда раньше чем в Европе!).

Практические потребности, связанные с развитием сельского хозяйства, дали толчок развитию агрономии, астрономии и метеорологии. Так, были сконструированы приборы для определения географических координат по небесным светилам, дождемер, различные типы водяных часов и пр.

Своего зенита династия Ли достигла в правление Седжона Великого (1418-1450), при котором Чосон достигла больших успехов в политике, науке культуре, религии. В 1432 – 1449 гг. произошло последнее значительное изменение границ Кореи. Корейские войска, оттеснив на север чжурчжэней, заняли и присоединили к Корее правый берег реки Туманган. При Седжоне же была окончательно установлена модель отношений с Китаем: фактическая независимость Кореи при формальном признании китайского императора. В его же правление был изобретен национальный алфавит *хангыль*.

Главной заслугой Седжона считается создание национального алфавита, составленного в 1446 г. под его руководством. Распространение *хангыля* придало импульс развитию корейской литературы, хотя в учебных заведениях и делопроизводстве предпочтение отдавалось китайскому иероглифическому письму. До конца XIX в. корейское письмо было языком женщин, простонародья и военных шифров – ведь иероглифы на Дальнем Востоке были доступны всем.

С другой стороны, тенденции, связанные с внутренними междоусобицами,

тоже никуда не делись. Последние годы правления Ли Сон Ге были омрачены усобицей между его детьми. Под конец правления он назначил наследником своего шестого сына Ли Бан Сока, однако в 1398 г. предыдущий кандидат Ли Бан Вон двинул на столицу свои войска, учинив смуту и убив своих конкурентов. Сыновняя непочтительность оскорбила *вана* настолько, что он покинул свою резиденцию в столице и в течение десяти лет обитал в Хамхыне, а фактически захвативший власть его сын Ли Бан Вон управлял страной от его имени, посылая к отцу парламентеров, которых тот расстреливал из лука. Стрела была пущена и в Ли Бан Вона, однако когда старик промахнулся, он выпустил следующую стрелу, привязав к ней государственную печать²⁸.

Дальнейшие проблемы были связаны с тем, что, несмотря на формально наделную систему, практика наградных земель, передаваемых в частное пользование, ускорила рост крупного частного землевладения, что привело не только к дальнейшему усилению феодальной эксплуатации, но и к началу вмешательства в политику «сильных людей». Центрами кристаллизации для таких сил стали так называемые «храмы славы» - *совоны* (мемориальные храмы предков или конфуцианские академии).

С XV в. центральная власть снова ослабляется из-за противоречий внутри правящего класса, выразившихся в борьбе придворных фракций. В 1498, 1504, 1519 и 1545 гг. слой образованных граждан подвергся четырем чисткам (*сахва*, букв. «убийства ученых»), когда соперничающие клики боролись за право управлять страной.

Первоначально фракционная борьба развивалась между «заслуженными сановниками», тесно связанными с обстоятельствами восхождения династии на трон, и провинциальными учеными (*саримами*), из числа незнатных дворян. Группировавшиеся вокруг «храмов славы» (кор. *совон*) *саримы* подвергали критике правительственную администрацию и играли активную роль в политической борьбе, выступая в качестве блюстителей конфуцианских нравов и

---

²⁸ Cumings B. Korea's place... P. 46.

пытаясь влиять на состав центрального правительства через своих представителей в Сеуле.

Подобно религиозным спорам в Средневековой Европе, где противоречия между различными политическими группировками внешне выглядели как дискуссии теологов относительно тех или иных обрядов или вопросов организации церкви, борьба феодальных партий в Корее внешне также носила характер споров по доктринальным вопросам. Например, весьма распространенной и болезненной темой было, сколько должен длиться траур по королеве-матери, если до того, как родить царственного ребенка, она не имела высокий придворный ранг либо пала жертвой интриг (иными словами, считать ли ее прижизненный статус или приравнять к королеве).

В тяжелой борьбе *саримы* захватили власть и в 1567 г. установили окончательный контроль над государственным аппаратом. Однако вскоре они сами раскололись на партии, причем партии эти носили названия, не связанные с какими-то программами: вначале это были появившиеся в 1575 г Восточная и Западная партии, названные так потому, что глава одной из клик жил в восточной части столицы, а глава другой — в западной. Потом Восточная партия раскололась на Северную и Южную, а Западная уже в 1683 г. — на Стариков и Молодых. И хотя дискуссии между ними по-прежнему оформлялись как доктринальные споры конфуцианских ученых, мотив личной выгоды был общепонятен.

Интересна и эволюция *совонов*, которые довольно быстро стали получать значительное количество свободной от налогов земли и крепостных. К концу XVI в. *совонов* насчитывалось 124, и их число постоянно росло. В результате по сути *совоны* оказались в той политической нише, которую в Корё занимали буддистские храмы.

Масштабы фракционной борьбы были чрезвычайно велики, и в «лучшие годы» соперничества феодальных клик в домах семей, участвовавших в политической борьбе, вешивали одежды репрессированных, которые

полагалось убирать только тогда, когда представители противоположной группировки получили свое: за смерть полагалось платить смертью, за ссылку – ссылкой.

Жертвами интриг пала большая часть политиков и философов того времени. Однако не стоит предполагать, что по своей изощренности корейское искусство политической борьбы (*танчжэн*) было сродни византийскому или позднеитальянскому. Увы, никаких сложных интриг в стиле Борджиа в Корее не было. Искусство избавляться от оппонентов в основном сводилось к писанию многочисленных доносов.

На фоне профессиональных интриганов стоит отдельно отметить разве что выступившего с идеями разумного государственного управления. Чо Гван Чжо (1482—1519), который выдвигал более развернутую программу реформ с целью укрепления закона и государственной власти. В частности, отстаивая превосходство закона над людьми, он ратовал за укрепление позиций цензората как контрольного органа, призванного надзирать за чиновниками, контролировать их деятельность, а также давать советы *вану* с точки зрения соответствия его поведения конфуцианским нормам. Впрочем, учитывая, что на тот момент Чо Гван Чжо был как раз главой цензората, не просто сказать, насколько его искреннее желание улучшить положение дел было связано с желанием укрепить собственную власть.

Такую ожесточенность борьбы властных клик между собой некоторые историки даже выделяют как специфическую характеристику корейской политической культуры. Как станет видно ниже, эта трактовка вполне имеет право на существование.

Ухудшение положения крестьян привело к росту крестьянских выступлений. Крестьяне убегали в горы и на острова либо создавали вооружённые отряды (в 1467 под руководством Ли Си Э в провинции Хамгильдо, современная провинция Хамгёндо, и др.). Во второй половине XVI в. имел место ряд восстаний крепостных (*ноби*) в провинциях Кенсандо и Чхунчхондо.

Наиболее известным из крестьянских отрядов того времени был отряд Лим Ккокчона, совершавший в 1560-1562 гг. нападения на имения феодалов и правительственные учреждения.

Кризис усугубила Имджинская война (1592-1598), когда объединивший Японию Тоётоми Хидэёси двинул свои армии на завоевание всего остального известного ему мира. Существует тезис о том, что Хидэёси нужно было как-то задействовать большое количество хорошо подготовленных воинов, которые после объединения страны оказались своего рода балластом, но среди аргументов самого Хидэёси в пользу вторжения были и такие: из-за своего географического положения Корея является очень удобным плацдармом не только для нападения Японии на Китай, но и «кинжалом, направленным в сердце Японии». Следовательно, этот регион надо держать под контролем.

Оставив в стороне собственно ход войны, закончившейся провалом японской агрессии и внесшей в корейскую историю достаточно примеров стойкости, доблести и героизма, хочется обратить внимание на два момента. Во-первых, такая полномасштабная агрессия надолго сформировала для корейцев образ Японии как врага, ибо после длительного мира она стала первой серьезной угрозой корейскому суверенитету. Во-вторых, наряду с партизанским движением Ыйбён²⁹ и действиями корейского флота под командованием адмирала Ли Сун Сина³⁰, применившего новую тактику морского боя и так называемые корабли-черепахи (*кобуксон*), немаловажную роль в этой войне сыграла военная помощь

---

²⁹ Хотя средний срок существования партизанского отряда составлял 2-3 месяца, тем не менее, пока японский авангард воевал в северной глуши, основные силы японской армии были отвлечены на изматывающую и бесплодную антипартизанскую войну.

³⁰ Присоединив к своей флотилии остатки других, разбитых японцами в начале войны, командующий одной из флотилий провинции Чолла Ли Сунсин, человек выдающихся военных талантов, начал свои действия по тылам противника и до девятого месяца провел 4 крупномасштабных военных операции, в результате которых японский флот был практически выведен из строя. Корейские моряки превосходили японских в боевой выучке и в количестве артиллерийского оружия, а корейские «корабли-черепахи» (кобуксоны) просто не имели аналогов.

Оставшиеся без поддержки с моря и лишённые связи с Японией, сухопутные силы захватчиков начали быстро сдавать. И хотя на втором этапе войны благодаря умелой интриге японцев и грызне между феодалскими «партиями» полководца лишили его поста и чуть было не казнили, после чего корейский флот был практически полностью уничтожен, вернувшийся к командованию Ли сумел снова разгромить десятикратно превосходящего противника в сражении в Мённёнском проливе.

минского Китая. Появление китайских войск было как закономерным ответом на вассальные отношения корейского *вана* с Китаем, так и на неприкрытые заявления Хидэёси, что Корея – лишь ступень к завоеванию всего остального мира³¹.

Б. Камингс сравнивает значение нападения Японии на Корею с покорением Англией Ирландии (только в данном случае «Ирландия выстояла») и считает страшной ту цену, которую Корея заплатила за свою независимость и нынешний ход ее истории вообще³². Страна была истощена, большое количество гражданского населения было или убито, или угнано в Японию, которая после этого опередила Корею в социально-экономическом развитии. Впрочем, война принесла страшные потери не только Корее, но и Китаю, который очень сильно истощил свои силы и ресурсы, став из-за этого легкой добычей для маньчжуров.

Тем не менее, Импджинская война не стала толчком для серьезных преобразований, и с начала XVIII в. страна погрузилась в период застоя. Сыграла свою роль и смена власти в Китае после того, как китайская династия Мин сменилась маньчжурской династией Цин (1644-1912).

Вначале Корея пыталась оставаться нейтральной, и *ван* Кванхэ-гун пытался договориться с Нурхацци. Трезвомыслящий политик, он понимал, что минская империя находится в упадке, и что вокруг его страны складывается новый баланс сил. Однако, в 1623 г. в результате дворцового переворота к власти пришла проминская партия, после чего дело быстро дошло до войны.

Первое вторжение маньчжуров в 1627 г. прошло по, можно сказать, монгольской схеме, однако со второй попытки в 1636 г. маньчжуры практически сразу же заняли о. Канхвадо, где захватили семьи короля и высших чиновников, и бежать *вану* было некуда. К тому же, в их руках оказались священные таблички с

---

³¹ Здесь отчасти понятно, что, говоря о втором этапе Импджинской войны, который европейские историки часто воспринимают как японско-китайскую войну на корейской территории, они бессознательно сравнивают ее с Корейской войной 1950-1953 гг., когда на корейской территории де-факто воевали Китай и США. Это связано еще с тем, что на переговорах 1593-1597 гг. впервые возникла идея раздела страны на сферы влияния.

³² Cumings B. Korea's place... P. 77.

именами предков, и в начале 1637 г., несмотря на наличие значительных вооружённых сил в районах, не занятых маньчжурами, *ван* сдался.

Так Корея стала вассалом цинской империи, и корейские воинские подразделения даже принимали участие в столкновениях с первыми отрядами казаков-землепроходцев. Однако в целом ориентация на Китай как сюзерена стала носить более формальный характер, так как корейский двор считал, что истинное конфуцианское наследие сохранилось только в Корее, и намеренно сохранил у себя церемониал и форму минской династии. Конфуцианский ученый Сон Си Рёль вообще обосновал тезис, согласно которому со времени падения минской династии Корея представляла собой «малый Китай» и потому должна сохранять его наследие. Конфуцианские неоконсерваторы конца XIX в. (Ли Хан Но, Чхве Ик Хён и другие) даже датировали свои послания трону по годам правления последнего императора династии Мин, выказывая тем самым неприятие маньчжуров³³.

XVII-XVIII вв. оказались для Кореи мирным временем, когда страну не сотрясали войны и какие-либо масштабные внутренние перипетии. Одновременно это было время больших изменений в корейской экономике, политике, общественной мысли.

В этот период наблюдались заметные сдвиги в социально-экономическом развитии Кореи, внедрялись новые культуры (табак, перец, батат, томат и др.), агротехника. Началось культивирование женьшеня, более широкое распространение получили технические культуры (хлопок и др.), а также выращивание овощей. С XVII в. рис уже не высевали семенами, а стали высаживать рассадой. В результате произошло значительное повышение урожайности этой культуры.

Выращивание новых сельскохозяйственных культур позволило увеличить площадь реальных сельскохозяйственных угодий за счет вовлечения в оборот склонов холмов и гор, не пригодных для выращивания риса. Следствием этого

---

³³ Тягай. Г. Д. Формирование идеологии национально-освободительного движения в Корее. М., 1983. С. 54.

стало стремительное увеличение населения Кореи. Только за XVII столетие численность населения Кореи возросла в 6 раз. Выросло городское население (в Хансоне, например, с 1657 по 1807 гг. число жителей увеличилось более чем в 2,5 раза). Возросла роль свободного ремесла в городе и деревне. Возникали многочисленные местные рынки и крупные торговые центры общекорейского значения — Пхеньян, Хансон, Кэсон, Тэгу и др. Торговый капитал начал проникать в производство (частные рудники по добыче золота, серебра и меди).

Рост населения имел важнейшие последствия для всего корейского общества, определив прежде всего процессы социального расслоения. Развитие товарно-денежных отношений привело к усилению феодальной эксплуатации (государство вводило новые налоги, расширяло ростовщические операции). В 1608 г. был введен единый рисовый налог *тэдонми*, что, впрочем, не исключало существования некоторых дополнительных поборов. Росло частное землевладение, для противодействия которому (и для предотвращения разорения крестьян) правительство усилило значение государственного кредитования (система «возвратного зерна», *хвангок*). Ухудшение положения крестьян вело к восстаниям. Назревала необходимость более серьезных реформ.

Борьба «партий» тоже не прекращалась. Но с 1728 г., ван Ёнчжо (1724-1776) стал проводить осознанную политику прекращения борьбы «партий» и уменьшения их влияния при дворе. Период правления Ёнджо и его преемника Чонджо ознаменовался реформами, которые привели к облегчению налога с крестьян некоторых категорий и к повышению статуса неполноправных, и общим подъемом культуры. Новая придворная библиотека (*Кюджангак*) способствовала созданию такого труда, как *Тэджон тхонпхён* (Полный свод законов). Были составлены антологии китайской и корейской поэзии.

Однако же фактическое прекращение борьбы «партий» к концу XVIII столетия совсем не означало исчезновения придворных группировок, которые сохранились, но формировались уже по несколько иным принципам, нередко с

доминированием связей по линии семьи и общности родных мест. В начале XIX столетия борьба феодальных партий окончательно уступила место борьбе семейных кланов, влияющих на политику посредством выдачи замуж за молодых государей своих представительниц, и, начиная с 1800 г., на троне последовательно находилось четыре короля-ребенка, при которых власть принадлежала кликам, контролирующим вана через его жену.

Приблизительно с конца XVIII в. в Корее появились признаки разложения феодальных отношений. Это проявлялось и в подрыве натурального хозяйства, и в начавшемся распаде сословного строя. Участились антиправительственные восстания. Отдельные волнения начала XIX в. переросли в крупное крестьянское восстание в провинции Пхёнандо в 1811—1812 гг. под руководством Хон Гён Нэ. В 1833 г. вспыхнуло восстание горожан в столице из-за дороговизны зерна. В 1862 г. произошло свыше 20 крестьянских восстаний.

Вот мы и подошли вплотную к началу правления Тэвонгуна, однако, для полного понимания ситуации нас ждет не только «краткое содержание предыдущих серий», но и еще две вводные главы, одна из которых повествует о конфуцианской модели государства и ее корейском варианте, а другая, - о разнообразных предпосылках перемен.

Глава вторая, в которой разъясняются особенности конфуцианского государства и его корейской модели

Суть конфуцианского государства

Перед тем как начать рассказ о вхождении Кореи в новый век, когда ее политическая традиция стала испытывать активное внешнее влияние, естественно будет подробно рассказать о том, как выглядел ее традиционный, канонический вариант.

Историки и политологи по-разному группируют характерные черты корейской политической системы, но они едины в том, что она, безусловно, складывалась **под влиянием традиции конфуцианского культурного региона.**

Конечно, о конфуцианстве¹ можно рассказывать много, и я заранее отсылаю интересующихся к работам таких специалистов, как Л. С. Переломов и А. Г. Ломанов. Здесь я лишь немного скажу о нем с системной точки зрения.

Как и большинство этических учений Дальнего Востока, конфуцианство уделяло меньше внимания метафизике и концентрировалось на вопросах улучшения управления государством и жизнью народа. Ориентируясь на Золотой век прошлого, конфуцианцы пытались создать некий универсальный регламент правил поведения, привязанный к надлежащему исполнению определенных социальных ролей. Эти роли были сведены к пяти основным типам взаимоотношений квази-семейного типа (начальник – подчиненный/ государь – подданные, отец – сын, муж – жена, старший брат – младший брат и просто друзья)².

---

¹ Здесь, правда, надо еще раз напомнить, что конфуцианство не едино и в процессе своей эволюции заимствовало достаточное количество доктрин его противников, многие из которых, по мнению Л. С. Переломова (особенно активно он в связи с этим критикует деятельность Чжу Си), извратили сущность этого этического учения и превратили его в идеологию режима.

² Заметим, что осознание похожих моделей есть и в нашем обществе. Рассуждения о том, что «когда секретарша становится любовницей, она редко остается хорошей секретаршей» или «хочешь потерять друга – дай ему денег в долг» (вариант: «сделай его своим бизнес-партнером») тоже говорят о том, что определенные модели отношений не следует смешивать. По сути, это всё то же «правитель должен быть правителем, подданный подданным, отец – отцом, а сын – сыном».

Отталкиваясь от подобных моделей, конфуцианцы как бы пытались написать инструкцию на все случаи жизни, чтобы столкнувшись с любой коллизией, благородный муж знал способ ее разрешения. А чтобы такая система могла воспроизводить себя, они серьезно вложились в создание системы образования, во многом построенного на заучивании определенных паттернов и элементов. К этому добавлялась концепция меритократии, согласно которой любой талантливый человек имел бы теоретическую возможность сдать экзамены и стать чиновником.

В результате, говоря о конфуцианской политической культуре, можно выделить несколько ее характерных черт.

Представления об идеальном Порядке и Гармонии связаны не с горизонталью всеобщего равенства, а с вертикально организованной системой, выстроенной на каркасе описанных выше иерархических взаимоотношений, - равенство в общении предполагается только между друзьями. Таким образом, лозунг «Все люди – братья!» имеет иное наполнение, поскольку отсутствует абстрактное понятие «брат»: есть братья старшие и братья младшие. Требования полного равенства воспринимались как хаос и анархия, для недопущения которой следует идти на любые жертвы.

Следует отметить, что иерархичные отношения накладывают обязанности на **обе** стороны. Младший в паре обязан слушаться старшего, старший обязан заботиться о младшем. Даже кража у родственников считается менее серьезным проступком, так как признается, что родственники имеют моральную обязанность помогать друг другу³.

Государственное устройство тоже воспринимается через призму семьи. С моральной точки зрения отношения между правящими кругами и населением представляют собой взаимоотношения послушных детей и заботящихся об их благе родителей.

---

³ Переломов Л. С. Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. М., 2007. С. 183

Основной ценностью государства считаются стабильность и гармония. Поддержание таковых является более важной целью, чем индивидуальные блага отдельно взятого подданного, и обеспечивается сильной центральной властью. Статус правителя основывается на принципе Небесного мандата. Эта концепция, изложенная Чжоу-гуном при основании династии Чжоу и доработанная Мэн-цзы, утверждала, что право на управление Поднебесной тот или иной клан получает по воле Неба в награду за свою мудрость и моральные качества. Император подотчетен непосредственно Небу, которое выражает свое удовольствие или неудовольствие через природные явления или общее социальное состояние народа. Однако, в отличие от европейской доктрины «божьего помазанника», легитимность правящего дома не вечна, и утративший мандат правитель должен быть низложен и заменен более достойным. Рано или поздно происходит моральная деградация династии, и тогда Небо решает сменить ее, возведя на престол новую семью. Падение династии, таким образом, служит наглядным подтверждением ее нелегитимности.

Правда, институциональный метод объявления того, что правитель утратил мандат Неба, отсутствовал. Таким образом, есть у правителя мандат или его нет, определялось, по сути, в борьбе между этим правителем и претендентом на его трон. Соответственно, сильный лидер мог обладать мандатом вне зависимости от явного проявления «небесного неудовольствия». Успех делал мятежника правителем, неудача – злокозненным предателем. В соответствии с этой концепцией задним числом было выдуманно объяснение, согласно которому, если правитель не пользовался поддержкой народа или был свергнут, он считался утратившим мандат.

Но от легитимной и достойной своего места династии Небо не отворачивается по определению. У носителя Небесного мандата не может быть принципиальной оппозиции, деятельность которой направлена на изменение существующего миропорядка. Считается, что обладающий мандатом правитель как носитель сакральной власти, данной ему волей Неба за его выдающиеся

моральные качества, теоретически абсолютно прав и знает, что делает. Как отмечает Л. С. Васильев, конфуцианство никогда не рассматривало государство вне государя, и преданность государству означала лояльность династии.

Правитель как главный распределитель Благодати наделен значительным количеством сакральных функций, но от него требуются решительные действия по ее насаждению. Достоинства правителей законы оценивали по тому, как «процветает земледелие, растет податное население, преуспевают школы, совершенствуется военное дело, равномерно распределяются налоги и повинности, сокращаются судебные тяжбы и прекращаются мошенничества»⁴.

Именно поэтому проводящий половинчатую политику мягкий и нерешительный правитель пользуется меньшим уважением, чем жесткий и решительный диктатор, так как внимание акцентируется не столько на страдания народа в его правление, сколько на то, к чему это правление привело страну. Правда, действия правителя должны однозначно восприниматься как комплекс мероприятий по установлению гармонии или, во всяком случае, должны быть обоснованы подобным образом. Как следствие этого, этическому обоснованию тех или иных поступков и морализаторству в политике уделяется больше внимания. Это этическое восприятие политики проявляется в оценке политических действий с точки зрения морали и определяет гармонизацию общества как цель развития государства.

Следует помнить, что на Дальнем Востоке компетентность государя действительно отражается на экономике более явно, чем в Европе. В условиях «азиатского способа производства», при котором государство является главным собственником земли, урожай, как правильно подметил К. Маркс, «...также зависит от хорошего или дурного правительства, как в Европе - от хорошей или дурной погоды»⁵.

Поливное рисоводство – очень сложный технологический процесс, который требует не только координации усилий всех в масштабе государства и

⁴ История Кореи. С древнейших времен до наших дней. Т.1. М., 1974. С. 174.

⁵ Маркс К. Британское владычество в Индии. <http://helgg.narod.ru/Library/India.htm>

подчеркивает необходимость сильной центральной власти, способной поддерживать в порядке ирригационную систему, но и формирует групповую психологию, исключая вариант «хутора», хозяин которого независим и ведет самостоятельное хозяйство. Таким образом, возможности для возникновения гражданского общества изначально меньше, ибо как правило, оно возникает, когда в своей повседневной деятельности индивиды вполне могут «обойтись» без государства, не чувствуя его поддержки и не считая себя ему обязанными.

Более того, характерное для европейской модели противостояние интересов гражданского общества и государства (притом, в условиях демократии данный конфликт однозначно должен решаться не в пользу государства) в корне противоречит политической системе и традиции конфуцианского общества. Принцип единства интересов и социальной гармонии не допускает борьбы и судебного решения конфликтов между обществом и государством, все решения здесь достигаются путем поиска консенсуса⁶.

Что же касается государственного регулирования экономики, которое считается характерным для авторитарных режимов, то идея регулирования правительством всего народного хозяйства встречается еще в «Гуань-цзы», и даже такие революционеры-демократы как Сунь Ятсен, не считали вмешательство государства в экономическую жизнь и государственное регламентирование распределения чем-то неправомерным.

Вынужденное существование в рамках группы формирует систему ценностей, основанную на превалировании общества над человеком и коллектива над индивидом. Основное внимание уделено правам всего общества, поддержание которых обеспечивает социальную стабильность. Как отмечает И.А. Толстокулаков, «Запад подчеркивает приоритет прав, Восток – обязанностей и долга»⁷.

---

⁶ Толстокулаков И. А. Политическая модернизация Южной Кореи. Часть 1. Гражданское общество. Владивосток, 2007. С 176.

⁷ Там же. С. 183

Конфуцианская политическая культура исключает такие либеральные элементы политической традиции, как права личности, гражданские свободы, плюрализм и местная автономия и относится к ограничению индивидуальной свободы человека гораздо более спокойно, чем демократия западного толка. Европейское понятие «свобода», по сути, отсутствует. Если мы внимательно проанализируем те иероглифы, из которых состоит слово, обычно переводимое как «свобода» (кор. *чаю*), мы поймем, что буквально они означают «вольность» или «самоопределение».

Меритократия тоже является одной из главных составляющих конфуцианской политической культуры. На Дальнем Востоке основным критерием для обретения власти было не аристократическое происхождение, а необходимый уровень духовных заслуг, проявляющийся в эрудированности и образованности. Личные качества были важнее родовитости, и теоретически любой крестьянин мог сдать государственные экзамены и стать чиновником, из которых и состояла основа господствующего класса. Отсюда, кстати, повышенное внимание к образованию⁸, как к средству самосовершенствования и как к способу подняться вверх по политической лестнице, а также упор на создание человека нового типа не столько через изменение внешних условий, сколько через изменение его ментальности посредством политической индоктринации. Так как, в отличие от легистов, конфуцианство после долгих внутренних дискуссий пришло к идее, что человек по своей природе скорее добр, нежели зол, образование должно было служить способом наставления индивида в правильном направлении.

Правда, со временем содержание образовательного процесса начинает выхолащиваться, и вместо практического знания требовалось просто заучивать наизусть тексты и помнить образцы, которым надо следовать. Типичный

---

⁸ И снова уточним. Не следует считать, что в конфуцианстве присутствует культ образования как книжного знания. Конфуций не говорил о том, что каждый должен получить университетское образование. Речь шла о том, что надлежит найти свое место в жизни, и это место в жизни, естественно, зависело от социального слоя, к которому принадлежит человек.

конфуцианский ученый не осмеливался заняться творческим поиском, ограничиваясь интерпретацией, анализом и комментированием классиков.

С этим же связано большее внимание к контролю сознания. Если для европейца и особенно американца важно «право на мысль» (вспомним известное изречение Вольтера), то китайский ответ на это – правильное мышление, отражающее представления совокупного общественного блага, символом которого является «сборник высказываний», будь то труды Мэн-цзы или цитатник Вождя.

Важным моментом конфуцианской концепции государства является и то, что оно основано не на идее главенства закона, а на идее главенства достойных людей, которые управляют страной сообразно со своими высокими моральными принципами. Конфуцианский правитель «правит не законом, а личным примером», и государство рассматривает как естественный институт поддержания общественного порядка и социальной иерархии, а не как «договор между правителем и народом». Европейская концепция закона как сочетания прав и обязанностей отсутствует, и судебная функция государства воспринимается как система репрессивных действий. Это очень четко видно даже по этимологии: если латинское слово «юстиция» означает «справедливость» и предполагает, что закон предназначен для установления справедливости или защиты прав личности, то орган, выполнявший сходные с министерством юстиции функции в дальневосточной государственной системе, именовался «министерством наказаний» (кор. хёнбу).

Не последняя роль в низведении прав человека на второстепенные позиции играет особое понимание идеи социальной «справедливости», заключающееся в поддержании гармонии и общественного мира, которому могут угрожать индивидуалистические устремления по европейскому примеру»⁹. И. А. Толстокулаков отмечает принципиальную разницу в содержании понятия «справедливость» в Европе и на Дальнем Востоке. В конфуцианской парадигме

---

⁹ Толстокулаков И. А.. Политическая модернизация Южной Кореи. Часть 1. С. 175.

понятия «справедливость» отсутствует идея социального равенства и равных возможностей для всех, а этический аспект преобладает над социальным¹⁰. То же самое касается понятий «долг», «совесть», «права», «обязанности» и т. п.¹¹

При этом значительную роль во взаимоотношениях человека и системы играет моральная заинтересованность. Стремление к получению материальных благ любой ценой воспринимается с пренебрежением (торговец в традиционной системе в табели о рангах стоял ниже, чем крестьянин), а наиболее престижная работа не всегда является наиболее высокооплачиваемой (как, например, партийные должности в Советском Союзе). Оплата труда функционера системы осуществляется не столько в денежной форме, сколько в форме повышения статуса или привилегий, позволяющих ему подняться на более высокий уровень. Такая регламентация часто встречается в дальневосточном обществе, где в древности вообще устанавливались четкие рамки, указывающие, кто и во что должен одеваться, какого размера иметь дом и так далее. Некоторые исследователи, как российские, так и корейские, специально отмечают «антиматериализм» как один из составных элементов конфуцианской политической культуры.

С другой стороны, «азиатская концепция прав человека», если считать таковой обязанности государства по отношению к подданным, уделяет большее внимание свободам не политическим, а экономическим (работа, должный уровень благосостояния, жильё), гражданским (личная безопасность человека в обществе) и социальным¹².

Определенный изоляционизм тоже можно назвать деталью конфуцианской структуры мира, предусматривающей ограничение поездок за рубеж и контроль (а иногда и репрессии) в отношении чужестранцев, оказавшихся на территории страны. Таковой связан с геополитической моделью мира, где нет системы

¹⁰ Толстокулаков И. А. Развитие демократического процесса в Южной Корее в период VI Республики. Владивосток, 2003. С. 42.

¹¹ Последнее представляется мне чрезвычайно важным, так как введение этих понятий в конфуцианскую парадигму без дополнительного разъяснения того, какой смысл в них вкладывается на Западе, может привести к тому, что в сознании масс западные понятия будут наполняться их традиционным восточным содержанием.

¹² Толстокулаков И. А.. Политическая модернизация Южной Кореи. Часть 1. С. 184.

равноправных акторов (таковая исследуется только применительно к периодам борющихся царств), но существует Срединное государство – империя, которая распространяет благодать на окружающие страны и народы, и у этой благодати есть единственный источник в лице императора.

Наконец, очень важно то, что в мировоззрении конфуцианцев не было такого понятия, как «материальный прогресс». История понималась ими как циклическая смена состояний гармонии и хаоса, исторический процесс интерпретировался исключительно с точки зрения усиления или ослабления роли морали, а идеал находился в прошлом. Последнее, увы, сыграло свою роль при столкновении с техническим прогрессом, важность которого была понята отнюдь не сразу.

Ясно, что, как и везде, между нормативной этикой и ее применением на практике был значительный разрыв, и добросовестное выполнение этических норм обычно не сочеталось с успешной карьерой¹³. Но если на Западе коррупция не только уголовно наказуема, но и общественно порицаема (в теории), на Дальнем Востоке отношение к коррупции неоднозначное. С одной стороны, с ней всегда боролись, и пойманный на взятках чиновник всегда подвергается общественной обструкции, с другой – традиция «дополнительного поощрения» очень сильна. Однако эта коррупция является не столько подмазыванием европейского типа, сколько прикармливанием чиновника с тем, чтобы связать его неформальными отношениями или моральными обязательствами так, чтобы в нужной ситуации он поступил «правильно».

Тем не менее, этот раздел можно смело завершить цитатой из южнокорейского политолога Ли Ин Сона: «Выражаясь кратко, народы, исповедующие конфуцианство, придают первоочередное значение семье, коллективизму, высшему образованию и нравственному самосовершенствованию человека... Пропагандируемый конфуцианством коллективизм в не меньшей мере способствовал тому, что население приоритетное внимание уделяло таким ценностям, как семья, работа, родина»¹⁴.

¹³ Переломов Л. С.. Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. С. 184.

¹⁴ Ли Ин Сонг. Россия и модель развития Восточной Азии // Мировая экономика и международные отношения. М.,

Особенности корейской национальной эндемики

Чосон династии Ли, особенно в последние годы, историки считают наиболее неоконфуцианским государством. Однако корейская традиция имела несколько только ей одной присущих характерных черт, отличающих ее от китайского канона.

Первой такой характерной **чертой** является **более слабое, по сравнению с китайским, политическое лидерство корейского правителя**, из-за которого *ван* был гораздо более стеснен в своих действиях и не имел возможности реализовывать свою абсолютную власть.

Здесь мы сразу отметим одну важную деталь. С формальной точки зрения Корея была абсолютной монархией. Ее отличала более высокая централизация власти, чем в Японии до Реставрации Мэйдзи. При династии Ли не было феодализма в том классическом варианте, который существовал в Западной Европе или Японии. В Корее, как и в Китае, не было частной собственности на землю в европейском понимании этого слова и вытекающих из нее регионализма и децентрализации¹⁵. В конце правления Объединенного Силла «правители замков» существовали, но в дальнейшем тенденция наличия независимых региональных властителей не закрепились, и в эпоху Чосон никаких политических, культурных или экономических центров, кроме столицы, в стране не было.

1997, № 6. С. 123

¹⁵ Централизованная бюрократическая система и классический феодализм, построенный на личной ответственности землевладельца, управляющего своими владениями в обмен на исполнение определенных обязательств по отношению к сюзерену, как правило, не сочетаются. Поясним: на своей земле, особенно при многоступенчатой системе вассалитета, местные власти гораздо больше воспринимают себя как нечто не связанное со структурой в Центре. Отсюда – стремление закрепить такое положение дел, дающее достаточно личной свободы. С этим же моментом связан догмат о правах личности и модель «Государство для человека, а не человек для государства», перетекающая в фундамент для формирования европейской модели демократии. С другой стороны, централизованная бюрократическая система исключает вариант регионального беспредела, и типаж помещика-самодура, который на своей земле и царь, и бог, и воинский начальник, из чего следует некоторое снижение напряженности и отсутствие крестьянских войн европейского типа.

Но реальная власть *вана* как право «делать все, что угодно» была ограничена целым рядом факторов. Обычно среди них выделяют слабую легитимность, ограничивающие короля нормы социального поведения, слабый контроль над ресурсами и политическое соперничество янбанских фракций. С моей точки зрения, ведущую роль играли первые два.

Под слабой легитимностью, в первую очередь, понимается то, что корейский *ван* сам не имел Небесный мандат. Хотя его внутривнутриполитическая активность обычно не встречала препятствий, он считался вассалом китайского императора - единственного владельца мандата, и получал от него инвеституру, каковая воспринималась как финальный этап легитимизации корейского правителя, а не как документ, который приводил его к власти. В Сеуле существовали специальные ворота, находящиеся за чертой города и предназначенные для встречи специальных посланников в том случае, если *ван* не ездил в Китай сам.

Также следует помнить, что титул «ван» соответствует не столько королю, сколько герцогу в том смысле, что в рамках китайской системы рангов данный титул имели не только самостоятельные правители окраинных государств, но и младшие принцы императорского дома. В отличие от королевского, титул *вана* сам по себе не указывает на суверенитет.

Отметим, что получение *ваном* инвеституры или лишение ее никогда не было для Китая средством политического давления. С практической точки зрения, Корея была абсолютно независимой в своей внутренней политике, и *ван* мог делать на своей территории все, что угодно, при условии, что он контролирует ситуацию внутри страны и не выказывает нелояльности по отношению к императору.

Не забудем и то, что в традиционной модели не описана четкая система престолонаследия. В отличие от европейского майората, *ван* мог назначить наследником любого из родственников, и только 6 из 27 правителей династии Ли были старшими детьми¹⁶.

---

¹⁶ Breen M. The Koreans. Who They Are, What They Want, Where Their Future Lies. New York, 1998, 2004. P. 91.

Слабость *вана* как политического лидера заключалась и в том, что, формально считаясь абсолютным монархом, он не был свободен от конфуцианских норм поведения и был связан по рукам и ногам серией обязательных ритуалов и предписаний. Традиционный регламент его существования оставлял ему очень мало времени на личную жизнь или развлечения, фактически превращая его в чиновника высокого ранга, венчающего бюрократическую пирамиду. *Ван* должен был неустанно заниматься делами и самообразованием, для чего существовали специальные органы¹⁷. И. Бишоп обращает внимание на то, что он почти не имел личного пространства и частной жизни в европейском понимании этого слова¹⁸ и практически не покидал пределы дворцового комплекса¹⁹.

Возможность кардинально менять что-то в государстве также была ограничена. *Ван* не мог назначить или сместить чиновника без санкции министерства чинов. Даже если отдельный чиновник впадал в немилость при дворе и был репрессирован, его семья могла сохранить свой статус и постепенно вернуть утраченное.

Цензорат мог критиковать деятельность *вана*, Секретариат – управлять содержанием его указов, а Королевские Наставники являлись носителями политической индоктринации молодого *вана*, считаясь высшими авторитетами в вопросах конфуцианской морали. И если с точки зрения ретивого конфуцианского чиновника *ван* пренебрегал нормами морали, дамоклов меч обвинения мог нависнуть даже над ним. Из-за этого контроль *вана* над налогами и трудовыми ресурсами тоже постепенно снижался.

Таким образом, бюрократия не столько проводила в жизнь решения *вана*, сколько превращала его в собственного пленника, хотя при этом формально монарх все же должен был проявлять решительность.

История династии Ли знает несколько сильных и харизматичных

---

¹⁷ Сама по себе идея весьма разумна. Так как политика и благосостояние страны зависят исключительно от правителя, его моральный облик имеет первостепенное значение. А поскольку короля, в отличие от чиновников, не выбирают, его надо правильно обучать.

¹⁸ Korea and her neighbors, p 258-59

¹⁹ Korea and her neighbors, p 341

правителей в начале ее существования, но затем энергичные и деятельные правители сходят на нет, и правитель, который пытался править наперекор традициям, укрепляя свою личную власть, воспринимался конфуцианским чиновничеством как тиран. Интересно, что, как правило, это были те *ваны*, чей приход к власти уже сам по себе сопровождался нарушением традиционного порядка. Ван Седжо столкнулся с противодействием бюрократии из-за особенностей своего прихода к власти и стремился усилить свой контроль над бюрократической системой, однако комплекс проведенных им реформ был отменен последующими правителями.

Двое из корейских королей за свое «аморальное поведение» даже не удостоились посмертного титула *вана* и в историографии так и остались «принцами». Ёнсан заслужил такое, в основном, своей необузданной сексуальностью и политикой террора в отношении конфуцианских ученых, однако его выходки в стиле Людовика XIV были не только проявлением его тирании или психопатического характера, но и желанием продемонстрировать, что король обладает абсолютной властью и имеет право казнить и миловать, как он сам считает нужным, без оглядки на чье-либо мнение. А Кванхэ, из которого необоснованно пытаются сделать аналог Ричарда III, заслужил свою репутацию тирана тем, что пробовал вести самостоятельную внешнюю политику, пытаясь лавировать между династией Мин и маньчжурами и не проявляя должным образом своих обязанностей вассала.

Надо отметить и характерное для корейского конфуцианства явление, при котором сыновняя почтительность (кит. *сяо*²⁰) стала считаться более важной, чем верность (кит. *чжун*), а малоизвестный в Китае трактат «*Сяо цзин*» («Книга о сыновней почтительности») в Корее стал одним из краеугольных камней

---

²⁰ С. О. Курбанов переводит «сяо» как «служение старшим», ибо эта категория распространяется не только на сыновей, но и на дочерей, «почтительность» не всегда означает «служение», а объектом отношений служат не только собственно родители, но предки вообще (как живые, так и умершие), а также – любые «старшие» – от учителя до государя. При этом согласно «*Сяо цзин*», в это понятие входит еще и забота о собственной карьере и месте в жизни, - ведь только так можно прославить своих предков и обеспечить родителям достойную старость. См, в частности, его работу «Конфуцианский классический "Канон сыновей почтительности" в корейской трактовке».

официальной конфуцианской доктрины. В результате характерной чертой корейского конфуцианства стал приоритет сыновней почтительности над верностью государю. Даже отношения государя и подданных воспринимались как «сяо», при этом слабое политическое лидерство корейского вана по сравнению с китайским императором было не единственным следствием этого. Взгляд на страну как на семью не способствовал укреплению вертикали власти, поскольку при сохранении иерархической системы «ближний круг» оказывался важнее, а это провоцировало регионализм, протекционизм, коррупцию и фракционную борьбу.

Л. С. Переломов отмечает, что Конфуций выступал против ситуации, когда при выборе между семьей и государством страдает семья. Точнее, он был против ситуации, когда сын доносит на отца, а жена – на мужа²¹. Классический вариант «Павлика Морозова» считается более легистским подходом, но в разное время этот постулат применялся по-разному вплоть до наказания доносчика, если выяснялось, что тот, на кого он донес, приходится ему старшим родственником. Таким образом, при укреплении общества вроде бы ослаблялось государство. Однако предполагалось, что те, в чьих интересах будет работать данный принцип, а) все же благородны по своим основным мотивациям, б) не будут противопоставлять себя государству.

Слабость двора обуславливала и фракционную борьбу феодальных группировок, и ситуацию, когда влиятельный дворянский клан укреплял свои позиции при дворе, систематически отдавая в жены вану представительниц своего рода. Борьба эта шла за влияние на короля. В течение второй половины правления династии Ли удачный вариант политической карьеры сводился к следующему: успешно пройти государственные экзамены, получить назначение на высокий официальный пост, а затем привлечь внимание короля или поддерживать прочные связи с кем-то из королевской семьи.

---

²¹ Переломов Л. С. Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. С. 124

Вообще, Корею настолько отличает гораздо большая острота и продолжительность фракционной борьбы, что ее впору выделять в отдельный пункт с учетом того, что эта борьба сопровождалась своего рода «фракционной близорукостью», при которой на первом месте были не интересы страны, а обеспечение безбедного существования отдельно взятых фракций, ни одна из которых не была, однако, заинтересована в изменении всей структуры власти. Кроме этого, фракционная борьба вынуждала бояться потери своего места, что провоцировало желание выжать из своей должности максимум власти и доходов, пока ты ее занимаешь.

Некоторые историки, в частности, Г. Хендерсон²², выделяют в качестве особых обстоятельств не только фракционную борьбу, но и более распространенный, чем в Китае, институт советников, исполнявших при правителе не только совещательную, но и направляющую роль. Консультативный орган, состоящий из представителей аристократии, под разными названиями существовал почти всегда. Традиция эта видна со времен Совета старейшин государства Силла. Продолжение ее Г. Хендерсон видит в институте цензората династии Ли, а также в повышенном значении тех элементов бюрократической системы, чья задача состояла в обучении и наставлении короля. Процесс принятия решений в бюрократической системе был коллегиальным и строился на консенсусе. Пожилым сановникам отдавались престижные синекуры, которые позволяли им влиять на выработку решений, усиливая консервативную струю. В результате способность правителя принимать самостоятельные решения была весьма ограниченной, а необходимость дополнительного согласования влекла за собой тот комплекс проблем, который всегда связан с коллективным руководством.

Интересно, что ряд современных историков усматривает в слабости корейского правителя «исторические корни корейской демократии». Представляется, что желаемое выдается за действительное, и здесь мы

---

²² Henderson, Gregory. Korea. The policy of the vortex. Cambridge, London, 1978.

сталкиваемся с вполне конфуцианским способом мышления, направленным на то, чтобы приписать новому элементу политической культуры древние и славные исторические корни. В Корее не было попыток коллегиального управления страной (этой роли не было даже у *Хвабэк*), а слабость центральной власти говорит скорее о несовершенстве аппарата, что не имеет ничего общего с демократией как с традицией народного представительства.

Вторая черта – более высокий уровень корпоративности правящего сословия. Круг людей, имевших доступ к большой политике, был очень ограничен. Силла и Корё были сословными государствами, и даже введение системы государственных экзаменов ситуацию не изменило. При династии Ли население также было разделено на четыре категории: *янбаны*, «средняя прослойка» *чунъин* (что это такое, поясним немного позже), *санмин* (простонародье²³) и *чхонмин* (подлый народ, неприкасаемые). В последнюю категорию входили крепостные крестьяне²⁴ и люди, занимающиеся профессиями, презираемыми с конфуцианских позиций – мясники, сапожники, куртизанки, танцовщицы, буддийские монахи, шаманы, копатели могил. Эта группа занимала самое низкое положение среди других сословий и была ограничена в правах, в присвоении имен и фамилий, в заключении браков и выборе места для погребения²⁵.

Сословные права и ограничения в Корее строго соблюдались вплоть до конца XIX в. В соответствии с сословной принадлежностью регламентировались жилище, пища и одежда - простому народу запрещалось жить в домах больше определённого размера, носить одежду из шелковой ткани и кожаную обувь. Требования янбана должны были выполняться, а представители низших сословий были обязаны при встрече с ним совершить поясной поклон. Несоблюдение этих правил формально влекло за собой наказание.

---

²³ Представители этого сословия являлись лично свободными, имели наделы на государственной земле и поэтому платили налоги и подати государству. Важнейшей их повинностью была воинская.

²⁴ Крепостных могли свободно продавать и покупать. Часть крепостных составляла дворовую прислугу, но большая часть была наделена участками земли.

²⁵ Описание Кореи. Сокращенное издание. М., 1960. С. 351.

Одновременно произошло окончательное слияние аристократов²⁶/дворян и чиновников. *Янбаны* превратились в закрытое сословие и, несмотря на формальный меритократический принцип организации власти, монополизировали право занятия чиновничьих должностей, - даже их незаконнорожденные дети от наложниц (кор. *сооль*) уже не относились к аристократии и не имели права сдавать экзамены на чин.

Новые богачи из более низких сословий старались подделать свои родословные книги, чтобы тоже считаться *янбанами*, ибо только принадлежность к таковым давала им право на карьеру чиновника. Ян Сын Чхоль ссылается на статистические данные, которые говорят о том, что правящая элита составляла примерно 1 % от общей численности населения²⁷.

Янбан имел крайне мало обязанностей. Он должен был вести генеалогические записи своего рода, показывающие его принадлежность к аристократии, в совершенстве знать конфуцианских классиков, правильно выполнять ритуалы и держаться определенных стандартов поведения, в том числе – воздерживаться от физического труда. В определенной ситуации даже его трубку для курения должен был нести слуга.

Янбаны сохраняли свои привилегии следующими методами: эндогамная внутри класса структура брака (браки между представителями различных сословий были запрещены); уже упоминавшийся запрет на занятие государственных постов незаконнорожденными (в отличие от Китая, где они имели на то право); сегрегация (разделение местожительства); контроль системы экзаменов через контроль образовательных учреждений²⁸; дискриминация представителей опальных регионов: историческая традиция часто превращала некоторые области страны в специфические зоны с определенным статусом, жители которых практически не имели шансов занять высокое положение при

---

²⁶ Классическую «аристократию» в европейском понимании составляли все-таки лишь члены небольшого круга знатных кланов.

²⁷ Sung Chul Yang. The North and South Korean Political Systems. A Comparative Analysis. Revised Edition. Seoul, 1999. P. 21.

²⁸ Sung Chul Yang. P. 19

дворе. Так, хотя основатель династии Ли был северянином, однако в оставленных потомкам инструкциях он был против того, чтобы назначать выходцев из его родной провинции Хамгён на руководящие должности, мотивируя это тем, что они слишком честолюбивы и агрессивны²⁹. Другим таким регионом была провинция Чолла.

Для того чтобы пробиться в этот узкий круг, личных связей было недостаточно, а прослойки, способной конкурировать с аристократами, не было. В рамках традиционной политической культуры не существовало ни харизматического лидера, способного подняться «из грязи в князи» только за счет личных качеств, ни такого понятия, как интеллигенция. Сидение в глуши и писание трактатов было времяпрепровождением для тех, кто находился в опале и рассчитывал таким образом привлечь к себе внимание.

О судьбе незаконнорожденных отпрысков знатных фамилий расскажем подробнее. Многие, наверно, помнят фильм «Хон Гиль Дон», повествующий об участии незаконнорожденного сына знатного дворянина. Проблема таких детей была действительно очень важной и очень болезненной, и автор известного широкому читателю «Сказания о Хон Гиль Доне» поплатился головой за это произведение, которое было воспринято наверху как жесткая социальная сатира. Хотя в действительности большинство незаконнорожденных детей *янбанов* уходило не в разбойники или даосские маги, а пополняли ряды так называемых *чунъин*.

Это понятие часто переводят как «средний класс», однако надо знать, что в процентном соотношении они составляли около 1 % населения. *Чунъин* были врачами, переводчиками, юристами и в условиях конфуцианской системы играли роль как бы «технических специалистов», характер знаний которых имел меньший приоритет, чем умение цитировать на память конфуцианские трактаты. Однако по сравнению с аристократами они обладали гораздо более полезным для занятий политической деятельностью комплексом знаний. Вследствие этого

---

²⁹ Henderson, Gregory. Korea. The policy of the vortex . P. 398.

они понимали значение прогресса лучше, чем чиновники-аристократы. При замкнутости страны и ее ориентации на Китай это было не очень видно, но когда страну, наконец, открыли, основная тяжесть контактов с иностранными дипломатами и знакомства с достижениями иностранной культуры легла на плечи именно *сооль*.

К среднему классу кроме *чунъинов* Г. Хендерсон относит и профессиональных военных, а также «клерков» *аджон*, представителей местной администрации, существующей не столько на жалование, сколько за счет взяток и поборов. На региональном уровне до 1945 г. они занимали нишу деревенской администрации и были наиболее коррумпированы. По М. Брину, чиновники, отвечавшие за исполнение наказаний, могли вообще не получать жалование, существуя за счет взяток от родственников жертв³⁰.

Янбаны обращались с *чунъинами* почти как с равными, а «среднее сословие» пользовалось некоторыми привилегиями, - право носить одинаковый с *янбанами* головной убор, освобождение от воинской и натуральной повинностей и т. п.

Бюрократический аппарат, структура которого не особенно менялась со времен Корё, был достаточно развит, и число чиновников в соотношении к общему населению было довольно велико. Ли Ён Хо определяет количество чиновников времен поздней династии Ли в 14 тысяч человек³¹, но есть и более невысокие оценки³². Цифра эта кажется невысокой, но дело в том, что чиновники редко удерживались на своих постах длительный срок. Хендерсон приводит несколько примеров, из которых наиболее ярким является то, что в течение 518 лет правления этой династии губернатор Сеула назначался 1375 раз³³, 5 сеульских градоначальников были сняты в день назначения, 10 человек пробыли на этом посту два дня, а 11 – целых три. Примерно такая же министерская

---

³⁰ Breen M. The Koreans... P. 89.

³¹ Yuong-ho Lee. Korean Politics in Transition. Cpt.1. The Politics of Democratic Experiment: 1948-1974 // Edward Rynolds Wright, Ed. Univ. of Washington press, 1975.

³² Так, С.В. Волков считает, что численность чиновников по штатному расписанию составляла около 6 тыс. и не могла быть существенно больше (разве что если считать вместе с неранговыми), причем в реальности их могло быть еще меньше.

³³ Henderson. P. 237.

чехарда была характерна для всех высших постов. Это было связано как с практикой недоверия, так и с тем, что занявший хотя бы на месяц престижный пост чиновник получал полный набор прав и привилегий, связанных с полученным рангом, в том числе право занимать посты, для которых наличие этого ранга было обязательным. Отсюда – желание властей «пропустить» через высшие должности как можно больше дворян, дав им, таким образом, возможность подтвердить свой привилегированный статус. Распад традиционной системы в конце династии привел к тому, что практика «калифов на час» вообще стала чрезвычайно распространенной. Замечу, что подобная практика расшатывала бюрократическую структуру и снижала престижность высокого ранга в глазах самих чиновников, так как его обладатель мог быть очень быстро смещен или репрессирован.

Оставляя в стороне критику таких кратковременных назначений, обратим внимание на еще один из ее корней - конфуцианскую традицию, в рамках которой человек, обладающий высокими добродетелями, мог одинаково хорошо руководить чем угодно. Специализированной, отраслевой, подготовки чиновников не было. Чиновника, как гражданского, так и военного (большая часть военной карьеры адмирала Ли Сун Сина прошла не во флоте), могли свободно перебрасывать с одного направления деятельности на другое. Как следствие этого, не было незаменимых людей или узких профессионалов в той или иной области.

Хендерсон замечает, что приоритет «работников общего профиля» над узкими специалистами прослеживается еще в крестьянской общине, где специалист, умеющий делать только что-то одно, воспринимался большинством крестьян достаточно негативно. Правда, в распоряжении такого чиновника мог находиться штат «технических специалистов», умевших извлечь выгоду из некомпетентности их начальника, но на эффективности работы учреждения это не отражалось.

Подытоживая данный раздел, хочется отметить, что корейская бюрократическая система обладала рядом структурных проблем, связанных как с низким средним качеством чиновников (система подготовки которых эволюционировала в сторону подготовки начетчиков), так и с перекрытым социальным лифтом. Не работала и система обратной связи, которая формально существовала в форме секретных инспекций. В отличие от коллизии из «Повести о верной Чхунхян», в реальной Корее тайный ревизор был самым ненавидимым типом чиновника, который обычно сразу же являлся к губернатору провинции, предъявлял полномочия и объяснял, сколько стоит его положительный отзыв³⁴.

Третьей чертой можно назвать **внешнюю зависимость, преувеличенную тягу к копированию внешних образцов и определенное упование на помощь сюзерена**. В традиционной Корее таким сюзереном, безусловно, был Китай. Однако после воцарения в Китае маньчжуров в стране распространилось мнение, что именно Корея теперь является местом, где сохранилась истинно конфуцианская традиция. В результате Корея стала своего рода заповедником старины. Особенно - ее северные регионы, куда воздействие новой культурной традиции доходило в значительно меньшей степени. Тем не менее, эта черта будет очень важна для нас при анализе дальнейшего развития событий, когда после открытия страны у нее появились новые «образцы для подражания».

Четвертой чертой я назвал бы **ослабленную роль военных**, которая была вызвана как конфуцианским отношением к войне (решать проблемы военными методами считалось моветоном), , так и внутренней ситуацией, в рамках которой армия была нужна или для подавления крестьянских бунтов, или служила лейб-гвардией, находящейся в столице для предотвращения (или осуществления) дворцовых переворотов. В случае же более серьезной угрозы всегда можно было

---

³⁴ Любопытное: ввиду отсутствия фотографии тайных ревизоров нередко сопровождали художники, которые должны были зарисовывать сцены праведного или неправедного поведения чиновников. Таковые картины при этом имели статус доказательства.

попросить о помощи «старшее государство», как это было, например, во время Имчжинской войны.

Добавим к этому неостребованность армии в условиях той политической стабильности, на фоне которой существовала династия Ли. После последнего маньчжурского вторжения 1636 г. военные реформы шли крайне медленно, а военные посты превратились в синекуры.

Впрочем, внимание к военной сфере снижалось постепенно: традиция правителя как верховного военного вождя тоже окончилась с объединением страны в 668 г. В Корё Военная Палата была второй по значению, во время династии Ли – четвертой. К тому же со времени Трех государств Корея не выступала в качестве агрессора по отношению к своим «цивилизованным» соседям, расширяясь исключительно за счет «варваров». После установления существующих границ страны при Седжоне Великом политическое положение на Корейском полуострове не менялось почти 500 лет. Так что, если не учитывать сложную геополитическую обстановку, в которой формировалась династия Ли, и потрясения, связанные с открытием страны в конце XIX – начале XX вв., то 518 лет правления этой династии прошли относительно спокойно, и единственными серьезными потрясениями были Имджинская война 1592-1598 гг. и вторжения маньчжуров в 1627 и 1636 гг.³⁵. Ко времени открытия страны «солдат считался ниже любого уважаемого гражданина, с тех времен и до наших пор солдаты в Корее, как и в Китае, ставятся на одну ступень выше разве что попрошайки. В здравом уме и твёрдой памяти никто бы не выбрал профессию военного»³⁶.

Неоконфуцианская идеология удерживала массы в относительном повиновении, но она же из-за особенностей идеологии косвенно ослабляла военную мощь страны наряду с внутриворцовой борьбой. Сомнительно, что в

---

³⁵ Замечу, что именно этим объясняется некоторое преувеличенное внимание корейцев к любому факту внешней агрессии. При значительных интервалах между вторжениями японцев, монголов и маньчжуров каждая такая агрессия воспринималась как из ряда вон выходящее событие. Для сравнения и развенчания любимого корейскими националистами мифа о том, что «нашу страну постоянно атаковали внешние силы» достаточно сравнить период с конца маньчжурского вторжения до начала открытия страны с аналогичным периодом хотя бы российской истории.

³⁶ *The Passing of Korea*, стр. 80

данном случае можно говорить о намеренном ослаблении армии для того, чтобы она не могла послужить одной из группировок поддержки или инструментом переворота, но индивидуальная инициатива, направленная на повышение боеготовности армии, трактовалась именно так. Примером этому может служить судьба Чон Ёрипа (1589), который, открыв у себя на родине школу боевых искусств, был обвинен в мятеже, арестован и казнен.

Так как страна не испытывала постоянной военной угрозы, не было необходимости поддерживать и постоянно высокий уровень ее боеготовности. Более того, отсутствие всякой серьезной военной активности порождает иллюзии отсутствия необходимости в активной и боеспособной армии, а воинская традиция останавливается в своем развитии.

Немного о традиционной/ региональной геополитике

В начале 1860-х Корея оставалась вне новой системы международных отношений, сложившейся после проникновения в регион европейских держав, пребывая в рамках традиционной модели, построенной на принципе садэчжуйи. Этот термин не имеет прямого аналога на русском, и иногда его переводят как «низкопоклонство» или как «сюзеренитет». На деле его лучше переводить как «служение старшему государству» или как «ориентация на старшее государство». Термин тот неразрывно связан с контекстом китаецентричной модели мира, каковая отличается от европейской и регулируется теми же принципами «ли», что и межличностные отношения в рамках конфуцианской общественной модели, в которых всегда есть старший и младший. По сути, она сводится к тому, что «Срединное (старшее) государство» располагается в геополитическом центре мира и как верховный сюзерен региона распространяет на всех благодать. Возглавляемое Сыном Неба как единственным сакральным источником власти и благодати, оно является цивилизационным/культурным гегемоном и моральным авторитетом, на который должны ориентироваться

окружающие земли варваров четырех сторон света (каждый тип варваров обозначается отдельным иероглифом).

Указанные варвары могут различаться по цивилизованности, под которой понимается желание максимально полно воспринять китайские обычаи и правила, но предполагается, что они желают вписаться в китаецентричную систему мира. В рамках этого вписывания они приобщаются к благодати, получая китайские титулы (и включаясь, таким образом, в единую иерархию с единственным императором во главе) и поднося дань, подчеркивающую их участие этом миропорядке³⁷.

Такая модель «служения старшему государству» отличается от европейского понятия вассалитета, пусть оно и является наиболее близким по смыслу³⁸. Упор делается не на обязанности вассала по отношению к сюзерену, а на поддержание своего рода единого культурного пространства, в рамках которого правитель варварской страны свободен в своей внутренней политике. Главное – чтобы он действовал в общем культурном коде, не противопоставляя свою волю воле Сына Неба. Отношения стран строятся при этом не столько на экономических, сколько на моральных обязательствах и, в отличие от неравноправных договоров, предполагают встречную заботу сюзерена о своем вассале.

Да, «старший» может меняться, и если один сюзерен выбывает, его место может занять другой. Но в рамках традиционной модели это все равно Китай, в котором просто сменяется носитель Небесного Мандата.

---

³⁷ Естественно, что в рамках такой системы «на небе не бывает двух солнц, на земле не может быть двух императоров», что создавало методологическую проблему с Японией, чей правитель также назывался императором. Естественно также, что престиж гегемона зависит от внутривосточной ситуации Китая, а также – от происхождения его правящей династии. Не случайно корейские ультра-традиционалисты позволяли себе вещи типа «теории малого Китая», подчеркивающие корейскую исключительность и статус образцового вассала.

³⁸ Ясно, что если в тексте учебника нет дополняющих разъяснений об отличии корейского вассалитета от европейского, читатель воспринимает ситуацию «по умолчанию», думая, что раз в книге написано «вассалитет», то речь идет именно об известной ему европейской модели таких отношений. Именно поэтому поздняя советская историография старалась использовать побольше национальных терминов, не называя японского *тэнно* или китайского *хуанди* императором, а корейского *вана* королем, а если и называла, то обращала внимание на то, что речь идет лишь о примерном соответствии.

После такой преамбулы пройдемся по соседям. Известная корейцам Ойкумена на 95 % состояла из Китая и Японии, и потому начнем с них. Цинский Китай, исходя из описанной выше модели, проводил в Корее политику невмешательства во внутренние дела. Ему была более важна внешняя лояльность и роль Кореи как щита на своих восточных рубежах. Регулярные связи с Китаем поддерживались, но сводились к тому, что раз в год к китайскому двору прибывал корейский посол, подтверждавший сюзеренитет своей страны и подносявший символическую дань. В ответ он получал некоторое количество «подарков». Этот акт как бы заменял торговый обмен. Целью визитов было церемониальное подтверждение вассалитета и «обмен дани на дары», а не обсуждение каких-то животрепещущих международных проблем или совместные консультации.

Корейско-японские отношения после Имджинской войны были крайне прохладны, пунктирны и неравномерны. Страны считались соседями, однако партнером корейского короля на переговорах выступал не император, а *сёгун*, что давало японцам возможность говорить о вассальном компоненте в отношениях, поскольку *ван* не приравнивался к императору. Посольства часто останавливались не в Токио, а на Цусиме, а постоянное пребывание японцев в Пусане было ограничено территорией укрепленной фактории, на которой находились все необходимые службы. Что же касается взгляда «с той стороны», то Япония по-прежнему воспринимала Корею как мост для будущей экспансии на Запад.

Первое знакомство корейцев с европейцами и их знаниями произошло в XVII в. через европейских миссионеров в Китае, а в 1627 г. трое голландцев, схваченных на корейском берегу, были отправлены тренировать войска и изготавливать европейское оружие. В июле 1653 г. еще одна группа голландских моряков, потерпевших кораблекрушение, была подобрана корейцами и удерживалась ими в течение долгого времени. Один из членов этой группы, Хендрик Хаммель, оставил путевые записки, которые, будучи опубликованы в 1668 г., стали первым европейским изданием, посвященным Корее.

С точки зрения внешних связей Корея придерживалась той же стратегии изоляционизма, что ранее Китай, отвечая на робкие попытки установить торговлю с ней заявлениями о том, что «нам ничего не нужно и у нас ничего нет на продажу». Потерпевших кораблекрушение и выброшенных на корейский берег японских и китайских рыбаков, по возможности, скоро отправляли домой в отличие от европейцев, которых или отправляли в Китай, или держали под присмотром до их полной ассимиляции. Иностранцев, появлявшихся у корейских берегов, принимали чрезвычайно холодно, и на с. 88-89 своей книги по истории Б. Камингс не без основания сравнивает такой прием с тем отношением, с которым он столкнулся в 1981 г. во время своего первого путешествия в Северную Корею. До 1866 г. контакты с европейцами были или опосредованными (во время посольств в Китай, где корейцы порой встречались с чужими послами), или прямыми, но спорадическими (контакты администрации прибрежных островов с командами европейских судов, действовавших в Тихом океане).

Что же до России, то первые контакты корейцев с казаками относятся к середине XVII в., когда корейские отряды помогали китайцам бороться с землепроходцами. Этот факт русско-корейского противостояния периодически используется той частью южнокорейских историков, которые любят рассуждать о природной агрессивности России по отношению к Корее и делают из этого инцидента «поход на Север», представляя его чуть ли не как вторую Импджинскую войну, в которой Китай смог одержать победу над агрессорами только благодаря корейской помощи, и 300 корейских стрелков спасли Китай от ужасных перегародышащих казаков Онуфрия Степанова³⁹. В действительности основные силы маньчжуров были отвлечены на окончательное усмирение Китая, и потому «дыры на фронте» затыкали тем, что было.

---

³⁹ История появления и формирования мифа об извечной русской угрозе Корее – тема отдельного рассказа. Я отсылаю аудиторию к работам Алексея Пастухова, который довольно подробно и аргументировано доказал, что нельзя ставить знак равенства между активностью казаков и политикой русского правительства; что никаких реальных планов захвата Кореи в XVII-XVIII вв. Россия не вынашивала; что эпизод, в котором цинское правительство использовало помощь Кореи, не сыграл ключевую роль в русско-китайских столкновениях.

Первые упоминания о Корее в документах российского МИД относятся к 1854 г. До того Корея была лишь именем на карте, далекой страной, с которой не было фактически никаких отношений. В 1860 г. у Кореи с Россией появилась общая граница, началось переселение корейцев в русские пределы, возникла почва для реального расширения контактов и, в первую очередь, для торговли.

Глава третья, в которой анализируются разнообразные предпосылки будущих перемен

Но к концу XIX в. Корея уже не была застывшей моделью. Предпосылки перемен были налицо, и были они весьма разнообразными. Их анализу будет посвящена данная глава.

Социально-политические предпосылки

Начнем с рассуждения о предпосылках демократии как способности народных масс активно влиять на выработку политических решений или управление страной. Практически все историки отмечают, что в традиционной Корее имел место parroхиальный тип политической культуры. Этот термин означает, что обычные граждане выступают в роли пассивных субъектов власти, не имеющих представления о политике или желания участвовать в ней. Участие их в политическом процессе всегда ограничивалось исполнением ими приказов государственных чиновников.

В условиях патриархальной, авторитарной страны возможность принимать участие в выработке решений для рядовых граждан была крайне мала, массовые, затрагивающие народ политические структуры типа партий отсутствовали, и единственным методом выражения недовольства оставалось крестьянское восстание как периодический выплеск наружу внутреннего напряжения и связанного с этим насилия. Но и здесь обычно народные массы возглавляли совсем не представители народа.

Вооруженные мятежи «местного значения» обычно возникали не в центре, а на периферии, и редко были направлены на кардинальное изменение всей системы. Чаще всего главной мишенью народного недовольства были местные чиновники, которые, как мы уже упоминали, существовали в основном за счет поборов, а их произвол никак не ограничивался. Как правило, целью мятежа было своего рода привлечение внимания центральных властей к местным проблемам. Так, когда в 1862 г. в Чинджу население не выдержало незаконных поборов военного губернатора, мятежники просто разгромили казенные учреждения и поместья деревенских богачей, а затем спокойно разошлись по своим домам. При этом это восстание Хан Ён У считает одним из наиболее сильных.

Правительству такая ситуация была даже удобна, так как в случае восстания гнев масс обрушивался на конкретных лиц, которых обычно сразу же убивали. После этого, соответственно, власти объявляли, что поелику непосредственных виновников притеснений покарали, а на большее мятежники не замахиваются, всем повстанцам, кроме особо отъявленных бунтарей, объявляется прощение. Как писала Изабелла Бишоп, «такие действия...являются ежегодными весенними мероприятиями на полуострове, когда в одной или в другой провинции крестьянство, доведенное до раздражения чиновничьими поборами, с большим или меньшим насилием (иногда со смертельным исходом) изгоняет нарушителя-

правителя. Редко следует насилие. Ван посылает нового чиновника, который легко поддается давлению и вымогает в свою очередь с меньшей или большей силой, до тех пор пока его насильно не изгонят, если он так же перейдет допустимый лимит, и всё снова успокоится»¹.

Более массовые крестьянские выступления были обычно связаны с внешними вторжениями или стихийными бедствиями и являлись не столько действиями, направленными на захват власти, сколько служили реакцией на внешний раздражитель.

Дж. Палэ делит повстанцев на две группы – организованные обойденными чиновниками, представляющими бюрократическую элиту, и стихийные народные бунты, нацеленные в основном против местных чиновников, перегибов в эксплуатации или налогообложении².

Интересно, что там, где требования выходили за рамки наказания локальных притеснителей, восставшие формировали собственные структуры, как бы вписанные в общую систему. В результате мы получаем классическую китайскую модель, когда атаман шайки разбойников объявляет себя уездным начальником, а государству, у которого нет сил или желания его ловить, проще утвердить его в этой должности.

И опять-таки отметим, что центральная бюрократическая система вообще снижает риск восстания, поводом к которому чаще всего бывает реакция на особенно вопиющее злоупотребление властью: подняли на вилы помещика-самодура, а дальше по всей стране началось... Отсутствие феодализма снижает уровень такого регионального беззакония («меньше искр, из которых может разгореться пламя»), а «угнетение по закону» (особенно в сочетании с уважением к закону в народе) является поводом к восстанию только тогда, когда терпеть уж совсем нельзя.

Кроме того, система круговой поруки, рекрутского набора и идентификационных блях является хорошим средством предотвращения крупномасштабных бунтов, а принятая в Корее модель военной организации исключала массовое вооружение народа. Восстания поэтому происходили во время вторжений, войн или стихийных бедствий, когда образовывалась некая прослойка лиц низшего сословия, имевших военный опыт или, по крайней мере, оставшихся без земли и вынужденных добывать себе пропитание иным путем.

Что же до заговоров или переворотов, то в сочетании с догматом о Небесном мандате переворот часто сводился к тому, что определенные силы группировались вокруг того или иного принца, которого возводили на трон и превращали в марионетку. Жизнь самого вана при этом была неприкосновенной, и уморить или извести его можно было только после «снятия с поста».

Гораздо более важной предпосылкой перемен стоит считать то, что начало твориться с янбанским сословием, где положение на деле очень сильно

---

¹ Korea and her neighbors, p 179

² Хрестоматия для студентов-политологов университета Ёнсе. Сеул, 1990.

отличалось от того, как должно было быть в меритократическом идеале.

Формально никто не мог иметь привилегированный статус иначе как благодаря своей должности, и законы не предусматривали никаких привилегий для *янбанов*, не находящихся на службе. Все их привилегии были делом традиционной практики. Но на деле в чосонский период мы сталкиваемся с феноменом «подавленного» или "подзаконного" аристократизма (термин С. В. Волкова), когда вопреки официальной позиции государства термин «*янбан*» стал обозначать не традиционную совокупность гражданского и военного чиновного сословия, а что-то подобное европейскому дворянству. К тому же благодаря наличию института наложниц и большому числу детей в *янбанских* семьях, а также практике приписки простолюдинов к *янбанским* родам, в Корею имел место гипертрофированный рост численности лиц, претендующих на членство в традиционном правящем слое³.

К XVI в. у казны уже не оставалось свободных полей, которые можно было бы продолжать раздавать чиновникам за службу. Кроме того, на процессе наследования земли отразилось резкое увеличение народонаселения, - большее количество детей означало меньшие площади владений, достававшихся в наследство от отца. Таким образом, к XVII-XVIII вв. *янбаны* фактически перестали быть полноценным сословием.

Одновременно с этим, как отмечает Хан Ён У, военный налог⁴ настолько досаждал крестьянам, что наиболее зажиточные из них фальсифицировали свою сословную принадлежность или за деньги покупали звание *янбанов*. Подделка родословных книг была частым явлением, и к началу XVIII века *янбанов* было уже 10-15 %, а в конце XIX в. к *янбанскому* сословию принадлежало около одной трети населения⁵ хотя реальная доля чиновничества, состоявшего на действительной службе, составляла не более 2 % населения страны. То есть, чиновники составляли мизерную часть *янбанов* при том что государственный аппарат был довольно немногочисленным и не мог вместить постоянно растущее даже без учета самозванцев число членов служилых семей.

Таким образом, династия Ли смогла сохранить умеренный по размеру госаппарат, но не смогла при этом: предотвратить формирование сословия, близкого к дворянству, и удержать численность этого сословия в разумных пределах, что отразилось на девальвации *янбанского* статуса и усугубило кризис государственной системы.

Что же до попыток *чунъинов* улучшить свой статус, то в 1851 г. 1800 сеульских представителей среднего сословия развернули демонстрации за допуск к должностям, однако это движение не выходило за легальные рамки петиционной кампании.

³ Волков С. В. Правящий слой традиционной Кореи // Корея. Сборник статей к восьмидесятилетию со дня рождения профессора М. Н. Пака, М., 1998. С. 99-100.

⁴ В XVI в. система прямого набора солдат по воинской повинности была заменена на сбор холста с военнообязанных. **Проверить по 1 главе, убрать если уже сказано**

⁵ Лубенцов А. Г. Хамкенская и Пхиенанская провинции Кореи. Записки Приамурского отделения РГО. Т. 2, вып. 4, Хабаровск, 1887. С. 170.

Экономические предпосылки, или о «развитии капитализма в Корее»

Вопрос о развитии в Корее товарно-денежных отношений разными историками трактуется по-разному. Однако, с точки зрения автора, корейская буржуазия не представляла собой какой-то самостоятельной силы. Хотя марксистские историки периодически поднимали вопрос о зарождении капитализма в феодальной Корее, неоконфуцианская политическая модель, принижающая роль купцов и меркантильные мотивы деятельности, в целом препятствовала скорой модернизации общества без внешнего воздействия. В столь статичном обществе недопустима была сама идея индивидуального крупномасштабного производства.

Традиционная модель оставляет очень мало места для параллельных структур. Не забудем, что в правление династии Ли ряд коммерческих функций, в том числе внешняя торговля, лежали на плечах бюрократического аппарата, что препятствовало созданию буржуазии как класса⁶. В конце XIX в. Корея не имела ни больших городов, живущих, в основном, торговлей, ни класса/прослойки коммерсантов. Это не означает, что купцов не было вообще, но зарабатывание денег торговлей было проблемой даже с точки зрения самих денег, которые намеренно изготавливались очень тяжелыми и не удобными для ношения. Стоящая за этим конфуцианская идея заключалась в том, что если бы они были легче, жадным людям было бы удобнее их копить⁷. Независимо от своего имущественного положения купцы были зачислены в категорию бесправного населения.

Специфическая особенность торговых отношений в традиционной Корее заключалась в том, что государство давало на откуп многочисленным купеческим гильдиям монополию по продаже строго определенных видов товаров. Гильдии платили за это установленный в определенном размере налог.

Объединения купцов существовали, но носили скорее характер союзов самообороны и взаимопомощи, не являясь существенной экономической или политической силой. За предоставленные им монопольные права они обязаны были нести государственные повинности, которые влекли за собой большие материальные затраты, а само существование торговых монополий серьезно препятствовало развитию внутренней торговли и товарного производства.

Купцы делились на две категории: странствующих (*побусанов*) и оседлых (*чвасанов*), причем первая категория была гораздо многочисленнее и объединяла тысячи мелких торговцев-коробейников, разносивших по всей стране товары повседневного спроса. *Побусаны* держали в руках всю розничную торговлю, играли важную роль в развитии связей между отдельными районами Кореи, славились сильным корпоративным духом. Согласно не очень проверенным данным, их численность доходила до 2 млн. человек, хотя вполне вероятно, что

⁶ Henderson. P. 195.

⁷ Cumings B. Korea's place... P. 80, 81.

статистика записывает в их число вообще всех тех мелких торговцев, которых на Руси называли офенями. Сравнение с офенями правильно потому, что *побусаны* являли собой полукриминальную структуру, способную постоять за себя⁸. Отчасти *побусаны* вообще занимали нишу японских *якудза* как средства контроля рынка и торговли, а дух взаимопомощи, щедрые подношения, влияние и популярность в народных массах нередко привлекали в их ряды высоких правительственных чиновников или иных лиц, не имевших ничего общего с разносной торговлей.

Гильдии оседлых купцов ограничивали свою деятельность крупнейшими городами страны, в которых они содержали торговые лавки, а наиболее богатые и влиятельные - торговые ряды, кварталы и даже целые базары. Вплоть до последней четверти XIX в. в Сеуле действовали шесть крупных торговых компаний.

В XVII-XVIII вв., с началом активизации контактов с Китаем династии Цин и ростом потребностей в переводчиках, легальной и нелегальной торговлей стали заниматься многие представители сословия *чунъин*.

Профессиональных ремесленников, производивших продукцию для рынка, тоже не было. Они были приписаны к королевскому двору или государственным учреждениям, выполняя определенный государственный заказ. В столице имелось 129 видов ремесленного производства, а в провинциях — 27. Наиболее развитым из них являлось производство бумаги и фарфора, а также производство тканей, выплавка и обработка металла. В 1866 г. численность государственных ремесленников составляла 5,5 тыс. человек.

Развитие казённого ремесла тормозилось как регламентацией государства, так и всей природой этого ремесла, основанного на труде крепостных мастеров, совершенно не заинтересованных в развитии производства.

В XV в. в Корее появились объединения ремесленников одной специальности — *ке* («артель взаимопомощи»). Однако вряд ли они играли роль «цехов». В XVII-XVIII столетиях в Корее впервые появились мастерские, специализировавшиеся на отдельных видах продукции, например, на изготовлении швейных игл.

Сложность развития промышленного потенциала Кореи объясняется и целым комплексом естественных причин, которые специалисты часто выпускают из поля зрения. Между тем, географическое положение Корейского полуострова наложило достаточно важный отпечаток на ее историю. Сельскохозяйственный цикл в Корее усложняют климат и малое количество обрабатываемых земель. Во-первых, горы на корейско-китайской границе являются естественной преградой, в определенном смысле сдерживающей территориальную экспансию. Во-вторых, характер Кореи как горной страны резко сокращает посевные площади, что в сочетании с достаточно трудоемким циклом рисосеяния препятствует развитию сельского хозяйства экстенсивным путем⁹. В-третьих, то, что реки по стране текут

---

⁸ Henderson. P. 396.

⁹ Добавим к этому и то, что рисосеяние, в том числе – высаживание рассады, очень плохо поддается процессу

не с севера на юг, а с запада на восток, не позволяет использовать их для транспортировки грузов в «вертикальном направлении». Наконец, в не особенно богатой лесом¹⁰ и имеющей определенные запасы угля Корея, как и в Японии, нет каких бы то ни было запасов стратегического природного сырья, в первую очередь – нефти и газа, опираясь на которые она могла бы обеспечивать себя достаточным количеством электроэнергии или развивать экспортно-ориентированную экономику «по арабскому образцу»¹¹. Правда, это уже касается будущего.

Хотя улучшение технологии рисосеяния, связанное с выращиванием рассады, существенно сократило время, необходимое для получения урожая, и дало крестьянам возможность тратить его на выращивание других культур, имеющих коммерческое значение (женьшень, табак, хлопок)¹², к началу XX в. количество еще не переросло в качество.

Таким образом, в Корея второй половины XIX в. преобладающий характер натурального производства, отсутствие единой денежной системы, низкая покупательная способность преобладающей части населения, низкая производительность ремесленного производства и т. д. тормозили развитие товарно-денежных отношений. В стране так и не возникла городская буржуазия, способная бросить вызов дворянству, а торговцы более мелкого масштаба также были слишком зависимы от правительства, чтобы создать собственную базу для обретения власти. Тем не менее, к началу нового века предпосылки для зарождения и развития капиталистических отношений медленно созревали¹³.

И последнее. На 1800 г. население Эдо/Токио составляло примерно 900 тыс. человек, а население второго японского города - Киото 700-800 тыс. человек. В то же время население двух крупнейших городов Кореи – Сеула и Кэсона насчитывало соответственно 150-180 и 25 тыс. человек.

Религиозные предпосылки: *сирхак*, *тонхак* и христианство

Естественно, преддверие перемен возникло и в ситуации «на духовном фронте», где у ортодоксального конфуцианства появились соперники.

Первым из них было учение «*сирхак*». Этот термин обычно переводят как «реальные науки¹⁴» или «науки, имеющие практическое применение». Под таковым понимали разработку проектов реформ в сфере землепользования, управления государством, изучение агротехники и естественных наук, поиски

автоматизации, что также следует учитывать при анализе развития страны во второй половине XX в.

¹⁰ Сегодня в Южной Корея лесов достаточно, однако 75 % нынешних лесов - искусственные посадки, причём совсем недавние, шестидесятых и семидесятых годов (самая успешная программа восстановления лесов в истории). В Корея XVIII-XIX вв. леса почти не было. В XIX в. многие западные путешественники отмечали голые холмы центральных регионов. Лес был только на дальнем севере или вдоль восточного побережья.

¹¹ Важность зависимости от энергоресурсов хочется подчеркнуть на таком простом примере, как роль американского нефтяного эмбарго, вынудившего Японию вступить во Вторую мировую войну против США.

¹² Cumings В. Korea's place... Р. 82.

¹³ Тягай Г.Д. Очерк истории Кореи во второй половине XIX в., М., 1960. С.20

¹⁴ Как «реальные науки» *Сирхак* противопоставлялись «абстрактному» неоконфуцианству Чжу Си.

путей развития ремесел и торговли, производства новых предметов «заморского», т. е. европейского типа, более либеральное отношение к внешнему миру. Последователи *сирхак* отстаивали необходимость индустриализации, внешней торговли и постоянной валюты.

Ранняя северокорейская и отечественная историография ведут начало *сирхак* от начала деятельности ряда ученых XVI в., но южнокорейские ученые склонны принимать за точку отсчета идейного течения *сирхак* лишь XVII в. Время расцвета *сирхак* приходится на период с конца XVII до начала XIX столетия. Наиболее крупные представители *сирхак* - Лю Хён Вон (Панге), Пак Чи Вон, Пак Че Га, Хон Дэ Ён, Чон Як Ён (Дасан) творили именно в этот период.

Круг научных интересов сирхакистов включал в себя философию, математику, астрономию, историю, географию, картографию, этнографию, лингвистику, военное дело и литературу, так что в определенном плане их можно соотнести с французскими энциклопедистами. Так, Ли Ик высказывал естественнонаучные идеи о шарообразности Земли и её вращательно-поступательном движении; о наличии сил тяготения; о размерах Земли, Луны и Солнца, близких к точным расчетам; о том, что луна светит отраженным солнечным светом; давал естественнонаучное объяснение приливов и отливов, осадков, землетрясений, колебаний температуры и т. д. Чон Дасан был известен как выдающийся инженер и строитель мостов и крепостей, при создании которых применялись новые для Кореи того времени технологии.

Помимо комплекса практических рекомендаций по изменению государственной структуры и общей модернизации, сирхакисты уделяли больше внимания конфуцианству в трактовке Ван Янмина, активно выступали против низкопоклонства перед Китаем и за восстановление национальной традиции, упирая не только на необходимость перестройки государственной структуры но и на необходимость опоры на собственные силы и свои, родные, национальные корни¹⁵. Именно в трудах сирхакистов впервые появляется тот самый термин «чучхэ», который затем был так широко использован во второй половине XX в.

Предложений было много, так как почти каждый из видных сирхакистов оставил трактат о том, как надо бы обустроить страну. Так, Лю Хён Вон выдвинул программу реформ (в области сельского хозяйства, промышленности, торговли), которые, по его мнению, должны были «устранить злоупотребления и оздоровить страну», выступал за равенство всех перед государством.

Пак Че Га и Пак Чи Вон предлагали запретить институт полицейского надзора, требовать от кандидатов на официальные должности знаний по истории и государственному устройству Кореи, предоставить право держать экзамены на должность выходцам из всех слоев общества, эксплуатировать природные богатства страны таким образом, чтобы способствовать развитию промышленности и внешней торговли.

Чон Да Сан выдвигал идею «деревенских коммун» с целью решения

---

¹⁵ На с. 79 своей книги *Korea's place in the sun. A modern history* Б. Камингс сравнивает *Сирхак* с лозунгом Дэн Сяопина «искать истину в фактах» по сравнению со схоластикой Мао.

аграрных проблем, а также проект реформы административной системы в центре и на местах, выступая за ограничение произвола чиновников тайными инспекторами.

Ли Ик указывал, что в основе бедственного положения страны лежат «есть зол»: 1) крепостное рабство; 2) сословная система, узаконивающая пропасть между дворянами, простолюдинами, детьми наложниц и рабами; 3) система экзаменов на получение государственных должностей, по которой эти должности получают не талантливые и способные, а знатные и богатые; 4) специализация ремесленного производства на предметах роскоши; 5) паразитический статус буддистских монахов; 6) леность и низкий престиж труда.

Заложив основы для реформирования системы и внедрения туда элементов западной технологии, сирхакисты, тем не менее, не освободились от рамок традиционного конфуцианства. Даже свои идеи они излагали на *ханмуне*, недоступном для понимания большинству населения страны.

Вторым важным фактором стало появление христианства. Католицизм стал известен в Корее в период с конца XIV до начала XVII вв. Послы, побывавшие в минском Китае, наряду с западными книгами по естественным наукам привозили и книги о католицизме в переводе на китайский язык. Католицизм воспринимали не столько как религию, сколько как одну из отраслей западных наук и называли «западным учением» (*сохак*).

Первые христианские книги появились в Корее в середине XVIII в., и поначалу были приняты без неприязни. Г. Тягай отмечает, что в обоих учениях присутствовал культ Неба, точнее – небесного владыки (*Чхончжу*)¹⁶, поощрение сельскохозяйственной работы и презрение к торговле и ремеслу. Даже запрет духовным лицам заниматься ремеслом и торговлей воспринимался как аналог ограничений, налагаемых на конфуцианского ученого¹⁷.

Тем не менее, христианство оказало важное влияние на Корею именно тем, что, по сути, представило альтернативную идеологию с новыми для корейцев понятиями о равенстве всех людей перед богом, системой грехов и представлением о том, что путь к преуспеянию лежит не через образование, а через веру.

Здесь нам придется сделать некоторое отступление от темы и кратко рассказать о двух методах проникновения христианства вглубь конфуцианской традиции. Первый, канонический, заключался в том, чтобы проповедовать его в неизменном виде. Вторым можно было бы назвать методом культурной адаптации, и его идеологами были иезуиты Маттео Риччи в Китае и Алессандро Валиньяно в Японии.

Иезуиты носили облачение буддийских или конфуцианских ученых (в зависимости от того, какая религия там, где они проповедовали, была более популярной), активно использовали для перевода христианских понятий уже

¹⁶ Как отмечает Хан Ён У, во второй половине XVII в. Ли Ик и его коллеги вообще отождествляли христианского бога-отца с Небом в классических текстах.

¹⁷ Тягай. С. 20.

существующие термины (например, *шанди* для обозначения бога-отца), обращали большее внимание на работу с правящими классами и образование, чтобы интерес к христианству возникал через интерес к современной науке. Иезуиты даже вставляли в тексты католических трактатов цитаты из Конфуция, так что католицизм воспринимался как нечто близкое традиции, особенно конфуцианству в трактовке Ван Янмина¹⁸.

Используя эти методы, иезуиты добились куда больших успехов, чем прочие ордена, которые придерживались более традиционного подхода. С другой стороны, выяснилось, что метод культурной адаптации, конечно, позволяет более активно внедрять христианство в чуждую ему среду, но одновременно способствует искажению понимания христианства через призму традиционного восприятия. В результате среди католиков разгорелся так называемый «спор о ритуалах», суть которого заключалась в вопросе о правомерности «выборочного» проповедования христианства и толерантности по отношению к местным обычаям и обрядам, не вписывающимся в определение «идолопоклонство». Ватикан постановил, что методы иезуитов неправомерны, и на первом месте должна оставаться чистота доктрины¹⁹. Как следствие этого – успех католической пропаганды на Дальнем Востоке упал.

Более того, культивирование нетерпимости по отношению к местной традиции сыграло очень важную роль. Поначалу христианство воспринималось с интересом, однако главным препятствием на пути распространения этой религии в конфуцианском культурном регионе была жесткая критика им культа предков, который ортодоксальное католичество воспринимало как поклонение идолам. Критика столь основополагающего элемента конфуцианской культуры не могла сделать христианство массовой религией. Отказ христиан от традиционного соблюдения траура по покойным родителям воспринимался как вопиющее проявление непочтительности и безнравственности, а сама эта религия стала считаться опасным ядом.

В конце XVIII в. католики принадлежали, в основном, к одной из придворных фракций, «северян», у которых был силен критический настрой в отношении неоконфуцианства. В результате фракционная борьба использовала против них обвинение в ереси, что стало причиной первого преследования католиков в стране в конце XVIII - начале XIX вв.²⁰. Следствием этого стало написанное *янбаном*-христианином Хван Са Ёном в октябре 1801 г. «Письмо на шелке». Хван предлагал, чтобы Папа написал письмо китайскому императору с приказом оставить католиков в покое и, более того, фактически давал советы, что надо говорить и как лучше воздействовать. В соответствии с конфуцианской ментальностью такое поведение Хвана расценивалось как предательство. И репрессии по отношению к христианам вспыхнули с новой силой. Как

¹⁸ Korean War and Modern History. Sese Publ. House. Seoul, 2006. P. 13.

¹⁹ По правде говоря, определенный резон в этой точке зрения тоже был. К чему может привести излишнее перетолковывание христианства через местные верования, мы знаем на примере Вуду.

²⁰ The Passing of Korea, стр.108

высказывался конфуцианский ученый Ли Хан Но, «По какой же причине заморские варвары проникли в нашу страну и распространяют свое зловерное учение? Потому что они хотят разведать нашу силу, чтобы позднее вторгнуться к нам»²¹.

Любопытно, что при этом никто не занимался переводом священных текстов на корейский язык – большинство новообращенных больше волновали проблемы установления церковной иерархии.

Тем не менее, количество католиков возрастало, и в 1831 г. католическая церковь даже учредила в Корее свой диоцез. Б. Камингс обращает внимание на успех христианства среди низших сословий (наиболее типичный пример - это переход в христианство 30 тысяч сеульских мясников), а также выходцев из тех провинций, из которых доступ в политику был закрыт²².

В 1839 и 1846 гг. имели место очередные гонения на католиков, но в 1849 г. к власти пришел новый *ван*, и политика по отношению к католикам несколько изменилась. В 1865 г. количество католиков в Корее достигло 23 тыс. человек, однако в 1866 г. прошла последняя и самая мощная волна репрессий, унесшая жизнь 8 тыс. верующих и большей части французских миссионеров²³.

Но христианство вызвало не только приятие или отторжение, но и попытку осмыслить его идеи и перетолковать их, создав нечто свое. Так в качестве противовеса «западному учению» начало распространяться «восточное учение» - «тонхак», представлявшее собой интересную смесь христианских постулатов и традиционных местных представлений – от конфуцианства до народной магии.

Создатель учения Чхве Джэ У происходил из бедных провинциальных дворян, был сыном известного конфуцианского ученого и его наложницы и рассматривал созданное им религиозное учение как способ спасти народ, предотвратив распространение западной веры и таким образом отстояв независимость государства.

Из христианства *тонхак* заимствовало не только идеи присутствия Неба в каждом человеке, равенства людей перед Небом и трактовку Неба как безликого творящего начала, но и принципы организации общины. Несмотря на то, что *тонхак* использовал для имени Бога/Отца небесного те же иероглифы, что католики, данное учение разрабатывалось именно как альтернатива христианству, которое воспринималось как угроза традиции и идеология западной агрессии.

Из конфуцианства было взято пять типов взаимоотношений, из буддизма и даосизма – идеи очищения сердца и тела от нравственной и физической нечистоты, упор на самосовершенствование и аскетизм. Утверждение из категории «Перед Богом все равны», а значит – надо отменить сословия, может

---

²¹ Пак А. В. Диссертация на тему: «Общество Независимости (*Тоннип Хёнхве*) и его место в национально-освободительном движении в Корее в конце XIX – начале XX вв.», представленная на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Рукопись. 2006 г. С. 75.

²² Henderson. P. 207.

²³ Кстати, в результате этого сейчас Республика Корея занимает второе место по количеству канонизированных святых-великомучеников после РПЦ – там к ним отнесли всех пресвитеров, казненных в ходе гонений.

быть связано и с некоторыми буддийскими догматами, согласно которым природа Будды есть в каждом.

Чучхэйский постулат о том, что человек является хозяином всего и сам решает все, возможно, тоже уходит корнями именно в идеологию *тонхак*.

Основные принципы учения *тонхак* были таковы:

1. *Ин нэ чхон* – «в (каждом) человеке – Небо/Бог» (иной вариант прочтения – «Каждый человек (а не один бог) – творец Вселенной»²⁴). Для того чтобы прийти в состояние просветления, надо привести душу и тело в состояние гармонии и в течение всей жизни исполнять ритуалы. Кроме того, поскольку каждый человек суть божество, люди равны перед Богом и друг перед другом.

2. *Тонгви ильчхэ* – «стремление к социальному равноправию». Общество – коллектив личностей, и взаимоотношения между ними – часть духовного развития. Поэтому справедливого общественного устройства нельзя достичь без уважительного отношения к каждому. Не случайно адепты *тонхак* требовали не бить детей, поскольку каждый ребенок – тоже часть Бога.

3. *Чхонсим чык инсим* – «замыслы Неба и есть замыслы людей». Так как воля Неба проявляется через поступки конкретных людей, мир можно и нужно менять, а отношение человека к своей судьбе должно быть активным²⁵.

В политической программе *тонхак* антивестернизация сочеталась с антифеодализмом, эгалитаризмом и национализмом, и Г. Тягай отмечает, что это была первая религиозная организация, которая ставила перед собой и политические цели²⁶. Среди лозунгов секты были «Спасти государство и успокоить народ» («*погук анмин*») или «Широкая помощь всему народу» («*квандже чхансон*»). Иная важная для понимания цитата: «Человек – это Бог. Между людьми нет различия. Когда людей разделяют на благородных и неблагородных, это не соответствует Небесному Пути. Поэтому мы должны уничтожить любое неравенство».

В определенном смысле *тонхак* можно сравнить с китайскими *тайпинами*. Та же пропаганда национальной гордости, ксенофобия, антифеодалские требования равенства, косвенное влияние христианства и значительное внимание к гадательным практикам²⁷ или магическим техникам, дающим неуязвимость в бою и т. п. В учении просматриваются параллели и с ересями средневековой Европы, где равенство Бога и человека использовалось для оправдания эгалитаризма на Земле.

Появившись в 1860-е годы, учение Чхве Джэ У было распространено среди провинциальных *янбанов* и вызывало неудовольствие. Догмы *тонхак* противоречили конфуцианскому подходу, согласно которому у Неба был только один сын – император. Сначала Чхве обвиняли в том, что он вымогал деньги у провинциальных чиновников, затем – в создании еретической секты, но

²⁴ Толстокулаков И. А. Политическая модернизация Южной Кореи. Часть 1. С. 229

²⁵ Пак А. В. Диссертация. Рукопись С. 65-66

²⁶ Тягай. С. 76-77.

²⁷ Пак А. В. Диссертация. Рукопись С. 65.

арестовали его за то, что он нарёк себя титулом «Хозяин Неба» (Чхончжу²⁸) и этим активно противопоставил себя власти и миропорядку²⁹. В итоге Чхве казнили за подстрекательство к мятежу и пропаганду христианства, поскольку истеблишмент понимал под таковым любой вид монотеизма³⁰.

Отступление историографа: влияние иероглифического письма на традиционную ментальность региона

Важный момент, связанный с пониманием того, почему на Дальнем Востоке у традиции столь глубокие корни, связан с тем, что на пути адекватной адаптации политической культуры Запада в странах дальневосточного региона встает дополнительное препятствие. Дело в том, что особенности иероглифического письма накладывают интересный отпечаток на трансляцию иноязычных терминов, которые не переводятся буквально, а как бы объясняются через комбинацию уже существующих иероглифов. Принцип звуковой транскрипции нового заимствованного понятия вместо перевода его методом подбора похожих по смыслу знаков появился в РК не так давно, и потому стоит задуматься, вкладывают ли европейцы и корейцы одинаковый смысл в одни и те же понятия.

Сделаем в связи с этим отступление и коснемся того, как повлияло на традиционную ментальность региона иероглифическое письмо вообще. Плюсом письма такого типа является то, что текст, написанный иероглифами за тысячу лет до нашей эры, может быть прочитан нашим современником, ибо за это время могли трансформироваться начертания знаков, но не их значение: иероглифы подобны цифрам или математическим символам: « $2+2=4$ » на разных языках звучит по-разному, но стоит написать это арифметическое действие, и его содержание будет ясно всем. Таким образом, передача информации во времени была гораздо более сохранной, ибо в процессе последовательного перевода с одного языка на другой любой текст искажается.

Но тут мы подходим к главному минусу иероглифического письма – рано или поздно число иероглифов стабилизируется, и принципиально новые знаки появляются крайне редко. Там, где в несимвольном языке можно было бы просто дать транскрипцию, в символьном приходится подбирать комбинацию примерно подходящих по смыслу знаков, вынужденно превращая «автомобиль» в «самодвижущуюся телегу». Происходит подстановка смысла, и принципиально новое понятие воспринимается не как что-то кардинально новое, а как новая комбинация старых знаков.

Когда же речь идет о философских понятиях, найти правильный символ для их обозначения еще сложнее. Характерным примером такой подстановки смыслов является слово «демократия» (кор. *минчжу*). Два иероглифа, взятых для его

²⁸ Учитывая семантику термина «Чхончжу», Чхве фактически объявил себя богом, причем воплощением христианского Бога-отца

²⁹ Пак А. В. Диссертация. Рукопись С. 65-66

³⁰ История Кореи (Новое прочтение). М., 2003. С. 201-202.

обозначения из «Книги песен», в оригинале означали «владыка народа», или «хозяин народа», хотя вне контекста их можно перевести как «народ правит». Если же говорить о сути демократии как форме политического строя, основанного на принципах народовластия, свободы и равенства граждан, то внимательный анализ каждого из этих понятий в иероглифическом преломлении не дает нам точного перевода.

То же касается восприятия ключевого для демократии понятия «народовластие». Идея прямого представительства народных масс во власти в конфуцианском государстве отсутствует, а иероглифы, которые были использованы для обозначения этого понятия, «читаются» не столько как власть народа, сколько как власть во имя народа или от имени народа.

Однако не следует думать, что идеи, связанные с понятием «демократия» в массовом сознании, в конфуцианской культуре отсутствуют вообще. Восприятие демократии, особенно такого ее компонента как плюрализм, можно проанализировать через конфуцианские категории «хэ», которую принято переводить как «гармония», и «тун», которую принято переводить как «согласие». Однако более внимательный анализ, сделанный Л. С. Переломовым³¹, трактует хэ как единство через разномыслие, а тун – как единство через послушание. В политической культуре эпохи Конфуция тун символизировало покорное единение с силой, исходящей, как правило, от верховной власти, в то время как хэ означало достижение единства путем столкновения и взаимопреодоления полярных сил.

Конфуций отдавал предпочтение хэ, сравнивая достигнутую таким образом гармонию с гармонией вкуса, полученного при приготовлении блюда, когда ингредиенты различного вида и различного вкуса в сочетании создают нечто новое и удивительное, или с музыкой, состоящей из разных нот.

Кстати, первые китайские социалисты для обозначения социалистического общества и его «великого единения» использовали термин *да тун*³², что предполагало единение через нивелирование и «приведение всех к единому стандарту»³³, в то время как новое китайское руководство, говоря о важности и необходимости плюрализма³⁴, апеллирует именно к категории хэ.

О том, как в иерархической системе воспринимают идею всеобщего равенства, мы уже говорили и повторяться не будем. Что же до понятия «гражданин», то его иероглифический аналог *кунмин* состоит из знаков со смыслом «государство» и «народ» и может обозначать не только граждан в европейском смысле этого слова (ведь в Китае не было вольных городов и их

³¹ Переломов Л. С. Конфуций. Лунь юй. М, 1998. С. 150.

³² Переломов Л. С. Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. С. 125.

³³ При этом надо помнить, что период ориентировочно с 1840 по 1949 гг. воспринимается в Китае как век позора и время смуты и хаоса. Именно поэтому руководство Пекина играет на идее единения.

³⁴ Если на Западе плюрализм является одной из базовых общественно-политических ценностей, а европейская культура считает его важным инструментом для социализации личности, в конфуцианском мире мораль, общественное сознание и современные реалии поощряют «единство в многообразии», где на первый план выдвигается именно понятие единства, отчего плюрализм скорее отторгается и преследуется.

свобод), но и народные массы вообще, а то и просто «подданных» как людей, живущих на территории данного государства. А «республика» (кор. *конхвагук*) в иероглифическом прочтении превращается в «государство разделенной (или поделенной) гармонии».

Не менее важно и дальневосточное понимание понятия «революции» - обозначающее его корейское слово *хёнмен* (кит. *гэмин*) буквально означает «исправлять, менять [Небесный] мандат».

Интересна и дискуссия о правильном переводе термина «свобода» (*liberty*). Кан Ювэй предлагал термин «цзы ю», что буквально значит «действовать по своему усмотрению». Лян Цичао предлагал вариант «цзы чжи» (примерно «самоупорядочивание»), отмечая, что «цзы чжи» таит в себе два смысла – «не подвергаться управлению со стороны другого человека» и «управлять собой, воздерживаясь от своеволия». Однако в обиход вошел термин «цзы ю», который, по мнению Л. С. Переломова и ряда других китаистов, означает не столько «свободу», сколько «вольности», возможно, ведущие к хаосу³⁵.

---

³⁵ Переломов Л. С. Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. С. 185.

Глава четвертая, в которой мы, наконец, добираемся до Тэвонгуна, Корея отражает первые попытки открыть страну, и неудачу терпит даже оригинальный план со взятием в заложники мумии отца регента

*Дым и пыль кораблей западных варваров
Покрывают мир темнотой.
Но великий свет с Востока
Освещает его и ведет к вечности.
Тэвонгун*

Правление Тэвонгуна

Более подробный очерк корейской истории мы начнем с момента воцарения предпоследнего корейского вана Коджона. Он был представителем боковой ветви правящего рода, так как предыдущий монарх умер от сифилиса и не оставил прямого наследника. Коджон (Ли Мен Бок, 1852-1919) взошел на престол в 1864 г., в возрасте 12-ти лет, и, по мнению некоторых, даже не получил достаточное для этой роли образование. Оттого первое время бразды правления были в руках его отца, принца Ли Ха Ына (1821-1898), родственника покойного вана Чхольчжона в шестом колене, более известного под его титулом «Тэвонгун», что можно перевести как «великий князь», или «князь-регент».

До прихода к власти Тэвонгун имел репутацию гуляки и человека, в целом далекого от большой политики (в годы правления Чхольчжона он занимал посты при дворе, но на фоне господства андонских Кимов, влиявших на политику путем систематической поставки жен в королевский гарем, не имел никакой власти). Именно поэтому придворные кланы, особенно вдовствующая королева из клана Пхунъянских Чо, были уверены в том, что им, как и малолетним ваном, будет

легко манипулировать. Однако в первые же месяцы Тэвонгун снял маску и очень решительно избавился от своих противников¹.

Практически сразу же Ли Ха Ын объявил о новой политике привлечения на службу людей не по их происхождению, а по способностям, и уже с 4-го месяца 1864 г. представителей семьи андонских Кимов и их ставленников стали смещать. Одновременно Тэвонгун изменил роль некоторых придворных ведомств, желая сделать королевскую власть более независимой, поднять ее престиж. С этой целью Тэвонгун заново отстроил разрушенный в ходе Имджинской войны дворец Кёнбоккун (1865-1868), который стал основной резиденцией короля.

Осознавая, что административная система нуждается в радикальном улучшении, Тэвонгун провел серию реформ. Помимо избавления аппарата от андонских Кимов, ставленники которых узурпировали власть на местах, он стремился ослабить влияние местной знати, издав в 1864 г. указ о подчинении всех провинциальных ведомств только распоряжениям центральных институтов власти, дабы представители влиятельных кланов на местах не могли диктовать чиновникам свою волю². Был возрожден институт тайных инспекторов, скрытно изучавших положение на местах и обладавших карательными полномочиями.

В 1866 г. он систематизировал законодательство (создание кодекса «Тэджон Хветхон»)³, издал указ о создании пятидворок и назначении в каждой из них старосты, выполнявшего полицейские функции⁴. Для ограничения роскоши были приняты указы, которые запрещали пользоваться серебряной посудой (1865) и носить шелковую одежду (1867).

В рамках этой же политики Тэвонгун продолжил борьбу против конфуцианских «храмов славы» - *совонов*, которые к тому времени не только

---

¹ История Кореи (Новое прочтение). С. 202.

² История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Том I. С. 321.

³ В.М. Тихонов, Кан Мангиль. История Кореи. Том I, С. 372-373

⁴ Тягай. С. 55.

были кузницей кадров для разнообразных фракций и группировок, но обладали весом и привилегиями, сравнимыми с буддийскими храмами в конце периода Корё. В 1865 г. Тэвонгун закрыл очень известный храм Мандонмё (традиционный оплот группировки «стариков»), в 1868 г. упразднил около тысячи нелегальных храмов, не имевших жалованных *ваном* вывесок, и отдал приказ, чтобы оставшиеся конфуцианские храмы платили налоги, а к 1871 г. он оставил лишь 47 легализованных храмов из всех ⁵. Хотя упразднение конфуцианских храмов вызывало ожесточённый протест местных конфуцианских учёных, Тэвонгун решительно продолжал свою политику, заявляя: «Я не прощу того, кто вредит народу, даже если скажут, что это сам Конфуций».

В 1870-1872 гг. Тэвонгун даже отменил ряд ограничений, связанных со сдачей экзаменов, устранив региональную дискриминацию и даже облегчив участь *сооль*⁶. На ответственных постах оказалось и несколько поздних сирхакистов⁷.

Проводя политику «самоусиления», Тэвонгун пытался заниматься укреплением армии, которая до того выполняла исключительно церемониальные и карательные функции. Закупалось огнестрельное оружие, ремонтировались и сооружались новые крепости, усиливалась береговая охрана. Офицерам было запрещено пользоваться паланкинами для того, чтобы они учились ездить верхом.

Кроме этого, Тэвонгун пытался противостоять Западу при помощи новых видов оружия, среди которых стоит отметить утонувший во время испытаний цельнометаллический *кобуксон* и попытку построить летательный аппарат из журавлиных перьев, что привело к почти полному исчезновению журавлей⁸.

Тэвонгун ввел единый для всего населения подворный налог (то есть, впервые ввел прямое налогообложение *янбанов*) и провел ряд других мер по ограничению власти *янбанского* сословия, что радикальные конфуцианцы сочли

⁵ Тягай Г. Д. Очерк истории Кореи во второй половине XIX в. М., 1960. С.34-35.

⁶ Толстокулаков И. А. Политическая модернизация Южной Кореи. Часть 1. С. 208.

⁷ В.М. Тихонов, Кан Мангиль. История Кореи. Том I, С. 372

⁸ Breen M. The Koreans...P. 98.

нарушением морали и угрозой общественному порядку. Лидер этой группы Ли Хан Но посылал во дворец петиции, убеждая *вана*, что единственным залогом благополучия государства является мораль, и что только возвращение к временам Конфуция и Мэн-цзы спасет страну. «Если *ван* рано встает и поздно ложится», нет необходимости заниматься модернизацией экономики. В качестве варианта спасения страны он предлагал воздержание от военных авантюр, помпы и роскоши: следовало прекратить помпезные проекты по модернизации, ввести режим экономии с тем, чтобы даже дворец ввергнуть в «благородную бедность», уделять внимание нуждам народа. Именно в этом случае правительство получит поддержку общественного мнения, а силы народа и мощь духа окрепнут. Сторонники такого курса устраивали по этому поводу бурные демонстрации, на которые являлись с топорами в руках в знак того, что готовы отрубить себе головы ради того, чтобы *ван* воспринял их идеи.

Естественно, все эти проекты требовали денег и ложились тяжелым бременем на население: для покрытия расходов, связанных с реализацией своих планов, в декабре 1866 г. Тэвонгун провел денежную реформу, в результате которой одна новая монета стала равняться 100 старым, ввел новые налоги и увеличил старые. Такие непопулярные меры, не говоря уже о мобилизации людских ресурсов на строительные работы, привели к волнениям крестьянских масс и стимулировали начало бегства корейских крестьян через границу в Россию и Маньчжурию, ибо распространение новой монеты с принудительным курсом обмена привело к росту цен на продовольствие и другие товары.

Идеологической платформой Тэвонгуна стал приписываемый Ли Тхве Ге лозунг «*Виджон чхокса*» («Установим истину, изгоним ересь»), под которым понималось непреклонное следование конфуцианской традиции, решительное отмежевание от контактов с Западом и курс на самоусиление. Он отклонял любые просьбы о международных контактах и договорах с западными державами, в том числе и требования о разрешении пропаганды христианства.

Точнее, первоначально Тэвонгун был настроен по отношению к христианству достаточно нейтрально, и в первые годы после прихода к власти надеялся использовать католических миссионеров, чтобы с помощью европейцев воспрепятствовать возможному «продвижению» России. В 1865 г. он через посредников обратился за помощью к французскому епископу Берне. В ответ в феврале 1866 г. представители христиан во главе с неким Фомой Кимом⁹ подали Тэвонгуну петицию о необходимости заключить союз с Францией и Англией в качестве гарантии защиты Кореи от российских притязаний¹⁰, а также потребовали ввести свободу вероисповедания.

Двор счел это в высшей степени неуместным, особенно на фоне второй опиумной войны, где «вслед за миссионерами пришли батальоны». Было решено что христианство есть антигосударственная ересь, а те, кто его исповедует, - агенты западного влияния¹¹, после чего начались репрессии. Созванные на государственное совещание католические священнослужители были арестованы и подвергнуты смертной казни¹², а их корейскую паству вырезали почти наполовину. Преследования христиан продолжались с 1866 по 1874 гг., при этом указ предписывал сжигать иноземные книги. Сразу же после прихода Тэвонгуна к власти был казнен и Чхве Чжэ У, о котором мы упоминали ранее.

Не менее жестким было и его отношение к японцам, чьи потуги преобразовать существующие отношения двух стран по международному образцу он отвергал с не меньшей решительностью. Стремительно модернизирующаяся Япония с ее лозунгом «Богатая страна, сильная армия» была для Тэвонгуна примером того, насколько можно впасть в варварство и отойти от конфуцианских традиций, а конфуцианские ученые вроде уже упомянутого нами Ли Хан Но или Чхве Ик Хёна шли даже дальше: поскольку теперь японцы плавают на

⁹ http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Korea/XIX/1880-1900/Sovr_Korea/text.phtml?id=2379. Текст воспроизведен по изданию: Современная Корея // Исторический вестник. № 2, 1886.

¹⁰ Пак Б. Д. Россия и Корея. С. 97.

¹¹ Толстокулаков И. А. Политическая модернизация Южной Кореи. Часть 1. С. 205.

¹² http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Korea/XIX/1880-1900/Sovr_Korea/text.phtml?id=2379. Текст воспроизведен по изданию: Современная Корея // Исторический вестник. № 2, 1886

европейских кораблях, используют европейское оружие и носят европейскую одежду, их должно воспринимать как новый вариант европейцев, а, следовательно – держаться от них подальше. «Эти дикари озабочены лишь материальной выгодой и далеко ушли от человеческой морали».

В 1866 г. в Корею было отправлено японское посольство, почти все члены которого были убиты. В живых оставили лишь одного, и он должен был передать письмо довольно оскорбительного содержания. В нем, в частности, говорилось, что титул японского императора взят «самочинно» и он не обладает Небесным Мандатом, что Корея уже отразила несколько вторжений варваров и в состоянии справиться с Японией, которая идет у них на поводу¹³. В 1870 г. Япония еще раз попыталась установить дипломатические отношения, но корейцы снова отказались от них. Правда, на этот раз обошлось без жертв.

Первые контакты с Европой

В правление Тэвонгуна были предприняты и первые попытки «открыть» страну представителями Европы. В 1854 г. восточные порты Кореи посетил российский фрегат «Паллада» во главе с адмиралом Е. В. Путятиным, а в 1864 г. российские власти неоднократно предлагали Корее начать официальную приграничную торговлю. **В январе** 1866 года в гавани Вонсана бросил якорь русский военный корабль, и в Сеул было направлено письмо, просящее о свободной торговле с Кореей. В ответ им пришло разъяснение, что поелику Корея является вассалом Китая, дело должно быть рассмотрено в Пекине, куда уже послан человек с этим поручением¹⁴. На том все и закончилось.

Первая попытка открыть страну силой была связана с тем, что 11 октября 1866 г. после очередной волны репрессий против христиан, когда было казнено 9 (из 12 тайно пребывавших в стране) французских священников, а общее

---

¹³ Пак Б. Д. Россия и Корея. С. 106.

¹⁴ Hulbert, Homer B. The history of Korea. vol. 2 стр. 205

количество убитых, по разным источникам, доходило до 8 тыс. чел.¹⁵, французское правительство отправило в Корею военную экспедицию, формальной целью которой была месть за казненных миссионеров. Представитель Франции в Китае г. Беллонэ тогда даже обратился к китайскому императору с пафосным письмом, уведомляющим, что «день, когда король Кореи смочил свои руки в крови моих несчастных соотечественников, был последним днем царствования этого короля»¹⁶.

Эта попытка Наполеона III завоевать Корею была первой колониальной войной в Восточной Азии, которая прекратилась из-за малочисленности французского контингента (7 кораблей, 600 солдат на борту¹⁷) и внутренних причин в самой Франции..

Серьезного успеха вторженцы не добились. Им удалось захватить часть о. Канхвадо, где 16 октября они взяли штурмом летнюю резиденцию корейских *ванов* и вывезли оттуда национальные архивы и произведения искусства на общую сумму более 200 тыс. франков¹⁸. Затем был высажен десант на полуостров, но попытка двинуться на Сеул и заблокировать устье р. Ханган, была отбита - корейские власти без труда мобилизовали двадцатитысячную армию, которая фактически сбросила французов в море¹⁹. Одновременно были разбиты войска, находящиеся на о. Канхвадо, после чего интервенты отступили на корабли²⁰.

И хотя кроме регулярной армии (практика рекрутского набора прекратилась в 1840 г.) для отражения агрессии пришлось привлекать полувоенные силы типа *побусанов* или охотников на тигров²¹, а для имитации многочисленности войска

¹⁵ Cumings B. Korea's place... P. 96.

¹⁶ http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Korea/XIX/1880-1900/Sovr_Korea/text.phtml?id=2379 . Текст воспроизведен по изданию: Современная Корея // Исторический вестник. № 2, 1886

¹⁷ История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Том I. С. 324.

¹⁸ На о. Канхвадо находились Походный дворец, являвшийся временной резиденцией *вана*, и филиал королевской библиотеки Кюджангак, где хранилось более 6 тыс. томов ценных книг, большинство из которых сгорело. Как пишет Хан Ён У, французская армия увезла золота и серебра на сумму 200 тыс. франков, а также более 300 книг с рисунками, иллюстрирующими различные церемонии династии Чосон, и передала их в дар Наполеону III. Сейчас эти книги хранятся в Парижской государственной библиотеке.

¹⁹ Cumings B. Korea's place... P. 96.

²⁰ История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Том I. С. 324.

²¹ Henderson. P. 381.

расставлять по берегам реки группы соломенных чучел²², этот факт окончательно убедил Тэвонгуна в правильности выбранной им политики и способности дать отпор внешним варварам. По стране даже расставили стелы с текстом: «Варвары с запада напали на нас с намерением либо начать войну, либо заставить подписать договор. Если мы согласимся на последнее, то это будет означать измену стране. Наши потомки должны знать об этом в течение десяти тысяч поколений»²³.

В том же году произошел довольно важный для нашей истории инцидент с американской шхуной «Генерал Шерман». Это судно под командой некоего Престона, принадлежащее английской фирме Meadows and Co²⁴, имело на борту четырех белых и двадцать китайцев. Оно вошло в устье р. Тэдонган недалеко от Пхеньяна и было сожжено местным населением после того, как его команда попыталась заняться грабежом и миссионерской деятельностью.

Относительно деталей этой истории существует несколько версий. Как сообщал по горячим следам российский посланник в Пекине, «Судно это не было занесено бурей в Корею, а пришло само в устье реки Пхеньян, и находившиеся на нем два человека, говорившие по-корейски, из коих один француз, а другой англичанин, объявили, что против Кореи собирается большая экспедиция французов и англичан и если местные власти дозволит означенному судну начать торговлю с жителями, то оно примет на себя рассеять войска обеих стран, которые высадутся на берег. Несмотря на просьбы местной власти, чтобы судно отплыло для избежания каких-либо осложнений с жителями, оно продвигалось вверх по течению и в одно утро захватило силою на свой борт помощника начальника округа, сопровождавшего в своей лодке непрошенное иностранное судно. На все требования отпустить захваченного в плен сановника иностранцы отвечали, что они его отпустят, когда дойдут до главного города округа. Когда же

²² http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Korea/XIX/1880-1900/Sovr_Korea/text.phtml?id=2379 . Текст
воспроизведен по изданию: Современная Корея // Исторический вестник. № 2, 1886.

²³ Hulbert, Homer B. The history of Korea. vol. 2 стр. 215

²⁴ http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Korea/XIX/1880-1900/Sovr_Korea/text.phtml?id=2379 . Текст
воспроизведен по изданию: Современная Корея // Исторический вестник. № 2, 1886.

корейцы вздумали отнять его силой, то судно сделало несколько выстрелов, коими было убито несколько десятков человек. Разъяренный этими поступками народ бросился большими массами, развел на обоих берегах большие огни и поджег судно, которое от взрыва находящегося в нем пороха взлетело в воздух со всем экипажем и пассажирами»²⁵.

Американцы склонны считать, что корабль просто потерпел бедствие, и его команда оказалась в запретной зоне, из-за чего была уничтожена войсками. Как пишет Х. Хальберт, «парусное судно «Генерал Шерман», перевозившее 5 белых иностранцев и 19 азиатов и чей целью являлась торговля, вошло в устье реки Тэдон. Губернатор провинции Пхёнан потребовал назвать причину прибытия, на что ему ответили, что хотели бы начать торговлю с Кореей. Хоть и было сказано, что это невозможно, иностранное судно не только не покинуло провинцию, а наоборот, отправилось вверх по реке, пока не достигло острова Янджак недалеко от Пхеньяна. Из-за проливных дождей и исключительно высокого прилива судно смогло пройти через ограничение и вскоре засело в грязи. Надежды на его спасение не было. Этот поступок сильно удивил корейцев. Насколько отчаянными должны быть намерения человека, чтобы он повел свой корабль на верную гибель. Спустя какое-то время от регента пришел приказ о начале атаки по судну, если в ближайшее время оно не уплывет. Затем завязался бой, который не возымел никакого эффекта для обеих сторон, пока корейцы не подожгли Генерала Шермана зажигательными плотами. Командиры и экипаж были вынуждены броситься в воду, где многие из них потонули. Тех, кто уцелел и добрался до берега, зарубило взбесившееся население. Сегодня подтверждением произошедшего сражения можно считать всеящие якорные цепи злополучного судна у одних из ворот Пхеньяна»²⁶.

Любопытно, правда, что в более поздней своей книге его позиция становится нейтральнее: «Судно подошло к корейскому побережью в сентябре, и,

---

²⁵ Пак Б. Б. Борьба западных держав за открытие корейских портов и позиция России (1866-1871). Документы // Россия и народы стран Востока. Иркутск. 1993. С. 132.

²⁶ Hulbert, Homer B. The history of Korea. vol. 2 стр. 207

несмотря на предупреждения и угрозы, продолжало упорно плыть вверх по реке Тэдонган к Пхеньяну. Это было возможно только благодаря высоким весенним приливам и тяжёлому паводку. Корейцы же считали, что американцы не собираются отступить, потому что не видели других объяснений тому, как такое судно выбралось из столь опасного положения. Был отдан приказ на уничтожение. Судно было сожжено, а команда, едва ступив на берег, тут же убита. Поэтому часть вины, учитывая провокацию другой страны, была возложена на корейцев²⁷»

Ряд советских и российских историков (в частности, В.Ф.Ли) полагает его целью военную разведку и делает «Генерал Шерман» торговым вооруженным транспортом, который доплыл до Пхеньяна и был уничтожен артиллерийским огнем береговой охраны²⁸. То, что это американское судно имело на борту крайне немногочисленную команду, состоящую в основном из китайцев, из данного текста неочевидно. Более того, создается впечатление, что речь шла о типичном примере «дипломатии канонерок».

Корейская версия сводится к тому, что американцы плавали по всему региону, занимались торговлей там, где можно, и грабежом там, где нельзя, маскируя свои действия проповедями христианства. 21 августа корабль вошел в корейские территориальные воды. Местные власти снабдили его продовольствием, но когда на борт корабля поднялся корейский чиновник, чтобы получить объяснения по поводу происходящего, его взяли в заложники и стали грубо требовать, чтобы корейские власти снабдили их провизией и деньгами, официально разрешили им торговать с корейцами, а также разрешили проповедовать в Корее христианскую веру. Вдобавок местные католики из окрестностей Пхеньяна решили, что корабль был послан, чтобы избавить их от гонений: В.М. Тихонов пишет, что изображение королевы Виктории на привезенных открытках было принято ими ошибке за портрет Девы Марии²⁹.

---

²⁷ The Passing of Korea, стр. 116

²⁸ История Кореи (Новое прочтение). С. 212-214.

²⁹ В.М. Тихонов, Кан Мангиль. История Кореи. Том I, С. 376

Помимо этого, командование корабля распространяло слухи о том, что одновременно с его появлением на севере Кореи в южные провинции прибыла целая эскадра. Заметим, что «наглое поведение команды» признавали сами американские дипломаты, а «экипаж судна был вооружен с головы до ног, так что в Китае, откуда это судно вышло, сейчас же догадались о пиратских намерениях этих торговых мореплавателей»³⁰.

В результате 2 сентября местное население подожгло корабль при помощи брандеров, и то, что уничтожение захватчиков было стихийным выступлением народных масс, а не произошло по указанию свыше, отмечает целый ряд историков, в том числе даже Ян Сын Чхоль. Северокорейские источники добавляют, что Ким Ын У, сельский староста, организовавший эту контратаку, был прадедом великого вождя товарища Ким Ир Сена.

В принципе, экспедиция «генерала Шермана» была сугубо частным предприятием, к которому американское правительство не имело никакого отношения, но и Тэвонгун, и представители левого направления в историографии Кореи любят подчеркивать эту историю как доказательство того, что Соединенные Штаты никогда не хотели Корею ничего хорошего. Тем более что согласно одной из версий, целью этой экспедиции был грабеж сокровищ из могил знатных корейцев. Американцев привлекали слухи о том, что в районе Пхеньяна находятся гробницы *ванов* Когурё, сделанные из чистого золота³¹. Так ли это, неизвестно, однако одна попытка грабить могилы в корейской истории, безусловно, была.

В том же 1868 г. американский авантюрист немецкого происхождения Эрнст Яков Опперт предпринял в данном направлении весьма занятную и показательную авантюру, которая нередко позиционируется как первая попытка Соединенных Штатов заключить с Кореей неравноправный договор.

---

³⁰ http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Korea/XIX/1880-1900/Sovr_Korea/text.phtml?id=2379 . Текст
воспроизведен по изданию: Современная Корея // Исторический вестник. № 2, 1886

³¹ История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Том I. С. 323-324.

Эрнст Яков Опперт был средним братом из трех ученых-путешественников (старший, Жюль, был профессором ассириологии, а младший, Гюстав-Соломон - серьезным специалистом по санскриту³²), но в нашей истории он проявил себя как образцовый «расхититель могил», наметивший своей целью курган, где покоился прах принца Намъёнгуна, приходившегося князю-регенту приемным отцом. При этом Опперт собирался не просто разграбить могилу и поживиться сокровищами, но, зная дальневосточные традиции и понимая почитание предков, захватить прах отца Тэвонгуна с тем, чтобы вынудить того вести переговоры и таким образом получить лавры человека, «открывшего страну»³³. По некоторым сведениям, он трижды посещал Корею в поисках сокровищ³⁴.

План был разработан при участии американского консула в Шанхае (где слухи о «золотых гробах» были распространены широко), однако основным спонсором экспедиции был некто Ф. Дженкинс, бывший переводчик американского консульства, впоследствии – торговец³⁵. На его средства были снаряжены два судна (пароход «Чайна» и паровое судно «Грета») с общей командой в 128 матросов (восемь европейских матросов, двадцать филиппинцев и сотня китайцев). Был подготовлен текст американо-корейского торгового договора, содержащий 21 пункт и построенный по образцу неравноправных взаимоотношений с Японией и Китаем, а французский аббат Ферон (кстати, один из немногих французских миссионеров, которому удалось покинуть Корею³⁶.) выступал проводником³⁷.

Вначале экспедиция высадилась в районе Куманпхо провинции Чхунчхон, где пыталась разграбить гробницу Намъёнгуна, однако «взятия мумии в заложники» не случилось. Гробокопатели пытались взорвать курган, но заряд

³² <http://slovari.yandex.ru/dict/brokminor/article/30/30449.html>

³³ Cumings B. Korea's place... P. 98, 99.

³⁴ <http://do.gendocs.ru/docs/index-261949.html?page=3>

³⁵ История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Том I. С. 325.

³⁶ The Passing of Korea, стр. 116

³⁷ Любопытно, что в одном из источников встречается версия о том, что гробокопатели выдавали себя за русских солдат, однако реальный источник данного слуха, приведенный по адресу <http://teleobektiv.ru/Istoriya-Korei/Ekipazh-parohoda-%C2%ABGreta%C2%BB.html>, автором пока не выявлен.

оказался недостаточным, и привлеченные взрывом местные жители заставили вандалов отступить³⁸.

Затем Опперт и Ко высадились на о. Ёнчжондо, где опять-таки попытались заняться мародерством и были изгнаны местным населением³⁹. Корабли Опперта воротились в Шанхай, потеряв убитыми всего двух матросов⁴⁰, и хотя впоследствии участники экспедиции утверждали, что отправляли *вану* требование открыть порты и подписать договор, но в международных кругах их воспринимали, в первую очередь как охотников за сокровищами, и даже такой американский автор как Х. Хальберт, подчеркивает, что «операция была затеяна чисто в рамках грабежа»⁴¹, и разговоры о том, что Опперт и его команда были друзьями римских католических священников, убитых годом ранее, неправда.

Тем не менее, по материалам этого и иных путешествий, Опперт даже опубликовал богато иллюстрированную книгу с характерным названием «Запретная земля» (Ein verschlossenes Land)⁴².

В июле 1868 г. произошел и инцидент с русской канонеркой «Соболь», сделавшей остановку на о. Канхва. Ее сошедшие на берег матросы были атакованы корейцами из крепости, после чего судно открыло ответный огонь. Инцидент был назван «прискорбным», а правительству Кореи было передано письмо с выражением соболезнования⁴³.

После этих историй Тэвонгун окончательно счел всех европейцев врагами и после провала французской агрессии расставил по стране стелы с надписями примерно такого содержания: «Западные варвары вторглись в наши земли. Если мы не будем сражаться с ними, мы должны будем склониться перед ними.

---

³⁸ Эта версия встречается у историков наиболее часто, однако должен отметить, что в корейских текстах об этом говорят как о «случае ограбления могилы», и звучащая по-корейски эта фраза не дает адекватного ответа на то, как это все происходило, была могила разрыта или нет. В результате каждый европейский автор как бы дорисовывает картинку по своему разумению. См. по этому поводу <http://www.rauk.ru/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=58>

³⁹ История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Том I. С. 325.

⁴⁰ http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Korea/XIX/1880-1900/Sovr_Korea/text.phtml?id=2379. Текст воспроизведен по изданию: Современная Корея // Исторический вестник. № 2, 1886

⁴¹ *The Passing of Korea*, стр. 298

⁴² Oppert E., Ein verschlossenes Land, Leipzig, 1880

⁴³ Пак Б. Д. Россия и Корея. С. 101-103.

Настаивать на мире с ними значит предать страну». Минусом такой политики было полное отрицание достижений западной культуры, ослаблявшее Корею на фоне вестернизации окружающих стран.

В 1871 г. для расследования инцидента с «Генералом Шерманом» Конгресс США отправил в Корею пять военных кораблей (включая две канонерки) под командованием посла США в Пекине Фредерика Лоу и адмирала Джона Роджерса. В Соединенных Штатах эту экспедицию считали «небольшой войной с неверными» (корпус вторженцев составил 1230 солдат и 85 пушек⁴⁴), о которой вскоре фактически забыли, и Б. Камингс даже указывает на то, что в Северной Корее этому историческому событию, равно как и предшествующему ему «потоплению «Генерала Шермана», уделялось несравнимо больше внимания, чем в США.

Эскадру встретили артиллерийским огнем, но все корейские ядра и бомбы пролетели мимо, не задев никого⁴⁵, после чего американская морская пехота сумела взять укрепления на о. Канхвадо, прикрывающие морские подступы к Сеулу, хотя оборонявшие их тигровые охотники дрались буквально до последнего, атакуя противника голыми руками, когда у них кончились боеприпасы⁴⁶. Американские источники отмечали храбрость корейцев и их мужество, но (как хорошо подметил М. Брин) делали это так, как охотник описывает доблесть только что застреленного им льва⁴⁷.

Вторжение, предпринятое американцами, оказалось гораздо более разрушительным, чем пришествие французов. Янки уничтожили 481 пушку и убили более 300 корейцев, имея всего одного убитого и 5 раненых (согласно другим данным, потери экспедиции Лоу-Роджерса составили 13 человек, но порядок жертв понятен). На острове американцы пробыли три недели, ожидая, что после такой демонстрации силы, аналогичной разрушению форта Симоносеки

---

⁴⁴ История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Том I. С. 326.

⁴⁵ http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Korea/XIX/1880-1900/Sovr_Korea/text.phtml?id=2379. Текст воспроизведен по изданию: Современная Корея // Исторический вестник. № 2, 1886.

⁴⁶ Cumings B. Korea's place... P. 97.

⁴⁷ Breen M. The Koreans... P. 98.

в 1855 г., после которого был подписан американо-японский договор, корейцы тоже сдадутся и пойдут на их условия. Однако корейское правительство медлило, против американцев началась партизанская война, припасы кончались, и, так и не получив инструкций от Конгресса о дальнейшем ведении полномасштабной войны, эскадра отправилась восвояси. Во всяком случае, отступление военной экспедиции старательно объясняется американцами отсутствием инструкций, а не отсутствием успеха⁴⁸.

Власть меняется...

Тэвонгун утратил власть в стране в ноябре 1873 г. после того, как конфуцианские сановники, в особенности некий Чхве Ик Хён, бомбардировали двор меморандумами о том, что король уже женат и, следовательно, может управлять государством сам и в регенте не нуждается. По настоянию принца-регента малолетнего короля женили на представительнице менее знатного, чем Андонские Кимы, дома Мин, но новая королева быстро прибрала к рукам мужа, став опасной соперницей Тэвонгуна. Кроме того, в 1873 г. у Тэвонгуна испортились отношения с вдовствующей королевой Чо, которая в свое время способствовала его приходу к власти. В результате с наступлением совершеннолетия короля Тэвонгун был отстранен.

Ян Сын Чхоль и другие историки замечают, что это не было восстановлением королевской власти, а заменой одного временщика другим. Партия королевы отличалась сравнительной прогрессивностью по сравнению с партией Тэвонгуна, однако, по-прежнему являла собой типичную придворную клику со всеми сопутствующими ей пороками. Большинство историков описывает клику королевы Мин как сборище некомпетентных и коррумпированных чиновников, безусловно, ориентированных на Китай.

---

⁴⁸ Корейские историки в этой связи отмечают другое. Тэвонгун получил донесения о победе и воспринял уход американцев не просто как подтверждение правильности своей политики, но и как подтверждение удивительной мощи и боеспособности корейской армии. Последствия понятны.

Тэвонгун же вошел в историю как личность неоднозначная: с одной стороны, он был последним примером активно действующего правителя и политиком, много сделавшим для укрепления страны и усиления легитимности королевской власти, а с другой – отчаянным националистом и ксенофобом, хотя если судить по делам, многое из реформ Тэвонгуна было продуктом деятельности сирхакистов, особенно – их умеренного крыла.

И. А. Толстокулаков считает, что успешные действия Тэвонгуна, направленные на оздоровление финансовой системы (введение государственных монополий, упорядочение финансов и чеканки денег, ограничение спекуляций землей и зерном, запрет на чрезмерную роскошь) сумели предотвратить назревавший к концу XIX в. экономический кризис, связанный со структурными проблемами феодального строя⁴⁹.

Некоторые южнокорейские ученые, в том числе Лю Ён Ик, даже называют Тэвонгуна первым корейским диктатором или первым манипулятором, использовавшим для достижения своих целей и официальные, и неофициальные каналы. Как писал о нем Хальберт, «его главной чертой была непоколебимая сила воли, которая была присуща и его желанию истребить любые препятствия, будь то моральные, экономические, политические и даже родственные. Однако он не мог принять примет нового времени. В его жизни самыми огромными ошибками были убеждения в том, что он сможет устранить католицизм силой, и в том, что он сможет предотвратить открытие страны для внешнего влияния»⁵⁰. Действительно, Тэвонгун пытался привести в порядок традиционную административную систему, в том числе – снизить недовольство народа дворянскими притеснениями. Однако его главной проблемой было непонимание того, что «время изменилось»: борьба с католицизмом и иностранной интервенцией вылилась в отрицание достижений западной культуры, которое

---

⁴⁹ Толстокулаков И. А. Политическая модернизация Южной Кореи. Часть 1. С. 206.

⁵⁰ *The Passing of Korea*, стр. 114

объективно делало Корею гораздо слабее как стран Запада, так и Японии, вставшей на путь вестернизации.

Глава пятая, в которой Корею, наконец, открывают, на смену старым фракциям приходят новые, а солдаты городской стражи устраивают «стрелецкий бунт» с далеко идущими последствиями

Начало правления клана Мин

Хотя формально Кочжон объявил, что будет править самостоятельно, автору кажется резонным уделить внимание портрету лиц, чья политика будет определять курс развития Кореи в это критическое время. Конечно, личность скорее катализирует или замедляет общественно-политические процессы, но в нашем случае историки нередко задаются вопросом о том, как развивались бы события, управляй Кореей кто-то другой.

Добродушие Коджона, его стремление общаться с иностранцами отмечают многие источники¹, равно как и отсутствие характера, суеверность², политический инфантилизм и наивность³. Мягкий, добросердечный и, в принципе, неплохой человек был слишком нерешительным для того места, на котором оказался, и того времени, в которое ему пришлось руководить страной. У него не было ни дипломатической хитрости, ни политической интуиции, ни талантов лидера, ни даже той жесткости, которая отличала его отца. К тому же он всегда придерживался консервативных взглядов и весьма неблагоприятно относился к любым административным изменениям⁴.

Коджон патологически не умел извлекать уроки из своего политического опыта, не учился на собственных ошибках, был человеком очень непоследовательным, даже трусливым, и легко поддавался внешнему влиянию. Начав править самостоятельно, Кочжон следовал всем конфуцианским нормам, а когда они окончательно перестали отвечать требованиям времени, просто

¹ Гамильтонъ Ангюсь. Корея. С.-Петербург, Издание А. С. Суворина, 1904. С. 67.

² The Passing of Korea, стр. 346

³ Корея глазами россиян (1895-1945). Российское корееведение в прошлом и настоящем. Том V. М., 2008. С. 37-38

⁴ The Passing of Korea, стр. 152

отстранился от выработки властных решений, завися от того или иного временщика и заявляя в критических ситуациях, что тот или иной шаг был принят им под давлением. Не случайно не раз имевший с ним дело Ито Хиробуми говорил, что к нему неприменимы такие слова, как «слово чести»,

И хотя южнокорейская историография проявляет определенную тенденцию к тому, чтобы сделать из Кочжона своего рода страстотерпца (выдавая его нерешительность за проявление глубокого пацифизма и неприятия насилия, из-за которых он не мог допустить, чтобы народ пострадал по его вине), мне это очень напоминает попытку ряда российских историографов обелить Николая II, который, безусловно, несет ответственность за судьбу погубленной им страны.

У иностранцев Коджон обычно вызывал сострадание и сочувствие. А. Гамильтон писал о Коджоне как о «добрым милостивом, приветливом государе, желающем внедрения прогресса в свою страну», который «работал по ночам до самого рассвета»⁵. Изабелла Бишоп отмечала, что «его поза и манеры не без чувства достоинства», а «натуральная доброта хорошо известна»⁶. Однако она же писала о том, что «к сожалению, для человека, чьи указы стали законами страны... он нуждается в твердости характера и хваткости цели. Многие лучшие проекты реформ потерпели неудачу из-за его слабости воли»⁷.

Однако, как кажется автору, наиболее развернутое и эмоциональное описание того, что представлял собой Кочжон с психологической точки зрения оставил В. Серошевский.: «(он) всецело находится во власти окружающих, требования которых естественно все возрастают... толпа все новых любимцев, наперсников, кудесников, жадная и властолюбивая, стремится захватить вакантные места. У императора постоянно не хватает денег... Между тем от него все требуют подачек и он вынужден все давать и давать... Он столько раз видел измену друзей, жестокость любимцев, надменность вчерашних рабов... неимоверное поклонение при жизни и после смерти, а в сущности вечный плен,

⁵ Гамильтонъ Ангюльс. Корея. С.-Петербург, Издание А. С. Суворина, 1904. С. 68.

⁶ Korea and her neighbors, p 253

⁷ Korea and her neighbors, p 255-56

огромная возможность причинять всякое зло и бесконечно малая совершать добро, - вот судьба корейских императоров»⁸.

Так что на самом деле власть перешла к королеве, точнее – к новому правящему клану Мин, и некоторые историки, в том числе авторы учебника *Understanding Korean History*, открыто называют период с 1873 по 1894 гг. периодом правления королевы Мин⁹, биографии которой мы тоже уделим внимание.

Теперь о королеве. В восемь лет она потеряла родителей, в 16 ее выдали замуж за пятнадцатилетнего короля. В основе брака лежали сугубо прагматические соображения: Тэвонгун выбрал для своего сына жену из относительно худородного клана, рассчитывая избежать ситуацию, при которой родственники жены вана немедленно приобретают политический вес и начинают заниматься разграблением страны.

Поначалу королева и Кочжон тяжело переносили друг друга. Кочжон не особенно занимался конфуцианским самообразованием, зато амбициозная королева уделяла меньше внимания увеселениям и больше – книгам. Более пяти лет Кочжон не проявлял интерес к ней как к женщине, и королева даже заявляла, что муж презирает ее, но, по мере развития модернизации страны, она сумела привязать мужа к себе.

Борьба между королевой и Тэвонгуном стала открытой после того, как ее сын умер через четыре дня после рождения. Тэвонгун публично заявлял, что королева не способна выносить здорового ребенка мужского пола, в то время как королева считала, что дело в лекарствах, которыми ее пичкали по указанию свекра Тэвонгуна. Впрочем, стоит вспомнить, что два сына и дочь королевы, рожденные позднее, не дожили до одного года, а единственный сын, который прожил дольше, страдал отклонениями развития¹⁰, - умственная отсталость

---

⁸ Корея глазами россиян (1895-1945). С. 141.

⁹ *Understanding Korean History*. С. 158.

¹⁰ *Korea and her neighbors*, p 253

наследника престола была видна невооруженным глазом¹¹. Между тем, дети Кочжона от иных женщин были полноценными.

Пытаясь добыть наследника, Тэвонгун подтолкнул сына к одной из наложниц, и в апреле 1868 г. она родила ему сына, которого Тэвонгун объявил наследником престола. Однако, когда Тэвонгун утратил пост регента, королева немедленно лишила эту наложницу всех титулов и отправила ее в деревню, где ее ребенок вскоре умер при не совсем ясных обстоятельствах. Статус королевы поднялся после того, как 8 февраля 1874 года она наконец родила наследника. Постепенно королева и ее клан заняли доминирующие должности при дворе, и сама королева принимала активное участие в дворцовой политике.

В общем, новый семейный клан, сменивший у власти Тэвонгуна, оказался не сильно отличающимся от тех, с которыми он боролся с точки зрения коррупционности и протекционизма. Место Тэвонгуна занял один из старших братьев королевы Мин Сын Хо, довольно быстро заработавший репутацию коррупционера и в 1874 году ставший первой в истории Кореи жертвой покушения с помощью бомбы. Неизвестные передали ему шкатулку, которая при открытии взорвалась, убив его вместе с частью семьи¹².

Большинство историков полагает, что здесь не обошлось без Тэвонгуна¹³, однако это ничего не изменило – на смену одному брату пришел другой, Мин Тхэ Хо. Среди иных заметных коррупционеров, которые пользовались высокой должностью для достижения своей личной выгоды, и были объектом множества жалоб, отметим Мин Ён Чжуна¹⁴.

Во внутренней политике клан Мин привечал конфуцианских ученых, восстановив разогнанные Тэвонгуном частные академии. Они отменили ряд новшеств Тэвонгуна, в том числе использование дешевой валюты. Однако

---

¹¹ Letters from Joseon. С. 105.

¹² Hulbert, Homer B. The history of Korea. vol. 2 стр. 218

¹³ The Passing of Korea, стр. 120

¹⁴ Hulbert, Homer B. The history of Korea. vol. 2 стр. 248

финансовое положение страны продолжало ухудшаться. Это вызывало дальнейшее ослабление административной системы, постоянные локальные бунты и общий рост преступности. В.М. Тихонов приводит по этому поводу целый ряд впечатляющих примеров¹⁵ вплоть до истории с подделкой государственной печати¹⁶.

В 1875 трое друзей бывшего регента, возглавляемые Чо Чхун Сиком, обратились к Его Величеству, прося вернуть Тэвонгуна к власти. За это они были приговорены к смертной казни, и только благодаря личной просьбе экс-регента их наказание было сменено на вечное изгнание. Тем не менее, Чо был убит в ссылке¹⁷.

Во внешней политике Мины не отходили от китаецентризма, но пытались быть более контактными с внешним миром хотя бы в силу логики фракционной борьбы: раз Тэвонгун был против иностранцев, королева и Ко не могли не быть за.

Открытие страны и первые шаги в сторону реформ

Насильственное открытие Кореи началось практически через год после снятия Тэвонгуна. К этому времени достаточно четко выявились четыре силы, четыре сверхдержавы, претендовавшие на то, чтобы Корея была в их сфере влияния. Три из них – Россия, Китай и Япония имели с ней общие границы. Четвертая, Америка, пыталась установить свое господство и в этом регионе.

Первый успешный шаг был сделан Японией, где о Корее как о грядущем направлении экспансии заговорили сразу же после Реставрации Мэйдзи. Страна Восходящего Солнца попыталась пересмотреть свои торговые отношения с Кореей сразу же после начала модернизации, но немедленно натолкнулась на

---

¹⁵ В.М. Тихонов, Кан Мангиль. История Кореи. Том I, С. 386

¹⁶ В.М. Тихонов, Кан Мангиль. История Кореи. Том I, С. 397

¹⁷ Hulbert, Homer B. The history of Korea. vol. 2 стр. 219

жесткое противостояние. Уже в 1869 г. один из корейских чиновников в Пусане заявил представителю Цусимы, что Корея не потерпит титулования нового японского правителя императором, поскольку император только один, и он в Китае. А когда в 1873 г. японцы, уже одетые в современные костюмы, предприняли следующую попытку, префект Тоннэ заявил им, что люди, одетые в столь варварскую одежду, вообще не могут считаться японцами и потому не имеют права на торговлю в его регионе¹⁸.

Возможно, именно это заявление окончательно разозлило японских «ястребов» во главе с Сайго Такамори, который потребовал от своего правительства немедленных и решительных действий, отстаивая идею покорения Кореи вооруженным путем (*сэйканрон*). Аргументы Сайго при этом очень напоминали те аргументы, которые использовал Т. Хидэёси: из-за своего географического положения Корея является «кинжалом, нацеленным в сердце Японии», и потому контроль над этой территорией жизненно важен для Страны Восходящего Солнца, а сам поход станет «средством быстрого сплочения национальных сил государства, а также - решения ряда внутренних проблем»¹⁹.

Сайго так активно выступал за присоединение Кореи, что был готов обеспечить Японии повод к войне ценой своей жизни. Он намеревался отправиться посланником в Корею и, с учетом судьбы предыдущих миссий, вести себя там так, чтобы точно быть казненным за оскорбление величества, после чего можно было начинать войну из-за убийства посла.

Однако более прагматично мыслящие члены кабинета министров, включая Ито Хиробуми (этот выдающийся государственный деятель, автор Конституции страны и неоднократный премьер-министр еще не раз встретится нам в контексте корейско-японских взаимоотношений), отказали ему в этом. Сайго ушел в оппозицию, впоследствии подняв восстание против режима, который сам помогал создавать, и кратковременная междоусобица в Японии несколько отсрочила то время, когда ее руководители решили всерьез заняться Кореей.

¹⁸ Cumings B. Korea's place... P. 99, 100.

¹⁹ Толстокулаков И. А. Политическая модернизация Южной Кореи. Часть 1. С. 211.

Впрочем, Х. Хальберт утверждает, что японский посланник Ханабуса бывал в Сеуле в 1871 -72 гг с неофициальным визитом. Ему предоставили жилье во дворце, где он находился в постоянной связи с королевой. Ханабуса показывал интересные вещи западного производства, поразив двор и завязав полезные связи²⁰.

В 1876 г., используя инцидент с японским судном «Уньё», имевший место осенью предыдущего года²¹, японцы отправили в Корею эскадру из шести кораблей под командованием генерал-лейтенанта Курода Киётака, который должен был подписать с Кореей неравноправный договор.

Так как Тэвонгун к этому времени уже не управлял страной, ван поддался на уговоры королевы и чиновников. Сыграли свою роль не только страх перед Японией²², но и логика фракционной борьбы. Японцам позволили высадиться на о. Канхвадо, и с 12 января 1876 г. начались переговоры.

Корейско - японский неравноправный договор от 27 февраля 1876 г. был составлен по образцу англо - японского договора, заключенного перед Реставрацией Мэйдзи²³. Первая статья договора объявляла Корею независимой, то есть свободной от китайского влияния суверенной страной и равноправным субъектом международного права. В корейском тексте использовано слово «чаджу²⁴», которое мы привыкли переводить как «свобода», но разночтения в текстах переводчиков наводит на мысль о том, что это корейское слово не абсолютно тождественно русскому или английскому его варианту. В английских переводах этот термин звучит то как «свободная (или «независимая»», то, как у Б. Камингса, как «автономная» (читай - «самоуправляемая»)²⁵.

---

²⁰ Hulbert, Homer B. The history of Korea. vol. 2 стр. 217

²¹ Националистические историки описывают этот инцидент как сознательную провокацию. Дескать, под предлогом «поисков питьевой воды» японцы высадились на берег без разрешения властей, зная, что корейской армии в таких случаях предписывалось открывать огонь.

²² Джеймс Палэ считает, что то, что Пак Кю Су, отвечавший за внешнюю политику после ухода Тэвонгуна, пошел на подписание договора 1876 г., спасло страну от насильственного открытия путем крупномасштабного военного вторжения.

²³ Разбор корейско-русского договора 1884 г. в сравнении с японо-корейским договором 1876 г. см. в книге «История Кореи (Новое прочтение)» на с. 214-216 и 218-225.

²⁴ В.М. Тихонов, Кан Мангиль. История Кореи. Том I, С. 382

²⁵ Cumings B. Korea's place... P. 102. Кстати, не забудем, что в английском языке существует две «свободы» - freedom как «свобода от», или внешняя свобода, и liberty – как внутренняя свобода, или «свобода для».

Кстати, рабочими языками при заключении первого японо-корейского неравноправного договора были японский и китайский. Прокорейски настроенные историки типа Владимира Ли даже пытаются представить это как «дискриминационный казус», однако при этом забывается то, какой статус был у корейского языка в то время: *хангыль* был языком для женщин, низкопробной литературы и военных шифров. Использование его как основного рабочего языка началось много позже усилиями прогрессистов. Что же касается китайского (*вэньяня*), то, особенно с поправкой на формальный вассалитет Кореи, именно он был тогда официальным языком делопроизводства и дипломатических документов²⁶. Надо отметить, что большинство российских дипломатов, действовавших в Корее, также было китаистами и изначально общалось с представителями корейской знати на китайском языке.

Под влиянием новых веяний корейский двор начал отправлять в Японию и Китай, а затем - в Европу и США, «ознакомительные» миссии, состоящие из молодых дворян, в задачи которых входило изучение процесса модернизации. Небольшие группы из 5-6 талантливых молодых людей во главе с высокопоставленным членом правительства изучали устройство государственных учреждений, промышленность, военную технику, систему образования и т. п., а затем составляли доклады с говорящими названиями наподобие «Что я видел и слышал на Западе» (кор. *Сою Кёнмун*). Способные молодые люди учились западным наукам в европейских школах Китая. Многие из этих юношей впоследствии стали видными политическими деятелями - как традиционалистами, так и сторонниками прогресса. Под их влиянием двор стал проводить реформы, направленные на переустройство государственной системы и армии по европейскому образцу, в стране появились войска нового строя *пёльгигун*, обучаемые японскими сержантами. Большинство солдат этой новой армии было сынками *янбанов*, каждый из которых был окружен достаточным числом слуг, стиравших его форму, чистивших его оружие и даже помогавших

---

²⁶ История Кореи (Новое прочтение). С. 214

ему во время строевых упражнений и марш-бросков²⁷. Но даже «зачаточная» по масштабам военная реформа 1881 г. вызвала финансовый кризис, и в то время как сотни японских офицеров проходили обучение в Европе, у корейского двора хватило средств и возможностей только на отправку троих военнослужащих на учебу в Японию²⁸.

В 1880 г. по образцу китайской канцелярии *Цзунлиямэнь* была создана Общая Канцелярия (*Тхонни киму амун*), ставшая центральным органом проведения реформ. В 1881 г. - офицерская школа и специальные ведомства по переводу с европейских языков на китайский и корейский научно-популярной литературы и внедрению в Корею иностранных машин и механизмов.

В 1883 г. создано специальное управление по покровительству торговцам. Была открыта первая в Корее типография промышленного типа, построен телеграф для обеспечения связи внутри страны и с соседними Китаем и Японией.

В августе 1883 г. открылась первая государственная школа современного типа *Тонмун хакса*, в которой преподавались иностранные языки. Затем при поддержке вана была создана школа, где иностранцы учили представителей высшего дворянства английскому, математике, географии и политике²⁹.

С 1883 г. начала издаваться на корейском языке газета «Хансон сунбо» («Сеульское обозрение»), которое распространяли и в столице, и в провинциях. Целью издания было просвещение народных масс в духе патриотических и прогрессивных идей и современных знаний.

За 7 лет после подписания договора 1876 г. импорт и экспорт Кореи выросли в 14 раз, ввоз японских товаров увеличился более чем в 10 раз, а американских и европейских – почти в 19³⁰.

Действиям клана Мин благоволил всесильный генерал-губернатор столичной провинции и выдающийся реформатор Ли Хунчжан, в ведении которого находились корейские дела. Российская и советская историография

²⁷ Breen M. The Koreans... P. 101.

²⁸ В.М. Тихонов, Кан Мангиль. История Кореи. Том I, С. 395

²⁹ Understanding Korean History. С. 183-184.

³⁰ История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Том I. С. 336.

придерживаются в отношении этой личности другого мнения, однако влияние, которое оказал этот человек на новую историю региона, безусловно, очень велико³¹.

Следует помнить, что в то время, между опиумными войнами и японско-китайской войной 1894-1895 гг. Китай проводил так называемую «политику самоусиления»³². Внешнеполитическая направленность этой политики заключалась в том, чтобы «бить варваров руками варваров», натравливая их друг на друга или лавируя между ними. Естественно, Ли Хунчжан поощрял подобную тенденцию и в Корее, одновременно пытаясь сохранить там гегемонию: «Если Корея заключит договоры с другими государствами и обеспечит себе их посредничество, то Япония не сможет грубо и бесцеремонно обращаться с Кореей»³³.

В августе 1879 г. в письме корейскому чиновнику Ли Ю Вону Ли Хунчжан порекомендовал своему корейскому коллеге как можно быстрее заключить договора с Англией, Германией и США, которые находятся далеко от Кореи, не выказывали пока особого интереса к ее богатствам или территории, но способны фактом своего присутствия сдерживать амбиции Японии и России. Однако Ли Ю Вон не поддержал эту идею, вежливо ответив, что перед лицом мощи Китая ни Япония, ни Запад «не осмелятся»³⁴.

Ли дал «добро» на обучение корейских студентов в Китае, где европейское знание постигалось подконтрольно, и порекомендовал вану в качестве первого приглашенного финансового советника и начальника таможенной службы немца фон Меллендорфа (ранее – немецкого консула в Тяньцзине), рассчитывая на то, что обласканный им иностранец будет проводить в жизнь политику маньчжурского правительства.

---

³¹ Cumings B. Korea's place... P. 87.

³² Политика «самоусиления», или заимствования военно-технических достижений западных держав, была призвана восстановить пошатнувшийся после опиумных войн престиж Китайской империи. При этом в культурной сфере власти всячески укрепляли влияние конфуцианства, будучи уверенными в своём культурном превосходстве над «западными варварами».

³³ История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Том I. С. 335.

³⁴ Cumings B. Korea's place... P. 103.

Кроме того, Ли активно пропагандировал в Корее книгу под названием «Корейская политика»³⁵ (или, если переводить более точно, «Корейская стратегия» (кит. «*Чаосянь цзэлюе*»), автором которой был известный китайский дипломат и реформатор Хуан Цзунсянь, соратник Кан Ювэя и китайский посланник в Токио. Книга рекомендовала корейскому правительству обучать молодежь иностранным знаниям, открыть порты, посылать студентов на учебу за рубеж и привлекать к преподаванию иностранных учителей³⁶.

Одновременно в книге всячески развивался тезис о природной агрессивности России по отношению к Корее и о необходимости дружбы с Америкой, которая, в отличие от России или Японии, находится далеко и не будет иметь к стране каких-либо территориальных претензий³⁷. Общую суть стратегии Хуан обозначил так: оставаться близкими с Китаем; пойти на сближение с Японией; быть союзниками с Америкой.

Особое внимание Хуан уделил рассуждению о протестантизме. Дескать, если католические миссионеры нередко ведут себя весьма агрессивно, протестанты придерживаются политики невмешательства во внутренние дела стран. И хотя он похож на католичество, разница между ними велика и сравнима с различиями учения Чжу Си и концепции Ван Янмина.

Заметим, однако, что в отношении России автор «Корейской политики» был неправ. Степень агрессивных стремлений России по отношению к Корее была гораздо меньше, чем он предполагал. Даже известная миссия адмирала Путятина не имела приказа заключить с Кореей неравноправный договор. Кроме того, по сравнению с поведением японцев, французов и американцев, русские вели себя гораздо более корректно, не грозя оружием и не чиня разбоя³⁸.

---

³⁵ Тягай. С. 93.

³⁶ Толстоулаков И.А. Политическая модернизация Южной Кореи. Часть 1. Владивосток, 2007, с.213-214

³⁷ Тягай. С. 94

³⁸ Более подробно на эту тему смотрим работы Т. М. Симбирцевой (например, «Современная южнокорейская литература о России и русско-корейских отношениях: новые тенденции и традиция» или «Участие корейских отрядов в Албазинских войнах 1654 и 1658: Источники и историография»)

Через Ким Хон Чжипа, который в 1880 г. был официальным посланником Кореи в Токио, а затем инициатором ряда структурных реформ, в том числе создания МИДа, книга была передана *вану* и в следующем, 1881 г. была переведена на корейский язык, оказав значительное влияние на выработку идеологии как в новое, так и в новейшее время, хотя реакция на эту книгу была весьма бурной. Традиционалисты резко выступали против общества, где нет ни монархов, ни почитания отцов. Кроме того, Россия, США и Япония были для них одинаково варварскими государствами, равно противными Корею в силу своей природы. Ким Хон Чжипа даже предлагали казнить как предателя³⁹ или как минимум уничтожить все копии текста⁴⁰.

22 мая 1882 г. был подписан неравноправный договор с США, которому предшествовала сложная дипломатическая подготовка. Американцы действовали уже через Ли Хунчжана, и договор был составлен фактически без особенного участия корейской стороны. Ли Хунчжан представил американцам четыре проекта договора и фактически вел переговоры с США от имени корейского двора, а потом навязал ему уже готовый договор. Ли настаивал на том, чтобы в договоре был указан вассальный статус Кореи по отношению к Китаю, но глава американской делегации объяснил, что законы западного международного права не позволяют заключать договор с зависимой страной. Под давлением императора к договору было приложено разъяснение о том, что Корея является вассалом Китая, но с точки зрения международного права этот документ силы не имел.

Одним из важных элементов корейско-американского договора было обещание «добрых услуг» в критической ситуации. Корейцы воспринимали это как обещание военной помощи, но, забегаая вперед, скажем, что они ее так и не получили.

Интересно и то, что при обсуждении договора корейский представитель требовал включения в него специального пункта о запрещении пропаганды западной религии в Корею. Пункт не был включен только благодаря давлению Ли

³⁹ Cumings B. Korea's place... P. 104.

⁴⁰ Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи. Т.1. М.: Наталис, 2011, с.392

Хунчжана ⁴¹. Зато специальная статья договора запрещала поставки американского опиума.

Кстати, неравноправные договора в Корее воспринимались именно как неравноправные в значительно меньшей степени, ибо традиционная дальневосточная дипломатия исключает взаимодействие двух равных субъектов, так как вопросы взаимодействия между вассалами регулируются сюзереном. С другой стороны, именно это усугубило последующую неприязнь к Америке со стороны традиционалистски настроенных корейских историков, поскольку небрежение обязанностями сюзерена (выразившееся в том, что Америка не стала помогать Корее в борьбе с японской аннексией) является недостойным с точки зрения конфуцианской морали.

С этого времени двор стал ориентироваться на США. В 1883 г. он даже послал туда «ознакомительную миссию» во главе с Мин Ён Иком - приемным сыном Мин Сын Хо, любимым племянником королевы и будущим лидером консерваторов, но состоящую в основном из молодых прогрессистов. Интересным моментом, связанным с подготовкой этого мероприятия, было то, что впервые в дипломатической практике все документы с корейской стороны были написаны не иероглифами, а национальным шрифтом *хангыль*. Тогда же был окончательно сформирован дизайн корейского флага *тхэгыкки* – синекрасный знак Великого Предела на белом поле с четырьмя триграммами⁴². Каков был итог этих попыток модернизации? В. М. Тихонов называет их полуреформами по целому комплексу причин. Консервативные настроения продолжали доминировать как в низах, так и наверху (характерно, что первая ознакомительная миссия в Японию в 1881 году отправилась в поездку тайно в связи с непопулярностью реформаторского курса, а финансировал её ван Коджон из собственных средств⁴³); изменить бюрократию, укреплять армию, развивать

---

⁴¹ Тягай. С. 92.

⁴² Hulbert, Homer B. The history of Korea. vol. 2 стр. 225

⁴³ Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи. Т.1, с.393

промышленность или бороться с коррупцией никто не пытался. Политика открытых дверей разрушала традиционные производства⁴⁴.

Он же отмечает, что молодые янбаны, которых отправляли на учебу в Китай, оказались неготовы воспринять новые знания как психологически (инженерные специальности считались «низкими» и недостойными), так и по уровню необходимых знаний: многие из них не могли усвоить новую информацию даже на китайском языке⁴⁵.

Поиск идеологического ответа на новые вызовы

Безусловно, столкновение с технологической составляющей западной цивилизации оказалось для Кореи очень серьезным вызовом. С одной стороны, технологическое преимущество было очевидно, с другой – многое в новых ценностях было принципиально чуждо традиционному менталитету. Добавим к этому становящийся очевидным кризис цинского Китая, после которого Запад как бы заменил его в нише культурного и интеллектуального авторитета, и успех «догоняющей» модернизации Японии, которая прошла тот же путь, что и Запад, всего за несколько десятков лет.

Вызов породил три основных идеологических течения: фундаменталисты, центристы и западники-просветители, группировавшиеся вокруг Прогрессивной партии (*Кэхвадан или кэхва ундон*⁴⁶), которую точнее было бы назвать «партией цивилизаторства»⁴⁷.

Начнем с фундаментализма. В шутку его сторонников можно было бы назвать «чосонофилами», хотя сами они пользовались лозунгом «виджон чхокса», изобретение которого приписывается известному корейскому конфуцианскому философу Ли Хвану (псевдоним Тхвеге, 1501-1570). Главным идеологом курса «виджон чхокса» был Ли Ханно. Другими видными представителями этой

---

⁴⁴ В.М. Тихонов, Кан Мангиль. История Кореи. Том I, С. 396-397

⁴⁵ Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи. Т.1, с.395

⁴⁶ Как отмечает Хан Ён У, слово «кэхва» является сокращением двух конфуцианских цитат «кэмуль сонму» («выясняя сущность вещей, осуществлять дела») и «хвामин сонсок» («воспитывая народ, облагораживать нравы»).

⁴⁷ Тягай. С. 88.

группировки были Ки Чжо Чжин , Ли Ман Сон, Хон Чжэ Хак, Ю Ин Сок и Чхве Ик Хён (тот самый, приложивший руку к свержению Гэвонгуна)⁴⁸.

«Чосонофилы» возникли как ответ не только на попытки насильственного открытия страны в 1866, 1868 и 1871 гг, но и на общий духовный кризис неоконфуцианства. Представители этого движения выступали за консервирование традиционных конфуцианских порядков, против открытия страны внешнему миру и каких-либо заимствований. В основе их мировоззрения лежал китаецентризм, христианство они полагали «еретическим учением», а европейцев – варварами.

Новые вызовы воспринимались ими как угроза основам цивилизации, - посягательство и на традиционную метафизику, и на традиционную идеологию, подкрепляющую старый порядок, в рамках которого варвары являются варварами, как бы ни было велико их техническое развитие. Иерархичность корейского общества они считали унаследованной от законов неба и земли, в то время как западное общество свободы и равенства казалось миром хаоса и эгоизма, управляемым грубой силой и выгодой. Внешний образ вестернизированного общества (европейский покрой одежды, многоэтажные каменные дома, западная кухня) вызывали глубокое отторжение и презрение, даже если речь шла о Японии, подпавшей под влияние «западных варваров»⁴⁹. «Маньчжуры были, по крайней мере, варварами, и мы могли говорить с ними; но пришельцы с Запада – нелюди, чудовища, и мы не можем с ними говорить», - писал Ли⁵⁰.

Нельзя сказать, что чосонофилы ничего не хотели менять. Ли Хан Но писал: «Причина того, что западные варвары так дерзко проникают в нашу страну — в том, что наши простолюдины симпатизируют им. Симпатизируют им простолюдины из-за ненависти к государству, а ненависть эта порождена разгулом взяточничества и вымогательства, отнимающих у народа надежду на спокойную жизнь»⁵¹.

⁴⁸ Тягай Г.Д. Формирование идеологии национально-освободительного движения в Корее. М: Наука 1983, с.49

⁴⁹ Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи. Т.1, с.395

⁵⁰ Тягай Г.Д. Формирование идеологии национально-освободительного движения в Корее. М: Наука 1983, с.137

⁵¹ В.М. Тихонов, Кан Мангиль. История Кореи. Том I, С. 388

Иное дело, что они не собирались менять фундаментальные принципы, по которым функционировала традиционная система, и в этом смысле даже технический прогресс вызывал опасения: «У нас издревле имелись добрые установления в сельском хозяйстве и ремесле, и зачем их менять?»⁵². Западные товары, медицина, календарь – всё это может превосходить китайские достижения, однако противоречит конфуцианской морали. Там выбирают то, что просто и полезно, и этот настрой, ориентированный лишь на выгоды, разрушает нравственность.

Внешняя торговля тоже воспринималась как источник опасности – поток дешевых товаров разорит страну и будет вызывать дополнительное смятение умов. Здесь чосонофилы довольно точно описывали перспективы банкротства страны из-за ее превращения в сырьевой придаток внешнего мира. Западные товары будут выкачивать из страны деньги, а экспорт риса приведет к росту цен и голоду.

Говоря о нависшей над страной угрозе Запада, Ли Хан Но сравнивал ее с потоком, остановить который может только «дамба» из конфуцианской морали⁵³. По мнению сторонников «виджон чхокса», в целом «наши духовные ценности» достаточно сильны, чтобы противостоять любому внешнему влиянию. Надо лишь надлежащим образом исполнять свой долг. Если в обществе и умах перестанет царить хаос, «западные товары будут не нужны, прекратится торговля, и варвары уйдут!»⁵⁴.

Проблема чосонофилов была в том, что, кроме идей изоляционизма и духовности, они не могли предложить никаких конкретных рекомендаций по преодолению кризиса, - модернизации не было места в их мировоззрении. Потому все, что они могли - активно выступать против реформ. Так, 21 сентября 1866 г. Ли Ханно попросил вана публично сжечь во дворе дворца западные товары, подав обществу моральный пример.. В начале 70-х годов чосонофилы требовали

---

⁵² В.М. Тихонов, Кан Мангиль. История Кореи. Том I, С. 392

⁵³ Тягай Г.Д. Формирование идеологии национально-освободительного движения в Корею. М: Наука 1983, с.126

⁵⁴ Тягай Г.Д. Формирование идеологии национально-освободительного движения в Корею. М: Наука 1983, с.59

запретить китайским купцам торговать предметами европейского и американского производства, разрешив обращение исключительно китайской продукции⁵⁵.

А накануне подписания Канхваского договора знаменитый конфуцианский ученый Чхве Ик Хён (тот самый, что поспособствовал отстранению Тэвонгуна), пал ниц перед воротами дворца, заявляя, что Япония ничем не отличается от варваров-европейцев и заключение с ней договора приведет к гибели государства. Похожим содержанием обладала петиция Хон Чжэ Хака, который требовал наказания слуг *вана*, выступающих за реформы, и сожжения иностранных товаров и книг. Участники демонстраций против курса на открытие страны нередко шли с топорами в руках в знак готовности каждого быть казненным за свои убеждения⁵⁶. В чем-то им пошли навстречу, и все обращающиеся были репрессированы и сосланы, - Чхве Ик Хёна сослали на о. Чечжудо а Хон Чжэ Хак даже был казнен за оскорбление величества.

Лидером прогрессистов был Ким Ок Кюн, умный и талантливый человек (государственные экзамены он сдал в 21 год, что, безусловно, признак выдающихся способностей), происходивший, кстати, из того самого рода Андонских Кимов, которых отстранил от власти Тэвонгун. По роду своей деятельности он неоднократно (впервые в 1881 г.) посещал Японию и учился у такого видного идеолога модернизации, как Фукудзава Юкити⁵⁷. Ван чрезвычайно доверял ему и считал его одним из четырех самых близких ему людей (трое

---

⁵⁵ Тягай Г.Д. Формирование идеологии национально-освободительного движения в Корее. М: Наука 1983, с.59

⁵⁶ Тягай. С. 59.

⁵⁷ Являясь не столько политиком, сколько философом и первым президентом японской Академии наук, Фукудзава внес огромный вклад как в собственно идеологию японской модернизации, так и в создание современных иероглифических терминов. Его сочинения «Описание Запада» (1866) и «Всё о странах мира» (1869) знакомили читателей с политическим устройством западных стран, европейским парламентаризмом, банковской системой, военной организации. Фукудзава был последовательным сторонником вестернизации. В приписываемом ему эссе «Покинуть Азию» он заявлял о том, что, поскольку противиться проникновению западной цивилизации бесполезно, самым мудрым решением будет самим осуществлять вестернизацию, иначе Япония рискует потерять свою независимость.

других были консерваторами). И.А. Толстокулаков справедливо называет его «предвестником политической модернизации Кореи»⁵⁸.

Все остальные члены Прогрессивной партии (Хон Ён Сик, Ан Гён Су, Ким Хон Чжип, Со Гван Бом, Юн Чхи Хо и др.) тоже неоднократно посещали Японию или Соединенные Штаты. Большинство из них имело средний возраст 25 лет и ранг, обеспечивающий право доступа к монарху.

Ким Ок Кюн был знаком с сочинениями французских просветителей, переведенными на японский язык. Особенным интересом пользовалась работа Ж.-Ж. Руссо, появившийся в Корею в переводе на японский. Иной источник идей группы - воззрения Пак Кю Су, выдающегося просветителя 1807 г. рождения, которого можно назвать последним сирхакистом. Именно он был губернатором Пхеньяна на момент потопления «Генерала Шермана» и именно он после отстранения Тэвонгуна от власти присоветовал двору начать заключать договоры с внешним миром. Правда, ко времени начала действий прогрессистов «кэхва ундон» он уже умер⁵⁹.

Главным лозунгом прогрессистов был: «Цивилизованное просветительство, богатая страна и сильная армия». Признаками цивилизованности считались отказ от системы сословных привилегий, верховенство закона, развитие промышленности и технологий, отказ от устаревших традиций, включающих слабое участие народа в политической жизни общества.

Программу же можно свести к основным принципам: заимствование передовых технологий Запада; тотальная реформа административной системы для внедрения новых социально-экономических отношений; замена традиционной монархии на конституционную; отмена сословных привилегий и ограничений; развитие торговых и экономических связей с Европой; отказ от деления общества на *янбанов* и простой люд и развитие корейской культуры на западной, а не китайской, основе. В качестве главных рычагов экономического развития страны реформаторы рассматривали её промышленный потенциал и торговлю.

⁵⁸ Толстокулаков И.А. Политическая модернизация Южной Кореи. Часть 1. Владивосток, 2007, с.218

⁵⁹ История Кореи (Новое прочтение). С. 226-227.

Особая роль при этом уделялась просвещению. Прежнюю систему образования предлагалось заменить общенациональной сетью частных и государственных школ современного типа, где будут преподавать иностранцы или представители передовой общественности⁶⁰.

Следует, однако, отметить один важный момент. Если мы внимательно рассмотрим классовый состав ранних реформаторов, мы обнаружим среди них очень много *сооль*⁶¹. После открытия страны именно они как технические специалисты чаще других ездили за рубеж и общались с иностранцами у себя на родине, так как профессия переводчика также относилась к числу их традиционных занятий. *Чунъин* было куда менее зазорно общаться с иностранцами, они были более открыты для впитывания внешних знаний, и при этом очень хорошо понимали, что в условиях традиционной системы их карьерный рост абсолютно невозможен. Для большей части таких «*Хон Гиль Донов*» коренное изменение ситуации было единственным способом войти во власть, и немудрено, откуда брались их прозападная ориентация и критический настрой в отношении конфуцианской традиции.

Значительная часть молодых реформаторов успела побывать или поучиться за границей, что наложило на их мировоззрение дополнительный отпечаток. Отправиться учиться зарубеж означало вырваться из привычного круга и подышать воздухом свободы. Естественно, это только подстегивало их желание превратить Корею в «азиатскую Францию» или хотя бы конституционную монархию по японскому образцу, отринув практически весь традиционный компонент и восприняв новое максимально полно.

Отдельно надо сказать об отношении прогрессистов к христианству. Не все из них перешли в другую веру, но все они не были против его распространения в Корее. Христианство они ассоциировали с триумфом западной цивилизации и считали неотъемлемым элементом нового века.

---

⁶⁰ Толстокулаков И.А. Политическая модернизация Южной Кореи, с.222

⁶¹ Хан Ён У отмечает, что кроме *сооль*, среди реформаторов было много молодых *янбанов* из северных предместий Сеула, но автор, увы, не в курсе того, имеет ли это существенное значение.

Еще одним элементом концепций прогрессистов считают социал-дарвинизм⁶², и тут стоит сделать важную оговорку: когда о социал-дарвинизме говорят российские авторы, они упоминают этот термин в негативной коннотации в контексте рассуждений о высших и низших расах. О том, что они предназначены быть господами, а другие – стать слугами или быть уничтоженными. Корейские авторы, интересовавшиеся данным учением, делали упор скорее на другое. Рассуждения о конкуренции и борьбе за выживание становились для них скорее объяснением того, почему Корея должна совершенствовать свои армию, промышленность и структуру управления для того чтобы приспособиться к новым условиям и не стать жертвой естественного отбора.

Основным лозунгом центристов было «Восточный путь, западная техника» (кор. «тондо соги»). Автором термина был видный ученый Ю Сон Хак⁶³. «Восточный путь, западная техника» означало умеренное движение вперед: заимствованию подлежали технические новшества, но не социальные институты. Перенимая достижения иностранных государств, Корея должна укрепить обороноспособность и не стать жертвой внешней агрессии. Однако контакты с внешним миром должны быть строго ограничены и сводиться к научно-техническому обмену, а также направлению корейских студентов в Японию и западные страны. Естественно, о разрешенном проникновении «западной религии» также не было и речи⁶⁴, а необходимость «нового» обосновывалась в рамках традиционной конфуцианской терминологии. Неслучайно при заключении договора с США корейские чиновники, принадлежавшие к этой

---

⁶² Суть социального дарвинизма, разработанного Гербертом Спенсером и Томасом Хаксли, заключалась в применении учения Чарльза Дарвина об эволюции к социальным процессам и истории человечества. Ключевыми понятиями социального дарвинизма, как и «биологического», являются «выживание сильнейшего/наиболее приспособленного» и «борьба за существование». Как и биологические организмы, человеческие общества и нации должны находиться в постоянном самосовершенствовании и развитии, чтобы не стать жертвой кого-то более сильного и лучше «приспособленного» к меняющимся условиям. Идеи социального дарвинизма играли заметную роль и в воззрениях Фукудзавы Юкити.

⁶³ Пак А. В. Диссертация. Рукопись С. 76.

⁶⁴ Тягай Г.Д. Формирование идеологии национально-освободительного движения в Корее. С.85

фракции, приложили множество безрезультатных усилий для того, чтобы включить в текст документа запрет деятельности протестантских миссионеров на территории страны.

Официально именно это течение было основным курсом правящего дома, но на деле дальше деклараций дело не шло, а каждый из ученых, причислявших себя к данному направлению, имел свои представления о том, как именно должен выглядеть баланс между традицией и модернизацией; какую часть традиции надо выбросить, а какую сохранить.

Связано это было еще и с тем, что, как официальный курс двора, тондо соги означал следование китайской политике «самоусиления», и большинство его адептов существовали в рамках все той же парадигмы садэчжуй. Модернизация не означала для них что-то самоценное, а являлась руководством к действию потому, что такой политический курс проводит сюзерен.

Не случайно «тондо соги» поддерживал Ли Хунчжан, и не случайно корейский аналог курса на «самоусиление» принял более конкретные очертания после 1880 г., когда посол Кореи в Японии Ким Хон Чжип передал корейским властям «Корейскую стратегию». Уже в следующем году книга была переведена на корейский язык и стала достоянием общественности, принявшей активно обсуждать возможности и пути модернизации страны, а равно – объектом критики традиционалистов. Так, представитель фундаменталистов Ли Ман Сон в 1881 г. представил петицию, которую подписали 10 тыс. конфуцианских ученых. В таковой указывалось, что Корея не должна связываться с Америкой, ибо наши законы и правила лучше и моральнее западных, а потому нет необходимости воспринимать чуждые знания⁶⁵.

Действительно серьезная концепция соединения восточного и западного пути была расписана только в трудах Ю Гиль Чжуна (1856-1914). Обычно этого автора целого ряда трактатов, в том числе и упомянутого выше «Сою Кёнмун»,

---

⁶⁵ Understanding Korean History. С. 161

причисляют к прогрессистам как из-за личных связей с представителями этой группы, так и из-за его перехода в протестантизм, но на самом деле в его книгах много говорится именно о синтезе старого и нового. Пожалуй, он был единственным из всех, кто, обсуждая путь развития Кореи, говорил о необходимости выйти за рамки китайских или западных образцов.

Отпрыск знатного и влиятельного рода, Ю несколько раз посещал как Японию (учился в университете Кэйо Дайгаку), так и США, где он прожил несколько лет. С одной стороны, он был увлечён идеями равноправия и верховенства закона, а идеалом политического устройства ему представлялась просвещённая конституционная монархия⁶⁶. С другой, целью предлагаемых им либеральных реформ было усиление страны, а расширение прав граждан было средством на пути к этой цели. В этом можно увидеть традиционное конфуцианское отождествление нужд государства и народа, тем более что главную роль в общественном развитии Ю Гильджун отводил морали - только усвоив пять моральных принципов, человек будет способен верно воспринять новые знания⁶⁷.

Ю считал, что корейцам надо не восхищаться удивительными иностранными вещами, а изучить их положительные и отрицательные стороны, сравнить свою культуру и общественные институты с западными и перенять только то, что поможет исправить недостатки. Для Ю западная модель - не конечная цель развития и обновления, а, скорее, импульс для пробуждения собственного потенциала. Потому надо не только приглашать иностранных специалистов, но и учить население самостоятельно работать с новой техникой⁶⁸. Не уповать на внешние силы и не надеяться, что страны Запада будут способствовать сохранению Кореей независимости.

Закономерно, что Ю Гильджун весьма критически относился к необдуманному заимствованию иностранных идей и достижений, различая

---

⁶⁶ Тягай Г.Д. Формирование идеологии национально-освободительного движения в Корее, с.149

⁶⁷ Тягай Г.Д. Формирование идеологии национально-освободительного движения в Корее, с.147

⁶⁸ Park Seong-Rae, Introduction of Western science in Korea, 1876-1910, p.35

истинное и ложное просвещение. Последнее понималось им как бездумное перенимание принципов или знаний, которые на деле являются чуждыми и неэффективными.

Так, даже в отношении к религии он не призывает отказаться от конфуцианства. Ему приписывают высказывание: «Нашим соотечественникам следует изучать сочинения Конфуция для постижения житейской мудрости для повседневной жизни, а в своей духовной жизни верить во Христа...

Как и прогрессисты, Ю считал борьбу за существование движущей силой прогресса, считая многовековую политику изоляционизма главной причиной корейской отсталости⁶⁹.

Альтернативным всем трем перечисленным направлениям путем решения проблемы был Тонхак. В противовес западному учению создадим восточное, взяв из западной веры какие-то элементы и смешав их с истинно корейской традицией в стиле синкретической народной религии с сильной шаманской или магической подоплекой. Еще Чхве Чже У всячески подчёркивал антизападную националистическую направленность новой веры и определял цель создания тонхак следующим образом: «После падения Пекина Корею была нужна собственная религия, которая помогла бы ей отстоять независимость государства, предотвратить распространение западной веры и таким путём спасти народ»⁷⁰. Однако следующее поколение лидеров в большей степени упирало, с одной стороны, на эгалитаризм, с другой, на мистику, и хотя второй патриарх Чхве Си Хён не являлся радикалом, в целом к тонхак примыкали жаждавшие перемен⁷¹.

---

⁶⁹ В качестве наглядного пояснения он приводил в пример деревенского учёного. Пребывая в неведении относительно посредственности своих сочинений, он очень собой доволен. Его круг общения ограничен крестьянами, плотниками и пастухами, и он лишён агрессивного духа состязательности. Если же он отправится в город и пообщается с выдающимися умами страны, он впервые в жизни осознаёт всю никчемность своего учения, и это станет для него толчком к развитию. То же можно сказать и о провинциальном купце. Подобные закономерности свойственны и взаимодействию государств.

⁷⁰ Тягай Г.Д. Формирование идеологии национально-освободительного движения в Корею. М: Наука 1983, с.76

⁷¹ Толстокулаков И.А. Политическая модернизация Южной Кореи. Часть 1. Владивосток, 2007, с.232

Как эти течения сопрягались с политической борьбой? Кэхвадан представляла собой влиятельную фракцию, лидером «виджон чхокса» с оговорками считают Тэвонгуна, ван, похоже, склонялся к тондо соги. Что же до королевы, то по данному вопросу есть несколько мнений. Некоторые ученые, например, Хан Ён У, пытаются сделать королеву и ее клан сторонниками цивилизаторства, но на взгляд автора, для этого не хватает оснований. И. А. Толстокулаков, наоборот, считает королеву опорой традиционалистов, вокруг которой собирались все недовольные политикой Тэвонгуна⁷².

Но он же обращает внимание на то, что позиции различных представителей придворных группировок были менее устойчивыми, чем это представляет традиционная историография. Политические взгляды как *вана*, так и представителей высшего чиновничества, довольно сильно менялись, и рискну предположить, что в условиях корейской традиции фракционной борьбы поддержка той или иной идеологии в большей степени была связана с желанием победы над противоборствующей группировкой⁷³.

Положение осложняется еще и тем, что выбор политиком той или иной фракции или ориентация на ту или иную страну очень часто были следствием не идеологической позиции, а логики фракционной борьбы. Так, политические взгляды королевы Мин всегда являли собой прямую противоположность текущим политическим воззрениям Тэвонгуна. Известная цитата из И. Бродского – «Если Евтушенко против, то я за»⁷⁴ - очень хорошо отражает суть расстановки сил.

Тот же Кочжон был разве что последовательным антияпонистом, а в остальном поддерживал то консерваторов, то прогрессистов, опирался то на Россию, то на Америку. В результате режим наибольшего благоприятствования был у представителей клана Мин, которые грамотно использовали эти противоречия между реформаторами и традиционалистами для лавирования и личной выгоды. Так что правильнее будет считать, что королева Мин (и/или

---

⁷² Толстокулаков И. А. Политическая модернизация Южной Кореи. Часть 1. С. 212.

⁷³ Там же. С. 214-215

⁷⁴ <http://www.ogoniok.com/archive/2000/4639/12-21-21/>

клика вокруг нее) активно использовала ситуацию для того, чтобы расставлять на ключевые посты представителей своего клана.

Оговорка насчет клики связана с тем, что, учитывая положение женщины в традиционной корейской семье, роль королевы как главы группировки кажется автору преувеличенной. Самостоятельным политиком королева стала скорее к концу своей жизни, а до того многое определялось представителями клана⁷⁵.

В завершение хочу отметить два важных момента, которые сыграют свою печальную роль в будущем страны. Во-первых, именно с этого времени в корейской истории начался очень печальный процесс, в результате которого демократы и патриоты как бы оказались в разных лагерях. Те, для кого на первом месте были патриотизм и национальный суверенитет, под влиянием конфуцианской политической культуры связывали их с безусловным следованием традиции, часто скатываясь на позиции ретроградов. Те же, кто хотел для Кореи цивилизации и прогресса путем скорейшей (я бы даже сказал форсированной) модернизации, не видели возможности самостоятельного развития страны и полагали, что этого можно достичь только с помощью влиятельной сверхдержавы, будь то Россия, Америка или Япония. Это понятно, так как большинство корейских политических деятелей этой группы получало свой опыт за пределами страны.

Заметим, что при этом мало кто из них был осознанным «национальным предателем» или «платным агентом вражеского влияния». Хотя некоторые историки вешают такой ярлык на не нравящихся им прогрессистов, более точным определением был бы заимствованный из уголовного права термин «добросовестно заблуждавшиеся».

Во-вторых, перечислив варианты ответов на вызов Запада, обратим внимание не то, что ни один из них не был тождественен той линии, которая возобладавала в Японии и которую можно выразить словами, приписываемыми (именно

---

⁷⁵ Там же. С. 215.

приписываемыми) Ито Хиробуми. , который в начале своего пути он будто бы сказал: «Да, западные варвары сильны. И мы должны учиться у них. Учиться, чтобы понять, в чем источник их силы. А выучившись, превзойти и победить».

Что помешало такому тренду появиться в Корее (идеи Ю Гиль Чжуна находятся близко, но все равно не совсем тождественны ему), автор не знает, и у него есть несколько версий. Возможно, дело было в иной социально-экономической ситуации: в отличие от Кореи, в Японии были большие города и прослойка, готовая осуществить форсированную модернизацию, к которой Корея была технически не готова. Возможно, дело было в конфуцианских догмах «служения старшему». Хотя корейские реформаторы на словах выступали против этой практики, на деле она сидела в них глубже, чем им казалось, и многое из того, что они делали, напоминает не борьбу с кумирами, а смену кумиров, когда старого сюзерена просто меняли на нового, что диктовало измененные правила игры. Мысли о том, что сюзерена надо превзойти или с ним сравняться, у них не возникало.

Солдатский бунт 1882 г. и его итог

Первая попытка Тэвонгуна сместить Кочжона была сделана еще в 1881 г.. Во главе заговора стоял его старший сын от наложницы Ли Чжэ Сон, который планировал совершить нападение на ванский дворец, дома родственников королевы Мин и на японскую миссию, чтобы свергнуть и клан Мин и вернуть отца на престол. В заговоре приняли участие 30 высших сановников, но за день до переворота двое предателей рассказали обо всем Мин Тхэ Хо: план был раскрыт, заговорщиков обезглавили, а принц Ли был отравлен⁷⁶. Тэвонгуна от репрессий спас только статус отца короля.

---

⁷⁶ Hulbert, Homer B. The history of Korea. vol. 2 стр. 223

В 1882 г. в Корее случилась сильная засуха, которую традиционно связали с гневом Небес за неправильную политику двора⁷⁷. Король Кочжон лично совершил моление о дожде, однако неурожай все равно случился.

Итогом стал «стрелецкий бунт» августа 1882 г., когда взбунтовались солдаты старой армии. В результате махинаций чиновников им шесть месяцев не платили жалования, а когда, наконец, пришло время расчетов, то они получили жалование только за один месяц вместо жалования за год, при этом чиновник из клана Мин выдал им рис вперемешку с песком. Солдаты пошли по начальству, но начальник интендантов Мин Гым Хо, тоже принадлежавший к клану Мин, приказал казнить солдат-жалобщиков. Был в этом замешан сам Мин, или только его подчиненные, которые продали рис, выделенный на солдат, и заменили его плохим (Хальберт держится второй версии)⁷⁸, уже неважно, потому что на этом терпение лопнуло: солдаты взялись за оружие и разгромили дома сановников из клана Мин.

Непосредственные виновники рисовой аферы были найдены и убиты, но, большая часть членов кланам укрылась в королевском дворце. Те, кто пытался прятаться в городе или выдавать себя не за члена клана Мин (как Мин Чхан Сик, известный своим вымогательством), были опознаны и зверски убиты⁷⁹. К восставшим примкнула городская беднота, поскольку политика открытых дверей привела к наплыву иностранных товаров, за которые надо было платить рисом, что увеличило разрыв между богатыми и бедными⁸⁰. Кроме того, были освобождены заключенные сторонники старого порядка.

В первые часы после начала восстания у солдат появилась идея обратиться за помощью к отстраненному от дел Тэвонгуну, который повстанцев принял, но формально отказался иметь с ними дело как с зачинщиками беспорядков. Впрочем, часть историков полагает, что он стал тайным руководителем восстания, если не был им с самого начала.

⁷⁷ История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Том I. С. 338.

⁷⁸ Hulbert, Homer B. The history of Korea. vol. 2 стр. 225

⁷⁹ Hulbert, Homer B. The history of Korea. vol. 2 стр. 227

⁸⁰ Understanding Korean History. С. 162.

Ближе к вечеру восставшие солдаты вместе с простым населением напали на японское дипломатическое представительство, сожгли его и убили 13 человек, в том числе японского военного инструктора (посланник бежал). Из-за данного инцидента «стрелецкий бунт» часто описывают как стихийный военный мятеж, который носил антияпонский характер⁸¹, но такое определение немного некорректно, поскольку он был направлен не столько против Японии или засилья японцев вообще, сколько против японских инструкторов, обучавших «войска нового строя», из-за которых войска старого образца оказались в таком положении.

После этого мятежники направились к королевскому дворцу Чхандоккун и ворвались внутрь. Там им удалось убить еще какую-то часть Минов, включая Мин Гём Хо, и если верить Хальберту, убийства сановников произошли практически в присутствии Кочжона. Согласно прилизанной версии, когда восставшие солдаты ворвались во дворец и потребовали выдать им ненавистных представителей клана Мин, добродетельные советники решили обеспечить безопасность государя, сами вышли к восставшим и дали себя убить (Хальберт придерживается скорее этой версии). Однако есть и другие версии, согласно которым или солдаты самостоятельно нашли, кого искали, или трусоватый ван сам приказал охране вытолкать чиновников на расправу.

Последнее довольно важно для автора, так как некоторые историки, пытающие обелить вана, придают этой кровавой сцене излишнее значение и сравнивают ее с детскими травмами Ивана Грозного или Петра Первого, у которых в детском возрасте толпа мятежников тоже растерзала родственников/сторонников на их глазах. Дескать, подобная ужасная картина повлияла в дальнейшем на его характер и сделала его тем «ваном-тряпкой», стараниями которого страна утратила свою независимость. Однако к этому времени вану уже было под 30 лет.

---

⁸¹ История Кореи (Новое прочтение). С. 217.

А что королева, которую солдаты считали главной виновницей бедствий? В суматохе она исчезла: один из верных слуг посадил ее себе на спину и вынес из дворца под видом своей сестры-служанки, которую он несет в безопасное место⁸². Скрывшись в провинцию Чхунчхон, она отправила в Китай послание, где излагала события со своей точки зрения и просила Китай оказать военную помощь для прекращения «беспорядков».

Видя, что восстание принимает угрожающие масштабы, ван издал указ о передаче всей полноты власти Тэвонгуну, после чего «беспорядки» прекратились.

Тэвонгун ликвидировал *Тхонни Киму амун*, отменил иные нововведения и занялся восстановлением боевой мощи корейских войск старого образца. Исчезнувшую королеву сочли погибшей и даже провели похоронный обряд⁸³.

Однако Ли Хунчжан был заинтересован в «относительном развитии» страны - проходящем медленными темпами и не несущем угрозу интересам сюзерена. Излишнее усиление Тэвонгуна, который был слишком консервативен и слишком самостоятелен, не входило в его планы. Используя как предлог обращение королевы Мин, три тысячи китайских солдат вошли в страну и арестовали Тэвонгуна, заманив на китайский корабль почти как княжну Тараканову⁸⁴, и отправив в ссылку в Китай. Вожаков бунта и сочувствующих казнили вплоть до публичных разрываний быками⁸⁵, к власти вернули Минов (благо королева «нашлась»), на всякий случай оставив в столице свои войска.

Воспользовавшись ситуацией, в сентябре 1882 г. Китай вынудил Корею подписать неравноправный торговый договор, во многом напоминавший корейско-японский и корейско-американский договоры и предоставлявший

---

⁸² Hulbert, Homer B. The history of Korea. vol. 2 стр. 227

⁸³ Hulbert, Homer B. The history of Korea. vol. 2 стр. 229

⁸⁴ Китайцы пригласили Тэвонгуна посетить свои корабли. Тот принял приглашение, зная о противоречиях в отношениях Японии и Китая, но, поднявшись на борт, он был арестован и увезен в Китай. По более драматичной версии, на борту был дан обед, в процессе которого корабль отплыл в море.

⁸⁵ Hulbert, Homer B. The history of Korea. vol. 2 стр. 226

китайским торговцам на территории Кореи многочисленные привилегии, аналогичные предоставляемым «западным варварам».

После заключения договора с Китаем другие страны Европы одна за другой стали заключать договоры с Кореей: Англия и Германия (1883 г.), Италия (1884 г.), Франция и Австрия (1886 г.). Эти договоры содержали статьи, определяющие режим наибольшего благоприятствования и право экстерриториальности для граждан соответствующей страны, а в корейско-французском договоре для изучения французского языка и письменности было разрешено проповедовать католицизм.

Японцы тоже «урвали свой кусок». В конце августа 1882 г. к Инчхону подошла японская эскадра с приказом добиться от корейского правительства компенсации за ущерб, понесенный во время мятежа, а также потребовать передачи Японии восточного (значительно удаленного от корейских берегов) о. Уллындо и южного о. Кочжедо. Такая позиция Японии, естественно, не устраивала ни Корею, ни Китай, чей представитель Ма Цзяньчжун выступил в качестве посредника. В итоге 30 августа 1882 г. был подписан Чемульпхоский корейско-японский договор, по которому двор был вынужден заплатить Японии значительную компенсацию в 500 тыс. иен, разрешить держать в Сеуле небольшой воинский контингент, расширить границы свободного передвижения японских подданных по территории Кореи и снести те стелы, которые были поставлены по приказу Тэвонгуна по всей стране как символ безусловного противостояния иностранному вторжению.

Что же до Российской империи, то после присоединения к России Южно-Уссурийского края по Айгуньскому 1858 г. и Пекинскому 1860 г. договорам с Китаем у двух стран появилась общая сухопутная граница в нижнем течении р. Туманган. Торговые отношения, так же, как и процесс перехода корейцев на русскую территорию на временное или постоянное проживание, требовали специального урегулирования. В 1884 г. был подписан договор с Россией об

открытии корейских портов, однако соглашение о сухопутной торговле было подписано четырьмя годами позже⁸⁶.

Таким образом Корея подпала под еще большее влияние извне, в особенности — от Китая и Японии.

---

⁸⁶ Пак Б. Д. Россия и Корея. С. 134.

Глава шестая, в которой Ким Ок Кюн пытается привнести в Корею свет цивилизации, устроив пожар у почтамта, а Юань Шикай начинает свою карьеру политика

Тяжело быть буржуазным революционером в стране, где вся буржуазия это ты и небольшая группа твоих приятелей.

Перефразированное выражение В.Тихонова¹.

Мятеж года Капсин и его последствия

После 1882 г. Китай, пользуясь наличием в Сеуле собственного воинского контингента, начал более активно укреплять свое влияние, найдя ценного союзника в лице клана Мин. Их интересы совпадали, так как Ли Хунчжану была нужна Корея, не выходящая из-под колпака его влияния, а Минам – надежная «крыша», способная обеспечить их личное процветание.

Так как после ссылки Тэвонгуна традиционалисты уже не представляли для правящего клана серьезной опасности, Мины переключились на сторонников цивилизаторства, стремясь вытеснить реформаторов с важных постов. Г. Д. Тягай отмечает, что осенью 1883 г. эта тенденция особенно усилилась, накладываясь на некоторые неудачи группировки Ким Ок Кюна и то, что с февраля 1882 по май 1884 гг. Ким Ок Кюн совершил три поездки в Японию, каждая из которых длилась несколько месяцев². Это время во многом уходило на общение с Фукудзавой и его единомышленниками, однако заем из Японии Ким Ок Кюн получить не сумел³, и его влияние стало падать. Кроме того, Ким Ок Кюн выступал против денежной реформы, за которую агитировал П. Мёллендорф, считая, что это вызовет инфляцию и развал в экономике⁴.

---

¹ В.М. Тихонов, Кан Мангиль. История Кореи. Том I, С. 409

² Толстокулаков И. А. Политическая модернизация Южной Кореи. Часть 1. С. 219.

³ Несмотря на то, что в Японии к прогрессистам относились с сочувствием, прокитайская ориентация большинства членов королевского двора не давала гарантий, что предоставленный заем будет возвращен.

⁴ Korean War and Modern History. Sese Publ. House. Seoul, 2006. P. 19.

В октябре 1884 г. клан Мин начал еще одно наступление на прогрессистов. Королеве удалось лишить реформаторов возможности встречаться с королем и передавать ему письма⁵. Ким Ок Кюна выслали в провинцию, Пак Ён Хё был снят с поста губернатора Сеула⁶, а издаваемая им с 1883 г. газета «Хансон сунбо» (Сеульское обозрение), в которой, в частности, излагались положения реформаторской программы и публиковались материалы о жизни за рубежом⁷, была прибрана к рукам королевой и ее клевретами, которые перевели ее на ханмун, что сделало ее недоступной для простых корейцев⁸.

При этом в желании прогнуться перед Китаем клан Мин был готов перейти всякие границы. Формальный глава прокитайской фракции и любимец королевы Мин Ён Ик даже пытался провести реформу национальной корейской одежды, приблизив ее к китайской, и собирался опубликовать соответствующий эдикт от имени *вана*, но под давлением общественного мнения был вынужден отказаться от этой непопулярной идеи⁹.

В такой обстановке Ким Ок Кюн и его сторонники, занимавшие в стране ряд постов второго эшелона, начали готовить переворот при участии японских друзей и в расчете на помощь японских войск, охраняющих японскую миссию в Корее.

В связи с этим ряд историков задается вопросом о том, был ли Ким Ок Кюн в курсе милитаристских планов японцев в отношении Кореи и если да, то можно ли считать его осознанным агентом влияния. С точки зрения автора, излишняя демонизация Ким Ок Кюна напоминает разговоры об «агенте ЦРУ Горбачеве». В то время Япония была примером азиатской страны, которая оказалась способна осуществить модернизацию и в короткие сроки достигнуть уровня европейских стран. Япония рассматривалась как страна, лишь недавно сбросившая иностранный гнет и как бы помогающая своим младшим братьям развиваться.

---

⁵ Толстокулаков И. А. Политическая модернизация Южной Кореи. Часть 1. С. 224.

⁶ Пак А. В. Диссертация. Рукопись С. 98.

⁷ История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Том I. С. 341.

⁸ Толстокулаков И. А. Политическая модернизация Южной Кореи. Часть 1. С. 224.

⁹ Тягай Г. Д. Формирование идеологии национально-освободительного движения в Корее. С. 111.

Японские либералы были источником идей модернизации не только для Кореи, а идеи паназиатизма были весьма привлекательны: Г. Тягай очень верно отмечает сходство контактов корейских и японских просветителей с японскими связями Сунь Ятсена¹⁰.

Не имея массовой поддержки и рассчитывая в основном на небольшие отряды сторонников, которых они тренировали по японскому образцу¹¹, Ким Ок Кюн и его последователи не видели возможностей самостоятельной модернизации Кореи и во многом рассчитывали на помощь Японии, благо к японской помощи они прибегали и ранее¹². Впрочем, к подготовке переворота была причастна не только японская, но и американская миссия. Более того, 29 ноября 1884 г., за пять дней до мятежа, Ким Ок Кюн встретился с *ваном* на частной аудиенции и просил Кочжона одобрить план переворота¹³. Это очень важный момент, который говорит не только о том, что мятеж не был для короля неожиданностью, но и о том, что перед тем, как перейти к силовым акциям, реформаторы пытались увещевать власть.

Путчисты рассчитывали и на поддержку более умеренных коллег, однако остальные сторонники реформ отказались сотрудничать с Кимом и его группой, приведя следующие 6 причин, по которым мятеж обречен на неудачу.

1. Силовое давление на монарха нарушает все принятые нормы, особенно - с конфуцианской точки зрения;
2. Из-за этого у организаторов переворота не будет массовой поддержки, и народный гнев обратится, опять-таки, на тех, кто покусился на традиционный порядок вещей;
3. Нельзя оставаться у власти, опираясь на внешние силы в лице японских штыков;
4. Китай, безусловно, примет меры и пришлет войска, превосходящие по численности силы реформаторов;

---

¹⁰ Тягай. С. 101.

¹¹ В.М. Тихонов, Кан Мангиль. История Кореи. Том I, С. 408

¹² Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи. Т.1, с.408

¹³ Тягай Г. Д. Формирование идеологии национально-освободительного движения в Корее. С. 112.

5. Планируемое убийство одиозных представителей клана Мин восстановит против реформаторов королеву, а значит – и короля;
6. Наконец, у реформаторов нет достаточного количества сподвижников, чтобы проводить в жизнь их решения.

4 декабря 1884 г. на торжественном банкете, посвященном присвоению одному из соратников Ким Ок Кюна поста начальника вновь организованного Управления почты и телеграфа, реформаторы подожгли находящееся неподалеку здание. Мин Ён Ик, отвечавший за тушение пожаров, встал из-за своего стола и поспешил на выход, но как только он вышел на улицу, некто, одетый в японскую одежду, атаковал его, серьезно ранив мечом его в голову и тело. Чиновник рухнул на землю, и в суматохе убийца благополучно скрылся¹⁴.

Прогрессисты заявили что все это - провокация китайцев, и на фоне общей паники и под предлогом мятежа и беспорядков в Сеуле уговорили Кочжона переехать во дворец Чхандоккун¹⁵, «который было легче охранять». Там они окружили *вана* своими людьми, а Ким Ок Кюн уговорил Кочжона послать предписание представителям «консервативной» группировки (включая таких людей, как Мин Тхэ Хо) явиться ко двору, после чего они один за другим попадали в засаду и были убиты по одной версии японцами, по другой, молодыми прогрессистами из числа сторонников Кима.

Любопытно, что, описывая эти события, Х. Хальберт не проводит прямой связи между заговором и пожаром с последующей атакой на Мина, оставляя вероятность того, что решение о мятеже было принято спонтанно. «То, что нападение было спланировано радикалами, так и не было доказано, но они знали, что должны действовать быстро, потому что, сделали ли это они или нет,

---

¹⁴ Hulbert, Homer B. The history of Korea. vol. 2 стр. 236

¹⁵ По версии В. Тихонова и отчасти Хальберта, изначально ван находился во дворце Кёнгу, более удобном для обороны, но королева потребовала от Ким Ок Кюна перенести двор в более просторный дворец Чхандоккун, который было заведомо невозможно защищать теми малыми силами, которые были в распоряжении заговорщиков.

подозрения падут именно на них. Им оставалось либо нанести быстрый, резкий удар, либо ждать смерти. Они выбрали первый вариант»¹⁶.

На другой день, 5 декабря, партия реформ заявила о формировании нового правительства, в котором Ким Ок Кюн стал министром финансов. Министрами правой и левой руки стали Хон Ён Сик и Ли Джэ Вон. Все участники мятежа были чрезвычайно молоды: старшему, Ким Ок Кюну не было и 35 лет, а младшему, Со Чжэ Пхилю (занявшему пост военного министра) – всего 18.

В тот же день была опубликована программа реформаторов, нацеленная на модернизацию буржуазно-демократического толка. К сожалению, текст этой программы впоследствии был уничтожен, но согласно «Капсин иллок» («Капсинские дневники»), воспоминаниям Ким Ок Кюна, написанным после бегства в Японию¹⁷, она состояла из 14 пунктов, важнейшими из которых были следующие.

1. Ликвидация вассальных отношений с Китаем и возвращение в страну Тэвонгуна.
2. Введение равноправия всех жителей страны. Отмена сословной системы и фракционных группировок путем привлечения на государственную должность способных людей. Обеспечение гражданского равенства людей.
3. Создание единой финансовой системы и подчинение ее Подворной палате (*Ходжо*), отмена ростовщической системы, реформирование системы взимания земельных налогов. Реорганизация системы налогообложения.
4. Кардинальная перестройка государственной структуры. Усиление роли Кабинета Министров по примеру конституционной монархии других стран. Упразднение Дворцового управления (*Нэсибу*) - старого совещательного органа при короле, библиотеки *Кюджангак* (таковая была

---

¹⁶ The Passing of Korea, стр. 125

¹⁷ Пак А. В. Диссертация. Рукопись С. 101-102.

крупнейшим собранием конфуцианской литературы и потому рассматривалась как символ старого феодального порядка) и других подчиненных *вану* учреждений. Ким выдвигал идею парламента, но не разработал процедуру выборов его членов. Его идеалом была конституционная монархия, которая ограничивала власть *вана* и особенно – ванских родственников¹⁸.

5. Внимание к просвещению народа, в том числе – через газеты.
6. Обеспечение развития свободной торговли. Ограничение прав *побусанов* и упразднение их организации. Последнее связано еще и с тем, что уличные торговцы и носильщики традиционно использовались консерваторами для подавления оппонентов.
7. Учреждение гвардии, введение постовых, установление современной полицейской системы.
8. Строгое наказание для алчных и коррумпированных чиновников.

У власти мятежники продержались всего 48 часов. Причин было несколько, и о части из них Ким Ок Кюна предупреждали. Во-первых, вмешались китайские войска, которые оставались в Сеуле и имели по сравнению с японскими значительное численное превосходство. Хотя в 1884 г. Китай начал войну с Францией за Вьетнам и примерно половина китайских войск в Корее, была переброшена туда, тех, кто остался, вполне хватило¹⁹.

Во-вторых, лица, пришедшие к власти на чужих штыках и посмеявшие взять монарха в заложники, были восприняты не как реформаторы, а как национальные предатели – как народом, так и чиновниками, не желавшими подчиняться узурпаторам. Напомним, что в глазах традиционной конфуцианской интеллигенции Япония совмещала в себе и старый образ врага, оставшийся со времен Имджинской войны, и образ «коварного Запада», так как была уже достаточно вестернизирована. Как впоследствии писал Хан Ён У, «желать

¹⁸ Толстокулаков И. А. Политическая модернизация Южной Кореи. Часть 1. С.221.

¹⁹ Understanding Korean History. С. 164.

самостоятельности и в то же время захватывать власть с помощью японских войск – это ли и не равносильно измене Родине? Таким образом, молодые реформаторы выдвигали только утопическую идею о равенстве людей, проигнорировав проблему защиты суверенитета государства, выхода из кризиса, а также совершенно не учитывая настроений народа».

И поскольку в традиционной ментальности отсутствовало понимание того, что результаты какой-либо деятельности далеко не всегда демонстрируют ее первоначальную идею, был сделан вывод, что Ким просто хотел захватить власть столь «нетрадиционным» и неприемлемым способом. Деяния Ким Ок Кюна и его «пяти негодяев» были восприняты как абсолютно варварский и возмутительный акт, а равно – пример того, что делает с людьми излишнее общение с «западными варварами».

В-третьих, японское правительство не стало активно поддерживать действия реформаторов. переворот готовился с ведома японского посланника в Сеуле Такэдзоэ, однако, когда 6 декабря 1884 г китайские войска начали действовать, он, опасаясь прямых столкновений с Китаем и так и не дождавшись инструкций из Токио, предпочел эвакуацию и снял охрану дворца.

Таким образом, к 6 декабря в распоряжении реформаторов остались только военнослужащие из так называемой «офицерской школы», где готовились кадры для армии нового образца. Против полутора тысяч лучше вооруженных китайских солдат во главе с У Чжаю и Юань Шикаем у них не было никаких шансов, и 7 декабря дворец Чхандоккун был быстро взят.

Одновременно по Сеулу распространился слух, будто бы сторонники Партии реформ вместе с японцами пленили короля. Разъяренное население города бросилось к зданию японской дипломатической миссии и к домам реформаторов. Здание миссии было сожжено, погибло 74 человека, японский посланник был вынужден спасаться бегством, а большинство оставшихся в стране реформаторов надолго перестало ориентироваться на Японию, так как заговорить о ее благотворном влиянии значило поставить себя в один ряд с изменниками.

Власть же снова оказалась у сторонников *тондо соги*, - Ким Хон Чжипа назначили заместителем главного министра, а провозглашенные реформы были аннулированы.

Большая часть реформаторов была репрессирована, причем некоторые были убиты прямо на глазах Кочжона, которого они пытались вывести из дворца. Хальберт приводит по этому поводу любопытную историю, - один из реформаторов, Хон Ён Сик, при виде толпы спрятался в шкафу и отсиделся там, если бы не ван, который кивком головы указал его местонахождение²⁰.

Те же, кто остался в живых, спаслись бегством в США или Японию (Со Чжэ Пхиль, Со Гван Бом, Пак Ён Хё). Сам Ким Ок Кюн тоже бежал в Японию, но отношение к нему там было более чем прохладным²¹. В 1886 г. японское правительство потребовало от Кима покинуть страну, он собирался перебраться в Россию (в декабре 1883 г. Ким Ок Кюн вел переговоры с Россией о заключении договора между двумя странами²²) и по этому поводу переписывался с российскими дипломатами. Однако японские власти выслали его раньше²³.

Даже находясь в эмиграции и считаясь государственным изменником, Ким Ок Кюн продолжал пытаться «давать советы двору». В этих письмах очень хорошо видно его кредо: «Стоит только установить искренние, дружественные отношения со странами Европы и США и перестроить внутреннюю политику в стране, просветить невежественный народ и направить его по пути цивилизации, поднять торговлю, упорядочить финансы и подготовить армию, что не составляет особых трудностей, как... иностранные государства будут вынуждены отказаться от захватнических помыслов»²⁴.

Этот подход кажется мне весьма характерным. С одной стороны, главное – подружиться с Европой, а все остальное произойдет как бы само собой. Как только европейские державы увидят, что «мы – свои», они немедленно перестанут

---

²⁰ Hulbert, Homer B. The history of Korea. vol. 2 стр. 237-239

²¹ Hong Yi-Sup. Korea's Self-Identity. Seoul, 1973. P. 164.

²² Пак Б. Д. Россия и Корея. С. 140.

²³ Там же. С. 141-142.

²⁴ История Кореи (Новое прочтение). С. 231.

воспринимать Корею как варварское государство и примут ее с распростертыми объятьями. С другой стороны, весь комплекс внутренних преобразований воспринимается им как нечто чрезвычайно легко осуществимое, не представляющее таких уж трудностей.

Вот еще один отрывок из прошения Ким Ок Кюна на имя *вана*, который очень хорошо иллюстрирует и его подход к политике вообще, и то, как много элементов традиционной культуры в нем было:

«Я хочу выразить свои чувства и обращаюсь к Вашему Величеству за мудрым решением. Ваше Величество навесили на меня ярлык предателя, но какое преступление я совершил? Я прошу Вас осмыслить произошедшее. Я осознавал, что Ваше Величество не может спасти страну и изгнать предателей. Поэтому я был вынужден организовать этот заговор в интересах страны и с риском для собственной жизни. Почему на мне поставлено клеймо предателя? Пока еще ни один министр и ни один кабинет не выступили с планом национального спасения. Напротив, они заняты продажей должностей и взяточничеством; делят государственные должности, обсуждают фракцию Тэвонгуна и говорят о заговоре Ким Ок Кюна. Они не слушают мудрых советов и вообще ведут себя как малые дети. Как они могут обеспечить будущее нашей страны?... Если Ваше Величество будет продолжать слушать изменников и совершать необдуманные поступки, то необразованный народ не будет Вам доверять, и в стране возникнут волнения»²⁵.

В 1893 г. подсланный Минами человек по имени Хон Чжон У заманил Ким Ок Кюна в Шанхай и застрелил из револьвера. Б.Д. Пак считает, что убийство произошло с ведома японцев, которые проинформировали Минов о том, куда он будет переезжать из Японии²⁶. Тело на китайской канонерке было доставлено в Корею²⁷, где было торжественно четвертовано и выставлено на всеобщее

²⁵ Sources of Korean tradition. Vol. II. P. 256.

²⁶ Пак Б. Д. Россия и Корея. С. 203.

²⁷ Hulbert, Homer B. The history of Korea. vol. 2 стр. 250

обозрение²⁸. Такой посмертной экзекуции подвергали государственных изменников.

Понятно, что история не знает сослагательного наклонения, но многие южнокорейские ученые сожалеют о неудаче Ким Ок Кюна. Они полагают, что в случае успеха его переворота и проведения предлагаемых им реформ Корея могла бы нагнать Японию по темпам модернизации, не становясь при этом прояпонским сателлитом, ибо хотя Ким Ок Кюн и его приближенные использовали японскую помощь и деньги, они были в дружбе и с американцами и не являлись оголтелыми паназиатами. Кроме того, *кэхва ундон* можно рассматривать как политическую организацию нового типа, отличную от прежних придворных группировок прежде всего тем, что целью членов партии были не личные выгоды или борьба за влияние при дворе, а благо страны.

Возможно, они правы: будь серия реформ проведена тогда, Корея могла сделать существенный рывок вперед, ибо многое из того, что пытались воплотить в жизнь реформаторы более позднего времени, базировалось на его идеях.

Кстати, в советской историографии отношение к Ким Ок Кюну очень интересно менялось. В самых ранних работах 1920-х гг. группу Ким Ок Кюна называли "буржуазными революционерами" и оценивали вполне положительно. Затем его группировку позиционировали исключительно как японских приспешников и упоминали в негативном контексте. Например, в работе А. Пигулевской «Корейский народ в борьбе за независимость и демократию» 1952 г. Ким назван реакционным прояпонским агентом, а ликвидированные им в ходе путча представители консерваторов – патриотами и сторонниками независимости. В работах М. Н. Пака 1950-х годов оценка его деятельности скорее нейтральная. Однако она постепенно менялась на положительную: упор делался не столько на японскую помощь, сколько на программу реформ.

---

²⁸ Cumings B. Korea's place... P. 114.

«Резидентство» Юань Шикай и международные отношения Кореи того времени

Итак, на 10 лет Корея попала в жесткую зависимость от Китая, представителем которого на полуострове был мало кому известный тогда китайский офицер двадцати двух лет от роду по имени Юань Шикай(1860-1916). Он происходил из влиятельной семьи в Северном Китае. Его дядя был хорошим другом Ли Хунчжана, и молодой человек получил престижное назначение заместителя командующего китайским гарнизоном в Сеуле. Однако во время мятежа Года *Капсин*, когда другие медлили, именно он проявил решительность, убедил начальство в серьезности проблемы и необходимости экстренных мер и приказал подчиненным ему войскам подавить мятеж.

После этого Ли Хунчжан перепоручил корейские дела ему. Кочжон был временно отправлен в военный лагерь цинских войск, а Юань был назначен генеральным резидентом, пробыв в этой должности 10 лет вплоть до начала японо-китайской войны 1894-1895 гг. По мнению большинства историков, Юань Шикай фактически управлял Кореей от имени короля, отлучив *вана* от внешних контактов и заменив реформаторов во властных структурах на консерваторов старой конфуцианской закалки. Юань Шикай был единственным человеком, который имел право сидеть в присутствии *вана*²⁹. Чувствуя себя весьма вольготно, Юань даже позволял себе рукоприкладство по отношению к высшим корейским сановникам, а в 1888 г. всерьез подумывал о свержении Кочжона³⁰. Ли Хунчжан, однако, был против этого.

Здесь нельзя не отметить мнение И. А. Толстокулакова, который считает, что процесс лишения корейского государства национального суверенитета начался с последствий 1884 г., когда Юань Шикай управлял Кореей, не считаясь с

²⁹ История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Том I. С. 344.

³⁰ В.М. Тихонов, Кан Мангиль. История Кореи. Том I, с. 418

нуждами страны и мнением корейского чиновничества³¹. В.М. Тихонов дает много любопытных примеров китайского произвола³² - на уровне как рядовых солдат, так и представителей администрации, отмечая, однако, что неприязнь к японцам (даже если сравнивать торговцев и ростовщиков) все равно была больше³³. Видимо сказывалась их принадлежность к «старшему государству», или то, что корейского аналога таких купцов все равно не было – главенствующую роль продолжали играть побусаны, тесно связанные с кланом Мин³⁴..

Понятно, что в ответ на такое давление со стороны Китая ван пытался проводить независимую политику, в частности, пробуя самостоятельно отправлять послов в страны Европы³⁵ и действуя при помощи фон Мёллендорфа, который, хотя был поставлен китайцами, к 1884 г. стал активным сторонником сближения Кореи и России. В 1885 и 1887 гг. периодически всплывали слухи о том, что двор заключил с Россией тайное соглашение, однако документальных подтверждений данного факта нет. Хотя В. Тихонов упоминает историю, когда прокитайский чиновник Ким Юнсик разгласил попавшие в его руки документы о корейско-российских переговорах по поводу присылки военных инструкторов³⁶, а Т.М.Симбирцева – историю о том, что ван просил Меллендорфа о российском садэчжуи или, если угодно, о покровительстве. Но из-за трудностей перевода Мёллендорф использовал термин «протекторат», и когда это дошло до китайцев, в 1885 г Ли Хунчжан отозвал фон Мёллендорфа и заменил его американцем О. Дэнни (последний, правда, тоже не придерживался полностью прокитайской линии), а также вернул из ссылки Тэвонгуна, дабы он своим присутствием противодействовал пророссийским симпатиям.

---

³¹ Толстоулаков И. А. Политическая модернизация Южной Кореи. Часть 1. С. 237.

³² В.М. Тихонов, Кан Мангиль. История Кореи. Том I, С. 404-405

³³ В.М. Тихонов, Кан Мангиль. История Кореи. Том I, С. 417

³⁴ В.М. Тихонов, Кан Мангиль. История Кореи. Том I, С. 418

³⁵ Предполагаемого посла в Англию китайцы перехватили в Гонконге, а посол в США добрался до цели и остался в Америке, хотя китайцы требовали отозвать и наказать его за самовольное представление корейских интересов.

³⁶ В.М. Тихонов, Кан Мангиль. История Кореи. Том I, С. 419

В 1885 г. Россия обратилась к Корее с просьбой о создании в корейском порту Вонсан российской военно-морской базы, но положительно вопрос решен не был. Однако 15 апреля 1885 г. в ответ на это Англия захватывает о. Комундо у южного побережья Кореи и удерживает его два года³⁷. Только активное вмешательство российской и китайской дипломатии в этот вопрос заставило англичан оставить остров.

Летом 1886 г. ван снова попытался сыграть на противоречиях между Россией и Китаем. Мин Ён Ик навестил русского посланника и повел с ним разговор о том, что из всех стран одна Россия может освободить ее (Корею) из нынешнего безвыходного положения. Вебер, однако, посоветовал избегать открытого разрыва с Китаем, так как понимал, что для того чтобы вмешиваться, надо обладать значительной военной силой, а у России на Дальнем Востоке ее нет³⁸.

Через несколько дней после этого разговора, 9 августа, Мин доставил в русскую миссию секретное письмо с государственной печатью, в котором, в частности, писалось следующее: «Наше государство склонилось на одну сторону, поддавшись чужому влиянию. Хотя в нем один независимый государь поставлен, но он совершенно не может избежать, чтобы не быть в подчинении у другой державы. Я, король, весьма стыжусь и опечален этим... надеюсь, что Вы доложите Вашему Правительству и присоедините Ваши старания, держа дело в секрете, чтобы русское правительство употребило все усилия оказывать мне покровительство и никогда не покидать меня...»³⁹.

Фактически ван просил о содействии подписанию секретного договора о дружбе, однако содержание этого письма вскоре стало известно Юань Шикаю уже через неделю после вручения его Веберу, и ряд авторов предполагает, что

³⁷ Cumings В. Korea's place... Р. 114. Согласно его мнению, история с островом Комундо может быть воспринята как деталь противостояния России и Англии, которое в это время было заметно не только на Дальнем Востоке: обе стороны решили воспользоваться временным перемирием между Китаем и Японией с тем, чтобы усилить свое проникновение в Корею.

³⁸ Пак Б. Д..Россия и Корея. С. 163-165.

³⁹ Там же. С. 164.

проинформировал его об этом все тот же Мин Ён Ик⁴⁰, который был больше прокитайски настроен, чем король или королева. Китайцы немедленно приняли меры, после чего Кочжон заюлил и заявил, что никакого письма не писал. После этого китайцы добились того, чтобы никакие секретные письма не принимались иностранными дипломатами во внимание.

Впрочем, с российским протекторатом все равно бы ничего не вышло. Известны инструкции российского МИДа, в которых заявлен от приобретения Кореи или установления над ней своего протектората. Это объяснялось тем, что защита Кореи от посягательств извне потребовала бы громадных расходов со стороны России и стремлением последней избежать столкновений с Китаем, которые могли бы возникнуть в результате подобных мер⁴¹.

Нередко утверждается, что в июне 1886 г. подтвердились слухи о заговоре Юань Шикая, который собирался поджечь дворцовый комплекс, убить в суматохе правящую чету⁴², а затем провозгласить ваном другого сына тэвонгуна, Ли Чжэ Мёна, который был бы более послушен. Для этого он будто бы решил привлечь на свою сторону Мин Ён Ика, считавшегося лидером прокитайской партии, но тот рассказал обо всем вану⁴³.

Это покушение было не последним. А. Сабатин упоминает как «знаменитую историю» попытку китайцев отравить королеву в 1888 г. при помощи именинного пирога⁴⁴.

Что же до японо-китайских отношений, то сначала в них возникло напряжение. Корейцы разграбили дома многих японцев, и страна Восходящего Солнца потребовала извинений за поджог японской миссии и убийство посольского штата и резидентов, а также выплаты репараций. Для «обеспечения безопасности» японских граждан в Корею в Инчхон были посланы семь боевых кораблей и два батальона армии, угрожавшие городу военным вмешательством.

---

⁴⁰ К.И. Вебер и Корея. Стр.64-65

⁴¹ К.И. Вебер и Корея. Стр.110-111

⁴² По другой версии, их собирались отравить.

⁴³ К.И. Вебер и Корея. Стр.75

⁴⁴ Корея глазами россиян (1895-1945). С. 21

Чтобы избежать военного столкновения между вооруженными силами двух стран, в октябре 1885 г. Ли Хунчжан встретился в Тяньцзине с Ито Хиробуми. Этот японский государственный деятель, трижды занимавший пост премьер-министра Японии и неоднократно бывший министром иностранных дел, занимался корейским вопросом, начиная с 1876 г. В результате этой встречи Китай и Япония приняли решение в течение четырех последующих месяцев одновременно вывести из Кореи свои войска. Корею дали возможность создать собственную армию, а в случае чрезвычайной ситуации договорились заранее предупредить друг друга о том, что в Корею будут вновь введены войска. Кроме того, Корея должна была официально выразить сожаление по поводу смерти японских подданных, отвести земельные участки для постройки нового здания японского посольства и казарм для японских солдат и уплатить компенсацию погибшим.

Для создания самостоятельной корейской армии в 1887 г. по китайской наводке США подписали договор с Кореей о приглашении американских военных инструкторов, но прибывшие военные не были хорошими специалистами, относились к делу спустя рукава, и боеспособная корейская армия так и не была создана.

Экономическое проникновение Японии, однако, продолжалось. Воспользовавшись отсутствием в Корее развитой банковской системы при необходимости банковской деятельности в открытых портах, в 1888 г. в Сеуле было основано главное отделение крупнейшего японского банка *Дайити гинко* («Первого банка») с одновременным открытием филиалов во всех крупнейших корейских портах. Японский капитал успешно конкурировал с китайским – причем китайский рос динамичнее. Если в 1885 г. объем экспорта из Китая в Корею составлял более 331 тыс. долларов, а объем экспорта из Японии в Корею более 1 377 тыс. долларов, то в 1892 г. экспорт из Китая в Корею (более 2 055 тыс. долларов) почти сравнялся с экспортом из Японии (более 2 555 тыс.

долларов. Однако если китайские торговцы торговали иностранными товарами, японские сбывали товары собственного производства.

В политической сфере японцы стали делать ставку на Тэвонгуна, который, согласно логике фракционной борьбы, не мог быть на одной стороне с королевой. Летом 1892 г. японцы будто бы распустили слух о покушении на его жизнь, который наделал определенный шум в дипломатических кругах, потому что корейское правительство не торопилось его дезавуировать и сделало это только после определенного давления со стороны представителей России⁴⁵.

Здесь стоит сделать отступление и рассказать об отношении к Корее Америки и американцев. И корейские, и зарубежные историки отмечают, что следует отделять деятельную помощь отдельных американских граждан - протестантских миссионеров-просветителей от американского правительства, относившегося к корейским проблемам более чем прохладно. Политика Теодора Рузвельта была направлена на защиту американских интересов в иных регионах, к тому же в конце XIX в. об этой стране знали очень мало, и Г. Хендерсон иронически замечает, что на тот момент в Америке о Марсе было известно больше.

Впрочем, в 1887 г. в Соединённые Штаты был направлен посланник Пак Чон Ян, хотя из-за нажима Китая не удалось ни открыть постоянное представительство, ни получить заем⁴⁶. Вообще, Юань Шикай усиленно противодействовал отправке корейских миссий в Японию, США и Европу, настаивая, чтобы по прибытии корейские дипломаты являлись на аудиенцию к послу Китая, дабы засвидетельствовать садэчжуй.

Что же касается рядовых американцев, не представлявших линию своего правительства, то, хотя их число при корейском дворе всегда было не очень велико (примерно 80 человек в 1894 г. и около 250 человек – в 1900 г.), влияние, которое они оказали на Корею, действительно можно назвать огромным. Если

⁴⁵ Пак Б. Д..Россия и Корея. С. 198-199.

⁴⁶ В.М. Тихонов, Кан Мангиль. История Кореи. Том I, С. 420

Госдепартамент США не проявлял особенной активности, то такие деятели, как Х. Хальберт, Х. Аллен, Х. Андервуд и другие, активно занимались в Корее благотворительностью, основывая школы, больницы, университеты и, естественно, завоевывая этим влияние при дворе⁴⁷. Именно они построили в Корее первый государственный госпиталь современного типа (больница «Севранс», созданная Алленом). Со второй половины 1880-х годов представители частного предпринимательства США вели разведку и разработку полезных ископаемых. Американцы также пытались получить концессии на строительство основных железных дорог Кореи.

Большая часть этих людей были протестантскими миссионерами, которые появились в Корее в 1880-е годы. В своём большинстве это были молодые люди, отправившиеся в Корею не по формальной разрядке, а по собственному почину. Их политика отличалась от политики Ватикана и в чем-то была близка иезуитским методам культурной адаптации. Как писал один из пасторов, «Прежде всего, давайте начнём с просветительской и лечебной работы. Не откладывайте, и я уверен, вы добьётесь больших успехов в проповеди христианства»⁴⁸. Престиж христианской цивилизации демонстрировался таким образом.

В феврале 1885 г. под патронажем двора и стараниями миссионеров открылось первое корейское медицинское учреждение. В 1886 г. американский миссионер-методист Г. Аппенцеллер основал школу для воспитания специалистов *Пэдже хактан*, а его соотечественница М. Скрэнтон – женское учебное заведение *Ихва хактан*. В 1886 г. пресвитерианец Х. Андервуд основал в Сеуле училище *Кёнсин хаккё*, - будущий университет Ёнсе. После этого, в 1886 г. была основана английская школа, где современное образование получали дети действующих чиновников и высокопоставленных лиц. По приглашению правительства там

---

⁴⁷ Доктор Аллен, прибыл в страну в 1884 г. в качестве миссионера, но под видом врача в американской миссии, и почти сразу завоевал доверие двора тем, что вылечил тяжелораненого Мин Ён Ика. После этого его рейтинг при дворе Кочжона значительно вырос, и он фактически стал лечащим врачом семьи *вана*. Он же вылечил Ли Сын Мана, когда тот в возрасте пяти лет потерял зрение после перенесенной оспы. Лечащим врачом королевы тоже была миссионерка Лилиас Андервуд.

⁴⁸ Чан Джэён. Первомартовское движение 1919 г. и корейская протестанская церковь, с.72.

работали иностранные профессора, в том числе Х. Халберт, и преподавались математика, естественные науки, история и политические дисциплины.

С одной стороны, протестанты действовали в условиях, когда исповедование христианства уже не каралось смертью. С другой – благодаря особенностям церковной организации протестанты обладали большей свободой рук, и им не требовалось согласовывать свои действия с Центром. Они же были первыми, кто обратил внимание на женщин и начал заниматься их евангелизацией. Хендерсон объясняет успех пресвитерианской церкви и ее широкое распространение в Корее тем, что их система организации и управления во многом совпадала с корейской общинной традицией⁴⁹.

Что же касается догматики, то протестанты гораздо более мягко подстраивались под местные обычаи, акцентируя внимание скорее на том, что в христианстве было похожего на традиционные религии Дальнего Востока. Кроме этого, они использовали для обозначения своей веры и даже обозначения Бога другие иероглифы, нежели католики⁵⁰, были более веротерпимы и автономны в своих действиях. Потому некоторые корейцы думали, что исповедуемый американцами протестантизм - это совсем другая религия, нежели католичество, отношение к которому властей было резко отрицательным из-за того, что католики активно выступали против культа предков как поклонения идолам. Потому протестанты старались отделить себя от католиков и даже в «Корейской Политике» по этому поводу есть интересный пассаж о том, что протестантские секты не слишком отличаются от конфуцианских толкований, и что этика протестантизма запрещает ему вмешиваться в политику⁵¹.

Результатом такой активности миссионеров стало значительное распространение в Корее протестантского вероучения, ибо доступ в открытые ими учебные заведения был открыт только для христиан. В 1887 г. была

---

⁴⁹ Henderson. P. 83.

⁵⁰ Католическая церковь именовалась чхончжугё, но так как термин «чхонджу» уже активно использовался их религиозными оппонентами, и кроме того нёс китаефильскую окраску, протестанты использовали для самоназвания термин «кидоккё», а для обозначения Бога употребили исконно корейское слово «хануллим /Хананим».

⁵¹ Nyeon-Dew Kang. Media Culture in Korea. Seoul, 1991. P. 26.

полностью переведена на корейский язык Библия⁵². В 1890 г. в Корее появился первый орган, а в 1893 г. – первый печатный сборник христианских гимнов. К 1893 г. в Корее было основано 12 крупных церквей и множество мелких храмов и часовен⁵³. В 1896-1898 гг., у них выходил ежегодник «The Korean Repository», - весьма ценный источник данных о стране того времени.

Вот что писали о успехах протестантизма в Корее сами миссионеры. «На протяжении почти десяти лет история работы в Корее была ошеломляющей. Она звучит почти как сказка и поистине напоминает главу из «Деяний апостолов». Неизменно и регулярно, со всё возрастающей наступательностью, работа росла всё быстрее и быстрее, превосходя самые радужные надежды самых оптимистических миссионеров»⁵⁴.

Некоторая разница в тактике, конечно, была. Пресвитерианцы предпочитали деятельность под крылом правительства, методисты сделали ставку на прояпонских реформаторов кэхва ундон и больше работали в регионах; пресвитерианцы больше вкладывались в медицину, методисты акцентировали внимание на просветительской деятельности. Но конфликтов между конгрегациями не было, и вопросы решались по принципу «кто первый пришел, тот и проповедует»⁵⁵.

Так начала формироваться и укрепляться проамериканская партия, тем более что исповедование христианства воспринималось прогрессистами как неотъемлемая черта цивилизации. Вот очень симптоматичная цитата из Пак Ён Хё: «Наш народ нуждается в просвещении и христианстве... Ваши миссионеры уже сделали очень много хорошего для Кореи. Наши старые религии слишком поверхностны и потому они должны быть вытеснены христианством... Народ должен просвещаться и христианизироваться, чтобы позднее осуществить конституционную реформу. Тогда вполне возможно, что в отдаленном будущем

⁵² Чан Джэён «Первомартовское движение 1919 г. и корейская протестантская церковь», с.69.

⁵³ История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Том I. С. 347.

⁵⁴ Т.М.Симбирцева «Из истории христианства в России»// Российское корееведение», №.2, 2001, с.268.

⁵⁵ Чан Джэён «Первомартовское движение 1919 г. и корейская протестантская церковь», с.72.

мы станем столь же свободной и просвещенной страной, какой является сейчас Ваша страна»⁵⁶.

С точки зрения развития ментальности стоит отметить еще один момент. Христианские ценности, построенные на любви к ближнему, внесли в корейскую ментальность определенные идеи, связанные с гуманизмом. Однако яркий национализм протестантских миссионеров многим казался опасным. В этом смысле очень интересно мнение приморского генерал-губернатора П. Ф. Унтербергера, который отмечал опасность христианской миссионерской пропаганды из-за того духа фанатизма и дисциплины, который она воспитывает⁵⁷. Тем не менее, именно он как бы продемонстрировал корейцам отношение граждан к своей стране и стал косвенным источником развития корейского национализма по относительно «жесткому» пути.

---

⁵⁶ Пак А. В. Диссертация. Рукопись С. 105-106. В разговоре с христианским проповедником. Цит. По: Wanne J. J. A cultural history of modern Korea. P. 524.

⁵⁷ Пак Чон Хё. Россия и Корея (1895-1898). М., 1993. С. 101.

Глава седьмая, в которой секта *тонхак* поднимает восстание и вызывает японо-китайскую войну, а партия прогрессистов через 10 лет после своей неудачи наконец-то проводит реформы Года Кабо

Восстание *тонхак* и японо-китайская война 1894-1895 гг.

К середине 1890-х ощущение кризиса распространилось по всей стране, и буквально по всей территории Кореи происходили небольшие крестьянские выступления. Многие были уверены в том, что Небесный мандат династии Ли уже на исходе, и ситуация рано или поздно приведет к смене власти. Вопрос – к какой.

Как пишет Алекс де Токвилль, люди начинают бунтовать не когда они живут плохо а когда они знают, что можно жить лучше, и здесь хочется процитировать К. И. Вебера: « главной причиной смут следует считать взяточничество и самоволие местных чиновников, вызвавших протест со стороны угнетённого народа. Без сомнения, взяточничество вошло в плоть и кровь чиновного клана в Корею, ... но заключение договоров с иностранными государствами сделалось для корейского народа древом познания добра и зла. Новые идеи стали проникать в низшие слои его, новые учения о гуманности, правдивости и честности. Кроме того, торговля в открытых портах давала корейцам возможность лишнего заработка, познакомила их с неизвестными им до сих пор предметами европейской промышленности; путешествия, предпринятые некоторыми лицами в Японию, а другими в Америку или Европу, расширили их сведения и кругозор. Они стали смотреть на порядки в Корею другими глазами и обычные притеснения со стороны чиновников показались им теперь несносными»¹. Двор же ограничивался воззваниями о том, что вымогательство и казнокрадство в провинциях будут сурово наказываться и вводил новые ограничения на роскошь. Запрещалось, например, одеваться в шелк тем, кому не исполнилось 55 лет².

¹ К.И. Вебер и Корея. Стр.130

² Hulbert, Homer B. The history of Korea. vol. 2 стр. 246

К этому добавлялась ксенофобия. Х. Хальберт приводит несколько слухов, хорошо отражающих уровень таковой в одном только 1888г.. Один говорил о том, что европейцы и американцы воруют детей для употребления в пищу. Другой - что иностранцы охотятся на корейских женщин и отрезают им груди для извлечения конденсированного молока. Для этого у них есть особый наркотик, в виде газа, который вдувался ртом в отверстие двери и если внутри находилась женщина, она просыпалась с неудержимым желанием выйти на улицу, где ее поджидал иностранец, который хватал ее и отрезал грудь³.

На этом фоне уже во второй половине 1880-х в трёх южных провинциях страны – Кёнсан, Чхунчхон и Чолла начало активно распространяться учение *тонхак*., которым после гибели Чхве Чжэ У стал руководить его ближайший ученик Чхве Си Хён, активно развернувший работу, направленную на расширение и укрепление низовых организаций *тонхак* по всей стране. Будучи достаточно состоятельными и образованными людьми, лидеры секты смогли обеспечить распространение своего учения среди всех слоёв населения, в том числе за счет издания своих религиозных текстов на *хангыле*. Кроме того, в 1886 г. Чхве Си Хён предвидел эпидемию холеры и предписал членам секты соблюдать чистоту и не пить сырую воду. Когда эпидемия случилась, и члены секты практически не пострадали, ее авторитет очень вырос⁴, и, по мнению В. Тихонова, ячейки секты стали формой самоорганизации сельского общества⁵.

Набравшись сил, руководство секты приступило к организации массовых акций с целью добиться реабилитации Чхве Чжэ У. В начале 1890-х буквально по всей территории Кореи происходили небольшие крестьянские выступления. Первое произошло в 1892 г. в провинции Северная Чолла: несколько тысяч человек обратились к губернаторам провинций Чхунчхон и Чолла с требованием реабилитировать основателя учения *тонхак* и прекратить репрессии в отношении

---

³ Hulbert, Homer B. The history of Korea. vol. 2 стр. 245

⁴ История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Том I. С. 349-350.

⁵ В.М. Тихонов, Кан Мангиль. История Кореи. Том I, С. 427

его последователей. Участникам выступления было обещано прекратить преследования, однако в вопросе о реабилитации Чхве власти не пошли навстречу их требованиям, заявив, что принятие таких решений не входит в компетенцию губернатора. В связи с этим было решено обратиться с жалобой прямо к вану, и в 3-м месяце 1893 г. более 40 членов секты во главе с Пак Кван Ху пали ниц перед дворцовыми воротами. Их разогнали.

Позднее еще четыре представителя *тонхак* в течение трех дней ожидали аудиенции вана с тем, чтобы вручить ему свой меморандум. Однако ответ Кочжона на него был достаточно жестким: «Мир впал во зло, и очень плохо то, что каждый делает то, что кажется ему правильным... По какой причине вы делаете это? Ваши действия только возмущают народ. Такая практика лишь причинит стране неприятности и закончится войной»⁶.

Весной 1893 г. радикальные члены *тонхак* во главе с Со Бён Хаком попытались осуществить дворцовый переворот, но были разоблачены и арестованы. Естественно, это вызвало новую волну репрессий⁷. 1 апреля 1893 г. ван предписал всем представителям *тонхак*, пребывающим в столице и засыпающим его петициями, покинуть столицу и вернуться на путь конфуцианской мудрости⁸. В том же месяце был обнародован королевский декрет, который отвергал любую попытку реабилитировать Чхве Чжэ У и его учение⁹. Атмосфера была достаточно накалена: в провинциях вспыхивали мелкие мятежи, в городах часто появлялись прокламации, призывающие к изгнанию иностранцев и запрещению католичества¹⁰. При этом последователи секты уже не ограничивались требованием реабилитации её основателя и несли плакаты с лозунгом: «Долой японцев и европейцев, да здравствует справедливость!».

Правда, в движении начало намечаться разделение между верующими из провинций Чхунчхон и Чолла. Большинство первых составляли разорившиеся

---

⁶ История Кореи (Новое прочтение). С. 234.

⁷ История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Том I. С. 351.

⁸ История Кореи (Новое прочтение). С. 235.

⁹ Толстокулаков И. А. Политическая модернизация Южной Кореи. Часть 1. С. 230.

¹⁰ Cumings B. Korea's place... P. 117.

янбаны, которых интересовала только борьба за свободу вероисповедания, в то время как в Чолла преобладали бедные крестьяне и мелкие торговцы, настроенные более радикально. Их бунтарские настроения были усилены тем, что в 1876-1877 и в 1888-1889 гг. в провинции Чолла были сильная засуха, которая стала как причиной общего повышения бремени, лежащего на крестьян (урожая нет, а налоги, хоть и снизили, но незначительно), так и того, что крестьяне начали покидать землю и объединяться в разбойничьи шайки¹¹.

В 1894 г. *тонхак* инспирирует крупнейшее в истории страны крестьянское восстание, которое в советских учебниках именовалось «крестьянской войной». Поводом к восстанию было беззаконие, творимое начальником уезда Кобу (провинция Северная Чолла) Чо Бён Гапом, который вводил самостоятельные налоги, в т. ч. налог на воду, каковой он собирал, построив водохранилище и таким образом вынуждая крестьян пользоваться его водой¹².

Началось все как обычно во время таких бунтов - восставшие открыли государственные амбары, разделили рис, разрушили служившее источником их бед водохранилище и разошлись по домам, предъявив правительству список своих требований из 13 пунктов, главными из которых были прекратить беззакония Чо Бён Гапа и запретить проникновение в провинцию иностранных купцов. Доказательств хватило на то, чтобы отстранить Чо от должности, но назначенный для расследования дела инспектор по чрезвычайным ситуациям Ли Ён Тхэ свалил всю ответственность за происшедшее на членов *тонхак* и приступил к арестам и репрессиям, обогащаясь на имуществе казненных.

И ранее коррумпированные чиновники часто обвиняли местных богачей в «сочувствии еретикам», чтобы выколотить из них выкуп¹³. Но после этого чаша терпения переполнилась, и в конце апреля 1894 г. 8 тысяч крестьян, вооружившись бамбуковыми кольями и дубинками, подняли восстание под

---

¹¹ Там же. Р. 116.

¹² Korean War and Modern History. Sese Publ. House. Seoul, 2006. P. 23.

¹³ В.М. Тихонов, Кан Мангиль. История Кореи. Том I, С. 428

лозунгами «спасения государства и успокоения народа» (*Погук анмин*). И это был уже не стихийный бунт – секта смогла оперативно мобилизовать крестьян и направить их в нужную сторону.

Впрочем, сразу же надо отметить, что хотя восстание принято называть восстанием тонхак, большинство активных руководителей восстания не принадлежало к верхушке секты и срок их пребывания в таковой был невелик. Да, они считали себя тонхаковцами, но выдвигаемые ими требования соответствовали лозунгам секты лишь частично¹⁴.

Руководитель восстания, представитель радикального крыла *тонхак*, Чон Бон Джун был человеком с конфуцианским прошлым и довольно небольшим сроком пребывания в секте, а программа восстания была не столько национально-освободительной, сколько ратовала за возврат к традициям. По данным историка О Чжи Ёна, 12 пунктов требований *тонхак* «по исправлению недостатков правления» были таковы:

1. Повстанцы и правительство забывают старые обиды и переходят к сотрудничеству во всех делах управления.
2. Будут расследованы все преступления бесчестных и алчных чиновников, и каждый из них будет строго наказан в меру виновности (включая губернатора и непосредственного виновника восстания).
3. Также должны быть строго наказаны творившие произвол местные богачи (то есть, те, кто заработал свое богатство вымогательством).
4. Сурово должны быть наказаны за совершённые беззакония конфуцианские учёные и *янбаны* (наказание тех *янбанов*, которые «ведут себя недостойно», вне зависимости от того, занимают они официальные посты или нет).
5. Документы о крепостном состоянии *ноби* должны быть сожжены.

---

¹⁴ Естественно и то, что в рядах восставших оказалось много криминальных элементов или просто бандитов, маскировавшихся под восставших и ловящих рыбку в мутной воде.

6. Должно быть улучшено обращение с людьми из семи категорий «подлого» сословия и отменено обязательное ношение мясниками (*пэкчон*) специальных бамбуковых шляп.
7. Молодым вдовам разрешается повторно вступать в брак.
8. Запрещается взимание многочисленных незаконных налогов.
9. При назначении на чиновную должность должны учитываться не происхождение (принадлежность к определенным родам), а способности и компетентность.
10. Лица, вступившие в тайную связь с японцами, должны быть строго наказаны.
11. Считать уничтоженными все обязательства по государственным или частным долгам.
12. Установить уравнительное пользование всеми пахотными землями.

Список очень любопытный. Представляя *тонхак* как революционное крестьянское движение, в советское время у нас выбирали только те пункты этих требований, которые вписывались в такую концепцию. Однако видно, что восставшие не замахиваются на пересмотр всей системы и ставят себе целью только ее очистку и улучшение, в ходе которых они сами смогут подняться в статусе или решить свои насущные проблемы – будь то долги, невысокое общественное положение или действия плохого чиновника. Вопросы обороны, финансов, промышленности, торговли, науки и техники, важных для превращения Кореи в современное государство, требования не касаются.

Об этом свидетельствует и приводимый ниже отрывок из прокламации *тонхак*: «Сегодняшнее событие, на первый взгляд, может казаться противозаконным и неразумным, но не надо пугаться и колебаться. Верим, что придет время, когда каждый из нас займется мирным трудом, согретый в лучах монаршего благодеяния и спокойствия». Тем более что значительное количество

лидеров восстания *тонхак* возлагало большие надежды на Тэвонгуна как ксенофоба и злейшего врага придворной клики Мин.

Правительственные войска, несмотря на лучшее вооружение, не смогли оказать восставшим должного сопротивления. Первые группы карателей были немногочисленными, и восставшие разбивали их как за счет значительного численного превосходства, так и из-за низкого боевого духа корейских войск. Не забудем, что корейская армия в течение всего исследуемого нами периода была крайне немногочисленной и рассчитанной не на ведение боевых действий с внешним врагом, а на сугубо внутривластные события, будь то дворцовый переворот, защита от дворцового переворота и подавление крестьянского бунта. Тем не менее, коррупция в стране была так велика, что даже зарплата иностранных военных инструкторов могла задерживаться более чем на год из-за нехватки денег¹⁵.

Пока *тонхак* били провинциальные войска, в столице подготовили армию, которой руководил инициативный командир Хон Ге Хун, которого не без оснований считали любовником королевы. Считается, что именно этот человек спас королеву в 1882 г. и с тех пор воспринимался как верный сторонник королевской семьи.

6 мая 1894 г. чиновники запросили у Кочжона санкции на предельно жестокое подавление восстания, однако корейские корабли не могли вместить всех солдат, и с самого начала часть войск погрузили на цинский броненосец. 11 мая 1894 г. Хон Ге Хун вошел с войсками в Чонджу, центр провинции Чолла, и начал его укреплять, но почти сразу же был вынужден срочно его покинуть после вестей о том, что *тонхак* разоряют окрестные земли, уничтожая всех тех, кто не разделял их взгляды повстанцев. Преследуя *тонхак*, теряя силы из-за низкой морали и проблем со снабжением, Хон Ге Хун 23 мая 1894 г. посылает депешу в Сеул: «Без помощи иностранных войск не обойтись», а 4 дня спустя его авангард терпит серьезное поражение у реки Хваннёнчхон. Хотя восставшие тоже понесли

---

¹⁵ В.М. Тихонов, Кан Мангиль. История Кореи. Том I, С. 423

огромные потери, правительственные войска оказались деморализованы, после чего крестьянской армии удалось без труда захватить г. Чонджу, а в первой декаде 6-го месяца вся территория провинции Чолла оказалась под контролем повстанцев.

Однако Хон сумел восстановить управление войсками, подошел к городу и занял позиции на господствующих высотах, сумев нанести повстанцам существенный урон, после чего сложилась патовая ситуация. Обе стороны не могли развить успех и уничтожить противника¹⁶.

В этой обстановке, напуганный Кочжон, с одной стороны, пошел на переговоры и был готов удовлетворить «12 пунктов», а с другой - запросил помощи у китайцев, на чем настаивал целый ряд представителей клана Мин (особенно известный тесными связями с Юань Шикаем сановник Мин Ён Чжун¹⁷). 8 июня 1894 г. в порту Асан высадился трёхтысячный отряд цинских войск. Этот факт был использован для давления на повстанцев – в результате было достигнуто соглашение о прекращении огня. Условия повстанцев были приняты правительством, со своей стороны *тонхак* обязывались распустить армию и покинуть Чонджу.

Однако власти Китая вроде бы забыли вовремя поставить об этом в известность японцев, а они использовали это как повод к войне, к которой страна Восходящего Солнца давно и целенаправленно готовилась. 28 июня 1894 г. японский посланник Отори Кэйсукэ потребовал от корейского двора окончательного ответа на вопрос, является ли Корея вассалом Китая. 3 июля Отори предложил план реформ и неделю спустя потребовал, чтобы они были внедрены. 16 июля двор начал настаивать на том, чтобы Япония вывела из Кореи войска, и только тогда можно будет говорить о реформах.

Но 18 июля почти 15 тыс. японских солдат прибыли в Инчхон, и на следующий день Отори потребовал, чтобы к 22 июля Корея обеспечила японцев

---

¹⁶ Тех, кого военно-политические аспекты восстания интересуют более подробно, отсылаю к работам А. Пастухова, в первую очередь - А. М Пастухов. *Обстоятельства начала японо-китайской интервенции в Корею летом 1894 года // развернуть*

¹⁷ В.М. Тихонов, Кан Мангиль. История Кореи. Том I, С. 429

казармами, вывела бы китайские войска, которые появились в стране «под фальшивым предлогом», и расторгла все договоры между Кореей и Китаем, которые нарушают ее суверенитет. Двор отказался. Отори заявил, что в этом случае Япония примет все меры, которые сочтет необходимыми, включая применение силы. И на рассвете 23 июля японские войска заняли Сеул. Королевский дворец был захвачен после 20-минутной перестрелки, в которой было ранено 3 японца, а корейцы потеряли 17 убитых и 70 раненых¹⁸. Юань Шикай и ряд сановников из клана Мин, в том числе Мин Ен Чжун бежали, причем Мин Ен Чжун даже попал в руки толпы, которая обвинила его во всех бедствиях. Тем не менее, он не был убит, - видимо, сумел откупиться той огромной суммой денег, которую он наворовал¹⁹.

Заняв дворец, Отори явился туда вместе с Тэвонгуном, который отчитал своего сына и заявил, что теперь он берет на себя контроль над государственными делами и проведением реформ²⁰, после чего японцы поставили у власти кабинет во главе с Ким Хон Чжипом²¹. 25 (по иным данным 27) июля правительство подписало с Японией договор о предоставлении японцам полномочий на изгнание китайских войск, и в тот же день начались военные действия, хотя официально война была объявлена только 1 августа²².

16 августа корейское правительство заявило, что все договоры, до этого подписанные с Китаем, будут отменены. 20 августа 1894 г. был подписан договор, согласно которому корейские власти должны были согласовывать свои реформы с японским правительством (а также – предоставляющий право Японии строить в Корее железные дороги). В этот же день в Сеул инкогнито доставлен Пак Ен Хё, главный участник мятежа года Капсин после Ким Ок Кюна²³. Прочие сторонники реформ также были возвращены из опалы или ссылки.

---

¹⁸ Letters from Joseon. С. 62-63.

¹⁹ Hulbert, Homer B. The history of Korea. vol. 2 стр. 266

²⁰ Letters from Joseon. С. 66

²¹ Толстокулаков И. А. Политическая модернизация Южной Кореи. Часть 1. С. 238.

²² Пак Б. Д. Россия и Корея. С. 208.

²³ Hulbert, Homer B. The history of Korea. vol. 2 стр. 275

22 августа 1894 г. навязала Корее договор о модернизации корейской финансовой системы и назначении японского финансового советника. Корее было навязано два займа под 6 % годовых и под залог доходов корейских таможен. В обмен на заём Япония получала серию концессий, в том числе – на строительство ж.-д. Сеул – Пусан. 26 августа Корее был навязан «Договор о военном союзе», согласно которому Корея должна была помогать японским войскам транспортом, продовольствием и т. п.²⁴

6 сентября 1894 г. китайские войска были разбиты под Пхеньяном. К 17 сентября почти вся территория Кореи была под контролем японцев²⁵, а 24 октября 1894 г. японские войска пересекли р. Амноккан и закончили войну недалеко от Пекина, вовремя избежав лишнего внимания европейских держав.

Когда Чон Бон Чжун узнал, что чужеземные войска вторглись в страну фактически из-за руководимого им восстания, он, как правильный конфуцианский патриот, приказал своим войскам самораспуститься. Но было поздно – война уже началась. Более того, вместе с японцами вернулись соратники Ким Ок Кюна, которые начали целый комплекс реформ – им посвящен следующий раздел данной главы.

В ответ на такое наступление на традиционные ценности Чон Бон Чжун подождал до октября 1894 г. (времени сбора урожая), после чего поднял новую волну крестьянского восстания, в котором участвовало до ста тысяч человек²⁶. Краткое содержание обращения к нации от 8 декабря 1894 г., в котором Чон объяснял свои цели, было примерно таково: « Десять лет назад четыре «предателя» (Ким Ок Кюн и Ко), опираясь на помощь врагов, совершили переворот и поставили независимость страны под угрозу. Однако тогда управление страной было сохранено, а предатели изгнаны. Ныне изменники снова в союзе с иностранной державой захватили власть, угнетая народ вместо того, чтобы ему помогать. Поэтому мы сражаемся для того, чтобы уничтожить

---

²⁴ История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Том I. С. 359.

²⁵ Пак Б. Д. Россия и Корея. С. 208.

²⁶ По В. Тихонову, это было решение не столько Чона сколько иных крестьянских вожаков.

японских захватчиков, остановить просветительство, восстановить спокойствие в королевском дворце и защитить страну»²⁷.

Б. Камингс отмечает, что восстание *тонхак* переросло рамки простого крестьянского мятежа и может быть названо попыткой революции, целью которой было восстановление правильной морали и политического строя. Кроме того, восставшие воевали с японцами от имени «нашей страны» (кор. *ури нара*), в чем автор усматривает зачатки национализма²⁸.

Однако, хотя японцы продолжали одновременно вести войну с китайцами, они сняли с передовой несколько элитных отрядов (два батальона и два отдельных полка) и направили их на подавление восстания. После недели боев повстанцы были разбиты, и, похоже, действительно без особенных проблем.

Южнокорейские историки, в том числе Хан Ён У, описывают ход этого этапа восстания так: «(крестьянская армия), повела наступление на север в направлении Сеула и вступила в кровопролитное сражение с правительственными и японскими войсками. В течение примерно недели крестьянская армия провела более 50 ожесточенных атак, но не смогла одолеть преимущество противника в вооружении и потеряла большую часть живой силы, а около 500 выживших бойцов (из почти ста тысяч – прим. автора) отступили». Основная битва произошла в конце декабря 1894 г., у перевала Угымчхи, когда несколько десятков тысяч тонхаков были полностью разгромлены огнем японской артиллерии²⁹.

Естественно, поражение восстания принято объяснять лучшим вооружением и тактической выучкой японцев, за которыми численное соотношение сил как-то забывается. Даже по данным учебника 1974 г. видно, что повстанцы обладали примерно десятикратным преимуществом в живой силе по сравнению с японцами и правительственными войсками.

²⁷ Пак А. В. Диссертация. Рукопись. С. 119-120.

²⁸ Cumings В. Korea's place... Р. 118.

²⁹ В.М. Тихонов, Кан Мангиль. История Кореи. Том I, С. 440

Кроме того, даже Хан Ён У вынужден отметить, что «крестьянская армия нападала на помещиков, богатых крестьян, *янбанов* и других влиятельных в деревенском обществе людей, которые не были её главными врагами, а им в свою очередь пришлось создавать «отряды самообороны» (*минбодан*), которые вступали в борьбу с крестьянской армией». Иными словами, вольница стала переходить границы, и против восставших начали подниматься и местные силы – почти как в «Речных заводях». По версии советских историков, отряды самообороны состояли исключительно из реакционных помещиков и деклассированных элементов³⁰, но есть и иные мнения.

Японцы продолжали охоту за оставшимися до января 1895 г., а Чон Бон Чжун был схвачен 2 декабря 1894 г. и казнен 23 апреля 1895 г. (через 5 дней после официального окончания войны между Японией и Китаем). Интересно, что председателем суда над пленными лидерами *тонхак* был министр юстиции в правительстве Года Кабо Со Кван Бом, один из «пяти негодяев» и старых соратников Ким Ок Кюна, вернувшийся из Японии при поддержке Иноуэ Каору.

Война нанесла стране значительный ущерб. Б.Д Пак отмечает бесчинства и разбой, которые чинили китайские войска, привыкшие жить за счет местного населения³¹. Изабелла Бишоп сравнивала продвижение японцев со средневековой чумой.

Поражение восстания обострило и противоречия в руководстве *тонхак*, т. к. старые лидеры старались предостеречь своих адептов от открытого участия в мятеже. Однако когда восстание было разгромлено, *тонхак* в своем первоначальном виде фактически исчезла с исторической арены и на ее основе возникла новая секта *чхондогё*, которую возглавил Сон Бён Хи (1861-1922).

Реванш реформаторов

---

³⁰ История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Том I. С. 360-361.

³¹ Пак Б. Д. Россия и Корея. С. 213.

Как только стало понятно что война выиграна и число соперничающих за Корею держав сократилось до трех, японцы занялись модернизацией страны и укреплением в ней прояпонского лобби, активно опираясь на бывших соратников Ким Ок Кюна, которые наконец получили возможность провести свои планы в жизнь.

Практически сразу же после захвата японцами Сеула *ван де-факто* оказался под домашним арестом, а королева Мин и ее приближенные в самом начале войны были схвачены и сосланы на отдаленный остров, откуда они вернулись только длительное время спустя³². Вместо них отвечавший за корейский вопрос посланник Отори Кейсукэ поставил у власти Тэвонгуна, известного своими анти-китайскими взглядами³³, так что с октября 1894 по апрель 1895 годов Ли Ха Ын снова стал фактическим правителем страны³⁴. Впрочем, на сотрудничество с японцами Тэвонгун пошел далеко не сразу и только получив от них письменное подтверждение того, что Япония не имеет к Корее территориальных претензий³⁵.

Процесс реформ, получивший название «реформ Года Кабо», проходил в три этапа, и в этой главе мы рассмотрим первые два. Первый был связан с деятельностью так называемого Управления по военным и государственным делам (кор. *Кунгук кимучхо*), которое существовало с 27 июля по 17 декабря 1894 г. Во главе его встал Ким Хон Чжип, представитель умеренных реформаторов, а в его состав входили как умеренные, так и бывшие прогрессисты. Впрочем, формально обратиться туда и внести предложения по реформам мог каждый кореец³⁶.

Ким Хон Чжип был сторонником модернизации страны по японской модели, претворенной в жизнь после Реставрации Мэйдзи. И если часть

---

³² Пак А. В. Диссертация. Рукопись. С. 117.

³³ Cumings В. Korea's place... Р. 120.

³⁴ Толстокулаков И. А. Политическая модернизация Южной Кореи. Часть 1. С. 239.

³⁵ Korea Old and New. A History. Seoul, 1990. Р. 223.

³⁶ Гамильтонъ Ангьюсь. Корея. С. 270.

японского руководства действительно воспринимала реформы как подготовку к протекторату, Ким был сторонником политики самоусиления.

Политические взгляды реформаторов разнились. Сам Ким Хон Чжип видел Корею похожей по государственному устройству на Японию, однако более радикальная фракция, состоящая из тех, кто учился в США, предлагала конституционную монархию британского типа. Зависимость от Японии реформаторы считали неизбежным злом. Однако они рассчитывали сохранить суверенитет страны за счет балансирования между великими державами³⁷.

За время своего существования Управление приняло 208 указов, однако данный этап реформ прошел скорее неудачно. Во-первых, *Кунгук кимучхо* не воспринималось чиновниками и народом как легитимный орган, даже несмотря на то, что все его распоряжения подтверждались королем. Американский посланник в Сеуле Силл писал: «Даже губернаторы и главы городов не выполняли приказов короля. Они говорили, что король – беспомощный узник, и законы, подписанные им, - в действительности дело его старых врагов японцев, и что теперь истинное служение королю выражается в отказе выполнять приказы, полученные от имени Его Величества»³⁸.

Во-вторых, действие новых указов нередко ограничивалось только столичной провинцией Кёнги. Аппарата для проведения в жизнь этой политики за пределами Сеула еще не было. В-третьих, Тэвонгун, конечно, был гарантом противодействия влиянию группировки королевы Мин, но сторонником реформ по японскому образцу он не был и потому, где мог, тормозил их проведение. В результате было решено проводить реформы от имени *вана*, при котором учредили Кабинет министров (*Нэзак*) во главе все с тем же Ким Хон Чжипом. Ю Гиль Чжун был назначен заместителем премьер-министра, Пак Ён Хё – министром внутренних дел, Ли Ван Ён – заместителем министра иностранных дел

---

³⁷ Тихонов В. М. Буржуазная революция сверху? Реформы 1894-1895 годов в Корее. //Корея: история и современность. К девяностолетию со дня рождения профессора Михаила Николаевича Пака. С. 119-120.

³⁸ Ковальчук М.К.. Эволюция японского экспансионизма в Корее. Владивосток... 2005 г., стр. 120.

Отори Кэйсуке также был заменен на Иноуэ Каору, ранее – министра внутренних дел Японии. При этом Иноуэ, подобно Юань Шикаю, требовал особого обращения и заявлял, что он не просто дипломат, а специальный посланник японского императора, прибывший «для преподания советов вану»³⁹.

Иноуэ довольно жестко предъявил вану следующие требования:

1. Полное помилование всех участников мятежа года капсин.
2. Тэвонгун и королева не должны вмешиваться в государственные дела.
3. Родственники королевской семьи не должны занимать государственные должности.
4. Число евнухов и «дворцовых дам» должно быть сведено к минимуму.
5. Сословные различия больше не должны быть признаваемы⁴⁰.

С четвертым пунктом есть любопытная леталь: в ноябре 1894 г. Кочжон, который был «не в силах выносить одиночество» (что симптоматично, ибо королева Мин никуда не девалась), приказал им вернуться под страхом смертной казни, но требования Иноуэ возобладали⁴¹.

Второй этап реформ проходил с декабря 1894 г. по июль 1895 г., тоже ознаменовался целым пакетом (210+) указов, причем на фоне очевидной победы над Китаем темпы модернизации были увеличены.

Более того, для того чтобы у Кочжона не было пути назад, Иноуэ вынудил *вана* 8 января 1895 г. направиться в храм предков и принести там торжественную публичную клятву осуществлять реформы и не отклоняться от намеченного курса. Кочжон увиливал от этого мероприятия как мог, сперва ссылаясь на недомогания, а затем заявив, что видел сон, в котором духи просили его не отклоняться от путей предков. Но, как замечает И. Бишоп, «дух графа Иноуэ оказался более настойчивым, чем Дух предка»⁴², и клятва все-таки была принесена.

³⁹ Letters from Joseon. С. 140.

⁴⁰ Korea and her neighbors, p 262

⁴¹ Letters from Joseon. С. 145.

⁴² Korea and her neighbors, p 247

Объявленные Четырнадцать статей великих установлений (кор. «Хонбом сипсаджо») включали в себя следующее:

1. Отрицание зависимости от Китая.
2. Четко определённый порядок престолонаследия и званий в королевской семье
3. Участие вана в управлении страной, при этом прекращение вмешательства родственников *вана* в дела управления государством. (заметим, это касалось не только королевы, но и Тэвонгуна).
4. Дела королевского двора не должны пересекаться с делами органов гос. управления.
5. Снижение расходов двора.
6. Становление современной системы министерств, чёткое разграничение полномочий чиновников.
7. Унификация финансовой системы страны. Передача всех видов налогообложения и всех расходов страны под контроль минфина.
8. Создание налоговых законов. Запрет на «дополнительные налоги и штрафы».
9. Создание бюджетной системы.
10. Реформирование системы административного деления. Пересмотр ряда местных законов, дабы они не противоречили центральным⁴³.
11. Отправка студентов на учебу за границу для изучения и внедрения прогрессивных достижений цивилизации.
12. Укрепление армии и утверждение военной системы, основанной на всеобщей воинской повинности.
13. Гражданское и уголовное право должно быть четко определено и строго соблюдаться ;никто не должен быть заключен в тюрьму или оштрафован

---

⁴³ Это важно, так как «каждое провинциальное правительство повторяло в маленьком масштабе беззаконие столицы, и имело свою собственную армию бесчестия и ленивых чиновников, кормящихся на заработках трудолюбивых общественных классов»

без необходимости, охрана жизни и имущества должна быть одинакова для всех.

14. Продвижение по службе не в связи с происхождением, а в соответствии со способностями кандидатов⁴⁴.

Как можно заметить, клятва повторяла основные направления уже начатых реформ, но произнесенная устами монарха, она должна была способствовать их скорейшей реализации.

Иным способом давления со стороны Иноуэ была угроза вывести из страны японские войска, которые занимались подавлением восстания *тонхак*⁴⁵.

Правда, быстрый темп реформ создал проблемы с Тэвонгуном, который не мог смотреть на наступление прогресса и довольно быстро всупил в конфликт с Иноуэ, который был против общения вана с Тэвогуном и рекомендовал не пускать его во дворец⁴⁶. В ответ Тэвонгун решил низложить Кочжона, а вместо него посадить на трон своего внука Ли Чжун Ёна (1870-1917), для чего повел тайные переговоры с Китаем и антияпонски настроенными лидерами *тонхак*. Утверждается, что через Ли Чжун Ёна он даже пытался выяснять у английского генерального консула, не согласится ли Англия оказать помощь Корее против японцев, получив в вознаграждение порт Гамильтон, а после битвы под Пхеньяном в руки японского военного начальства попали документы, говорящие о тайных сношениях между ним и китайскими генералами⁴⁷.

Но его план был раскрыт японцами, и в апреле 1895 г. под давлением как японцев, которым не нравилось его скрытое противодействие реформам, так и клана Мин, Тэвонгун был устранен из политики.

В качестве своего рода замены из японской эмиграции вернули Пак Ён Хё, который занял пост премьера вместе с Ким Хон Чжипом, но на сдерживание королевы на прежних позициях его не хватило.

⁴⁴ Korea and her neighbors, p 249-50, Hulbert, Homer B. The history of Korea. vol. 2 стр. 278-279

⁴⁵ Тихонов В. М. Буржуазная революция... С. 122.

⁴⁶ Letters from Joseon. С. 143.

⁴⁷ К.И. Вебер и Корея. Стр.152

Тэвонгун ушел в отставку, но так как его второй сын был министром внутренних дел, а внук Ли Чжун Ён занимал важную должность при дворе, он сохранял свое влияние. Однако в январе Ли был отправлен в Японию в качестве посланника и таким образом удален от двора⁴⁸.

19 апреля 1895 г. любимый внук Тэвонгуна, а также племянник короля, Ли Чжун Ён (1870-1917) был арестован и обвинён в попустительстве тонхак, заговоре против вана и убийстве Ким Хак У – одного из представителей прогрессистов, который в октябре 1894 г. был зарублен группой нападавших в собственном доме⁴⁹. Главным обвинителем был Мин Ён Ик: Не имея возможности замахнуться на Тэвонгуна, партия королевы ударила по его любимому внуку. Японцы, кстати, были солидарны с этими обвинениями, и их газеты тоже писали о том, что Тэвонгун планировал переворот⁵⁰.

Тэвонгун попросил разрешения встретиться с внуком, но ему было отказано. Тогда Тэвонгун приказал своим людям взломать двери тюрьмы, и оставался с ним всю ночь, чтобы посланные королевой Мин наемные убийцы не смогли задушить его в камере, как это периодически случалось с обвиненными в заговоре⁵¹.

Неизвестно, был ли Ли основным инициатором всего этого или же просто поддерживал идею, но самого факта того, что его имя употребляется в таком контексте, было достаточно для его изгнания на остров отдаленный Кёдон⁵². Старший брат короля Ли Чжэ Мён также был вынужден уйти в отставку.

Интересно, что Хальберт, описывая этот случай, представляет это как удар со стороны прояпонской группировки, в рамках которого Пак Ён Хё заслужил признательность короля, разоблачая планы сторонников Тэвонгуна⁵³. Британский же консул считал, что виноват Тэвонгун, а не его внук, и что основные показания

---

⁴⁸ Hulbert, Homer B. The history of Korea. vol. 2 стр. 280

⁴⁹ Hulbert, Homer B. The history of Korea. vol. 2 стр. 277

⁵⁰ Letters from Joseon. С. 173.

⁵¹ Letters from Joseon. С. 173.

⁵² The Passing of Korea, стр. 131

⁵³ Hulbert, Homer B. The history of Korea. vol. 2 стр. 283

против принца были даны убийцами Кима, которые дали их под пытками в присутствии японского представителя. Японские документы тоже, дают иную картину. Иноуэ пытался быть наставником принца Ли, хотел сделать из него реформатора и именно его стараниями смерть заменили на ссылку, а через какое-то время Ли вернули в столицу⁵⁴, но вскоре отправили в Японию.

Суть и значение реформ Года Кабо

Придя к власти, реформаторы начали осуществлять ту программу перемен, с которой они выступали еще 12 лет назад, во время мятежа Года *Капсин*⁵⁵. Законов было принято много, и потому ниже мы попробуем высветить их основные положения:

Создана новая государственная структура по европейскому образцу. Государственный совет и подчиненные ему ведомства (*Амун*) были заменены Кабинетом министров (*Нэгак*) и системой семи министерств (*ну*). При этом к классической «шестерке» добавили два новых министерства – торгово-промышленное и иностранных дел⁵⁶. Верховным государственным органом стал Кабинет министров.

Многочисленные дворцовые ведомства сведены в Министерство Двора со строго определенным бюджетом. Его функции при этом были значительно сокращены Королевская библиотека *Кюджангак*, игравшая роль ближайшего совещательного органа, была переименована в *Кюджанвон* и была понижена до роли одной из обычных канцелярий.

Создана более эффективная система административного деления, упразднена система государственных экзаменов *кваго*, и вместо этого назначения

---

⁵⁴ Letters from Joseon. С. 176.

⁵⁵ В. М. Тихонов хорошо охарактеризовал ее так: «классовая программа протокапиталистического меньшинства в разлагающемся традиционном обществе».

⁵⁶ История Кореи (Новое прочтение). С. 238.

чиновников производились после сдачи кандидатами общих или особых экзаменов.

Ограничено вмешательство вана в политику. Запрещалась традиционная практика подачи петиций *вану*. Их заменила система служебной субординации: непосредственно с докладом к нему имели право обращаться люди в статусе не ниже губернатора провинции⁵⁷. В кадровых вопросах *ван* обладал правом непосредственно назначать на государственные должности только чиновников первого и второго ранга. Бюрократия среднего звена утверждалась им по представлению министров, а чиновники более низкого уровня назначались непосредственно министрами или начальниками ведомств.

Военная реформа. Хотя часть историков обращает внимание на то, что широчайший комплекс мер по модернизации страны практически обошел стороной укрепление армии⁵⁸, это не совсем так. Хотя в области обороны были созданы Военное министерство и учебный корпус (*Хуллёндэ*), эти меры не принесли результатов, поскольку возглавлявший их Пак Ён Хё был обвинён в заговоре и измене и бежал за границу.

Изменена судебная /правоохранительная система. Судебную власть отделили от исполнительной. 25 марта 1895 г. были созданы суды современного типа, а 15 июня 1895 г. началась разработка уголовного и гражданского кодексов по западному и японскому образцам. Правда, уездные начальники сохранили роль первой судебной инстанции, но обращает на себя внимание учреждение местных и выездных судов, специальных судов на территории открытых портов, а также факт образования Верховного суда как высшей судебной инстанции.

Были отменены пытки и практика наказания всей семьи за преступление, совершенное одним из ее членов. Смертная казнь всех членов семьи преступника сохранилась только применительно к случаям государственной измены и осквернения могил (карали до пятого колена⁵⁹, мужчинам отрубали головы,

---

⁵⁷ Гамильтонъ Ангьюсь. Корея. С. 273-274

⁵⁸ Choong Soon Kim. Tradition and Transformation in Korea. P. 54.

⁵⁹ Подразумеваются 2 колена вверх и 2 колена вниз.

женщины должны были выпить яд). Для остальных случаев смертной казни остались расстрел и повешение - «деление на части» и прочие варианты казней-пыток были отменены⁶⁰. Впрочем, руководителей Тонхак казнили по старинке⁶¹.

Вместо старой стражи, которая была только в столице и вместо жалованья должна была «кормиться от дел», т. е. обирать население⁶², создали Полицейское управление, подчинённое Министерству внутренних дел и имевшее форму европейского типа⁶³. Полиция при этом имела много чрезвычайных полномочий по японскому образцу: полицейский мог на месте запретить демонстрацию, применять телесные наказания во внесудебном порядке и т. п.⁶⁴

Интересно, что полиция часто конфликтовала с армией, и дело доходило до массовых драк между полицией и солдатами. Это было связано с тем, что полиция состояла в основном из янбанов, которые вовремя получали жалование, в то время как солдаты происходили из низших классов, и деньги им платили очень нерегулярно.

Экономическая сфера. Экономические реформы свелись к передаче финансов страны в ведение Министерства финансов, к установлению национальной валюты и серебряного стандарта и к сбору всех налогов и платежей в денежной форме («рисовый налог» или налог полотном ушли в прошлое)⁶⁵. Было разрешено открытое хождение иностранных денег (прежде всего, иены) и проведена стандартизация мер веса, длины и объема⁶⁶. Кроме того, была ужесточена налоговая политика после учреждения в составе Министерства финансов налоговых отделов, а также местных органов по сбору налогов.

Ликвидировалось официальное неприятие торговой или коммерческой деятельности как недостойного янбанского достоинства занятия, и *янбаны*,

---

⁶⁰ Korea and her neighbors, p 265

⁶¹ Letters from Joseon. С. 145.

⁶² В.М. Тихонов, Кан Мангиль. История Кореи. Том I, С. 412

⁶³ Letters from Joseon. С. 145-146.

⁶⁴ Тихонов В. М. Буржуазная революция... С. 126.

⁶⁵ Understanding Korean History. С. 171

⁶⁶ Тихонов В. М. Буржуазная революция ... С. 127.

оставившие государственные чины, могли без ограничения заниматься предпринимательством.

Социальная сфера. Ликвидировано рабство (в конце XVIII в. свыше 35 % населения были рабами), передвижение чиновников в паланкинах и целый ряд иных пережитков феодального прошлого, в том числе дворянские привилегии⁶⁷ и, отчего-то, традиционные длинные курительные трубки⁶⁸. Люди «грязных, презираемых» профессий были уравнены со всеми остальными слоями общества.

Введены школы европейского типа. Были отменены ранние браки (мужчины получили право вступать в брак с 20 лет, женщины – с 16) , но институт наложниц был отменен только в 1922 г. уже при японцах, что говорит об определенной половинчатости стратегии реформаторов⁶⁹.

Отделение от Китая. Официально введен государственный флаг с изображением Великого Предела и четырех триграмм (нынешний флаг Республики Корея), упразднено китайское летоисчисление и введен национальный календарь (отсчет лет с момента основания династии Чосон). В корейских школах ввели самостоятельное преподавание корейской истории, которая ранее была лишь приложением к истории Китая. Можно сказать, что существовавшие со времен Силла узы культурной зависимости Кореи от Китая были разорваны.

В 1894 г. появилась первая газета, в которой вместо иероглифов употреблялся хангыль. Выходившая под патронажем двора «Канчжо Синбо» была наполовину на корейском, наполовину – на японском.

Масштаб произведенных преобразований налицо, но, как отмечает В. М. Тихонов, оценки реформ Года *Кабо* весьма противоречивы, и связано это с тем, сколь активную роль в их проведении играли японцы. В результате иногда их

---

⁶⁷ Ряд авторов считает, что официальная отмена сословных ограничений при назначении на посты была одной из самых важных деталей реформ 1894 г. и что она же положила конец чрезвычайно распространенной практике подделки генеалогических линий, благодаря которым можно было занять более высокое место в иерархии.

⁶⁸ В.М. Тихонов, Кан Мангиль. История Кореи. Том I, С. 451

⁶⁹ Тихонов В. М. Буржуазная революция... С. 128.

называют насильственно навязанными преобразованиями, имеющими целью разрушить корейскую традицию.

Между тем, реальное вмешательство японцев в процесс подготовки и претворения в жизнь реформ было ограничено ввиду отсутствия у них должного административного аппарата и боязни того, что их излишняя активность может вызвать противодействие великих держав⁷⁰.

Иное дело, что движение Года *Кабо* преследовало более политические, нежели социальные цели, и было направлено скорее на борьбу с политическими оппонентами, чем на просвещение простолюдинов и построение в Корее гражданского общества европейского образца. Относительно условной является аналогия с политическим ходом Н. С. Хрущева, чья кампания по развенчанию культа личности Сталина была направлена еще и на то, чтобы подобным маневром оттеснить от власти политических противников.

Как писал К. Вебер, «нельзя не отдавать справедливости японцам, что они действительно ввели некоторые улучшения в управлении, устроили контроль над финансами, реорганизовали полицию и проч.; но деятельность их носила слишком лихорадочный, иногда даже наивный характер; притом крутое проведение реформ лишь плохо замаскировало их старания укрепить свою власть и влияние в стране ... нахальство и бесцеремонность в упразднении искони установленных безвредных обычаев вызвали против непрошенных культуртрегеров общий ропот и неудовольствие»⁷¹.

Кроме этого, не следует думать, что принятие законов означало их мгновенное претворение в жизнь. Нововведения внедрялись в практику очень медленно, а традиционные социальные правила оставались в силе еще продолжительное время⁷². Так, «...бюджет 1896 г. предусматривал выделение 28,9 тыс. вон на нужды военной академии и лишь 600 вон на подготовку гражданских юристов, дополнительные 23,3 тыс. вон предназначались для

⁷⁰ Там же. С. 118.

⁷¹ К. И. Вебер. Записка о Корее до 1898-го года и после. <http://koryo-saram.ru/k-i-veber-zapiska-o-koree-do-1898-go-goda-i-posle/>

⁷² Han Woo Keun. The History of Korea. Seoul, 1991. P. 422.

оплаты обучения корейских военных за рубежом, в то время как студентам-юристам за границей дали 1,3 тыс. вон. Таким образом, общая расходная часть Министерства юстиции составляла 1/20 средств оборонного ведомства...»⁷³.

Так, поступление на службу стало зависеть или от рекомендации министра, или от сдачи экзамена по современным наукам (география, математика и т. п.), а это сделало госслужбу достоянием тех, у кого были или связи, или деньги на получение современного образования⁷⁴.

В экономике тоже на смену старым проблемам пришли новые – хотя в целом налоговое бремя крестьян было снижено, и многим злоупотреблениям пришел конец, денежная форма налога означала необходимость продавать часть урожая на рынке, часто по заведомо заниженным ценам⁷⁵.

Социальный лифт тоже не сработал, и в действительности никто из простолюдинов высокие посты не получил⁷⁶. Отмена рабства не решила проблемы полностью, так как остался фактор бытовой дискриминации.

---

⁷³ Толстокулаков И. А. Политическая модернизация Южной Кореи. Часть 1. С. 243.

⁷⁴ Тихонов В. М. Буржуазная революция... С. 126.

⁷⁵ В.М. Тихонов, Кан Мангиль. История Кореи. Том I, С. 448

⁷⁶ Тихонов В. М. Буржуазная революция... С. 127.

Глава восьмая, в которой королеву Мин наконец убивают, а аудитория пытается разобраться в подоплеке истории

Новое возвышение и скорая смерть королевы Мин

Главным итогом войны 1894-1895 гг. было то, что Китай не только перестал быть корейским сюзереном, но и утратил способность оказывать на корейские дела какое-то влияние. Однако итог войны, согласно которому Китай потерял Тайвань, ставший первой японской колонией, а также – Порт-Артур и Ляодунский полуостров, вызвал недовольствие Европы (в первую очередь, России). В конце апреля 1895 г. Россия, Германия и Франция в ходе так называемой трехсторонней интервенции потребовали пересмотра итогов и возвращения Китаю Ляодунского полуострова, а также вывода из Кореи японского военного контингента. Страна Восходящего Солнца еще не была готова к противостоянию с европейскими странами и была вынуждена выполнить их требования. Ляодун и Порт-Артур пришлось отдать, причем достались они не Китаю, а России.

Кроме того, удаление от дел Тэвонгуна, привело к тому, что противоположная ему клика королевы Мин начала возвращаться в большую политику, отчего в правительственных кругах начали набирать силу прорусская и проамериканская фракции.

Честолюбивая королева не желала быть заложницей японцев и ради противостояния им была готова заключать союз с кем угодно. Сначала она обратилась к США и в 1895 г. активно пыталась купить помощь американского правительства богатейшими концессиями¹ (например, золотыми шахтами на севере страны). Один из самых влиятельных друзей королевы, Мин ЁнХван, был

---

¹ В июле 1895 г. американскими предпринимателями (Korean Development Company) была получена концессия на 25 лет на разработку всяких месторождений в уезде Унсан провинции Северная Пхёнан. Согласно условиям концессии, из 100 акций, на которые разделен основной капитал предприятия, 25 были переданы безвозмездно корейскому императору; зато рудники, оборудование, инвентарь и добытые компанией ископаемые освобождались от всех пошлин и налогов.

отправлен в Америку для переговоров², но дипломатическая помощь так и не пришла. К тому же и внутри страны ориентация на Америку многим казалась предосудительной.

Тогда королева бросилась в объятия России, которая а) наглядно продемонстрировала свою способность укротить соседа³ б) осталась единственным вариантом методом исключения. Сыграл свою роль и талантливый дипломат К. И. Вебер, который был в это время посланником в Сеуле.

В конце весны – начале лета 1895 г. в Сеуле прошел слух⁴, что одна из центральных фигур кабинета и лидер прояпонской группировки Пак Ён Хё попытался нанести упреждающий удар и составил план свержения королевы Мин, но заговор был раскрыт, и он был вынужден вторично эмигрировать в Японию.

Однако детали этого слуха разнятся довольно сильно. По данным К. Вебера, Пак действительно составил заговор, но ему не удалось привлечь к участию в нём других представителей прояпонской партии. Заговор был раскрыт и в ночь с 24-го на 25-е июня был опубликован декрет об аресте Пака. После этого Пак сначала прятался в посольстве, а когда это стало известно, под японским конвоем отправлен в Чемульпо для высылки в Японию⁵. Хальберт пишет, что дело было как в конфликте с Тэвонгуном и ролью Пака в разоблачении заговора Ли Чжун Ёна, так и в том, что «у него были свои идеалы и своё мнение, и он скорее работает на Корею, а не на Японию. Он не поддержал некоторые планы японцев, которые должны были помочь им, и, в итоге, стал помехой для своих бывших благодетелей. Между тем король и королева были привязаны к нему»⁶. Оттого, когда Тэвонгун представил королю обвинения в государственной измене против

² The Passing of Korea, стр. 135

³ Пак Б. Д. Россия и Корея. С. 220.

⁴ Надо отметить, что, начиная с реформ Года Кабо, дворец был наводнен слухами о заговорах или разоблаченных попытках заговоров, причем не всегда понятно, где речь шла о реальном событии, где – о навете, а где – просто о слухах. На будущее - **Свести реплики этого рода в одну.**

⁵ К.И. Вебер и Корея. стр.164-165

⁶ The Passing of Korea, стр. 132

Пака, король и королева этому не поверили, но понимали, что с учетом его прошлого его не спасти. Тогда Королева посоветовала ему бежать, пока ему не было предъявлено обвинение⁷. Как бы то ни было, Пак Ён Хё был обвинен в заговоре против короля и королевы и объявлен врагом государства, так что каждый увидевший его имел право убить его на месте⁸.

В мае того же 1895 г. были выведены из правительства обвиненный в злоупотреблениях военный министр ЧоХиён, министр финансов О Юн Чжун и министр иностранных дел Ким Юн Сик⁹. Освободившееся в правительстве место заняли члены прорусской партии Ли Бом Чжин (1853-1911) и Ли Ван Ён (1858-1926)¹⁰.

25 июня 1895 г. в присутствии сеульского дипломатического корпуса *ван* Кочжон заявил, что ни один из подписанных им в последние шесть месяцев указов или законов не является результатом осознанного и свободного выбора, а значит они должны быть аннулированы¹¹. 12 июля он издал специальное обращение к нации, в котором повторил эту мысль и призвал правительство пересмотреть решения, принятые с осени прошлого года¹².

Мины снова заняли ключевые посты, причем не только Мин Ён Ик, но и целый ряд королевских родственников, включая пресловутого Мин Ён Чжуна, который был ответственным за большинство громких злоупотреблений властью перед началом японо-китайской войны. Несмотря на то, что формально при дворе оставалось около сорока японских советников, их мнение никто не слушал¹³.

Затем клика Минов решила расформировать контролируемую японцами армию и отправить в отставку Ким Хон Джипа, который был премьером с

---

⁷ The Passing of Korea, стр. 133

⁸ Letters from Joseon. С. 178.

⁹ К.И. Вебер и Корея. стр.164-165

¹⁰ Лю Ён Ик относит Ли Ван Ёна к американской партии наряду с Пак Чхон Яном (первым дипломатическим представителем в США) и Юн Чхи Хо.

¹¹ Вообще, многие объяснения Кочжона очень сильно напоминают заявления некоторых современных политиков о том, что их страница В контакте или электронная почта были взломаны вражескими хакерами, которые приписали им экстремистские или сомнительные заявления.

¹² Толстокулаков И. А. Политическая модернизация Южной Кореи. Часть 1. С. 243.

¹³ Letters from Joseon. С. 279-280.

августа 1895 г. по февраль 1896 г. Есть информация о том, что через российского поверенного в делах *ван* даже пытался передать правительству России просьбу об установлении российского протектората¹⁴. Но летом-осенью 1895 г. российское правительство не проявляло особенно активной политики. Неверным был и вызвавший ликование во дворце слух о том, что в Вонсане высадились 20 тыс. русских войск¹⁵.

В в сентябре 1895 г. к исполнению своих служебных обязанностей в Сеуле приступил новый посланник Миура Горо. Обычно о нем пишут как о «бывшем «военным без дипломатического опыта», и это подразумевает его принадлежность к «ястребам». На самом деле к моменту назначения в Корею он уже был в отставке (с 1888 г. после конфликта с политической верхушкой княжества Тёсю), а в качестве военного был известен в основном подавлением мятежей националистических радикалов (пример – Сацумское восстание 1877 г.).

Миура был верующим буддистом, выглядел пожилым человеком, и поначалу было непонятно, почему именно он заменил Иноуэ. Один из слухов говорил, что Миура был хорошим другом Пак Ён Хё. По этой или иной причине отношения Миуры с королевской семьей сразу же не задались. 19 сентября, когда Кочжон праздновал юбилей спасения королевы от «стрелецкого бунта», Миура явился на аудиенцию одетым не по форме, отчего Кочжон отказался его принять. Королева также постоянно заявляла ему, что «вам бы лучше бить в деревянную рыбу и читать сутры, а не давать советы королеве»¹⁶.

Видя угрозу утраты всех политических завоеваний, Миура Горо был готов на крайние меры, и как раз в этот момент Тэвонгун тайно пришел к нему с просьбой о помощи. Когда именно это случилось, неизвестно, но по данным Х. Хальберта, бывший регент сблизился с новым посланником Японии с их самой первой встречи¹⁷.

¹⁴ Курбанов С. О. Курс лекций по истории Кореи с древности до конца XX века. СПб., 2002. С. 336.

¹⁵ Letters from Joseon. С. 178.

¹⁶ Letters from Joseon. С. 279-280.

¹⁷ Hulbert, Homer B. The history of Korea. vol. 2 стр. 286

После некоторого колебания Миура согласился, и 8 октября 1895 г. японцы организовали налет на дворец. Кроме собственно сторонников Тэвонгуна в нем приняли участие прояпонские войска (те самые *хуллёндэ*, которых королева собиралась расформировать) и некоторое количество японцев, которые, согласно мнению ряда историков, и выполнили основную работу. Охрана дворца не сумела или не захотела оказать сопротивление, и в результате королева была зарублена, а тело ее сожжено.

На основании показаний большинства свидетелей К. Вебер суммировал описание убийства в своем отчете так: «Ворвавшись на женскую половину, но, очевидно, не зная в лицо королевы, японцы, по-видимому, наугад стали убивать беззащитных придворных дам, преимущественно тех, которые по возрасту ближе подходили к королеве; тут же покончили и с министром Двора¹⁸. Что касается дальнейших подробностей дела, то пока трудно сказать о них что-либо определенное, потому что масса разноречивых показаний не оставляет ещё возможности разобраться и отличить действительность от преувеличений и вымыслов. Вряд ли даже окажется и впоследствии возможным восстановить действительную и полную картину происшествия, Единодушно утверждён только факт, что убивали исключительно японцы и что они совершенно открыто кричали о своей цели убить именно королеву»¹⁹.

Интересно, что, по некоторым данным, план налета на дворец и убийства королевы имел кодовое название «Охота на лисицу». Учитывая то, какой образ имеет это животное в дальневосточном фольклоре, особенно миф о лисе-оборотне, которая в облике прекрасной девы губит страны, можно сказать, что японцы воспринимали королеву как очень серьезного противника.

В тот же день, когда была убита королева Мин, по требованию японцев король подписал указ о передаче исполнительной власти кабинету министров.

---

¹⁸ К.И. Вебер и Корея. стр.177-179

¹⁹ К.И. Вебер и Корея. стр.177-179

Охрана *вана* тоже была заменена²⁰, а три дня спустя от его имени (но без его подписи) был издан указ, в котором клан Мин был заклеен как классическая клика.

Антаяпонски настроенные авторы рисуют в связи с этим драматическую картину, в которой Коджон категорически отказался подписать подготовленный Миурой указ, заявив, что пусть ему отрубят пальцы, но он этого не сделает²¹, но информация эта исходит от членов прорусской партии, которые вынуждены были объяснить сей факт российским дипломатам.

Сам же текст стоит того, чтобы быть процитированным.

"32 года прошло со дня моего вступления на престол, но в управлении государством ничто не изменилось к лучшему. Королева Мин постоянно навязывала мне своих родичей и, наконец, совершенно окружила меня ими. Им удалось затмить моё зрение и создать непроницаемую преграду между мною и моими подданными. Пользуясь моим неведением, они притесняли народ, запутывали толкование законов, продавали места и должности, искали только наживы и неоднократно вызывали народные восстания и смуты, грозившие гибелью государству. Козни королевы не были для меня тайною, но что я мог сделать против её могущественных родичей и приверженцев, совершенно опутавших меня?

Приняв наконец твёрдое решение уничтожить их произвол, я в январе прошлого года отправился в поклонение своим предкам и торжественно обещал им положить конец дальнейшему участию минской партии в делах государства. Я надеялся, что королева раскается в своих поступках, но ошибся. Она продолжала своевольно вводить своих единомышленников, которым так же как и своим слугам, наказывала шпионить за малейшими моими действиями, подслушивать совещания министров, смущать солдат разными, будто бы от *вана* исходящими, приказаниями и распространять слух, что *ван* решил раскассировать некоторые войска.

²⁰ Пак Б. Д. Россия и Корея. С. 224.

²¹ К.И. Вебер и Корея. стр.182

Главная причина происшедшего во дворце бунта - королева покинула меня в критическую минуту, и, как 10 лет тому назад, скрылась бегством. Я принял все меры к отысканию её, но поиски оказались тщетными, она не вернулась. Преступив таким образом свои священные обязательства, она недостойна более носить высокий титул Королевы, а её имя - находиться в храме предков. Желая искупить свои прошлые ошибки, я сим лишаю её королевского титула и низвожу на степень женщины простого класса²².

В английском тексте этого письма даже сказано, что королева, обманом завладев государственной печатью, подписывала указы от имени вана с тем, чтобы создать смуту²³, и я хотел бы обратить внимание на другое: на момент указа смерть королевы еще не была полностью подтверждена. В конце концов, во время солдатского мятежа 1882 г. она тоже исчезала, считалась мертвой и ей даже устроили бутафорские похороны. Но когда политическая ситуация изменилась, государыня снова объявилась. В частности, был слух о том, что королева находится в русской миссии²⁴.

Разогнав таким способом прорусскую партию, японцы провели третий этап реформ, который некоторые историки даже специально отделяют от реформ Года Кабо, называя их реформами Года *Ыльми*, который отличался еще более быстрыми темпами и еще более силовыми методами. Вместо феодального права на землю был принят закон о купле-продаже земли²⁵. Корея перешла на европейскую систему летоисчисления, отказавшись от традиционного дальневосточного календаря, а 30 декабря 1895 г. был обнародован указ об обязательной стрижке волос и запрещении носить традиционные прически, который наносил очень сильный удар по традиционному корейскому

²² К.И. Вебер и Корея. стр.184-185. Цит Указ короля, опубликованный без его подписи 28 сентября (10 октября) 1895 г. // АВПРИ. Фонд «Японский стол». Опись 493. 1895 г. Дело 6. Лист 96.

²³ But the Queen did not give up her Muckedness, but with her party aided a crowd of low fellows to rise up about Us and so managed as to prevent the Ministers of State from consulting Us. Moreover, they **have forged Our signature** to a decree to disband Our loyal soldiers, thereby instigating and raising a disturbance, and when it occurred she escaped as in the ImO year. Любопытно, что факт использования печати королевой подтверждают некоторые авторы из числа ее апологетов.

²⁴ Letters from Joseon. С. 297-298.

²⁵ Толстокулаков И. А. Политическая модернизация Южной Кореи. Часть 1. С. 241.

самоощущению. Его не случайно сравнивают со стрижкой боярских бород Петром I. Помимо причесок, запрещалось курить трубки и носить традиционные широкополые шляпы. Ходили также слухи, что японцы собираются переодеть всех в европейскую или японскую одежду и запретить корейскую.

Правда, усматривать в указе о смене прически особое глумление над корейской традицией не стоит. Он был издан по образцу законов Реставрации Мэйдзи, которые тоже запрещали традиционную самурайскую стрижку, но его авторы не учли того, что в конфуцианском обществе это в гораздо большей степени воспринималось как потрясение основ²⁶. Сам Кочжон, впрочем, постригся, причем по одной из версий массовая стрижка случилась так: трое офицеров Хуллёндэ явились с обнаженными мечами в зал Совета и заявили, что указ о стрижке обязателен для всех чиновников. Срезать пучок волос были вынуждены и ван, и Тэвонгун, и присутствующие чиновники. Тэвонгун так переживал это, что у него пошла кровь из носа²⁷.

Насильственная модернизация и убийство королевы вызвали народные волнения, и в стране снова начали появляться отряды *Ыйбён*. Повстанцы действовали под лозунгами «Уважать короля, вытеснять варваров» (в том чисонцев) и «Прогоняя бандитов, восстанавливаем справедливость!». Старые консерваторы вроде Чхве Ик Хёна восприняли срезание пучков как знак национальной катастрофы и даже выступали с заявлениями типа: «лучше умереть, сохранив традиционную причёску, чем подстричься и выжить; лучше остаться цивилизованным человеком и погибнуть, чем выжить, став варваром». Или «С незапамятных времён основания нашего государства наши правители хранили традиции, установленные нашими предками. К нашей стране относятся как к «маленькому Китаю», поскольку наш народ хранит обычаи трёх совершенномудрых императоров Китая и верен учению Чжу Си. ... И хотя Китай не устоял перед мощью презренных японцев, наша страна по-прежнему невредима. Пусть и маленькое полуостровное государство, а всё же мы гордимся

²⁶ Тихонов В. М. Буржуазная революция... С. 123.

²⁷ Letters from Joseon. С. 309-310.

тем, что она как луч света в сгущающемся мраке... Королева убита, что ещё хуже – Япония принуждает нас отрезать наши длинные волосы и отказаться от нарядов, освящённых традицией!».

При этом в исторической литературе встречаются данные о том, что после убийства королевы Мин двор тайно посылал в провинцию гвардейских офицеров для координации антияпонских восстаний²⁸.

Нападение собирались списать на Тэвонгуна, но представить убийство королевы как внутрикорейскую разборку не удалось. Во многом это произошло стараниями К. Вебера, который провел независимое расследование и нашел ряд свидетелей, главным из которых был русский архитектор А. Середин-Сабатин²⁹

Таковой в то утро оказался во дворце и как минимум видел вооруженных японцев, которые искали королеву. Сабатин покинул дворец примерно через час после начала штурма и немедленно доложил обо всем российскому посланнику, так что его показания стали основной уликой, изобличившей причастность японцев к нападению³⁰.

Вебер же, если верить российским документам, предотвратил публичное заявление вана о том, что японцы не причём, которое он должен был дать под давлением и о котором известил его заранее. Вместе с британским и американским посланниками Вебер надавил на Миура и без этого обошлось³¹. Действовал он при этом на свой страх и риск, поскольку в условиях неразвитых средств связи получение инструкций из Петербурга требовало много времени.

Вначале Миура признал, что среди нападавших могли быть какие-то японцы, однако после того, как стали известны показания Сабатина, ему было

---

²⁸ Korea Old and New. С. 229. Это сопротивление сошло на нет после бегства короля в русскую миссию и отмены им наиболее непопулярных указов.

²⁹ Афанасий Иванович Середин-Сабатин – потомственный дворянин родом из Полтавы. Биографические сведения о нем весьма скудны, но доподлинно известно, что в Корею он приехал осенью 1883 г. Сменив ряд профессий, Сабатин стал «Архитектором Его Величества Корейского Короля», как он в последующем себя называл. Во время сеульских событий августа 1895 г. Сабатин находился на службе корейского правительства «в качестве телохранителя Короля или, лучше сказать, дворцового сторожа».

³⁰ Корея глазами россиян (1895-1945). С. 14-22.

³¹ К.И. Вебер и Корея. стр.204-205

очень сложно отнекиваться. Между тем, российские дипломаты активно требовали наказания убийц и удаления из дворца отряда Хуллэндэ³². Скандал был, и в Корею был назначен новый посланник Комура Дзютаро, которого сопровождал все тот же Иноуэ Каору³³.

Что же до дальнейшей судьбы Миура, то через десять дней после трагедии во дворце японское правительство арестовало Миуру и ряд других активных участников нападения на дворец³⁴. В январе 1896 г. в Хиросиме над ним и иными организаторами и исполнителями убийства, состоялся «суд». Слово это написано в кавычках потому, что его вердикт 20 января 1896 г. был таков. Признавалось, что Миура Горо и другие сотрудники японской миссии, подготавливая нападение на ванский дворец в Сеуле, решили помочь Тэвонгуну вернуться во дворец и в ходе нападения убить королеву Мин. Указывалось, что около 30 японцев были назначены телохранителями Тэвонгуна при его вступлении во дворец, а более 10 японцев получили задание «покончить с женой вана», и к рассвету 8 октября весь отряд вошел во дворец через ворота Кванхва и тотчас же направился во внутренние покои. На этом перечисление фактов обрывалось и далее было записано: «Несмотря на все эти факты, не хватает доказательств, что кто-либо из обвиняемых совершил ранее задуманное им преступление. Доказательства слишком ничтожны, чтобы обвинять их в каком бы то ни было участии в этом деле. Поэтому обвиняемые, все и каждый, сим оправдываются согласно 165-1 статьи кодекса уголовного судопроизводства»³⁵.

Ударил эту история и по Тэвонгуну, который после нее фактически не принимал участия в большой политике, поскольку, во-первых, остался без опоры, а во-вторых, оказался скомпрометированным³⁶. Отец Кочжона умер своей смертью 12 февраля 1898 г., успев застать принятие сыном императорского титула и начало новой эры реформ, и, несмотря на значительные заслуги,

---

³² Пак Б. Д. Россия и Корея. С. 225.

³³ История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Том I. С. 364.

³⁴ Korea and her neighbors, p 277-8

³⁵ Пак Б. Д. Россия и Корея. С. 229. Hulbert, Homer V. The history of Korea. vol. 2 стр. 289

³⁶ Толстокулаков И. А. Политическая модернизация Южной Кореи. Часть 1. С. 240.

отношение к нему историков так и осталось неоднозначным.

Остается вопрос о том, насколько действия Миуры были его личной инициативой, а не развитием обще-японского курса на подчинение Кореи, который не менялся в зависимости от посланника. Корейские националисты и ряд российских историков держатся второй точки зрения, Хальберт не верит в виновность Иноуэ и подчеркивает, что тот скорее опирался на королеву, поддерживая ее в противостоянии Тэвонгуну как последовательному противнику реформ³⁷.

История Ли Чжун Ена тоже, на взгляд автора, говорит о том, что японское руководство, в том числе Иноуэ, не воспринимало Тэвонгуна как прояпонскую силу и, наоборот, пыталось удалить его из политики. Похоже, союз между японцами и Тэвонгуном произошел только после того, как в Сеуле сменился японский посланник.

В этом контексте неясно, кто первым проявил инициативу. То ли далекий от корейской политики Миура решил действовать по принципу «враг моего врага – мой друг», то ли Тэвонгун воспользовался тем, что новый японский посланник плохо разбирается в местных делах, и им можно будет воспользоваться для ликвидации давнего соперника.

Отступление историографа: королева без косметики

Историки относятся к королеве Мин по-разному. Некоторые превращают ее в трагическую великомученицу, «умученную от японцев», для некоторых она - «умная, амбициозная, интригующая, захватывающая и во многих отношениях преданная королева»³⁸, некоторые не отделяют ее от семейного клана и оценивают ее заслуги весьма скептически. Однако на фоне развития женского движения РК, которому были нужны яркие символы, королева оказалась в удобной нише женщины-правительницы, да еще мученически убитой при

---

³⁷ Конечно, Иноуэ скорее поддерживал прогрессистов, но после того, как Пак Ён Хё покинул страну, и ему пришлось выбирать между королевой и Тэвонгуном, он выбрал королеву.

³⁸ Korea and her neighbors, p 271

исполнении служебных обязанностей. Советская и российская историография также относятся к ней с сочувствием хотя бы потому, что в конце своего правления она придерживалась пророссийских взглядов. Если аудитория желает ознакомиться с апологетической трактовкой образа этой королевы, отсылаю ее к работам Т. М. Симбирцевой, посвященным этому периоду³⁹.

Автор, однако, относится к числу скептиков, - по его мнению, покойница не была ни истинной патриоткой, ни благородным и достойным человеком, ни последовательным сторонником России. Трагической была только ее смерть, но выступить против японцев и даже быть при этом зверски убитой – еще не значит быть героиней борьбы за национальную независимость. Столь жесткая оценка имеет под собой основание.

Была ли королева патриотом, желающим успеха своей стране? В течение своего правления ни королева Мин, ни кто-либо из ее «семейного клана» не были инициаторами каких-либо реформ или инноваций⁴⁰. А вот о распространенности коррупции и тяге к личному обогащению мы знаем хорошо.

Собственно, даже А. Сабатин позиционирует королеву как главу не прогрессистской, а консервативной партии, которая, правда, была более расположена к России, в то время как прогрессисты ориентировались на Японию, а американцы вели двойную игру и с теми, и с другими⁴¹. Клан Мин много воровал сам и не мешал воровать другим. В течение всего времени его правления (как, впрочем, и позднее, при следующей королеве) мы не видим серьезных попыток борьбы с коррупцией.

Есть исследование Ким Даль Чуна «Вклад клана Мин в модернизацию Кореи» как попытка представить Минов людьми, которые действительно много

---

³⁹ Особенно – ее книгу «Владыки старой Кореи», полную полезной информации о дворцовой и околослужившей жизни вообще.

⁴⁰ Деятельность Мин Ён Хвана, единственного, засветившегося в истории не как член коррупционной клики, относится к более позднему времени.

⁴¹ Корея глазами россиян (1895-1945). С. 14-22.

сделали для модернизации: точнее, все, что происходило в данный период, подается как следствие ее политики. Однако представляется, что если бы королева и ее клика действительно много делали для страны, обладая при этом всей полнотой власти, результаты их действий были бы гораздо зримее. А прямая связь между даже между деятельностью миссионеров и разрешением королевы видна не всегда.

В основном сторонники королевы используют аргументы категории «если не препятствовала, значит, покровительствовала». Что все злоупотребления совершались без ее ведома, а к любым актам модернизации, которые происходили в ее правление, она имела самое прямое отношение. Это хорошо видно по их описанию событий 1882 г. Так, заявляется, что Чемульпхоский договор был заключен без ее ведома. Зато (оказывается) именно королева заключила торговое соглашение с Китаем для того, чтобы балансировать этим проникновение Японии, и лоббировала назначение Мёллендорфа на пост начальника таможен⁴². Более того, в том, что, по одной из версий, она сама подписывала соответствующие документы, скрепляя их государственной печатью, апологеты королевы не видят ничего крамольного.

Однако можно отметить, что королева действительно одобрила создание первой школы для девочек, которую организовала в 1886 г. американская миссионерка Мэри Скрантон. Королева лично выбрала для нее название «Ихва» (цветок груши – символ семейного клана Ли). На взгляд автора, королева покровительствовала миссионерам и миссионерским учреждениям по явному комплексу причин. Во-первых, после того как врач из числа миссионеров спас ее любимого племянника, королева стала им доверять, и ее личный врач был также женщиной-миссионеркой. Во-вторых, привечать миссионеров рекомендовала и «Корейская стратегия». Сама королева, заметим, не собиралась креститься, что

---

⁴² Впрочем, большинство историков не согласно с такой трактовкой, считая, что Китай просто «выкрутил руки» Корею после подавления солдатского мятежа.

выдается ее апологетами за плюрализм и религиозную толерантность, но активно привечала шаманок, одна из которых даже получила ранг принцессы. Те же, кто выступали против такого даже с конфуцианских позиций, подвергались ссылке⁴³..

Автору кажется, что по своим взглядам королева была прагматиком, готовым к любым изменениям в стране, которые бы не меняли ее привычный образ жизни и не представляли бы для нее угрозу. До 1882 года клан Мин выступал за реформы, потому что их главный противник Тэвонгун выступал против реформ. Но стоило Тэвонгуну оказаться в ссылке, как королева и Ко оказались консерваторами – ведь теперь их главными противниками в борьбе за власть были прогрессисты. То же самое касается ситуации во время реформ Кабо – пока Тэвонгун был при власти, королева активно флиртовала с японцами, но стоило ему уйти, и она снова оказалась против реформ.

Иногда выдвигается тезис, что королева не была самостоятельным игроком и зависела от старших родственников, но после событий 1882-84 гг эти родственники были в основном перебиты, - а ситуация не изменилась. Более того, из всех заметных в корейской истории представителей клана Мин патриотом оказался только Мин Ен Хван, не проявлявший себя при ее жизни. И для автора характерно, что Мин Ён Ик, остававшийся формальным лидером консерваторов, наоборот, никак не проявил себя после 1895 г., когда после ее смерти статус «любимого племянника королевы» больше ничего не значил.

Была ли королева другом России? Нет, она ориентировалась на Китай и «колебалась вместе с генеральной линией». Считается, что она проявила интерес к книге «Корейская стратегия» и разослала ее копии всем министрам. Прокитайскую ориентацию она сменила на прорусскую только после того, как в результате японо-китайской войны Китай перестал играть в судьбе Кореи значительную роль, в то время как Россия продемонстрировала свою силу. Так,

---

⁴³ Hulbert, Homer B. The history of Korea. vol. 2 стр. 248

можно обратить внимание на то, что до японо-китайской войны все попытки Кочжона дружить с Россией или как-то обойти китайское влияние, проходят без участия королевы.

Королева как личность? Ю Гиль Чжун сравнивал ее с Марией-Антуанеттой. Дональд Кин, который считает ее убийство, безусловно, варварским событием, называет королеву высокомерной коррумпированной женщиной. Вообще, надо отметить, что по отношению к своим соперникам и особенно соперницам королева Мин вполне могла подписаться под известным высказыванием императрицы Цыси «тому, кто испортит мне настроение хотя бы на минуту, я испорчу его на всю жизнь».

Вот важный для меня пример, - когда в 1873 году у неё родилась и умерла дочь, королева объявила, что стала жертвой колдовства, после чего покровительствуемые ей шаманки назвали виновницами двух любимых наложниц вана. Женщин казнили после действительно страшных пыток, после чего во дворце усвоили кровавый урок – с этого времени и до смерти королевы у вана не родилось ни одного ребенка от наложницы.

Конечно, это не отменяет ее высоких ума и изворотливости. Пройдя очень тяжелую школу дворцовых интриг, королева была блестящим манипулятором, хорошо умеющим натравливать разные фракции друг на друга в рамках тогдашней «системы сдержек и противовесов». Оттого слова Иноуэ Каору о том, что *«Мало найдётся в Корее людей, равных Её Величеству по пронциательности и дальновидности. В искусстве же умиротворения врагов и завоевания преданности подданных у неё нет равных»* могут быть не только дежурным выражением почтения, принятым в среде профессиональных дипломатов. Она хорошо умела располагать людей к себе, и если судить по мемуарной литературе, все «западные» посланники считали себя личными друзьями ванской четы и единственными, кому королева могла доверять.

Смерть королевы как основа для детектива

Убийство королевы Мин – один из «культовых» моментов корейской истории. Поэтому разъяснение подробностей или выявление противоречий в показаниях свидетелей автор выносит в отдельный раздел, в котором попытаемся ответить на несколько вопросов.

- Кому принадлежала инициатива нападения, и насколько оно было не личной инициативой посланника Миуры, а элементом политики, которую проводили его предшественники.

- Каково было соотношение сил и участия японцев и корейцев. Националистические корейские историки любят спекуляции вокруг того, что корейцы в лучшем случае сыграли роль статистов или обманутой массовки.

- Каково было сопротивление налету. Точнее, отчего нападение на королевский дворец почти не встретило какого-либо противодействия.

- Насколько налет был выдающимся как по количеству жертв, так и по общему уровню зверства. Здесь мы снова сталкиваемся с распространенным представлением о том, что это было событие, уникальное по своей кровавости.

Сначала немного об источниках: показаний свидетелей довольно много, и они изрядно противоречат друг другу⁴⁴. Некоторые свидетельства имеют самый общий характер: так, показания Ли Бом Чжина, который сбежал из дворца одним из первых, переодевшись прислужником, и еще до рассвета примчался в русскую миссию, не добавляют ничего. Ли лишь подтверждает, что резню устроили японцы.

Показания вана и его второго сына обычно считают наиважнейшими после показаний Сабатина, но по иным историям мы уже знаем привычку Кочжона, мягко говоря, рассказывать иностранным дипломатам то, что они бы хотели услышать, выставляя себя не более чем жертвой обстоятельств.

---

⁴⁴ Большая часть этих показаний цитирована по работе Ким Рехо «Гибель королевы Мин. Новая версия. // Корея. Сборник статей, М., 1998. С. 123-137».

С показаниями принца же проблема в том, что на самом деле это не его показания как непосредственного свидетеля, а рассказ американскому поверенному в делах в Сеуле со слов одной из фрейлин⁴⁵. То есть: фрейлина рассказала принцу, принц рассказал поверенному, а тот рассказал Веберу. Какая-то часть информации могла исказиться даже при неосознанной передаче, не говоря уже о возможных трудностях перевода.

Подробный очерк происшествия был опубликован в миссионерской газете «Korean repository» по горячим следам. Там довольно много деталей, проливающих свет на обстоятельства дела. И. Бишоп и Х. Хальберт во многом ссылаются на него.

Более подробно о подготовке налета. 3 октября Миура провел совещание с членами миссии Сугимурой Фукаси (второй секретарь посольства) и Окамото Рюноскэ (сотрудник миссии, бывший офицер японской армии). Сугимура, который помнил проблемы общения с регентом, настоял на том, что Тэвонгун должен подписать специальный документ, о том, что регент не будет вмешиваться в политическую деятельность без веских причин и не будет выступать против курса реформ⁴⁶.

5 октября Окамото доставил документ в загородную резиденцию Тэвонгуна (современный сеульский район Ёнсан), причем, для того, чтобы этот визит не вызывал подозрений, был пущен слух, что Окамото приезжал с целью проститься с принцем перед отъездом домой; для придания слуху достоверности 6 октября Окамото уехал из столицы.

Переворот планировался на 10 октября, - ставку собирались делать на Хуллэндэ, и единственными вовлеченными людьми с японской стороны были Окамото, который должен был сопровождать Тэвонгуна, и 4 переводчика при Хуллэндэ. Однако утром 7 октября японское дипломатическое представительство посетил военный министр Ан Гён Су, который заявил, что Хуллэндэ собираются

---

⁴⁵ К.И. Вебер и Корея. стр.177-179

⁴⁶ Peter Duus, *The Abacus and the Sword: The Japanese Penetration of Korea, 1895–1910*, стр 110-111

раскассировать в самом скором времени. Стало очевидно, что действовать надо немедленно, и Миура начал собирать команду где мог. Во-первых, он дал указания командующему японским батальоном в Сеуле, связаться с Хуллендэ и быть готовым поддержать переворот во главе своего подразделения.

Во-вторых, он вызвал Адати Кендзо и Кунитомо Сигэаки, посвятил их заговор и сказал им, что от успеха плана зависит искоренение зла, совершающегося на протяжении последних двадцати лет и вредившего Японии⁴⁷. Эти двое были довольно известными людьми в диаспоре. Кунитомо был известным сторонником агрессивной политики Японии и членом т.н. Сэйкося (общества политического образования), направленного на распространение политики паназиатизма и японских школ⁴⁸. Адати сначала был военным корреспондентом во время японо-китайской войны, а затем начал издавать газету для японцев, выходящую под названием Хансон Синбо.

На призыв Адати и Кунитомо откликнулись 24 человека самого разного происхождения : от мелкого торговца лекарствами Тэрасаки Ясукичи до начинающего тогда (и очень известного впоследствии) писателя и журналиста Сиба Сиро. Иногда эту разношерстную компанию называют ронинами, но это несколько неверно – со времени реставрации Мэйдзи прошло почти 30 лет, и мы явно имеем дело со следующим поколением. Иное дело, что среди японской диаспоры, возможно, хватало людей с бурной биографией, решительным характером и умением обращаться с оружием. Некоторые из них с самого начала знали, на что идут, некоторые присоединились ради интереса.

В-третьих, Миура приказал Огивара Хидэдзиро имевшему отношение к японской полиции, «принять меры», после чего тот отдал приказ полицейским, находившимся в резерве, надеть гражданскую одежду, взять мечи и отправиться в Енсан. Наконец, он послал своих людей к Тэвонгуну и Ли Чжу Хве заместителю

---

⁴⁷ Korea and her neighbors, p 270-275

⁴⁸ Peter Duus, *The Abacus and the Sword: The Japanese Penetration of Korea, 1895–1910*, стр 110-111

военного министра и ярому стороннику регента, который тоже стал собирать своих людей и двинулся в Ёнсан.

В ночь на 8 октября все группы японцев собрались в резиденции Тэвонгуна. Окамото составил план штурма, и примерно в 3 утра команда стартовала. Тэвонгун двигался в паланкине (на тот момент ему было 76 лет), японцы, всего около 50 человек, пешком. С ними были Ли Чжу Хве и другие корейцы из числа сторонников регента. У западных ворот Сеула процессия соединилась с представителями Хуллэндэ и быстрым шагом направилась ко дворцу Кёнбоккун.

Подобный таймлайн довольно важен хотя бы тем, что развенчивает миф о «специально выписанном из Японии отряде гангстеров», который бы за такое время просто не успел бы собратиться и доехать. Скорее все выглядит как форс-мажор, при котором команду японских участников налета собирали «по объявлению» и среди доверенных знакомых.

Еще одна любопытная деталь. Перед отправлением Окамото собрал всех у парадных ворот резиденции регента и сообщил им о том, что им придётся иметь дело с «лисой», давая знать, что королева в любом случае должна быть убита⁴⁹. По некоторым иным данным, план налета на дворец и убийства королевы изначально имел кодовое название «Охота на лисицу». Будто бы, это было связано с тем, что Миура, который был глубоко верующим буддистом, перед решением атаковать несколько дней сидел дома и читал сутры, пытаясь найти оправдание своему будущему поступку. Возможно, представление о том, что целью атаки является не человек, а лиса-оборотень, позволяло ему не испытывать моральных терзаний, тем более что образ оборотня, который под маской прекрасной женщины дорывается до власти и губит страну, распространен и в Японии, и в Китае.

---

⁴⁹ Учитывая то, какой образ имеет это животное в дальневосточном фольклоре, особенно миф о лисе-оборотне, которая в облике прекрасной девы губит страны, можно сказать, что японцы воспринимали королеву как очень серьезного противника.

Охрана дворца и ее боеготовность. В письме Сабатина указано, что в налете на дворец принимали участие человек 50 японских солдат, некоторое количество японцев в штатском и 200-300 солдат корейской армии, обученных японцами. По иным данным, в налете принимало участие максимум полсотни японцев, плюс до тысячи солдат Хуллэндэ, руководимых У Бом Соном(командир второго батальона) и Ли Ду Хваном(командир первого батальона).

Королевский дворец охранялся дворцовой стражей, однако в течение дней, предшествующих налету, силы дворцовой стражи были «бессовестно подорваны»: оружие было заменено на худшее, а боеприпасы уничтожены⁵⁰. Число солдат и офицеров во дворце было сокращено, судя по А. Середин-Сабатину, во дворце должно было быть 1500 солдат и 40 офицеров, но на момент штурма было всего 250-300 солдат и 8 офицеров⁵¹. Таким образом, внутри находилась одна пятая от списочного состава войск, - значит, «массовый исход» дворцовой стражи проходил под руководством офицеров, в противном случае их во дворце осталось бы существенно больше восьми.

Автор видит несколько версий того, чем могло быть обосновано ослабление боеготовности. Первая заключается в том, что дворцовая стража принципиально не представляла серьезной опасности, что подтверждается цитатой из Вебера: «Охраняющая королевский дворец стража есть сброд без дисциплины, без руководителей. От неё нельзя ожидать малейшего отпора и при первом же выстреле она разбежится во все стороны»⁵². Что, в общем-то, и произошло. И хотя в течение всех событий начальником дворцовой стражи де-факто являлся генерал Дай, его попытки повышения боеготовности неоднократно срывались⁵³.

Вторая грешит на военного министра Чо Хый Ёна, который принадлежал к сторонникам реформ; он мог бы отдать такой приказ. Либо это мог сделать его заместитель Ли Чжу Хве, который был вовлечен в заговор. Однако неясно, был

⁵⁰ Korea and her neighbors, p 271

⁵¹ Корея глазами россиян (1895-1945). С. 14-22.

⁵² К.И. Вебер и Корея. Стр.71

⁵³ Hulbert, Homer B. The history of Korea. vol. 2 стр. 294-295

ли такой приказ отдан - предполагаю, что к нынешнему времени упоминания о нем уже бы всплыли.

Третья связана с излишним доверием двора японцам. Хальберт упоминает разговор, который Иноуэ имел с королевой незадолго до его отъезда. В нем Иноуэ заверял ее, что «японское правительство не забудет защитить королевский дом и обеспечить безопасность страны», после чего ее беспокойство за будущее стало гораздо меньше⁵⁴.

Четвертая отдает конспирологией, но, возможно, остальная часть стражи была нужна для чего-то иного? Она строится на том, что впоследствии обвинение в том, что охрана дворца была намеренно ослаблена, не выдвигал даже ван, хотя искать предателей в такой ситуации было бы логичным. И возникает вопрос, не было ли это связано с тем, что верные люди были нужны королеве для чего-то иного: например, для превентивного удара по своим противникам, которые, однако, успели раньше.

Подготовка к нападению и проблема отсутствия сопротивления. Как бы то ни было, уже во второй половине дня 7 октября подходы к резиденции королевы уже были без охраны, что было чрезвычайно странно. При этом снаружи дворца находились бунтующие солдаты Хуллэндэ. Их настроения подогревались слухами о том, что скоро отряд распустят, а его членов подвергнут репрессиям, и что в конфликтах армии и полиции двор всегда на стороне последних⁵⁵. В течение ночи с 7 на 8 октября солдаты передвигались туда-сюда, и их было хорошо видно из дворца. В 4 часа утра во дворце раздался крик, что его атакуют, после чего офицеры дворцовой стражи поспешили к резиденции короля и на внешние посты. Штурма не было, но было обнаружено, что у стены дворца находится группа японских солдат, так как недалеко от дворца находились японские казармы. По словам полковника Ли Хак Кюна, которые он дал в русской

---

⁵⁴ Korea and her neighbors, p 269-270

⁵⁵ Letters from Joseon. С. 283.

миссии в Сеуле: «Было около 4 ½ часов. Я стоял на стене у малых северных ворот и при ярком лунном свете ярко мог видеть в бинокль около 12 теней от двигавшихся по северо – западной стене людей»⁵⁶.

Это частично совпадает с показаниями генерала Дая и Середина-Сабатина, которые глядя через щель ворот, увидели группу японских солдат со штыками, - после того, как их заметили японцы спрятались в тени стены. Кроме того, под другой частью стены обнаружилось около двухсот солдат Хуллэндэ.

Через какое-то время стало понятно, что противник накапливается⁵⁷. О ситуации известили командира Хуллэндэ, и когда Хон Ге Хун добрался до дворцовых ворот, он обнаружил, что главный вход окружен его подчиненными. По информации, которую приводит Korean Repository, Хон приказал солдатам разойтись и вернуться в казармы, после чего те открыли по нему огонь. Хон получил 8 пуль, упал с коня и был добит мечами⁵⁸.

После этого солдатам зачитали речь, смысл которой Сабатин, плохо знавший корейский, не понял, и начался штурм, при этом Сабатин отмечает как нежелание нападавших убивать защитников дворца (стрельба велась поверх голов и имела целью скорее напугать противника), так и то, что защитники дворца не оказывали сопротивление и практически сразу же обратились в бегство, бросая оружие и форменную одежду⁵⁹. Генерал Дай пытался что-то сделать, но после пяти или шести залпов нападавших, солдаты дворца рванули с таким напором что снесли двух иностранцев мимо резиденции Кочжона к воротам королевы⁶⁰. Около пяти часов утра мятежники заполнили дворцовый комплекс, практически не встречая сопротивления⁶¹.

А. Середин-Сабатин свидетельствует: «Ворвавшись, новые корейские солдаты сделали три залпа (каждые в 30-40 выстрелов) по дворцовым солдатам.

⁵⁶ Ким Рехо. Гибель королевы Мин. Новая версия. // Корея. Сборник статей, М., 1998. С. 123-137.

⁵⁷ К.И. Вебер и Корея. стр.177-179

⁵⁸ Letters from Joseon. С. 281-284.

⁵⁹ Корея глазами россиян (1895-1945). С. 14-22.

⁶⁰ Korea and her neighbors, p 271

⁶¹ Letters from Joseon. С. 281-284.

Между прочим, нападающие видимо, не имели намерения убивать много народа, так как стреляли очень высоко. Я с генералом Дай стояли на линии огня, вдоль стены... не далее как в 80 шагах (или ярдах) от стреляющих, но пули, как я сужу по своему в то время впечатлению, пролетали не ниже, чем футов на 20-30 над головой. На моих глазах только один дворцовый солдат был ранен в плечо (из трех залпов)». ⁶² Вебер тоже отмечает, что атакующие стреляли вверх и большинство пуль попали в верхний этаж ближайшего нежилого дома ⁶³ .

Объяснения того, отчего нападающие били по верх голов, базируются на показаниях одного из солдат: «Ранним утром 8-го числа японские инструкторы и несколько корейских офицеров (в числе которого были У Бом Сон и Ли Ду Хван, приказали построиться и увезли нас из казармы. На вопрос солдат, куда их везут, они толком не ответили, сказав, что надо проучить корейских полицейских, с которыми они имели недавно стычки. Но, прибыв к крепостным воротам, солдаты поняли, в чем дело. Они увидели, что во дворце уже находятся японцы» ⁶⁴ .

Сторонники классической южнокорейской версии пытаются предположить, что У Бом Сон уже во дворце приказал солдатам стрелять в воздух, однако это не стыкуется ни со свидетельством Сабатина о том, как выглядело начало штурма, ни с его же заявлениями о том, что корейских солдат он опасался сильнее.

Автору же скорее интересно то, отчего дворцовая стража не стреляла в ответ. Корея – не исключение из случая, когда охрану царствующей особы поручают если не самым подготовленным, то, по крайней мере, самым лояльным войскам. Занимая оборону во дворце, можно было отбиваться от противника хотя бы до подхода иных лояльных войск или обеспечения эвакуации королевской семьи. Тем более что у атакующих не было особого численного превосходства или подавляющей огневой мощи. Поэтому то, что никто из военных не пытался оказать сопротивление (а это видно из показаний свидетелей, где упоминаются

⁶² Корея глазами россиян (1895-1945). С. 14-22.

⁶³ К.И. Вебер и Корея. стр.177-179

⁶⁴ Ким Рехо. Гибель королевы Мин. Новая версия. // Корея. Сборник статей, М., 1998. С. 123-137.

фрейлины или чиновники, но нет ничего про охрану), требует дополнительных объяснений.

Такие объяснения пытаются давать. По мнению профессора Ли Мун Вона, охрана дворца не оказывала сопротивление потому, что была вооружена старыми винтовками и не могла противостоять японским регулярным войскам. Однако в истории немало примеров, когда даже невооруженные люди оказывали серьезное сопротивление противнику.

Другое объяснение строится на показаниях Ли Хак Кюна, в которых Кочжон «приказал мне принять все меры к предупреждению кровопролития; нашим солдатам велено было стрелять лишь в крайнем случае⁶⁵». Такое поведение вана поклонники правящего дома пытаются объяснить тем, что «непротивление злу насилием составляло кредо короля Кочжона», однако отчего-то ни при подавлении последствий мятежа Года *Капсин*, ни в отношении *тонхак* или демонстрантов-традиционалистов, ни в событиях более позднего времени это непротивление не проявлялось.

Объяснений всей этой несурянице может быть несколько. Можно обосновать все плохой подготовкой охраны (вспомним, сколько оказалось в корейской армии мертвых душ на момент начала Имчжинской войны), но как минимум не менее валидна и версия о том, у солдат не было особого желания защищать королеву, которая действительно воспринималась многими как «символ всех зол разлагающейся династии».

Более того, человек, склонный к конспирологии, вполне может представить себе, что на самом деле был не штурм, а спектакль, где охрана дворца могла иметь заранее данный приказ не вступать в бой, а то и покинуть место будущей бойни.

Версии убийства. О том, что произошло непосредственно в покоях вана, есть несколько версий, так как почти каждый ключевой свидетель или источник

---

⁶⁵ Ким Рехо. Гибель королевы Мин. Новая версия. // Корея. Сборник статей, М., 1998. С. 123-137.

излагает несколько иной вариант развития событий.

Главный свидетель в лице Середин-Сабатина по данному вопросу ничего важного не говорит. На женскую половину его занесло толпой, и, поняв, что ему несдобровать, он обратился за защитой к японцу, которого посчитал главным, после чего ему даже дали охрану. Японцы периодически трясли его за воротник и спрашивали, знает ли он, где королева, но смерти королевы он не видел. Как «не видел крови ни на платье, ни на теле корейнок, ни на саблях бушующих японцев»⁶⁶.

Следующим свидетелем выступает сам Кочжон: «Король, через переводчика генерала Лежандра (советника короля), сообщил, что на его глазах японцы Окамото (бывший советник при корейском военном министерстве), Судзуки и Ватанабэ ворвались во внутренние покои дворца с обнаженными саблями и первые двое схватили королеву. Здесь он лишился сознания и больше ничего не помнит. Наследный принц видел затем, как королева бросилась бежать, а оба упомянутые японца за нею, но он полагает, что королеве удалось спастись»⁶⁷.

Возникает вопрос – Окамото ван мог знать из-за его ранга, но кто такие Судзуки и Ватанабэ, откуда ван мог знать их фамилии? Затем, надо помнить, что помещение дворца, ставшее жертвой налета, было разделено на мужскую и женскую половину и что происходит на территории королевы, ван видеть не мог. Оттого есть предположение (основанное на обычном поведении вана в критической ситуации), что Кочжон в очередной раз рассказал то, что от него хотели услышать.

Фрейлина, чьи показания традиционно выдаются за показания принца, заявляет, что японцы ворвались в комнату, где находилась Королева и дамы с криками: «Где Королева?». Министр двора бросился им навстречу, встал между ними и Королевою и поднял руки, прося пощады. В ту же минуту ударами сабли

---

⁶⁶ Корея глазами россиян (1895-1945). С. 14-22.

⁶⁷ Ким Рехо. Гибель королевы Мин. Новая версия // Корея. Сборник статей. М., 1998. С. 123-137.

ему отрубили обе руки и он упал, истекая кровью⁶⁸. Японцы ринулись дальше и бросились к женщинам, крича "где Королева?", но фрейлины отвечали, что Королевы здесь нет. В это время королева побежала по коридору. Японцы кинулись за ней, настигнув, повалили ее на пол, нанеся тут же несколько сабельных ударов. Смерть была мгновенной. Одна из фрейлин покрыла лицо покойницы платком, и через некоторое время японцы унесли труп в находящуюся вблизи роццу.

Есть и показания Тэрасаки Ясукичи – одного из активных участников атаки: «Накамура Тадэо, Фудзикацу Акира и я ворвались во внутреннюю комнату королевы, хотя король останавливал нас. Там находились 20-30 придворных дам. Выбросив их всех во двор, мы заглянули под одеяло, там лежала дама. Хотя она была одета как все другие придворные дамы, но ее облик отличался аристократичностью. Мы решили, что это королева Мин. Мы схватили ее за волосы, но она попрежнему держалась достойно... Я ударил ее ножом и повалил на пол⁶⁹».

Однако этот рассказ не подтверждается иными свидетельскими показаниями. Ван, как можно заметить, называет иные фамилии, а в иных источниках непосредственными убийцами называют Кунитомо или Сиба. Не исключено, что они убили одну из фрейлин, которую приняли за королеву.

Версия, приведенная И. Бишоп, выглядит так: «Как только японцы вошли в здание и зашли в переднюю, где несчастный король мог их видеть, надеясь отвлечь их и дать королеве время для побега. Некоторые из японских убийц размахивали мечами, грубо обращались с Его Величеством, били и таскали за волосы дворцовых дам в его присутствии. Наследный принц, который был во внутренней комнате, был схвачен, его шляпа была сорвана и сломана, его

---

⁶⁸ Согласно материалам суда, его будто бы убил (во всяком случае, против него было выдвинуто специальное обвинение) некто Хираяма Ивахиико.

⁶⁹ Там же.

схватили за волосы, угрожая мечами, чтобы тот показал дорогу к королеве, но он смог добраться до вана, и они больше никогда не были разлучены.

Все дело не заняло больше часа. Наследный принц видел, что его мать бежит по коридору, преследуемая японцами с мечами, основным стремление убийц было попасть в ее покои. На этаже выше была найдена наследная принцесса с несколькими дамами, она была зарезана мечем, избита и скинута вниз. Министр двора, поднял тревогу, чтобы королева была одета и готова бежать и прятаться. Когда убийцы вломились, он стоял в передней Ее Величества с раскрытыми руками, пытаясь защитить ее, предоставляя им подсказку, которую они хотели. Они отрубили ему обе руки и нанесли другие раны, но он умудрился перелезть через веранду в присутствии короля, где он умер от потери крови. Королева, спасаясь от убийц, была настигнута и ранена мечем, падая как если бы была мертва, но она приподнялась и спросила, жив ли наследный принц, ее идол, из-за этого японец прыгнул на ее грудь и разрубил. Даже потом, хотя медсестра, которую я ранее видел при посещении, закрыла ее лицо, это не было фактом, что она мертва. Японцы положили ее на доски, обернули вокруг нее шелковое покрывало и отнесли ее в сосновую рощу в соседнем парке оленей, где ее тело облили керосином и сожгли, только несколько костей избежали разрушения»⁷⁰.

Далее в списке источников первый сын короля, кронпринц Сунчжон, который утверждал, что ведущую роль в нападении играли корейские войска, а У Бом Сон непосредственно принимал участие в убийстве королевы. Когда после этих событий У бежал в Японию, Сунчжон специально подсылал к нему убийц, которые и ликвидировали его в 1903 г. Конечно, это свидетельство надо учитывать, принимая во внимание олигофрению принца, но о том, что представители хуллёндэ искали королеву вместе с японцами, пишет и Бишоп⁷¹.

---

⁷⁰ Korea and her neighbors, p 271

⁷¹ Korea and her neighbors, p 271

Версия Х. Хальберта (в разных книгах детали варьировались) в целом выглядит так: «Когда японцы подошли к зданию, в котором находились Их Величества, часть из них осталась охранять все выходы, другая – вошла в здание⁷². Часть толпы, размахивая оружием, вошла в мужскую часть дворца, но не напала ни на короля, ни на наследного принца, стоявшего рядом. Другая часть рыскала в женских покоях, беря в плен придворных женщин и требуя информацию о местонахождении королевы. Там они встретили министра двора, и сразу же смертельно его ранили, однако он сумел доползти до короля, где был убит. Королева нашлась в одной из комнат своих приближенных, а затем была безжалостно убита. Невозможно с точностью заявить, кто именно нанёс решающий удар, японцы или корейцы, однако велика вероятность того, что он был сделан вооружённым японцем. Тело было завернуто в своего рода одеяло, пропитанное горючей жидкостью, и сожжено на краю сосновой рощи, находящейся к востоку от пруда в передней части королевских покоев»⁷³.

Своя версия есть у Korean Repository. Атакующие начали искать королеву вместе с частью солдат. Натолкнувшись на министра двора Ли Кён Чжика, они зарубили его. Пострадало несколько фрейлин, в том числе принцесса, которую протаскивали за волосы, ранили мечом и сбросили с лестницы. Так как не было понятно, которая из четырех женщин является королевой, японцы жестоко убили всех четверых, но когда служанка указала на одну из убитых как на королеву, это тело сбросили вниз, потоптали и пронзили мечом⁷⁴.

Еще одна интересная деталь. Поиски королевы и убийства потенциально похожих на нее дам обычно связывают с тем, что королева так сильно пользовалась косметикой, что опознать ее без грима было маловероятно⁷⁵. Однако, по данным Ким Ен Уна⁷⁶, на самом деле японские солдаты знали, где

---

⁷² Hulbert, Homer B. The history of Korea. vol. 2 стр. 294-295

⁷³ The Passing of Korea, стр. 137+

⁷⁴ Letters from Joseon. С. 281-284.

⁷⁵ Letters from Joseon. С. 105.

⁷⁶ Ссылка!!

покои королевы, поэтому сразу нашли ее, вывели из дворца, зарубили и сожгли тело. Об этом стало известно весной 2005 г., когда Сеул посетила небольшая делегация японцев, потомков солдат, участвовавших в нападении на королевский дворец и убийстве королевы. Они принесли извинения перед корейцами и рассказали эти подробности, которые в свое время были задокументированы и прекрасно сохранились в архивах. В том же 2005 г. в архиве была найдена картина, на которой изображен момент аудиенции, данной королевской четой японцам. На этой картине изображена круглолицая в возрасте королева, которая что-то довольно энергично объясняет. Эта королева совсем не похожа на ту «королеву», чей «канонический портрет» молодой сухощавой красивой женщины публиковался в разных научных изданиях. При этом картину делал хороший рисовальщик, по-видимому, присутствовавший на этой беседе. Спутать женщину, изображенную на картине, с любой другой женщиной во дворце невозможно.

Вопрос о зверствах и жертвах. Сразу же огорчим любителей представлять налет как массовое убийство, «совершенное с дикой жестокостью — было одновременно перебито множество охранников дворца и женщин из государева гарема»⁷⁷. Не считая королевы, смерть которой была подтверждена не сразу, тела посчитали практически тотчас: «несколько фрейлин, министр двора, один генерал⁷⁸ и около десяти солдат убиты»⁷⁹.

Такие данные приводит Вебер, у которого нет причины лгать и, тем более, занижать число жертв. Выходит, что налет 1895 г. обошелся достаточно малой кровью, особенно если сравнивать с количеством жертв солдатского бунта 1882 г. или даже мятежом года Капсин. Собственно, даже во время захвата дворца в 1894 г. перед началом японо-китайской войны корейцы потеряли 17 убитых и 70 раненых⁸⁰.

⁷⁷ В.М. Тихонов, Кан Мангиль. История Кореи. Том I, С. 446

⁷⁸ Имеется в виду Хон Ге Хун

⁷⁹ Бэлла Пак. Российский дипломат К. И. Вебер и Корея. С. 178.

⁸⁰ Letters from Joseon. С. 62-63.

Безусловно, штурм дворца и убийство королевы есть явление возмутительное, однако субъект возмущения со временем менялся. Изначально шок корейцев был связан с тем, что японцы ворвались во дворец, осмелились поднять руку на королеву и предали ее совсем не королевской смерти.

Затем смерть королевы пытались представить как нечто особо зверское. Это хорошо проявляется в записках, составленных российскими военными в преддверии русско-японской войны и имеющих соответствующее пропагандистское наполнение: «королева была ранена саблями и замертво упала, тогда ее положили на доску, закутали одеялами и вытащили во двор, откуда вскоре потом унесли в ближайший парк, где набросали на нее мелких дров, все облили керосином и сожгли... Ее сожгли, хотя и раненую, но живую, и она в агонии старалась от огня скрыть голову и руку, стремясь зарыть их в землю»⁸¹.

Впрочем, даже в этом варианте судьба Мин Мёнсон уступает участи сербской королевы Драга Обренович, убитой вместе с мужем в 1903 г.

Цитируем «Русский Вестник»: «После того как Александр и Драга упали, убийцы продолжали стрелять в них и рубить их трупы саблями: они поразили Короля шестью выстрелами из револьвера и 40 ударами сабли, а Королеву 63 ударами сабли и двумя револьверными пулями. Королева почти вся была изрублена, грудь отрезана, живот вскрыт, щеки, руки тоже порезаны, особенно велики разрезы между пальцев, - вероятно, Королева схватилась руками за саблю, когда ее убивали, что, по-видимому, опровергает мнение докторов, что она была убита сразу. Кроме того, тело ее было покрыто многочисленными кровоподтеками от ударов каблуками топтавших ее офицеров. О других надругательствах над трупом Драги... я предпочитаю не говорить, до такой степени они чудовищны и омерзительны. Когда убийцы натешились вдоволь над беззащитными трупами, они выбросили их через окно в дворцовый сад, причем труп Драги был совершенно обнажен»⁸².

---

⁸¹ Россия и Япония на заре XX столетия. Аналитические материалы отечественной военной ориенталистики. М., 1994. С. 213.

⁸² <http://patrio.org.ru/lofiversion/index.php/t557.html>

Резюме. Понятно, что патриотические корейские историки пытаются свести участие корейской стороны в убийстве королевы к минимуму. Однако факты оказываются не в их пользу. Участие Хуллэндэ в нападении подтверждается целым рядом свидетелей, включая кронпринца. Ослабление боеготовности дворцовой стражи, если это была сознательная диверсия, тоже оказывается делом рук корейской стороны хотя бы потому, что у японцев не было возможности влияния на данное подразделение.

Неясен и вопрос о том, от кого в итоге исходила инициатива нападения: Миура принял решение не сразу и после предложения Тэвонгуна о сотрудничестве, а не решив убить королеву и лишь потом заручившись поддержкой ее врагов. С точки зрения автора, нельзя исключать ситуацию, при которой Миура, не занимавшийся ранее корейскими делами, последовал логике фракционной борьбы и, сразу же испортив отношения с королевой, нашел союзника в лице Тэвонгуна. Последний воспользовался этим и убедил Миуру в том, что «лисицу надо уничтожить», желая руками японцев ликвидировать свою главную соперницу.

Не стоит забывать о том, что новость о смерти королевы была встречена в Японии скорее с осуждением, причем говорили об этом и такие люди, как Ито Хиробуми. Да, королева была врагом, но ее ликвидация как минимум не принесла должной выгоды и скорее осложнила отношения двух стран. Конечно, никто не наказал Миуру за его патриотическую инициативу, но, как кажется автору, если бы убийство королевы планировалось заранее, организаторам не пришлось бы собирать команду исполнителей менее чем за сутки до налета.

Что же до обстоятельств успешного нападения, в ходе которого никто из нападавших даже не был ранен, то оба основных объяснения отнюдь не выставляют корейский двор в позитивном свете: либо репутация королевы и ее

клана была такова, что защищать ее ценой своей жизни никому не хотелось, либо коррупция и разложение армии достигло той точки, при которой даже дворцовая стража не была способна оказать сопротивление отряду, не сильно превышающему (если вообще превышающему) их числом. А с точки зрения жертв история не выходит за рамки корейской политической борьбы – многие события более раннего или позднего времени обходились большей кровью.

**Глава девятая, в которой ван отсиживается в русской миссии, а
коммерческий агент Алексеев тщетно пытается навести порядок в
корейских финансах**

Агван пхачхон, или переезд в русскую миссию

После смерти королевы Кочжон какое-то время был в шоке. Он думал, что хотели убить его, и панически боялся яда, питаясь в течение некоторого времени исключительно гамбургерами, присылаемыми в запечатанных пакетах из американского посольства. Ван так боялся покушения, что перестал спать по ночам¹ и просил своих друзей из числа иностранцев по очереди ночевать во дворце. Отчасти эта мера оказалась оправданной, ибо именно показания иностранцев разрушили японскую версию события.

Часть националистических корейских историков пытается представить ситуацию после убийства королевы как пленение вана японцами и дворец, напоминающий осажденную крепость, однако скорее ситуацию так видел лично Кочжон, который еще 7 ноября передал Веберу своё личное послание Николаю II, где писал «Шайка изменнических корейских чиновников при участии японских войск составила преступный заговор и произвела государственный переворот. Королева была убита и я сам имею основание опасаться за свою жизнь. Я вновь с полным доверием обращаюсь к Посланнику Вашему господину Веберу за помощью. Ныне ни одного для нельзя поручиться, что в Корее не произойдёт ещё какой-нибудь переворот. Поэтому телеграфирую, надеясь, что по телеграфу же Вашему Посланнику будет угодно прибегнуть к военной силе для моей охраны²».

Российская сторона официально склонялась к такой трактовке событий из политических соображений. Японцы в ответ заявляли, что слухи такого рода

---

¹ К.И. Вебер и Корея. стр.287

² К.И. Вебер и Корея. стр.212

распускают в русской и американской миссиях, и правитель Кореи свободен не меньше, чем другие правители, в то время как русский посланник находится под сильным влиянием Тэвонгуна.

28 ноября 1895 г. была предпринята первая попытка «освободить короля». Курбанов и ряд иных российских авторов приписывают ее Ли Бом Чжину и прорусской фракции, в то время как некоторые западные авторы (в частности, Роберт Нефф) описывают это иначе. Представители дворцовой стражи числом в 150 человек и два чиновника, Ли До Чхоль и Им Чжэ Сон, спланировали это в резиденции доктора Андерса. Они собирались освободить короля, веря, что в этом случае королева вернется во дворец. В городе была слышна стрельба, но детали операции неизвестны.

По американским данным, было убито примерно 10 человек из числа нападавших, и по городу бродили самые разные слухи³. По сообщениям японской прессы, эти события были заговором клана Мин и прорусской фракции, которые собирались похитить короля и наследника престола, добыв эдикт, который объявлял изменниками кабинет министров. Среди организаторов назывались генерал Дай и Середин-Сабатин. Утверждалось, что российская дипломатия была в курсе, и среди нападавших были русские моряки. Одна из прояпонских корейских газет даже обвиняла во всем американских миссионеров, которые получали деньги от королевы⁴.

Другой слух, тоже относящийся примерно к ноябрю 1895 г., говорил о том, что король собирался сбежать в русскую или американскую миссию, но узнавший об этом Тэвонгун приказал усилить охрану⁵. Вообще же в течение зимы-весны 1896 г. слухи о заговоре против короля возникали постоянно. Равно как и разговоры о том, что Тэвонгун собирается вернуть из Японии своего внука для того, чтобы затем, возможно, передать власть ему⁶. Параллельно в провинциях

---

³ Letters from Joseon. С. 299-300.

⁴ Letters from Joseon. С. 301-302.

⁵ Letters from Joseon. С. 297-298.

⁶ Letters from Joseon. С. 357-358.

появлялись отряды Армии Справедливости, скорее ориентированные на Тэвонгуна и традиционалистов.

В это же время в Сеуле формально сменился российский посланник - 12 января 1896 г. К.Вебера сменил А.Н.Шпейер, который, однако, 16 февраля был вынужден выехать в Токио (в связи с отпуском, а затем смертью посланника там), отчего текущая работа продолжала лежать на Вебере⁷.

В середине января 1896 г. Шпейер имел аудиенцию у Кочжона, и ван передал ему записку, в которой выказывал надежду на то, что королева еще жива и вернется, как только при помощи русских японское правительство будет низвергнуто. Это довольно интересный момент, так как теоретически к этому времени информация о том, что королева убита, должна была быть известна Кочжону, и ван вел какую-то свою игру (возможно, играя на меньшей осведомленности нового посланника по аналогии с тем, как, возможно, Тэвонгун хотел использовать Миуру).

Хочется отметить еще один момент – по данным некоторых южно-корейских историков сторонники ориентации на Запад вели переговоры с американцами с тем, чтобы ван сбежал к ним. Но из-за американского курса на невмешательство в корейские дела у них ничего не получилось, после чего они разыграли русский вариант. Это довольно важный момент, поскольку и королева Мин перед тем, как стать прорусской, пыталась стать проамериканской. Россия заняла нишу, в которой оказалась, из-за отсутствия других кандидатов⁸.

Шпеер настаивал на том, что Россия должна вмешаться в процесс, но русское правительство удерживало его от активных действий. Однако 20 января 1896 г., на фоне оправдания Миуры и серьезных волнений в провинции Канвондо, где сторонники Тэвонгуна во главе с Ли Со Чжуном разбили правительственные войска, Коджон через доверенное лицо уведомил Шпейера и Вебера, что в связи с выступлением сторонников тэвонгуна на Сеул "положение

⁷ К.И. Вебер и Корея. стр.174-175

⁸ Understanding Korean History. С. 173.

для него (вана) лично становится критическим", ибо он находится между прояпонскими силами которые контролируют дворец, и бунтовщиками-традиционалистами. Шпейер срочно сообщил в Петербург, что не может не опасаться за судьбу короля, ибо "окружающие короля личности все без исключения принадлежат к числу его недоброжелателей и ... не задумаются обогреть руки свои кровью"⁹.

Вечером 1 февраля ван известил русских о том, что сторонники Тэвонгуна идут на столицу, и его жизнь в опасности¹⁰, а 2 февраля 1896 г. передал российским дипломатам очередное письмо, в котором говорится следующее: «Меня неотступно окружает шайка изменников. В последнее время перемена прически по иностранному образцу стала вызывать восстания. Изменники могут воспользоваться этим случаем, чтобы погубить меня и моего сына. Вместе с наследником я намерен бежать от ожидаемой меня опасности и искать защиты в русской миссии. Другого средства спастись у меня нет»¹¹.

Текст, с одной стороны, отражает определенную манию преследования, а с другой – о японцах не говорится ничего, хотя в тайном письме противникам японцев упомянуть их было бы логично. При этом к январю 1896 г. реформы Ыльми фактически провалились, и двор не контролировал ситуацию на местах из-за масштаба восстаний¹².

11 февраля 1896 г. ван бежал из дворца и укрылся в российской миссии в Сеуле, где провел почти год - до марта 1897 г. Задержка была связана с тем, что было решено осуществить бегство, когда в столице будет больше русских солдат, а Шпеер объяснит иностранным посланникам, что Россия не собирается вмешиваться в корейские дела¹³.

---

⁹ К.И. Вебер и Корея. стр.224

¹⁰ Пак Б. Д. Россия и Корея. С. 237.

¹¹ История Кореи (Новое прочтение). С. 243.

¹² Тихонов В. М. Буржуазная революция... С. 124.

¹³ Letters from Joseon. С. 316-317

Ван и его сын прибыли в миссию в закрытом паланкине переодетые в женское платье¹⁴ (по другой версии, *ван* был переодет носильщиком¹⁵). Японская агентура в Сеуле располагала лишь отрывочными сведениями о каких-то приготовлениях во дворце, но разгадать план необычной операции не сумела. Дело в том, что в течение нескольких дней до того подобные паланкины вносили и выносили из ворот дворца днём и ночью до тех пор, пока охранники не привыкли к такому режиму¹⁶.

Одним из главных инициаторов бегства был Ли Бом Чжин¹⁷, который в конце XIX в. занимал ряд видных государственных постов, принимал участие в государственном перевороте Ким Ок Кюна и был одним из немногих действительно последовательных сторонников прорусской ориентации. Именно Ли Бом Чжин передавал записки от *вана* в русскую миссию.

Переведя дух, *ван* в тот же день организовал официальную аудиенцию, где при содействии русских посланников было объявлено, что часть здания российской дипломатической миссии становится отныне официальной временной резиденцией короля. Объясняя иностранным дипломатам и своему народу причины столь необычного шага, король открыто заявил, что дальнейшее пребывание во дворце стало смертельно опасным для его жизни.

На следующий день после бегства *ван* отменил указ о стрижке волос, объявил изменниками Ким Хон Джипа и Ко и приказал солдатам принести ему головы предателей¹⁸, издал эдикт о роспуске кабинета министров, аресте прояпонских чиновников и назначении нового кабинета¹⁹. Это вызвало народные волнения, направленные против прояпонской фракции, часть членов которой была убита, а часть бежала. Ким Хон Чжип, однако, отказался прятаться и заявил,

¹⁴ Россия и Корея (1895-1898). С. 29.

¹⁵ Letters from Joseon. С. 319.

¹⁶ The Passing of Korea, стр. 146

¹⁷ Незаконнорожденный сын главнокомандующего корейской армии принца Ли Ген Ха, Ли Бом Чжин родился в 1852 г. При обстреле дворца императора Кореи в 1884 г. Ли Бом Чжин спас императорскую семью, после чего был взят под особое покровительство Кочжона.

¹⁸ Позднее, правда, «выяснилось», что он имел в виду другое и велел лишь арестовать их и передать в соответствующие органы для разбирательства. Как обычно для этого человека!

¹⁹ Пак Б. Д. Россия и Корея. С. 241

что «не даст иностранцам себя спасти»²⁰, после чего 11 февраля 1896 г. был забит толпой, подогретой прорусской фракцией. Точнее, трое руководителей прежнего кабинета были арестованы, но министра внутренних дел Ю Гиль Чжуна отбили японские солдаты и увели в свою казарму(потом он убыл в Японию), Ким Хон Чжипа и Чон Бён Ха, толпа «вырвала из рук» не особенно препятствовавшей этому полиции, обезглавила их на базарной площади и долго глумилась над трупами, пока ее, наконец, не разогнали²¹. Ожесточенность растерзавшей Кима толпы доходила до того, что некоторые даже отрезали куски от его тела и поедали их²².

Два дня спустя был обнародован указ, в котором Король сожалел о бедственном положении страны и брал всю вину на себя, а также принял решение о выплате всех налоговых задолженностей за период до июля 1894²³. Ван даже объявил всеобщую амнистию всем кроме тех, кто был обвинен в убийстве королевы. Меж тем Ли Бом Чжин составил новый список «140 предателей», многие из которых были его личными недругами. Арестованных немедленно подвергали пыткам²⁴.

Что же до нового кабинета, то премьер-министром был назначен Пак Чон Ян, представитель проамериканской фракции. Ли Ван Ён был назначен министром иностранных дел, но на деле всем заправлял Ли Бом Чжин, который он получил пост обер-полицмейстера. Титул этот на деле означал чиновника, которому в чрезвычайном порядке подчинялись Военное министерство, Министерство Двора, иностранных и внутренних дел²⁵. Большая часть министров занимала те или иные посты в Кабинете до убийства королевы, а некоторые, в том числе министр полиции Ан Гён Су, были связаны с инцидентом 28 ноября и даже были по нему осуждены²⁶.

---

²⁰ Henderson. P. 211.

²¹ Корея глазами россиян (1895-1945). С. 28.

²² Тихонов В. М. Буржуазная революция... С. 124.

²³ Hulbert, Homer B. The history of Korea. vol. 2 стр. 303-304

²⁴ Letters from Joseon. С. 329.

²⁵ Корея глазами россиян (1895-1945). С. 26.

²⁶ Letters from Joseon. С. 326.

Сам Кочжон, кстати, объяснял обстоятельства своего бегства в русскую миссию так: «Король – оплот и защита своего народа. Нет короля, и народ беззащитен. Поэтому я должен дать объяснение, почему я покинул дворец. Главная причина, почему я вместе с наследником укрылся в русской миссии, та, что я боялся, как бы не произошло какой-нибудь смуты при аресте изменников ... . Я приказал своим офицерам арестовать главарей бунтовщиков, по исполнении чего я намеревался вернуться к себе. Я слышал, что сам народ принял участие в этих арестах и с невероятной жестокостью растерзал их. Говорят также, что народ сильно возбужден и раздражен тем, что не удалось поймать остальных заговорщиков. После этого кажется лишним объяснять более подробно, почему и куда я переселился»²⁷.

Из этого объяснения недвусмысленно следует, что *ван* испугался собственного народа и того, что охота за заговорщиками вышла из-под контроля. Это выглядит так, как будто *ван* серьезно опасается за собственную безопасность, причем угроза исходит уже НЕ со стороны «бунтовщиков», которые к этому времени уже арестованы и растерзаны толпой. Впрочем, за пределами столицы беспорядки продолжались, и их надо было подавлять корейской армии, хотя формально «мятежники» действовали под лоялистскими и антияпонскими лозунгами, убивали японцев и грабили их имущество²⁸. Постепенно, однако «Армии справедливости» самораспустились.

Ван как пленник?

На тему бегства *вана* в русскую миссию существует целый ряд спекуляций. Так, есть версия о том, что *вана* доставили в миссию при помощи отряда русских матросов, но исследованиями Б. Д. Пака она не подтверждается²⁹. Действительно, для поддержки операции в порт Чемульпо (Инчхон) был срочно

²⁷ Королевское объявление от 15 февраля 1876 г. – АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», д. 5, л. 49.

²⁸ Letters from Joseon. С. 330.

²⁹ Пак Б. Д. Россия и Корея. С. 239.

передислоцирован крейсер «Адмирал Нахимов», с борта которого 10 февраля к российской миссии был переброшен специальный отряд в составе 100 моряков, усиленных артиллерией. Они должны были обеспечить безопасность вана, но в самом переезде участия не принимали.

Заметим, что, даже с этой сотней моряков японских солдат в Сеуле было почти в три раза больше, чем русских. Однако то ли Япония решила не обострять отношения с Россией, то ли по иной причине от контрмер воздержались³⁰.

Ян Сын Чхоль называет бегство Кочжона в русскую миссию похищением, совершенным прорусскими войсками во главе с Ли Бом Чжином, и приравнивает его к японскому нападению на королевский двор и убийству королевы Мин³¹. Анализируя аргументы сторонников этой точки зрения, Б. Камингс отмечает, что они строились под давлением требований времени, особенно – в связи с появлением советских войск в Корее после окончания Второй мировой войны³². Так, в рамках этой концепции распространен аргумент, что раз «похищения» не отражено в документах, российские посланники сделали это без разрешения начальства, и поэтому в официальных отчетах ничего нет, а заявления вана, сделанные после бегства, - продукт давления, ничем не отличающийся от его заявлений после смерти королевы. Но при этом упускаются более ранние заявления вана, который передавал записки русским через Ли Бом Чжина. Более того, такое невозможно было сделать против воли правителя: вспомним, что в течение нескольких ночей подряд из дворца для обмана бдительности часовых вывозили фрейлин в сторону российского посольства, так что когда вместо фрейлины везли переодетого в женское платье вана, никто не заподозрил подвох. Опять же, посольство стремилось отделаться от Кочжона как можно быстрее, прекрасно понимая, что нахождение вана под его крышей – это оружие в руках антирусских сил.

---

³⁰ Letters from Joseon. С. 330.

³¹ Sung Chul Yang. P.117.

³² Cumings B. Korea's place... P. 122, 123

Исторические документы неопровержимо свидетельствуют о том, что *хотя* в русской миссии *вану* не могли обеспечить уровень комфорта, равный дворцовому, *он* не находился в миссии на положении униженного заложника (как его поведение выглядело в глазах нации – другой вопрос). Из многочисленных донесений российского поверенного в делах или финансового советника видно, что позиция российских дипломатов не отличалась особенной агрессивностью, и *вану* скорее давали советы, чем давили на него. Иное дело, что «господину Веберу приходится исполнять обязанности советника короля» (что не могло не бросаться в глаза)³³, а хозяйственными делами вана занималась русскоподанная госпожа Зонтаг, которая, кстати, ввела в Корею моду на употребление кофе.

Сам Вебер впоследствии писал, что «все министры имели свои канцелярии и заседания у нас, и мне представлялась таким образом возможность обсуждать с ними наедине подробности какого-либо дела, если они получали от короля приказание посоветоваться со мной. Во всяком случае я избегал предосудительного образа действий японцев, нередко предъявлявших корейскому правительству длинные списки с указаниями преобразований, подлежащих немедленному и точному осуществлению, и ограничивался лишь оказанием содействия в разрешении возбужденных, как будто, лично королем вопросов»³⁴.

Ван занимал бóльшую часть миссии, но первое время очень сильно продолжал нервничать, ожидая подосланных японцами убийц. Любые резкие движения, будь то свисток часового или ружейный выстрел, вызывали у него панику³⁵.

В комнате *вана* была проведена редкая по тому времени местная телефонная связь. Во дворе миссии были возведены временные пристройки, в которых размещались трапезная, канцелярские службы правительственных ведомств, а

---

³³ К.И. Вебер и Корея. стр.287

³⁴ К. И. Вебер. Записка о Корее до 1898-го года и после. <http://koryo-saram.ru/k-i-veber-zapiska-o-koree-do-1898-go-goda-i-posle/>

³⁵ Корея глазами россиян (1895-1945). С. 33.

также слуги и наложницы короля. Большую часть своего времени *ван* проводил в своих покоях, лишь изредка выезжая в город на наиболее важные церемонии.

Приведу интересное замечание Е. Ф. Штейна: «Но у нас король был не более, как узник; всегда одни и те же две комнаты; всегда один и тот же вид на площадку миссии; всегда одна и та же прогулка из одного угла в другой... Иногда он, полумертвый от страха, решался выезжать с наследником в ближайший дворец для таких неизбежных церемоний, как принесение поздравлений своей престарелой матери. Все остальное время он сидел у себя взаперти, невидимый и таинственный, как то и подобает восточному монарху...»³⁶.

Б. Камингс тоже подчеркивает, что, даже находясь в российской миссии, Кочжон продолжал общаться с Алленом и своими американскими друзьями, являясь более японофобом, чем русофилом, и ни в коем случае - пленником русского царя. Офицеры миссии также отмечали, что большинство чиновников ориентируется более на Америку, чем на Россию, и только сам факт пребывания короля на русской территории действует в пользу России. Вот характерная цитата:

«Окружающая ныне короля свита большей частью состоит из лиц, еще недавно бывших в опале, и которые, не надеясь на прочность положения, торопятся воспользоваться улыбнувшимся им счастьем и поправить свои дела... Вся эта придворная знать интригует, борется, импонирует королю своими русскими симпатиями, а, с другой стороны, опасаясь возможной грозы со стороны народа и тяготясь влиянием русского представителя, она под рукой инспирирует, что деятельность их и короля не свободна, что те или другие затруднения вытекают из иностранных советов и, таким образом, сваливают все последствия своей беззащитной эксплуатации на ответственность русского влияния. Вот какое впечатление производят лица, которые выдают здесь себя за друзей России.

---

³⁶ К.И. Вебер и Корея. стр.291

Сам король – добродушный, но совершенно бесхарактерный и запуганный человек; личные симпатии и благодарность его по отношению к России, я полагаю, едва ли могут быть заподозрены. Но, с другой стороны, в этих чувствах едва ли можно видеть какие-либо прочно выработанные политические убеждения, так что при другой обстановке, а тем более в минуту опасности они могут принять совершенно неожиданное направление. Таким образом, король является для нас ныне – искренним и могущественным, но едва ли надежным союзником.

Что касается других членов «русской партии», то они – «шайка аферистов», беззащитной деятельностью которых объясняется перемена во взглядах населения по отношению к русскому влиянию»³⁷.

Большинство представителей двора относилось к русским откровенно враждебно, а осенью 1896 г. Ли Бом Чжин раскрыл заговор, направленный на свержение пророссийского правительства и возвращение короля во дворец³⁸. 24 ноября 1896 г. стало известно еще об одном заговоре, участники которого даже пытались (будто бы) заминировать русскую миссию³⁹.

Несмотря на то, что ряд прокочжонских историков (особенно В.Ф.Ли) пытается доказать, что сидя в российской миссии *ван* пытался провести ряд остро назревших преобразований во всех сферах общества, примеров таких преобразований нет. Более того, кабинет министров на тот момент состоит из «профессиональных перебежчиков из лагеря в лагерь», - костяк прорусской партии в Корее, включая даже таких личностей, как Ли Бом Чжин или королева Мин, состоял из бывших членов прокитайской группировки, которая просто нашла себе нового сюзерена после того, как из-за поражения в японо-китайской войне 1894-1895 гг. Китай выбыл из игры. До этого времени никто из них не выказывал особенно сильных прорусских настроений⁴⁰.

Известно, что русские дипломаты сами настаивали на том, чтобы король покинул миссию, - хотя бы потому, что это стесняло их собственную жизнь: в их

³⁷ Корея глазами россиян (1895-1945). С. 37-38.

³⁸ Россия и Корея (1895-1898). С. 33.

³⁹ Letters from Joseon. С. 411.

⁴⁰ Пак А. В. Диссертация. Рукопись. С. 89.

распоряжении оставалось не более трёх-четырёх комнат⁴¹. Западные дипломаты отмечали, что Вебер и его жена очень постарели и сдали, пока ван жил на территории миссии⁴². Однако Кочжон не хотел возвращаться во дворец, оттягивая переезд и ссылаясь на незавершенность сооружения нового дворцового комплекса. Военный агент в Корее полковник Стрельбицкий отмечал в своем рапорте 10/23 января 1897 г.: «Король не хотел покинуть русскую миссию. Отказывал прошениям. Сначала причиной этого выставлял необеспеченность порядка в столице. Потом – тяжелые воспоминания с видом старого дворца и необходимость поэтому построения нового в европейском квартале города. Потом годовой траур. Ныне - порядок наведен, дворец готов, срок траура кончен. Тогда он выдвинул новое затруднение - похороны истлевших останков королевы⁴³, которые хранились во дворце, где король каждые 2-3 дня совершал богатые жертвоприношения духу покойной. Как обстоятельство, препятствовавшее же похоронам, приводилась невозможность будто бы подыскать местоположение, соответствующее по требованию ритуала высокому сану покойной, а теперь отсутствие опытных мастеров для возведения достаточно величественного мавзолея. Вот уже полгода штат чиновников разъезжает по окрестностям Сеула, возвращаясь с неизменным ответом, что подходящего места для гробницы королевы нигде не находится. Кроме того, в Шанхай был командирован для изучения там типа построек старинных императорских гробниц»⁴⁴.

Между тем, пока Кочжон находился в русской миссии, Токио и Санкт-Петербург пытались договориться. 14 мая 1896 г. в Сеуле был подписан «Меморандум Вебер-Комура» - русско-японское соглашение, заметим, без участия корейских представителей. Согласно стороны «дружески посоветуют Его Величеству возвратиться» во дворец, причем представитель Японии обязуется

---

⁴¹ К.И. Вебер и Корея. стр.287

⁴² Letters from Joseon. С. 410.

⁴³ Перенесение и захоронение праха убитой королевы состоялось 4 сентября 1896 г..

⁴⁴ Корея глазами россиян (1895-1945). С. 36-37.

присмотреть за соси б) ван сам будет назначать министров, но стороны «будут стараться советовать Его Величеству назначать Министров из лиц просвещённых и умеренных, а также выказывать милосердие к своим подданным» в) стороны имеют право держать в Корее одинаковый и ограниченный контингент своих войск, который будет выведен «коль скоро спокойствие внутри страны восстановится»⁴⁵. Из Кореи была выведена большая часть японских войск, а те войска, которые оставались, были немногочисленными.

Почти в то же время в 1896 г. в Москве на коронации Николая II японский посланник Ямагата впервые предложил разделение Корейского полуострова на зоны влияния. Сам Ямагата считал раздел Кореи лучшим вариантом избегания проблем в будущем и был готов оставить за Японией только Сеул и южные области⁴⁶. На переговорах в мае 1896 г., о которых упоминает Б. Камингс⁴⁷, была почти достигнута договоренность и об организации неформальной демилитаризованной зоны, на территории которой не должны были размещать чьи-либо войска⁴⁸.

По Мин Гён Хёну, события развивались так. Когда Россия «предоставила королю убежище», у Шпеера сразу возникла идея объявления протектората, но в Питере сказали, что пока рано⁴⁹. В министерстве опасались, что активное выступление против Японии может привести к нежелательному столкновению, и склонялись к умеренной политике, откладывая решительную борьбу как минимум до того времени, когда Япония очистит Ляодунский полуостров и Порт-Артур и выведет свои войска из Кореи⁵⁰.

Переговоры шли под девизом «Мы можем достичь договоренности, ибо интересы наших государств не расходятся; наш союз может быть направлен

---

⁴⁵ К.И. Вебер и Корея. стр.257-258

⁴⁶ Пак Б. Д. Россия и Корея. С. 246.

⁴⁷ Cumings B. Korea's place... P. 123.

⁴⁸ **Затем в 1899 г., а потом в 1903 г., японцы снова предлагали поделить страну, но на сей раз границей предлагалась уже 39-я параллель. Но не будем забегать вперед...**

⁴⁹ Ссылка на доклад Мина на Ханьяне-2014!

⁵⁰ К.И. Вебер и Корея. стр.171

против Англии как общего врага; мы можем сотрудничать, Корея – это единственный камень преткновения в наших интересах»⁵¹. Японская сторона предложила: а) вернуть вана во дворец; б) отбирать в советники и управленцы нейтральные кадры; в) вывести из Кореи иностранные войска; г) отказаться от репрессий в отношении пророссийских или прояпонских элементов. Кроме этого, Россия собиралась обучать личную охрану вана хотя бы для того, чтобы у него было чувство уверенности в своей безопасности. Россия была не против, и стороны перешли к обсуждению типа совместного управления, будь то совместная эксплуатация, территориальный раздел или раздел на сферы влияния.

Шпеер был за первый вариант: Россия и Япония вместе обеспечивают безопасность Чосона, при этом Россия отвечала бы на военные вопросы, а Япония – за финансовые. Ямагата предлагал раздел, на что российский МИД ответил двумя вопросами: «Будем ли мы тогда выводить войска и тождественен ли территориальный раздел протекторату?». Японцы предложили раздел по 39 параллели, но Лобанов отклонил этот вариант, ибо Симоносекский договор 1895 г. говорил о независимой Корее. Кроме того, южная часть полуострова под контролем Японии потенциально угрожает российскому судоходству вокруг южной оконечности полуострова.

По итогам переговоров 9 июня 1896 г. был подписан так называемый Московский протокол Лобанов-Ямагата, который окончательно закрепил формальное равенство японских и российских интересов и во многом был подтверждал предыдущую договоренность, подписанную на более низком уровне⁵².

Документ предусматривал в случае необходимости совместное русско-японское содействие Корее в получении иностранных займов, совместный контроль над формированием корейской армии, а также консультации между Россией и Японией по всем вопросам, которые могут возникнуть в будущем в

⁵¹ Следует помнить, что японский флот тогда был еще довольно слабым, а англо-японский союз 1902 года еще не сформирован.

⁵² Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842-1925). М., 1927, с. 106.

Корее. Мин Гён Хон утверждает, что в итоговом договоре было тайное приложение, в котором говорилось о «взаимном обязательстве считать территорию Кореи к северу от 39 параллели за нейтральную полосу, в пределах которой ни одна из договаривающихся сторон не должна вводить войска.

С точки зрения российских историков, ситуация лишала Японию преимуществ, которые она обрела после японо-китайской войны 1894-95 гг. Некоторые авторы даже договариваются до того, чтобы назвать итоги протокола «совместным протекторатом России и Японии над Кореей», хотя это не соответствует термину «протекторат», либо начинают рассуждать о первой попытке раскола Кореи и российской ответственности за него, хотя Россия отвергала японские предложения и не выражала желание контролировать всю страну. Как пишет Хальберт, «русские со всей своей мощью даже не пытались препятствовать планам других держав относительно Кореи»⁵³.

Корейская сторона не признала ни этот протокол, ни иные русско-японские соглашения 1896 г.⁵⁴

Период российской гегемонии. Был ли он?

Присутствие короля Кочжона в российской дипломатической миссии, естественно, привело к усилению влияния России. И это был единственный период, когда позиции Российской империи в Корее были сильнее, чем позиции иных стран. С другой стороны, Россия не стремилась полностью прибрать страну к рукам. Русское правительство даже не присылало в Корею дополнительные войска, а только увеличило до 160-ти человек охрану русской миссии за счет снятых с крейсера «Адмирал Корнилов» моряков.

---

⁵³ The Passing of Korea, стр. 155

⁵⁴ История Кореи (Новое прочтение). С. 248.

Деятельность русских в Корее в это время развивалась по нескольким направлениям.

Дипломатическая активность. Важной деталью отношений между двумя странами на тот момент была отправка в Россию на коронацию императора Николая II корейской дипломатической миссии во главе с Мин Ён Хваном, единственным представителем клана Мин, известного своим бескорыстием и пользующегося уважением иностранцев, в том числе и К. Вебера, который и рекомендовал его кандидатуру в качестве посла⁵⁵.

После торжеств состоялись переговоры, которые длились несколько месяцев, и существует предание, что на этих переговорах Мин Ён Хван якобы передавал российскому правительству просьбы объявить протекторат России над Кореей. Мотивы такого решения хорошо изложил Юн Чхи Хо, который входил в посольство в качестве советника посла и главного переводчика⁵⁶.

Ситуацию в Корее на тот момент Юн описывал так: «...все корейцы согласны в одном, жаждут одного, вся Корея сознает необходимость одного – это какого-нибудь определенного, устойчивого правительства... Вся бедность и общественный паралич Кореи, все ее невзгоды, смуты, порабощение то тому, то другому чужеземному влиянию происходит от постоянно меняющегося правительства, партийных раздоров, назначения на посты министров, заведомо недостойных его и т. д. При постоянной неизвестности относительно будущего торговцы не решаются начинать никаких дел, земледelec считает бесполезным возделывать свои поля, почти наверное зная, что не сегодня-завтра в Сеуле свершится переворот, новая партия восторжествует, начнутся преследования, казни, бунты и его жатва будет стоптана или разграблена солдатами и шайками бродяг. Корее нужно устойчивое правительство»⁵⁷.

Официально же, Мин озвучил пять просьб корейского двора:

---

⁵⁵ К.И. Вебер и Корея. стр.263-264

⁵⁶ Пак Б. Д. Россия и Корея. С. 248.

⁵⁷ Там же. С. 250.

1. Охранять короля русскими силами вплоть до создания подготовленной корейской армии.

2. Прислать достаточное число (говорили о двухсот) инструкторов для обучения войск и полиции.

3. Прислать трёх советников для Министерства Двора, для кабинета министров и по руководству промышленными и железнодорожными предприятиями.

4. Предоставить заем в 3 млн.иен.

5. Установить телеграфную связь между Кореей и Россией⁵⁸.

Такая сумма займа была связана с тем, что в 1896 г. Корея заняла у Японии 3 млн. иен на 5 лет. Гарантией уплаты должны были быть доходы трех южных провинций. С этой целью Корея собиралась взять у России в долг аналогичную сумму⁵⁹. Также ван просил Россию поддержать его страну финансовым советником и военными инструкторами, ибо крайне низкий уровень боеготовности корейской армии отмечался очень большим числом авторов, в том числе и русскими путешественниками⁶⁰.

Россия не могла пойти на подобные кардинальные шаги. Охрана короля русскими караулами в самом дворце показалась Петербургу несовместимой с принципами корейской независимости и способной вызвать явное недовольствие других держав⁶¹. Вопрос о займе «будет иметься в виду, как скоро выяснится экономическое положение страны и потребности правительства»⁶². Вместо двухсот Мин получил всего 13 военных советников, после чего в секретном докладе написал вану, что Корею лучше держать у Японии, чем России, Более того, несколько корейских государственных деятелей, которые ранее были членами прорусской партии, изменили свою политическую ориентацию⁶³.

---

⁵⁸ К.И. Вебер и Корея. стр.266

⁵⁹ Пак Б. Д. Россия и Корея. С. 249.

⁶⁰ Корея глазами россиян (1895-1945). С. 55.

⁶¹ К.И. Вебер и Корея. стр.267

⁶² К.И. Вебер и Корея. стр.269

⁶³ Пак Б. Д. Россия и Корея. С. 258.

Модернизация системы управления. В июле 1896 г провели реформу административного устройства и разделили страну на 13 провинций и 342 округа и уезда. Это разделение в целом сохраняется и доселе. В августе 1896 г. ввели в действие выработанные ранее (под японским руководством) положение о судеустройстве и. уложение о наказаниях, направленные на обеспечение честного судопроизводства и неприменение пыток.

12-го сентября 1896 г. по образцу российского Государственного Совета был введен орган с аналогичным названием (кор. Ыйчжонбу), в ведении которого находились издание новых законов, принятие чрезвычайных мер и обсуждение всех важных дел в целом.

В Сеуле открылась русская школа и приведены в порядок главные улицы⁶⁴.

Военные инструктора. Обученный русскими инструкторами батальон Королевской Охраны действительно производил хорошее впечатление, хотя и команды, и даже строевые песни там были русскими⁶⁵. Более того, постоянное получение жалования полностью и в срок произвело среди корейских солдат фурор.

Тем не менее, даже сами российские офицеры отмечали, что «батальон Королевской Охраны в случае нападения на дворец оправдывает свое наименование, но в то же время было бы странно рассматривать этот батальон, существующий менее года, как часть, могущую иметь серьезное боевое значение в поле: в нем нет налицо одного из главных для того условий – стоящего на должной высоте кадра офицеров. Чины батальона не более как наемники, привлеченные хорошим жалованьем, и в настоящем своем виде батальон имеет скорее полицейское, а не боевое значение»⁶⁶

---

⁶⁴ К. И. Вебер. Записка о Корее до 1898-го года и после. <http://koryo-saram.ru/k-i-veber-zapiska-o-koree-do-1898-go-goda-i-posle/>

⁶⁵ Любопытная деталь. Поначалу солдатам разрешались традиционные прически, но «из санитарных соображений» русские таки уговорили их постричься и часто мыть голову. Не срезал волосы только командир части, заявивший, что поскольку военный министр и прочие генералы не меняли традиционную прическу, он должен быть похож на свое начальство, а не на своих подчиненных.

⁶⁶ Корея глазами россиян (1895-1945). С. 47-49.

Так что, из-за отсутствия кадровых офицеров полномасштабной воинской частью или основой для армии нового типа батальон охраны дворца быть не мог⁶⁷, да и планов подготовки полевой армии у России не было. Речь шла о программе-минимум, нацеленной на то, чтобы предотвратить инциденты типа убийства королевы Мин, и не случайно особое внимание уделялось караульной службе⁶⁸.

Формирование батальона столкнулось с проблемой с набором солдат из традиционных частей – никто не хотел проходить серьезную боевую подготовку⁶⁹. Прилежание русских инструкторов и их учеников отмечалось всеми, хотя активно ходили слухи, что те часто использовали розги, и русский офицер мог избить даже корейского полковника за малую провинность. Дальнейшее расследование выяснило, что телесные наказания не были такими частыми, и солдаты отделялись поркой там, где в корейской армии они могли потерять голову, но когда для улучшения физической подготовки русские построили комплекс для гимнастических упражнений (турники и т. п.), корейцы решили, что это – станок для пыток⁷⁰.

Экономическая деятельность. Коммерческий агент в Корее К. Алексеев, выполнявший функции финансового советника *вана* и подчинявшийся не министру иностранных дел, а министру финансов С. Ю. Витте, оставил подробный отчет о своей деятельности. Прибыв в Корею уже после отъезда Вебера⁷¹, он весьма красочно описывает ситуацию, с которой столкнулся при попытке наладить финансовые дела страны. Здесь и «полнейшее безначалие, дикий хаос, обычный для каждого корейца подкуп», и интриги англичанина М. Л. Брауна, который, будучи начальником таможенного управления, всячески вставлял ему палки в колеса. Так, когда Алексеев принял казну, в ней было

---

⁶⁷ Пак Б. Д. Россия и Корея. С. 266.

⁶⁸ К. И. Вебер. Записка о Корее до 1898-го года и после. <http://koryo-saram.ru/k-i-veber-zapiska-o-koree-do-1898-go-goda-i-posle/>

⁶⁹ Letters from Joseon. С. 355.

⁷⁰ Letters from Joseon. С. 352-354

⁷¹ К. И. Вебер. Записка о Корее до 1898-го года и после. <http://koryo-saram.ru/k-i-veber-zapiska-o-koree-do-1898-go-goda-i-posle/>

меньше 20 тыс. долларов, когда через две недели он должен был выдать на расходы чиновников и двора до 300 тыс. долларов.

Крали, по словам Алексеева, все, - от чиновников из окружения короля (он говорит именно о «поголовном» расхищении, и японский посланник открыто говорил Алексееву, что после его ухода все, что он собрал для казны, будет расхищено), до Брауна, который, с одной стороны, был образованным человеком и хорошим дипломатом⁷², с другой – не терпел, когда кто-то вмешивался в сферу его деятельности и не без оснований считал себя первым человеком в корейских финансах⁷³. Из английского посольства и резиденции Брауна было видно все, что происходит в королевском дворце⁷⁴.

К тому же в финансовой системе Кореи того времени было определенное двоевластие, так как, с одной стороны, главный советник министерства финансов формально должен был управлять всей ситуацией, однако реальные деньги и реальные доходы были в руках начальника таможен.

Алексеев, однако, почти добился отстранения Брауна, играя на неприязни короля к этому человеку. Кочжон любил слушать рассказы про Россию и потому часто встречался с Алексеевым в приватном порядке. Во время одной из этих встреч Алексеев начал рассказывать *вану* о спекуляциях Брауна, после чего *ван* пришел в бешенство и стал требовать его увольнения⁷⁵. В результате в декабре 1897 г. англичанин был вынужден подписать меморандум об изменении условий своей деятельности, в частности, потерял право напрямую общаться с императором⁷⁶. Однако из-за позиции российского МИДа, который советовал соблюдать осторожность, и контрмер со стороны Англии, которая активно защищала свою креатуру⁷⁷, на своем посту Браун удержался и в конце концов, к

---

⁷² Гамильтонъ Ангъюсъ. Корея. С. 83.

⁷³ Впрочем, оценки коррумпированности британского таможенника разнятся. А. Гамильтон высоко ценит Брауна, считая его человеком, который героически делал свое дело в условиях полного непонимания окружающих, человеком честным и экономным на фоне корыстолюбивых корейских чиновников и иностранных дельцов.

⁷⁴ Гамильтонъ Ангъюсъ. Корея. С. 85.

⁷⁵ Пак Б. Д. Россия и Корея. С. 288.

⁷⁶ Там же. С. 295.

⁷⁷ Дело дошло до демонстрации сил в лице сначала российской, а через месяц британской эскадр в порту Инчхона.

январю 1898 г. Браун и Алексеев пришли к компромиссу о разделении своих функций.

В декабре 1897 г. был учрежден Русско-Корейский банк, призванный стать стержнем финансовой политики правительства. Планировалось перевести на его счета средства Ведомства Двора и Министерства Финансов и дать ему право на выпуск корейской валюты⁷⁸.

Успехи не особенно велики. Таким образом, даже в период, когда влияние России в Корее, казалось бы, было максимальным, речь не шла о попытке закабаления, и этому есть несколько причин. Во-первых, неудаче России способствовали интриги американцев и англичан, в целом антирусская позиция Тэвонгуна, а также личные интересы многих военных и чиновников, для которых проводимая политика была ударом по их личным корыстным интересам⁷⁹.

Во-вторых, известно, что хотя подходы российских дипломатов различались (Вебер был более осторожным, Шпеер – более жестким и предпочитал действовать напролом, оба они были более радикальны в своих предложениях и действиях, чем российский МИД. Хотя корейские националисты и поддакивающие им зарубежные авторы любят рассуждать о российской угрозе «с геополитической позиции», инструкции МИД четко говорят о том, что никаких планов относительно аннексии Кореи и включения ее в состав Российской империи у Санкт-Петербурга не было. Россия стремилась не столько захватить эту страну, сколько обрести в регионе незамерзающий порт (причем необязательно именно в Корее) плюс - не допустить, чтобы там закрепились японцы.

Вообще, в российской политике на ДВ были две точки зрения на то, где Россия должна закрепляться. Первая считала, что опираться нужно на Маньчжурию, развивая ее посредством строительства КВЖД. Вторая уделяла большее внимание Корее, но после того, как 15 (27) марта 1898 года Россия взяла в аренду, а фактически аннексировала Порт-Артур, интерес Петербурга к Корее

⁷⁸ В.М. Тихонов, Кан Мангиль. История Кореи. Том I, С. 464

⁷⁹ Там же. С. 275.

несколько снизился. Именно этим можно объяснить то, что впоследствии российские позиции в Корее были оставлены без особого сопротивления.

Глава десятая, в которой Со Чжэ Пхиль во главе Общества независимости ломает одни ворота и строит новые, ван становится императором, а в столице случаются уличные бои с участием коробейников

Начало деятельности Общества

Новый виток реформаторского движения был связан с появлением в Корее человека по имени Со Чжэ Пхиль (1866-1951). Со принадлежал к провинциальному знатному роду, но получил хорошее конфуцианское образование. В 1883 г. в составе группы молодых дворян отправился учиться в Японию и в 1884 г. закончил обучение в военном училище в г. Ояма, получив звание офицера. Так как его дядя Со Гван Бом был активным участником переворота 1884 года, Со Чжэ Пхиль тоже принял активное участие в мятеже (был самым молодым его участником) и был вынужден бежать в Японию. Когда японское правительство дало понять, что пребывание этой группы корейских эмигрантов на территории страны нежелательно, Со переехал в США, где в 1888 г. поступил в Университет Лафайета, а в 1889 г. – на медицинское отделение Вашингтонского университета, которое закончил с отличием. В 1892 году он стал первым корейцем, получившим американский диплом врача. После этого он принял американское гражданство, изменил имя на европейское Филипп Джэсон и женился на белой женщине. Мюриэль Джейсон, была дочерью Джорджа Бьюкенена Армстронга, главы Центральной почты Чикаго, очень богатого человека и изобретателя системы ж.-д. почты, а также – племянницей экс-президента США Джеймса Бьюкенена¹.

В общем-то, Со хотел навсегда остаться в США, однако когда бывшие участники переворота были амнистированы, Пак Ён Хё фактически пригласил Со вернуться на родину, зная, что молодой и энергичный адепт западной демократии, скорее всего, с радостью включится в процесс реформ².

¹ Letters from Joseon. С. 389-390.

² Пак А. В. Диссертация. Рукопись. С. 133-134.

Со прибыл в Сеул 26 декабря 1895 г. Вскоре после его прибытия японский посланник Комура в частной беседе предупредил его, что реалии Кореи отличны от американских, и что ему не следует пропагандировать в Корее демократию американского типа³. Со выслушал, но намерений не переменял.

Когда прояпонскую группировку у власти сменила прорусская, Со получил от правительства предложение занять пост министра иностранных дел, но отказался. Формально – потому, что у него не было таланта политика, фактически – потому, что консервативная часть чиновников испытывала к нему очень сильную неприязнь. Ему казалось, что гораздо удобнее заниматься «обучением народа и воспитанием лидеров» в качестве частного лица, так что он начал читать лекции в одной из наиболее популярных школ (*Пэджэ Хактан*), где усиленно внедрял в умы молодежи идеи демократии американского образца.

Не меньшую роль сыграл Юн Чхи Хо (1865-1945). Участник ознакомительной миссии в США, затем – первый корейский переводчик с английского, Юн в 17 лет был направлен на учебу в Японию, где познакомился с Ким Ок Кюном. Его отец Юн Ун Нёль был умеренным реформатором и одним из тех, кто высказался против переворота, так что Юн в нем не участвовал (и даже отговаривал от этого замысла друзей), однако, из-за тесных связей с мятежниками оказался под подозрением и был вынужден покинуть страну. Юн уехал в Шанхай в англо-китайский колледж Американской методисткой церкви, а затем – в США, где получил западное образование. Когда Пак Ёнхё добился для Юна назначения на должность министра образования, он вернулся в Корею, но к прояпонской группе не примкнул⁴.

С точки зрения взглядов Со и Юн относились к реформаторам, но это было уже несколько иное поколение – в отличие от реформаторов более старшего возраста, члены данной группы могли изучить принципы устройства западного общества на практике, достаточно прожив в США. Это придавало им рвения. Кроме того, если Ким Оккюн и Ко могли сочувственно относиться к

³ Korea's Self-Identity. P. 165.

⁴ К.И. Вебер и Корея. стр.263-264

христианству, но оставаться некрещенными, Юн и Со, искренне приняли христианскую веру.

В январе 1896 г., еще до бегства *вана* в русскую миссию, Со Чже Пхиль и Юн Чхи Хо договорились издавать газету, которая бы пропагандировала корейский язык, величие Западного мира как христианской цивилизации, равноправие мужчин и женщин, изучение отечественной истории и языка как способ пробуждения национального самосознания. Формально Со занимался созданием газеты как частное лицо, но на государственные деньги, так как правительству нужен был свой рупор. Статус частного лица давал ему больше свободы. Когда же *ван* бежал в русскую миссию, Со избежал репрессий, поскольку а) не занимал официальных постов в правительстве, б) был гражданином США. Более того, новая власть еще больше нуждалась в своей газете, так как «Столичный Вестник» воспринимался как рупор прояпонской фракции.

Очень серьезная помощь была оказана и американскими миссионерами. Типография располагалась в помещении школы Пэчжэ, принадлежащей миссионеру Аппенцеллеру, а редактором английского выпуска был брат миссионера Хальберта. За корейский выпуск газеты отвечал Чу Си Гён, впоследствии выдающийся корейский лингвист⁵.

Первый номер «*Тоннип синмун*» («Независимая газета») вышел 7 апреля 1896 г. Вначале в газете было четыре страницы, из которых одна была на английском, а три- на корейском. Корейская версия из принципа пользовалась практически только национальным письмом *хангыль* и не прибегала к китайским иероглифам⁶. При этом до конца года газета выходила три раза в неделю. С января 1887 г. она была разделена на два самостоятельных издания – корейское и английское, а с июля 1898 г. корейское издание стало ежедневным. Газета просуществовала до декабря 1899 г. За это время было выпущено 1218 номеров, а тираж вырос с 300 экз. до 3000⁷.

⁵ Пак А. В. Диссертация. Рукопись. С. 139.

⁶ Пропаганда *хангыля* рассматривалась как проявление национализма и упор на национальные корни.

⁷ Пак А. В. Диссертация «Общество Независимости (*Тоннип Хёпхве*) и его место в национально-освободительном движении в Корее в конце XIX – начале XX вв.». Рукопись. С. 141-142.

Газета была очень популярна благодаря низкой стоимости и отсутствию иных периодических изданий. Она была рассчитана на достаточно образованную аудиторию и, хотя в последующие годы в Корее появились иные газеты и журналы, многие редакторы или журналисты таковых начинали именно в *Тоннип Синмун*.

В июле 1896 г. Со Чжэ Пхиль организовал Клуб независимости, впоследствии преобразованный в Общество независимости. Его первоначальными формальными целями было торжественное уничтожение Ворот приветствия и благословения (*Ёнынмун*), воздвигнутых в западной части столицы для торжественного приема китайских посланников, и строительство рядом с остатками их опор так называемых Ворот независимости (*Тонниммун*), возведенных на собранные народные средства. Также предлагалось разбить Парк независимости и устроить Павильон независимости в бывшем Павильоне преклонения перед Китаем. Кроме того, Общество независимости должно было заниматься распространением в Корее новых знаний. В первый год существования в состав Общества, по различным сведениям, входило от 1 до 2 тыс. человек.

Важно отметить: Со Чжэ Пхиль был советником Общества, но его официальным президентом был генерал Ан Гён Су, который был военным министром до убийства королевы Мин. При японцах был арестован, а после бегства *вана* в русскую миссию был освобожден и назначен начальником полиции Сеула. Обществом он руководил до 11 мая 1898 г. , после чего его сменил Юн Чхи Хо. Подобный маневр был сделан для того, чтобы во главе Общества не стоял гражданин иностранного государства, что дискредитировало бы саму идею его создания.

Так как Китай к этому времени давно выбыл из игры, постройка Ворот не встретила сопротивления со стороны иных держав. Любой человек, внесший на строительство большую сумму, автоматически считался членом Общества. На строительство было собрано около 6 тыс. вон, при этом, несмотря на активную

агитацию, основными спонсорами были крупные корейские чиновники (наследный принц пожертвовал 1 тыс. вон) и иностранные представители, в том числе – русский поверенный. Проект Ворот по личной просьбе Со Чжэ Пхилия выполнил русский архитектор, хотя все строительные работы выполняли уже корейцы⁸.

Парк же должен был включать в себя посадки иностранных растений, площадки для спортивных игр западного типа, а также – место для публичного лектория. Однако поскольку все деньги потратили на Ворота и Павильон независимости, перестроенный из Павильона преклонения перед Китаем, этот проект не был реализован.

Часто Обществу приписывают проекты, к которым оно не имело никакого отношения. Так, В.Ф. Ли утверждает, что под эгидой Общества в 1896 г., т. е. в год организации Общества, вышла пятитомная «История Кореи». Однако, принимая во внимание дату организации Общества и то, сколько сил и времени требуется для подготовки такого большого труда, понятно, что выпустило его не Общество. К тому же указанная «История Кореи» была скорее пропагандистской работой, а не исследованием, и делала упор на Тангуна и Три государства.

Состав и программа Общества

Изначально Клуб независимости возник как некий клуб, состоящий из правительственных чиновников и как организация, занимающаяся сбором средств на строительство Ворот независимости, и поначалу был скорее местом, в котором собиралась интеллигенция для обсуждения насущных проблем. Однако после постройки «Ворот» он стал спонсором газеты, массовой организацией с филиалами по всей стране и значительной силой в корейской политике. Учреждения Общества Независимости были фактически признаны

---

⁸ Пак А. В. Диссертация. Рукопись. С. 165.

правительственными, и «быть членом Клуба и внести свою лепту на постройку арки стало для корейских чиновников положительно обязательным»⁹.

Общество возникло не с нуля. Оно родилось на базе двух политических группировок, одной из которых было Общество Года *Конъян* (*Конъян Хёпхве*), куда входили умеренные реформаторы, а другой - Клуб чиновников и дипломатов, куда входили как наиболее известные иностранцы, так и те корейцы, которые стояли за самое широкое распространение западных ценностей. К этой группе, помимо общего костяка Общества независимости, относились, например, Мин Ён Хван и Ли Ван Ён, который с 1895 г. был постоянным членом корейского правительства, занимая в нем разные посты¹⁰.

Постепенно вокруг Общества стали группироваться как члены проамериканской фракции и сторонники скорейшей модернизации вообще, так и те, кто на тот момент был отделен от власти и рассчитывал получить ее. Как отмечал А. Шпейер, «Клуб независимости являлся главным центром интриг, происков всех корейских сановников, которые затем по тем или иным причинам были удалены от дел»¹¹.

Разнородность Общества понимал и Юн Чхи Хо, который писал о составе Общества в одном из частных писем: «Это Общество является фарсом. Это просто конгломерат абсолютно несовместимых элементов. У нас есть Ли Ван Ён и его группировка, имеющая свои интересы. Также есть сторонники Тэвонгуна, русская партия, японская, королевская и т. д. Каждая группировка и просто праздные зеваки – все они нашли себе место в нашей организации»¹².

Формальные цели Общества сводились к трем основным положениям: охранять независимость страны от внешней агрессии, привносить в политические процессы широкое участие народа, проводить политику самоусиления.¹³ С тактической точки зрения деятельность Общества может быть разделена на

⁹ Деша статского советника А. Н. Шпейера от 14 февраля 1898 г. № 5 из Сеула // АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», д. 150, л. 5.

¹⁰ Пак Б. Д. Россия и Корея. С. 469.

¹¹ Там же. С. 297.

¹² Тягай Г. Д. Формирование идеологии национально-освободительного движения в Корее. С. 167.

¹³ Choong Soon Kim. Tradition and Transformation in Korea. С. 56.

несколько этапов. Вначале основным политическим лозунгом было «Возвращение *вана* во дворец». На втором этапе появляется лозунг: «Корея для корейцев», а ведущей целью становится борьба против русского финансового советника и русских военных инструкторов. На третьем Общество разворачивает движение за создание национального парламента (но об этом чуть позже).

Можно сказать, что это движение впервые в корейской истории выглядело как политическая партия с европейским фасадом, а не придворная группировка, не имеющая формальных признаков¹⁴. Общество имело устав и прокламацию (программу), а его члены платили членские взносы.

За три года своей политической деятельности Общество провело 31 массовый митинг, а также устраивало специальные собрания, на которых проводились состязания между различными ораторами, что способствовало обучению масс технике политической дискуссии и парламентских дебатов.

Частые дискуссии на тему развития в Корее демократии, для проведения которых был построен специальный Зал независимости, были важным новым элементом политической культуры. Лекции и семинары для членов Общества сочетались с обсуждением гражданами наиболее актуальных вопросов того времени.

Основные темы дискуссий сводились к:

- проблемам модернизации образования и здравоохранения (особо напирала на необходимость заменить иероглифы *хангылем*);
- вопросам социально-экономического развития страны с упором на внедрение новых технологий, развитие торговли и противодействия передачи земельного фонда страны в иностранную собственность;
- внешней политике страны (здесь следует отметить не только антироссийскую позицию руководства Общества, но и его поддержку идей нейтралитета, который понимался как возможность получать от

---

¹⁴ Интересно, что Хендерсон, начиная анализ внедрения современной политической культуры с «Клуба Независимости», отмечает, что даже этот клуб не имел, по его мнению, серьезных идеологических корней и организационной базы.

западных стран культурную и экономическую помощь, но при этом обходиться без их политического влияния);

- направлениям духовного совершенствования общества (против культа предков, а также – духа согласия между поданными и правителем руководство Общества ничего не имело).

Статьи в газете, равно как и декларации и выступления лидеров «Общества независимости», отличались открыто прозападной ориентацией. Со и Юн понимали вестернизацию как заимствование тех социальных и политических механизмов, которые позволили Западу занять столько завидное положение в мире. Закономерно, что конфуцианство в их работах подвергалось самой беспощадной критике – они решительно отвергали какую-либо ценность традиционной доктрины, обосновывая необходимость создания парламентской системы государственного управления.

Такие понятия, как «гражданские права», «права человека» и тп были впервые введены в корейский язык благодаря материалам «Тоннип синмун», и некоторые южнокорейские историки даже договариваются до того, что Общество «разворачивало свою деятельность в форме западного движения борьбы за права человека», но это несколько не так. Вот характерная цитата из Со Чжэ Пхиля: «Когда мы осознаем, насколько темен и безграмотен корейский народ, мы поймем, что пребывание в Корее иностранных войск является для нас великим благом. Если бы не иностранные отряды, то повстанцы из числа *тонхак* или *ыйбён* давно заняли бы Сеул..»¹⁵. Юн Чхи Хо тоже склонялся к мысли о том что Корея не в состоянии самостоятельно управлять собой и потому пока ей лучше находиться под управлением более цивилизованной и сильной страны. Массы для него были объектом, коим должны были руководить цивилизованные люди.

Корея становится империей

---

¹⁵ Пак А. В. Диссертация. Рукопись. С 191.

В марте 1897 г. под давлением Общества Кочжон вернулся во дворец, но не обратно в *Кёнбоккун*, а во дворец *Кёнъугун* (ныне *Токсугун*), который был меньше размером, но находился поблизости от иностранных миссий.

Заметим, однако, что возвращения вана требовали не только прогрессисты. Люди вроде Хон Чжон У (убийца Ким Ок Кюна занимал весьма важный пост наставника-секретаря при наследнике престола) также собирали конфуцианскую молодежь и писали петиции с требованиями, чтобы ван вернулся в свой дворец и изгнал из страны иностранцев¹⁶.

После возвращения во дворец *ван* Кочжон поставил на руководящие посты представителей умеренной группировки и учредил новые органы, в том числе Комитет по законодательству. Затем, не без влияния Со Чжэ Пхилья, он решил принять титул Императора. Корея должна была не на словах, а на деле сравняться с окружающими державами. Именно поэтому члены Общества, воспитанные внешне в совсем другой внешнеполитической парадигме, уделяли такое большое внимание изменению статуса корейского государства и переименованию его в империю.

Понятно, что с точки зрения европейца, привыкшего к иному наполнению понятия «империя», корейские потуги выглядят смешно. Но стоит помнить, что в рамках китайской геополитической модели единственным истинно независимым монархом является император, а ван с точки зрения титулатуры ближе к герцогу, чем к королю. Принятие ваном титула императора потому должно было поставить его вровень со всеми соседями. Тем более, что исторически сложилось так, что правители Китая, России и Японии носили титул императоров.

Однако в депеше наверх российский посланник описывал мотивы *вана* несколько иначе: «Король бесповоротно решил принять титул императора. ... Я всячески старался отговорить его от этого, уверяя, что никто его нового титула не признает. Король вчера объяснил мне, что на признание и сам он мало

---

¹⁶ Letters from Joseon. С. 381.

рассчитывает, но вынужден к этой мере происками отца своего и вдовствующей королевы, старшинство над которыми в глазах народа он приобретет, только приняв новый титул, чем и лишит их возможности свергнуть его родительской властью с престола, заменив внуком Тайвегуна (т. е. Тэвонгуна), проживающим в Англии. Король желал бы лишь, чтобы Государь Император (России) милостиво согласился, не признавая его, не отказывать ему прямо, а просто продолжать давать королю его теперешний титул; боится, чтобы официальный отказ наш не возбудил против нас всю страну, в особенности если бы мы приняли на себя почин отказа»¹⁷.

Кстати: А.В. Пак отмечает, что предложение стать императором было сделано Кочжону еще в 1895г., но тогда он боялся выглядеть смешным¹⁸.

12 октября 1897г. Кочжон принял императорский титул. Страна также была переименована из *Чосон* (Страна утренней свежести) в *Тэхан* (Великая Хан). При этом иероглиф «хан», обозначающий корейцев как этноним, должен был указывать на древность Кореи и ее самостоятельные этнические корни, так как территория, занимаемая в старину этими родоплеменными образованиями, никогда не была территорией Китая.

Законодательной основой Корейской империи стал юридический кодекс *Попкю Юпхён* («Законодательное уложение»), кодифицированный в январе 1899 г.

Русские уходят...

Советская историография очень любила Общество за относительный прогрессизм, оставляя в тени то, что Со Чжэ Пхиль активно выступал как против низкопоклонства перед Китаем, так и против русского влияния¹⁹. Между тем западные историки и ряд корейских историков, наоборот, подчеркивают

---

¹⁷ Архив внешней политики Российской империи. Фонд «Японский стол. Опись 493, 1897-1902. Дело 81. листы 3-36.

¹⁸ Пак А. В. Диссертация. Рукопись. С. 186.

¹⁹ Так, у В.Ф.Ли много говорится о «прояпонских элементах», которые давили на *вана*, но не указывается, что это были акции Общества.

антирусский аспект деятельности Общества, как будто его деятельность была реальной борьбой за независимость страны в условиях острой угрозы закабаления.

Таким настроениям было несколько причин. Во-первых, с точки зрения борьбы фракций Общество независимости стоит считать проамериканской группой, естественно сдерживающей российские интересы. К тому же, хотя у Российской империи не было намерения сделать Корею вассальной страной, и нападки Общества на Россию не были стратегически обоснованными, многие члены общества искренне верили в то, что «Россия - жадный тигр, который смотрит на весь мир, как на кусок мяса»²⁰ и воспринимали пребывание вана в русской миссии как ее доказательство.

Во-вторых, как мы писали ранее, двор ориентировался на Россию потому, что из всех оставшихся кандидатов в сюзерены РИ наиболее подходила традиционалистам, - абсолютная монархия, сохраняющая старую структуру общества, включая сословные привилегии. Соответственно, чиновники из консервативных группировок стали из прокитайских пророссийскими²¹, в то время как Общество выступало за продолжение реформ.

В-третьих, по мнению В.М. Тихонова, сыграла свою роль активность нового посланника А.Н. Шпейера, который окончательно заменил Вебера в сентябре 1897 года. От последнего он отличался большей решительностью (обратим внимание на то, что, бегство вана в русскую миссию произошло именно в тот период, когда главным в миссии считался он, а не Вебер) и некоторой бестактностью, которую отмечал и его коллега²². Более грубое отстаивание им российских интересов вызвало большее противодействие.

---

²⁰ В.М. Тихонов, Кан Мангиль. История Кореи. Том I, С. 490

²¹ В.М. Тихонов, Кан Мангиль. История Кореи. Том I, С. 461-462

²² Согласно замечанию Вебера, «после бестактных и безумных действий Шпейера, которым наши недоброжелатели сверх того придавали ещё особую окраску, наше влияние опустилось ниже нуля; корейцы стали сомневаться в честности и доброжелательности нашей политики и до того ненавидели Шпейера, что народное возмущение поднялось в Сеуле против сановников, ранее принадлежавших к русской партии».

С февраля 1897 г., после приглашения на службу русского финансового советника и военных инструкторов члены Клуба устраивали сидячие митинги и бомбардировали двор антирусскими петициями²³. Аналогичные демонстрации устраивались и перед российской миссией с требованием *вана* не ронять своей чести и достоинства и вернуться во дворец: «Если вы, как правитель страны, не будете жить в (вашем) дворце, а продолжите находиться в иностранной миссии, это не только станет пятном на вашей репутации но и приведет к тому что иностранцы будут презирать нас»²⁴.

Однако надо сразу же обратить внимание на то, что «иностранцы» в этом тексте не значит «иностранцы вообще»: речь шла не о борьбе с институтом западных финансовых советников вообще, а именно с русским финансовым влиянием. Англичанин М. Л. Браун, который находился на этом посту до и после Алексева и был тесно связан как с американскими, так и с японскими предпринимателями, их вполне устраивал²⁵.

К февралю 1897 г. отношения *вана* с русскими окончательно ухудшились, и, не дав даже прощальной аудиенции, он «съехал» из русской миссии, хотя планировал оставаться там до весны. Практически сразу же после этого был дан от ворот поворот русским искателям концессий. И вообще экономический климат стал менее благоприятным для русских.

В мае 1897 г., впервые со времени открытия русской миссии в Сеуле, были расклеены антиросийские прокламации, в которых переход Коджона в русскую миссию изображался как следствие деятельности изменников-заговорщиков, подговоривших *вана* покинуть свой дворец. Затем этот текст попал на страницы «Independent»²⁶.

---

²³ Россия и Корея (1895-1898). С. 105.

²⁴ Делеша статского советника А. Н. Шпейера от 14 февраля 1898 г. № 5 из Сеула // АВПРИ, ф. 150 «Японский стол», д. 150, л. 5.

²⁵ То же самое касалось Японии. Как пишет Хан Ён У, во время визита в Корею бывшего премьер-министра Японии Ито Хиробуми Юн Чхи Хо оказал ему радушный прием и даже подарил памятный чайник с изображением Арки независимости. Правда, этот поступок стал предметом критики Юн Чхи Хо даже в среде членов *Тоннип хёпхве*.

²⁶ К.И. Вебер и Корея. Стр.302

Летом 1897 г. К.И. Вебер натолкнулся на сопротивление проамериканской фракции предоставления российским предпринимателям горнорудных концессий. Ему удалось продавить перевод Ли Ван Ёна из министров иностранных дел в министры образования, но эта мера вызвала недовольство США и проамериканских сил, включая Общество. В такой ситуации окончательно сработал принцип «враг моего врага – мой друг», и в октябре 1897 г. под нажимом Шпейера на ключевые министерские посты были назначены консерваторы. Это наложило на конфликт Алексева и Брауна и окончательно сдвинуло Тоннип Хёпхве на антироссийские позиции²⁷. Консерваторов (заслуженно) обвиняли в коррупции, вынуждали подавать в отставку и даже устраивали компани неповиновения среди чиновников²⁸.

Так, в январе 1898 г. деятельность Клуба сорвала переговоры о строительстве угольной станции для нужд русской тихоокеанской эскадры на о. Чорёндо на рейде Пусана²⁹.

Петиции при этом продолжались, и текст одной из них есть в депеше Алексева: «В настоящее время нет у императора людей, которые могли бы помочь в делах управления. Каждый день все меняется: войсками и финансами распоряжаются иностранцы, отнявшие всю власть. Под предводительством главного (вдохновителя) Юн-чихо составим и подадим прошение. Послужим Императору и поклянемся восстановить самостоятельное государство»³⁰.

Не обошлось и без поиска врагов, и здесь главной демонизированной личностью оказался переводчик Ким Хон Юк, который отвечал за внешние сношения *вана* и имел право входить к нему без доклада в любое время³¹.

В феврале члены Общества потребовали выдать его властям как предателя, а 10 февраля 1898 г. организовали на него покушение. Вот как рассказывает об этом покушении российский источник: «направляясь обычно кратчайшей

²⁷ В.М. Тихонов, Кан Мангиль. История Кореи. Том I, С. 462-463

²⁸ В.М. Тихонов, Кан Мангиль. История Кореи. Том I, С. 465

²⁹ Пак Б. Д. Россия и Корея. С. 297.

³⁰ Корея глазами россиян (1895-1945). С. 61-62.

³¹ В.М. Тихонов добавляет, что недовольство Ким Хон Ньюком объяснялось скорее его «подлым» происхождением и отсутствием у него формального образования, чем особой вовлеченностью в коррупцию.

тропинкою к боковой калитке Миссии, Ким-пан-са был окружен несколькими людьми, которые и схватили его, обратив в бегство двух сопровождающих переводчика полицейских. Каким-то чудом удалось Ким-пан-се вырваться из рук злодеев, один из которых бросился наносить ему удары саблею. Крик о помощи был услышан несколькими китайцами из английской миссии, которые и поспешили к месту свалки. Нападавшие скрылись. Отклонив поздние услуги прибежавших из дворца солдат, Ким-пан-са поднял брошенную на дороге саблю и самостоятельно добрался до Миссии»³².

Исполнителей схватили тотчас, но затем дело замяли, так как, несмотря на контроль с самого верха, ссориться с Обществом независимости никто не хотел, в результате чего объективный полицмейстер, который вел дело, даже просил русскую миссию об убежище.

С покушением связана еще одна интересная история. Утром того же дня, когда был ранен переводчик, Общество независимости подало королю петицию об удалении из Сеула всего русского. Однако, по словам Алексева, второпях вместо «русского» подписанты написали «иностранного», после чего сочувствовавший Обществу принц Ли Чжэ Сон (в тексте Алексева – Ли Джи Сун) пытался подменить документ, но был «застукан» Ким Хон Юком, из-за чего и нанял убийц последнего.

Покушение, естественно, вызвало изрядный скандал, - представители Англии и Германии объявили, что это провокация самих русских³³, в Тихонов упоминает, что Шпейер потребовал от вана явиться в российскую миссию и принести личные извинения³⁴. Националистические настроения только подскочили, и Алексей пишет, что корейские офицеры из числа обученных русскими инструкторами были готовы «срыть Клуб независимости до основания», а Шпейер бомбардировал Петербург записками о том, что

---

³² Там же. С. 62.

³³ Пак Б. Д. Россия и Корея. С. 299.

³⁴ В.М. Тихонов, Кан Мангиль. История Кореи. Том I, С. 464

проявление осторожности превращается в утрату возможности реализовать свое влияние.

Из переписки Шпейера с министром иностранных дел Н. Н. Муравьевым видно, как болезненно был воспринят отход короля от пророссийских позиций, хотя, по словам Муравьева, «непосредственное вмешательство в различные отрасли управления страны никогда не составляло нашей задачи». В письме Шпейеру от 19 февраля 1898 г. Муравьев предлагал напрямую запросить *вана* о том, какой позиции он придерживается, и если российская помощь в лице дворцовой охраны, инструкторов и финансового советника представляется ему лишней, принять меры. В ответной телеграмме от 28 февраля Шпейер предлагал потребовать от *вана* уволить одновременно с российскими всех иных иностранных советников, не принимать благодарственного посольства, которое *ван* собирался отправить в Петербург, и потребовать строжайшего наказания заказчиков и исполнителей покушения на переводчика. В случае неисполнения этих требований Шпейер предлагал занять российскими войсками северные провинции Кореи по линии Пхеньян - Вонсан, «иначе мы не можем надеяться выйти с честью из нынешнего затруднительного положения»³⁵.

Муравьев, однако, пояснил, что «спускать флаг и занимать северные провинции совершенно не входит в виды нашего августейшего монарха». «В высочайшие предначертания государя императора не входит мысль о занятии Северной Кореи нашими войсками, что было бы явным нарушением неоднократно провозглашенного нами принципа независимости этой страны, ограждение коей составляло нашу постоянную заботу»³⁶. Но раз Корея считает, что достигла того уровня самостоятельности, который позволит ей обойтись без советников, так тому и быть, но «счета с корейским правительством следует покончить»³⁷. Настолько, что российская миссия не должна была идти на контакт

³⁵ Корея глазами россиян (1895-1945). С. 64-66.

³⁶ Пак Б. Д. Россия и Корея. С. 299.

³⁷ Российский государственный исторический архив. Фонд 560. Опись 28. Дело 109. Листы 92-93 об. Цит. по. ??

с Кочжоном и даже официально объявила ему, чтобы он не пытался снова искать у неё убежище.

10 марта 1898 г. на центральной улице Сеула Общество собрало огромный (с участием более 10 тыс. человек) митинг, на котором российское участие в делах управления страной подверглось особым нападкам. Поэтому, чувствуя все больший накал страстей, Шпейер направил корейскому монарху письмо с вопросом о целесообразности дальнейшего присутствия русских военных инструкторов и финансового советника К.А. Алексеева³⁸.

Полученный 12 марта ответ был отрицательным³⁹, и уже 19 марта 1898 г. финансовый советник и военные инструктора покинули Сеул. Перед отъездом Кочжон вызвал к себе Алексеева и объяснил ему, что ему очень жаль с ним расставаться, но иначе он поступить не мог, иначе принц Ли Чжи Сун задушил бы его. Алексей оставил пост финансового советника, вручив корейской стороне под расписку «1278127 долларов чистой экономии» и пробыв на этом посту всего около полугода⁴⁰. Финансы и таможи страны снова оказались в руках Брауна⁴¹.

Что же до переводчика Кима, то в августе того же года после кампании в прессе по ложному доносу он был сослан, а позднее обвинен в попытке отравить *вана*⁴². Х.Хальберт утверждает, что вану пытались подмешать что-то в кофе, и расследование привело к поварёнку, который признался, что сделал это по приказу друга Ким Хон Ньюка. Как Ким, который находился далеко в изгнании, мог быть к этому причастен, сказать трудно, но представители общества решили сделать его козлом отпущения⁴³. 11 сентября 1898 г. был собран массовый митинг, где с одной стороны, Общество требовало его обвинения и казни, а с

---

³⁸ С точки зрения В.М. Тихонова, это был ультиматум – или прекращение российской помощи, или решительные меры.

³⁹ Автор полагает, что сыграло свою роль обретение Порт-Артура и начавшаяся переориентация российской внешней политики на укрепление Маньчжурии.

⁴⁰ Российский государственный исторический архив. Фонд 560. Опись 28. Дело 1090. Листы 111-116 об. Цит. по. ??

⁴¹ Пак Б. Д. Россия и Корея. С. 302.

⁴² Пак А. В. Диссертация. Рукопись. С. 200-202.

⁴³ The Passing of Korea, стр. 160

другой, чтобы к Киму не применялись «традиционные пытки»⁴⁴. Оба требования были исполнены.

Разгон Общества

В период пребывания Коджона в российской миссии деятельность «Тоннип Хёнхве» целиком отражала устремления двора и его проамериканской фракции⁴⁵. Но на протяжении всей второй половины 1896 года пропасть между партией независимости и консерваторами продолжала увеличиваться⁴⁶. Стремительность планов членов *Тоннип Хёнхве* начала пугать двор, и еще в октябре 1896 г. он начал предпринимать меры для того, чтобы ограничить влияние Общества и сократить количество проводимых им массовых мероприятий.

Это хорошо видно по истории с книгой «Юхак кёнгни» («Основа и содержание конфуцианства»), которую написал министр образования Син Ги Сон (1851-1909). Этот труд не только критиковал христианство, но содержал пассажи типа «пример мерзости варварских обычаев недостоин того, чтобы о них серьёзно рассуждать... Люди Запада оскорбляют Небо и стремятся изменить общественные порядки во всём мире... Они достойны проклятья»⁴⁷. Заявления подобного рода вызвали протест со стороны иностранных послов в Сеуле и Син лишился должности. Однако, ультраконсерваторы, включая Хон Чжон У продолжали занимать высокие посты в правительстве⁴⁸.

Уже в декабре 1897 г. корейское правительство начало критиковать Тоннип синмун за излишне разоблачительный тон. Со был вынужден уйти в отставку, но передал руководство газетой Юн Чхи Хо⁴⁹.

Не поддерживали Со Чжэ Пхия и американские власти. Обращение к гражданам США от их генконсула от 11 мая 1897 г. требовало от любого американского гражданина быть сторонним наблюдателем и не вмешиваться «в

⁴⁴ В.М. Тихонов, Кан Мангиль. История Кореи. Том I, С. 466-467

⁴⁵ В.М. Тихонов, Кан Мангиль. История Кореи. Том I, С. 460

⁴⁶ The Passing of Korea, стр. 154

⁴⁷ Тягай Г.Д. Формирование идеологии национально-освободительного движения в Корею, с.172

⁴⁸ Hulbert, Homer B. The history of Korea. vol. 2 стр. 310-11

⁴⁹ Пак А. В. Диссертация. Рукопись. С. 147.

дела, которые находятся в компетенции местных властей». Американцам предписывалось даже не давать советов и держать себя в рамках законной деятельности⁵⁰. (Ранее, кстати, Госсекретарь США запретил своему посланнику действовать совместно с русскими в защиту *вана*⁵¹).

А в стремлении удалить Со от государственных дел консервативные политики активно использовали доктора Аллена, имевшего на короля большое влияние. Против Со выступал еще один американец, некто Вильямс, который в своих речах и статьях сравнивал его с Дон Кихотом⁵².

В такой критике есть значительная доля правды. Многие историки отмечают определенную отдаленность Общества независимости от народа и отсутствие у его лидеров реальных организаторских способностей. Хотя часть его членов обладала высокой харизмой и могла заводить массы, у них не хватало таланта на то, чтобы поддерживать эту энергию на постоянном уровне. Тот же Б. Камингс не считает Общество независимости адептом демократии и современного гражданского общества и приравнивает его к группировке Ким Ок Кюна с единственным исключением: если первая группа находилась под влиянием японского реформизма, то Со Чжэ Пхиль и его последователи «находились в плену американского прогресса, понося и критикуя при этом достижения своего собственного народа»⁵³. М. Н. Пак также квалифицировал Общество как проамериканскую фракцию.

Просветительство понималось членами Общества как простое копирование западных обычаев. Это подчеркивает даже момент с Воротами независимости⁵⁴. Снос старых Ворот и строительство новых, весьма напоминающих парижскую Триумфальную Арку, можно трактовать не как приход прогресса, а как демонстративный акт, призванный подчеркнуть смену ориентации страны с

---

⁵⁰ Там же. С. 234.

⁵¹ Пак Б. Д. Россия и Корея. С. 228.

⁵² Korea's Self-Identity. P. 168.

⁵³ Cumings B. Korea's place... P. 124.

⁵⁴ Добавим к этому то, что иероглифическое написание слова «независимость» означает скорее «отдельное стояние», а не «отсутствие зависимости» в том смысле, в котором это слово употребляется в русском или английском языках.

прокитайской на проевропейскую (точнее, на проамериканскую) и символизирующий не фактическую независимость Кореи, а не менее слепое заимствование идей и ценностей западной демократии.

К тому же, несмотря на весь поднимаемый шум, деятельность политических партий и газет ограничивалась, в основном, Сеулом и прочими крупными городами. Большинство населения страны мало представляло себе большую политику, и, по мнению южнокорейского историка Ли Джон Сика, чувство прогресса было развито слабо и предпосылок для проведения широкомасштабных реформ не было.

Сначала, в начале 1898 г., Общество покинули старые политические лидеры (в том числе Ли Ван Ён). В мае 1898 г. был вынужден вернуться в Штаты Со Чжэ Пхиль. Помимо внешнего давления, Корея не пришлась по вкусу Мюриель⁵⁵.

К весне-лету 1898г. члены Общества уже не занимали постов в центральной администрации. Не имея уже возможности задействовать официальные каналы, они попытались вернуться в политику как «представители народа», опирающиеся на массовые митинги⁵⁶. К моменту собрания марта 1898 г Общество имело филиалы по всей стране и насчитывало более 4000 членов⁵⁷.

Однако массовые демонстрации, которые, показали всем силу Тоннип Хёпхве и поспособствовали сворачиванию российской активности, – вскружили голову части его руководства и радикальным элементам. Хотя Юн являлся человеком здравомыслящим, он не мог контролировать «молодую кровь»⁵⁸. Наиболее громкие проекты Общества, наподобие организации Ассамблеи или попыток превратить Государственный совет в аналог парламента, половина которого избиралась бы из числа членов «общественных ассоциаций» (читай «Общества»),

---

⁵⁵ Letters from Joseon. С. 389-390.

⁵⁶ В.М. Тихонов, Кан Мангиль. История Кореи. Том I, С. 467

⁵⁷ Understanding Korean History. С. 174

⁵⁸ Hulbert, Homer B. The history of Korea. vol. 2 стр. 316

относятся именно к этому периоду. Так, уже с апреля 1898 г. Общество начало требовать реформы судебной системы⁵⁹.

Между Обществом и двором началась активная переписка. 10 июля 1898 г. в ответ на очередную петицию Кочжон писал: «То, о чем вы просите, вызвано вашей обеспокоенностью о благе страны и любовью к народу. Однако, если вы желаете сохранить свои должности за собой, вы не должны впредь столь безрассудно вмешиваться в дела правительства».

Юн Чхи Хо в ответной петиции 19 июля не медлит: «... опасность для страны исходит не только от злоупотреблений властью и от советников вашего величества, но, мы боимся, что ваше величество сами ставите себя в опасное и сложное положение... ваше величество должны улучшить законы и пересмотреть ваши поступки». Это ван проигнорировал и Общество перешло к психологическому давлению, снова начав бомбардировку прошениями устранить неугодных им личностей⁶⁰.

Летом того же года в Сеуле был будто бы обнаружен заговор с целью заставить короля отречься от престола, поместить на трон наследного принца и начать новую эру в истории Кореи. По Хальберту, заговор был плохо спланирован и заслуженно провалился, но нам важно то, что одним из его руководителей вроде бы был бывший глава Общества Ан Гён Су, который спасся, сбежав в Японию⁶¹.

Повторюсь: неясно, правда это или нет, но и дипломаты, и двор были вынуждены существовать в атмосфере постоянного напряжения, Тем более вне зависимости от того, был ли верен слух о заговоре, все обычно заканчивалось арестами, судами, казнями и ссылками. Фракции сводили друг с другом счеты, а оправдаться, не имея влиятельного покровителя, было крайне мало реально⁶².

---

⁵⁹ Пак А. В. Диссертация. Рукопись. С. 205.

⁶⁰ Там же. С. 209.

⁶¹ Hulbert, Homer B. The history of Korea. vol. 2 стр. 317

⁶² Letters from Joseon. С. 411.

В сентябре император решил завести себе личную охрану из иностранцев - тридцать человек разных национальностей прибыли в Сеул 15 сентября⁶³. В это же время Коджон попытался заручиться покровительством Франции, направив президенту письмо с просьбой о присылке десанта и оказания помощи⁶⁴. Это вызвало сильное сопротивление Общества, и Коджону пришлось уступить народным протестам, что опять же настроило его против реформаторов.

Кульминацией деятельности *Тоннип Хёнхве* стал октябрь 1898 г., Общество независимости насчитывало более 4 тыс. членов, а его филиалы открывались по всей стране.

27 октября на площади Чонно в Сеуле состоялся шестидневный массовый митинг по вопросам реформирования государственного управления под названием Всеобщее собрание чиновников и народа (*Кванмин кондонхве*). На митинге, где собрались не только правительственные министры (Пак Чон Ян и др.), но и горожане Сеула всех классов и слоёв – интеллигенция, студенты, женщины, торговцы, монахи и даже мясники-*пэкчон*, была принята записка с предложениями на имя императора, состоящая из 6 статей. Вот они.

1. Ни чиновники, ни народ не должны быть зависимы от иностранной помощи, однако должны делать все возможное для укрепления и поддержания императорской власти.
2. Все договоры и соглашения с иностранными государствами или фирмами, включая займы, предоставление концессий на разработку рудников, строительство и эксплуатацию железных дорог, найм иностранных военных инструкторов, должны быть подписаны всеми министрами и председателем *Чунчувона* (Тайного совета), без подписи которого они не могут вступать в действие.
3. Все источники доходов и методы повышения налогов должны находиться под контролем департамента финансов, ни один другой департамент, должностное лицо или корпорация не могут в это

---

⁶³ Hulbert, Homer B. The history of Korea. vol. 2 стр. 318

⁶⁴ К.И. Вебер и Корея. Стр.304

вмешиваться.; ежегодный бюджет и отчетность по нему должны быть обнародованы.

4. Обвиняемые должны быть наказаны только после проведения публичного судебного разбирательства, а также им должно быть предоставлено право на защиту.
5. Назначение императором высших чиновников возможно только с одобрения большинства членов кабинета министров.
6. Существующие законы должны быть исполнены без страха и предвзятости⁶⁵.

Можно обратить внимание, что традиционные призывы к избавлению от иностранного влияния сочетаются здесь с требованиями ограничения монархии, большей демократичности и того, что сегодня назвали бы правовым государством.

Важно: в первый день члены Общества направили правительству требование явиться на митинг, но консерваторы проигнорировали это и, наоборот, потребовали закрытия этого «нелегитимного» собрания. В ответ властям дали понять, что собрание – общенациональная конференция, которая «не является прихотью одного лишь Общества независимости». Под давлением ситуации *ван* дал личную аудиенцию Юн Чхи Хо и согласие на участие министров в работе митинга.

Члены Общества независимости практически подошли к организации Национальной ассамблеи как первого корейского парламента на базе *Чунчхувона* (Центральной палаты; иногда название этого органа переводят как Тайный совет), но тут королю нашептали, что «Общество независимости» готовится к свержению императора и установлению республики, собираясь сделать президентом Пак Чон Яна, а вице-президентом – Юн Чхи Хо. Хотя на следующий же день выяснилось, что этот донос был сфальсифицирован тогдашним главой МИДа Чо Бён Сиком, Кочжон был напуган достаточно, после

---

⁶⁵ The Passing of Korea, стр. 161

чего в несколько этапов и с молчаливого согласия США и России Общество было разогнано.

2 ноября 1898 г. указом Кочжона Тайный совет превратили в выборный правительственный орган. 5 ноября в Павильоне независимости даже прошло голосование по выбору 25 членов *Чунчхувона* (такова была квота, выделенная Обществу), но как только «Всеобщее собрание» завершило работу, император издал указ об аресте лидеров Общества и обвинил их в подготовке государственного переворота. Всего было задержано более 17 человек. Указ об их аресте был подписан еще накануне, 4 ноября.

В ответ по Сеулу прокатилась волна организованных низовыми членами Общества уличных митингов, участники которых объявили себя «всенародным обществом» (*манмин кондонхве*), обращения которого от 9 и 10 ноября требовали восстановления Общества независимости и наказания тех, кто его закрыл, а также – реализации его программы в полной мере. Ван выпустил членов Общества из тюрьмы, одновременно стянув в город более 2 тыс. *побусанов*, но в уличных столкновениях успех не сопутствовал ни той, ни другой стороне: против коробейников привлекли «рыночных силачей» («охранявших» торговцев и облагавших их «данью»)⁶⁶. По отзывам японских дипломатов, в конце ноября 1898 г. столица находилась в состоянии «полной анархии».

В такой ничейной ситуации обвинения против Общества были сняты, двор разрешил его деятельность и дал «добро» на создание Национальной ассамблеи. Однако для того, чтобы разрушить монополию Общества на политическое представительство, двором было создано Императорское общество (*Хвангук Хёпхве*), куда вошли в основном все те же *побусаны*. Императорское общество формально возглавлял наследник престола⁶⁷, а реальным его главой был Хон Чхон У.

Причины принадлежности «корейских офеней» к ревнителям традиции понятны – развитие структуры путей сообщения и дешевые товары

⁶⁶ В.М. Тихонов, Кан Мангиль. История Кореи. Том I, С. 470

⁶⁷ История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Том I. С. 378.

мануфактурного производства обесценивали и их труд, и их значение. Чем хуже дороги, тем дороже товар, доставляемый коробейником⁶⁸. Именно поэтому милитаризованную организацию *побусанов* так часто старались распустить реформаторы.

Когда Ассамблею открыли, только 17 ее членов оказались членами Общества независимости. Тем не менее, эти 17 имели гораздо больший опыт парламентской борьбы и публичных дискуссий и потому очень быстро протащили резолюцию о назначении членов Клуба на высокие государственные посты и о возвращении из эмиграции Со Джэ Пхия и Пак Ён Хё, которые тоже должны были занять очень высокие посты в правительстве. Такая ломовая тактика насторожила двор, и когда пополз слух о том, что Общество независимости готовит переворот и собирается ввести в Корею республику с Пак Ён Хё в качестве премьер-министра, разъяренный Кочжон приказал принять «строгие меры», и 26 декабря 1898 г. *Тоннип Хёпхве* было окончательно разогнано⁶⁹. Впрочем, на этот раз за руководством реформаторов не было целенаправленной охоты, хотя многие из них уехали из страны. Юн Чхихо и ряд других активистов были отослан из столицы на малозначительные провинциальные посты.

Не повезло только Ан Гён Су: корейское правительство обещало ему справедливое судебное разбирательство, а японское – свою защиту. На этих условиях он и иные обвиненные смело вернулись в Корею и собирались предстать перед судом, но вместо этого их просто тайно задушили в тюрьме⁷⁰.

Позиция двора хорошо видна в указе, в котором император объяснял, почему в Корею не нужны общественно-политические организации: «...Частные организации (западных стран) могут лишь помогать правительству в вопросах образования и прогресса. Что же касается критики законов и личных назначений на государственные должности, то это не входит в их компетенцию. Они часто

---

⁶⁸ Пак А. В. Диссертация. Рукопись. С. 211.

⁶⁹ Korea's Self-Identity. С. 163.

⁷⁰ The Passing of Korea, стр. 169

устраивают митинги и представляют резолюции Двору, но при этом не хулиганят перед стенами дворца и никому не угрожают»⁷¹.

17 августа 1899 г. законодательный орган *Кёджонсо* опубликовал документ из 9 статей под названием *Тэхангук кукче* (Государственный строй империи *Тэхан*) определяющий новое государство как абсолютную монархию. Этот текст называют первой корейской конституцией, хотя на деле это был измененный вариант *Попкю Юпхён* который даже с учетом дополнений больше напоминал «разночинное собрание монарших вердиктов, постановлений правительства и других юридических актов, привычное для нормативной базы традиционной Кореи»⁷². Ничего о правах народа в этой «конституции» сказано не было⁷³.

4 декабря 1899 г. окончила свое существование *Тоннип синмун*. На этом «демократический эксперимент» полностью завершился, хотя нельзя сказать, что он завершился ничем, поскольку просуществовавшая 10 дней Национальная ассамблея стала первым «парламентским экспериментом» в корейской истории. Кроме того, в отличие от всех предыдущих попыток реформирования, предложения Общества независимости были поддержаны народом.

А. В. Пак обращает внимание на то, что Общество было первой попыткой добиться модернизации Кореи политическими средствами и путем пропаганды передовых идей, а не при помощи банального заговора или путча, а западные историки отмечают положительный аспект попытки привить обществу западный стиль жизни, западное образование и западное понимание национализма. И хотя в целом этого не удалось, усилия Со Джэ Пхилия сыграли значительную роль в укоренении на корейской почве большого числа элементов американской политической культуры. Это попытки сформировать интеллектуальную элиту, политическая пропаганда через прессу и использование газеты как средства политической борьбы вообще, массовые демонстрации и публичные выступления европейского образца, апеллирование к националистическим чувствам народа

---

⁷¹ Пак А. В. Диссертация. Рукопись. С. 221.

⁷² Толстокулаков И. А. Политическая модернизация Южной Кореи. Часть 1. С. 244.

⁷³ Understanding Korean History. С. 177

через лозунг «Корея для корейцев». Все это было востребовано и применено в более позднее время.

Глава одиннадцатая, в которой в императорском дворце отключают электричество за неуплату, а «безобразовская клика» подталкивает ситуацию к войне

Период между разгоном Общества независимости и началом русско-японской войны историки обычно обделяют вниманием, однако для более точного понимания последующих событий автор считает необходимым уделить ему отдельный раздел, потому что это были последние годы, когда можно было что-то исправить в стране.

У некоторых корейских националистических историков период с 1897 по 1904 гг. носит гордое название «реформы Кванму» (новый девиз правления императора Кочжона) и позиционируется чуть ли не как новый виток реформ, который привел бы страну к модернизации, если бы не японцы. К сожалению, с конкретными подтверждениями этого тезиса возникают проблемы.

Внутриполитическая ситуация и административная система. После смерти королевы Мин Кочжон женился снова при довольно примечательных обстоятельствах. Госпожа Ом оказалась в ванском гареме не сразу. Изначально низкого происхождения, она была наложницей какого-то богатого китайца, а затем стала фавориткой министра, который определил ее на службу фрейлиной при королеве Мин. Ее отец был дворцовым служителем низшего разряда, но хорошо ее воспитал, и госпожа Ом отличалась от придворных дам привлекательностью, начитанностью и умением «убеждать других в своей невинности»¹. Кочжон увлекся фрейлиной, но королева Мин обратила внимание на эту интрижку мужа, и Ом была вынуждена срочно бежать из дворца, подождать пока родится и умрет ее ребенок, и найти себе нового покровителя. После того, как королева Мин была убита японцами, она снова поступила во

---

¹ Гамильтон поясняет, что у Ом было по ребенку от каждого из покровителей, однако каждый новый покровитель ничего не знал о ее прошлом и был уверен в том, что эта молодая женщина невинна и простодушна. По этому поводу в Корее даже ходили скабрезные куплеты, которые были запрещены после того, как Ом стала императрицей.

дворец и грамотно попала на глаза *вану*, который дал ей статус императорской наложницы, а через какое-то время – королевы².

В 1896 г. Ом родила ему сына, после чего очень быстро стала вертеть мужем так же, как раньше им вертела королева Мин, и так же пытаться отбивать попытки сановников вытеснить ее из сердца Кочжона. Когда чиновник Ким Ён Чжун ввел во дворец новую красавицу, госпожу Кан, то через две недели он был под пустым предлогом лишен звания, а затем подвержен пытке, искалечен и казнен, после чего госпожа Кан быстро поняла, что с императрицей шутки плохи, и не пыталась конкурировать с ней за внимание *вана*³. Правда, будучи по происхождению простолюдинкой, королева Ом не особо вмешивалась в политику, но активно заботилась о благополучии своей клики и, будучи суеверной, наводнила дворец еще большим числом шаманов и геомантов, которые создавали в нем весьма специфическую атмосферу, являясь при этом противниками реформ⁴.

В результате никого из известных нам политиков в это время при императорском дворе не было, и политическую линию определял Ли Ён Ик (1854-1907) – министр финансов и управляющий казной императорского двора. Человек из простонародья, выдвинувшийся во время мятежа Ким Ок Кюна, когда он был простым носильщиком королевы Мин⁵, он заслужил внимание власти как видный специалист по выжиманию денег из населения. Так, А. Гамильтон рассказывает о том, как Ли, например, разорил поставщиков женьшеня, забрав у них товар как монополист, а затем заявил, что заплатит за него цену, которая была в 7 раз меньше обещанной, так как поставщики будто бы нарушили условия договора⁶.

Ли Ён Ик активно интриговал против М. Л. Брауна в союзе с русским и французским посланниками. По Гамильтону, ситуация выглядела так. В момент,

² Гамильтонъ Ангюсь. Корея. С. 70.

³ Впрочем, налицо некоторый прогресс. Королева Мин в такой ситуации, как и китайская императрица Цы Си, подвергала изощренной казни не только сановника, но и наложницу.

⁴ После окончания русско-японской войны всех шаманов и геомантов из дворца прогнали.

⁵ Гамильтонъ Ангюсь. Корея. С. 64-65.

⁶ Там же. С. 91-99.

когда императорская казна нуждалась в деньгах, Ли убедил *вана* в том, что нехватка денег связана с деятельностью начальника таможи и предложил Брауна уволить, а доходы от таможен отдать на покрытие расходов по займу на 5 млн. иен, который должно был дать Корею французское акционерное общество «Юннаньский синдикат»⁷. Брауна уже почти уволили, ему было приказано очистить резиденцию, но он проигнорировал эти требования, а попытка дворцовых слуг вытолкать его оттуда силой вызвала сопротивление. Пока Браун баррикадировался в резиденции, на рейде Чемульпо появились 4 английских военных судна под командованием адмирала Брюса, и франко-русский план рухнул⁸.

Затем уже противники Ли Ён Ика обвинили его в сговоре с иностранными державами и оскорблении величества: беседуя с леди Ом, Ли Ён Ик сравнил её с Ян Гуйфэй, наложницей последнего императора династия Тан в Китае. Изначально он предполагал это как комплимент, однако из-за ограниченности его образования, он не понимал, что его комплимент обернулся самым обидным оскорблением, так как считалось, что распутство этой наложницы привело к разрушению династии Тан. До премьер-министра и министра иностранных дел дошли слухи о том, что наложница императора была оскорблена, и четырнадцать высших сановников подали петицию, заявив, что негодяя следует немедленно осудить и казнить⁹.

Кочжон даже издал указ об изгнании его из страны, но свое слово сказали русские дипломаты¹⁰, - сначала Ли под охраной вывезли в русскую миссию, и изгнание было заменено заграникомандировкой в Порт-Артур покупать аннамский рис¹¹. Было это оттого, что Ли считался прорусским политиком, хотя его политические взгляды скорее напоминали воззрения королевы Мин.

---

⁷ Там же. С. 84-86.

⁸ Там же. С. 66.

⁹ The Passing of Korea, стр. 180

¹⁰ Пак Б. Д. Россия и Корея. С. 334.

¹¹ The Passing of Korea, стр. 180

На обсуждение текущих проблем был наложен запрет: Указ Полицейского Управления 22 июня 1901 г. запрещал любые «сборища для праздной болтовни». Теоретически, наказаны могли быть даже 3-4 человека, собравшиеся для обсуждения политических или общественных тем, не говоря уже о создании общества¹².

Что же до административной работы, то и здесь указы времен реформ Кабо остались на бумаге: деления чиновников по министерствам не существовало в принципе, и в течение года один чиновник мог успеть послужить в трех и более министерствах и при этом съездить по делам службы в Китай. Продвижение по служебной лестнице тоже обычно не было последовательно, чередуясь со ссылками, опалой (нельзя забывать про фракционную борьбу и дворцовые интриги!), переходом на службу в иное ведомство или даже другую провинцию. Создается впечатление, что назначение на высший пост – министра – происходило спонтанно, ввиду обстоятельств или «заслуг», не нашедших отражения в официальных документах. Лишь немногие чиновники, имевшие возможность съездить на учебу за границу, получали профильное образование, которое могло помочь им в деле управления государством. Остальные же получали то же конфуцианское образование, что и их предшественники на протяжении нескольких веков.

Ситуацию в корейской политике того (и не только того) времени очень хорошо подчеркнул К. И. Вебер: «Веками угнетенные соседями и находясь в постоянной зависимости от них... они не доверяют собственным силам и сомневаются в возможности существования без посторонней помощи. Поэтому имеются здесь и русская партия, и японская, китайская, американская и другие, только одной нет – это чисто корейской»¹³.

Кочжон же, который всегда был слабохарактерным, согласно свидетельству К. И. Вебера, стал еще менее энергичным, отчего коррупция и фракционизм победили

---

¹² В.М. Тихонов, Кан Мангиль. История Кореи. Том I, С. 479

¹³ Пак Б. Б. Карл Иванович Вебер и Корея после 1897 г. С.104-116 // Корея: история и современность. К девяностолетию со дня рождения профессора Михаила Николаевича Пака. Сборник статей. М.-Сеул, 2008. С. 109.

окончательно¹⁴. По ощущениям этого российского дипломата, с точки зрения модернизации и прогресса в стране наступил откат к временам до реформ Года Кабо: жалкий вид армии, постоянное безденежье казны, интриги, протекционизм и взятки.

А. Гамильтон пишет: «Номинально корейский император пользуется правами неограниченного монарха; на деле он же всецело в руках партии, своими интригами достигнувшей временного перевеса. Чего бы ни пожелал император, ему непременно помешают исполнить его волю, или войдя в сделку с наложницами, или путем подкупа министра»¹⁵. Ему вторит Вебер: «Известно, что особа императора окружена ватагой бессовестных придворных, евнухов, шаманов-заклинателей, которые, если и не дают себе, может быть, ясного отчёта в том, чего японцы в Корее добиваются, находят более выгодным поддерживать их и пользоваться заинтересованностью финансов, неурядицей в администрации и слабостью императора для набивания собственных карманов. Всякий, который им может помешать в этом, тщательно устраняется»¹⁶.

Эту точку зрения подтверждает и Вацлав Серошевский, оставивший подробные записки о Корее накануне русско-японской войны¹⁷. Как и многие иные русские и западные путешественники того времени, он составил весьма развернутый отчет о положении дел в стране, в котором весьма желчно прошелся по коррупции и общей отсталости.

Финансовая сфера и коррупция. К началу XX в. Корея имела лишь зачатки современной финансовой системы, и ситуация прекрасно описывается цитатой из В. Серошевского: «Казна в Корее, в сущности, принадлежит всякому, у кого хватает смелости и возможности ее грабить»¹⁸.

---

¹⁴ Там же. С. 109.

¹⁵ А. Гамильтон. Корея. С.-П., 1904, с. 64.

¹⁶ К.И. Вебер и Корея. Стр.329-330

¹⁷ Серошевский Вацлав. Корея. СПб. 1909.

¹⁸ Там же. С. 139.

Налоги взимались местными властями без должного правительственного контроля. Точнее, министр финансов утверждал лишь общую сумму налогов, в то время как местные власти собирали их с запасом и разницу клали себе в карман¹⁹. К этому добавлялось то, что чиновники, получившие должности за взятки, стремились вернуть свое как можно быстрее (часто еще и потому, что деньги на взятки брались займы под высокий процент). Отсюда – распространенность всяческих «местных налогов», самовольно вводимых в стиле пресловутого Чо Бён Гапа. Добиться справедливости в столице при этом было почти невозможно, — ходатаев скорее арестовывали по обвинению в «клевете»²⁰. Набор налогов постоянно менялся²¹, и Ли Ён Ик, как мы уже говорили, считался хорошим специалистом по их созданию.

Дворцовые расходы фактически не были отделены от государственных²². Отменив положения «реформ года Кабо» о переводе системы налогообложения под контроль Министерства Финансов, Коджон передал Ведомству Двора доходы от монополии на продажу женьшеня и золота, дорожных сборов, а также от ряда дополнительных налогов, горнорудной промышленности, продажи концессий, лицензий на предпринимательскую деятельность и пошлин на право чеканки монет. В итоге к 1904 г. под контролем Ведомства Двора оказалось примерно 44% всех государственных доходов²³, и уходили они отнюдь не на строительство новых дворцов, не говоря уже о мерах по укреплению государства.

Единой валюты в Корее фактически не существовало. Жалование солдатам выплачивали в мексиканских долларах, купцы в портах рассчитывались за торговые сделки в иенах. В 1901 году Ли Ён Ик начал чеканить корейские никелевые монеты, нанеся стране еще больший ущерб, чем порча монеты Тэвонгуном. Дело в том, что если при регенте номинал монет был слишком мал для подделок, никелевая монета Ли была идеальной для фальшивомонетчиков, -

---

¹⁹ Корея глазами россиян (1895-1945). С. 139.

²⁰ В.М. Тихонов, Кан Мангиль. История Кореи. Том I, С. 482-483

²¹ Гамильтонь Ангьюсь. Корея. С. 91-99.

²² Корея глазами россиян (1895-1945). С. 140.

²³ В.М. Тихонов, Кан Мангиль. История Кореи. Том I, С. 480

её стоимость была не настолько высока, чтобы расплачиваться по-крупному, однако была достаточной для оплаты труда и затраченного времени²⁴.

Государственный долг страны имел устрашающие размеры, и бóльшая его часть образовалась следующим образом: правящая клика брала на весьма кабальных условиях заём у японского правительства или кредит в японском банке, после чего до 80 % суммы банально разворовывалось чиновниками. Цитируем Вебера: «...императорский двор поглощает все доходы страны, нисколько не заботясь об экономических нуждах ее. Деньги уходят на бесполезное, непроизводительные покупки, и когда наличных средств не хватает, корейцы делают заём у японцев... Желательно, чтобы был положен предел этим тратам, иначе платежные силы Кореи истощатся... и финансовый крах последует. Япония в роли шекспировского Шейлока появится на сцене, чтобы взыскать долг. Между корейцами нет человека, достаточно способного, независимого и бескорыстного, чтобы управлять здешними финансами как следует, и даже иностранцу невозможно будет навести в них порядок, не имея самых широких полномочий»²⁵.

Иногда у автора возникает риторический вопрос: «Как, на что можно было потратить миллионные займы, которые брались на кабальных условиях и не оставили после себя ничего?». Ответ дает Вебер: «на улучшение нравственного и физического быта населения, на устройство школ и технических заведений, на постройку хороших путей сообщения и проч. средств не имеется, ибо большая часть доходов поглощается ... бесполезными и непроизводительными покупками и наконец — несоразмерными тратами на удовлетворение прихотей Императора, на излишние празднества, постройку дворцов, храмов и королевских кладбищ и на содержание евнухам, гадалкам и шаманам, пользующимся при дворе значительным влиянием и почетом»²⁶.

---

²⁴ The Passing of Korea, стр. 173

²⁵ Пак Б. Б. Карл Иванович Вебер и Корея после 1897 г. С.104-116 // Корея: история и современность. К девяностолетию со дня рождения профессора Михаила Николаевича Пака. Сборник статей. М.-Сеул, 2008. С. 109.

²⁶ К. И. Вебер. Записка о Корее до 1898-го года и после. <http://koryo-saram.ru/k-i-veber-zapiska-o-koree-do-1898-goda-i-posle/>

Вообще, если судить по заметкам как российских, так и западных путешественников и журналистов, посещавших Корею в конце XIX – начале XX вв., уровень разрухи коррупции правящей верхушки был близок к запредельному. Неспособность двора платить по счетам приводила даже к таким курьезам, как отключение электроэнергии дворцового комплекса американской электрической компанией за неуплату²⁷.

В. Серошевский по этому поводу иронизировал, что, несмотря на смертную казнь за взяточничество, этим недугом были поражены буквально все. В своих записках он откровенно издевается над объяснениями в стиле «электрическое освещение во дворце было прекращено не по причине неуплаты компании следуемых ей денег, но потому, что «император рассердился на американское электрическое общество»; что «крыша на новом дворце провалилась не вследствие плохой постройки, но от неимоверно проливных дождей», что «она не чинится не по недостатку средств, а оттого, что со времени провала все здание опротивело императору»²⁸.

Впрочем, наиболее веселая история такого рода, описанная им – про сеульский трамвай, где он приводит сначала корейскую версию событий, а потом комментарий европейца. Корейская версия такова: «Правительство дало концессию на электрическую дорогу американской компании с условием, что если оно пожелает, вправе выкупить линию; когда же дело дошло до выкупа, компания запросила невероятную цену: полтора миллиона иен за сбитые рельсы, за старые вагоны и машины. В свое время император много помог компании наличными деньгами, теперь, рассердившись, потребовал отчет. Компания отказала императору в отчете и даже не захотела представить доказательств, сколько действительно стоила ей постройка дороги. Она определяла ее стоимость по последнему доходу. Отсюда произошли разные недоразумения и неприятности. Простонародье, узнавши, что император сердится на компанию, стало бросать камнями и грязью в вагоны с публикой за Западными Воротами.

²⁷ Корея глазами россиян (1895-1945). С. 133.

²⁸ Там же. С. 136-138.

Тогда компания вместо восьми обязательных вагонов стала под предлогом поломки посылать только два; к тому же потребовала через своего посланника вознаграждение за убытки. Это случилось месяца два тому назад, недавно – недели три – произошло новое столкновение. Трамвай наскочил на ребенка; возмущенная толпа набросилась тогда на кондуктора-американца и стала его преследовать. Тот спрятался в лавку к японцу, получил от него велосипед и убежал. Горожане побили японца и разрушили его лавку. Отсюда опять тяжелые разговоры в министерстве иностранных дел. Разгневанный император приказал потушить во дворце электричество».

Иностранный дипломат описывает ситуацию иначе: «Хотя корейское правительство и выговорило себе право выкупа электрической дороги, но поставило в концессии такое условие, что один непогашенный вовремя платеж возвращает обратно полностью компании всю дорогу, а все полученные до того деньги поступают в собственность компании в качестве неустойки». Корейское правительство уплатило первый и второй взнос, но с третьим опоздало и... потеряло дорогу.... здесь, на Востоке, «неустоек» не знают и условий таких не понимают. Корейцы считают себя обманутыми и обиженными, но можно ли с этим считаться?»²⁹

Подход же корейских чиновников к жизни и господствующие в их среде умонастроения хорошо иллюстрируют следующие высказывания корейского чиновника, опубликованные В. Серошевским и приводимые автором с сокращением:

«Я не вижу спасения, не вижу. Нужно учиться открывать школы, посылать студентов за границу, а денег нет. А нет денег, потому что чиновники воруют, а чиновники воруют потому, что жалование у них маленькое, а жалование маленькое потому, что денег в казне нет... Откуда взять на расходы? А жить ведь нужно... Делать приношения начальникам нужно, содержать стариков-родителей нужно... Вот и ворует! Говорят иностранцы, что у нас чиновников чересчур

---

²⁹ Там же. С. 160-161.

много, что чересчур много лишних бумаг и переписки, что следовало бы уменьшить штаты и лучше вознаграждать оставшихся лиц... Согласен! Хорошо! Но куда денутся остальные? Ведь и они тоже люди... Другого труда кроме службы нет... Никто зла себе не желает. Каждый предпочитает жить наверху, а не в колодеце. Так грустно, так грустно, когда об этом думаешь, что и есть не хочется... Вы спрашивали меня об иностранцах? ... Они только и думают о том, как бы нас разграбить... Иностранцы ругают нас, что мы продажны! А кто портит нас, кто подкупает! Кто за деньги склоняет нас к измене отечеству?... Потому что должен пить воду тот, кто поглотил соль... они открывают банки, дают нам займы деньги... Но они хотят удовлетворить нас только снаружи... Они хотят вырвать наши внутренности, оставить нам шелуху, они хотят убить наши души!»³⁰.

Похожее мнение и у И. Бишоп: «традиции благородства и честности, если они когда-то существовали, были забыты на многие века. Стандарты государственной нравственности были неизвестны. В Корее было два класса, грабители и ограбленные, и грабители составляли большую армию, которая включала чиновничество. Вымогательство и растрата были нормой, и каждый пост продавался и покупался»³¹. Корейских чиновников она называет вампирами³².

В советской историографии В. Серошевского и иных авторов заметок подобного рода иногда упрекали в определенных прояпонских настроениях, однако можно представить себе реакцию бывшего революционера на такой бардак и подобные попытки самооправдания в стиле: «Не мы такие, жизнь такая» и «Это они во всем виноваты». Немудрено, что с точки зрения представителей цивилизованного Запада Корея начала XX в. была таким заповедником варварства, что действия японцев казались европейцам меньшим злом, а то – и

---

³⁰ Корея глазами россиян (1895-1945). С. 162.

³¹ Korea and her neighbors, p 263

³² Korea and her neighbors, p 303

благом. А заявления корейского двора о том, что его страну попирают и угнетают, вызывали в лучшем случае снисходительные усмешки.

Правоохранительная система и криминал. Так как «государственные службы и правосудие продавались и покупались как продукты потребления»³³, состояние правоохранительной системы оставляло желать лучшего. Хорошее описание этого дает Х. Хальберт: «Если человек из высшего класса что-то имеет против человека из низшего класса, он просто пишет обвинение и отправляет его в полицейское бюро. Если совершённое преступление было небольшим проступком, он может попросить в доносе, чтобы данного человека посадили в тюрьму на три или четыре дня, включая ежедневные побои. В трёх случаях из четырёх это будет исполнено без дальнейшего расследования. Однако если обвинитель - человек честный, он появится в течение дня или двух для дачи более развёрнутых объяснений. Виновнику может быть предоставлен шанс рассказать историю со своей точки зрения, однако вероятность этого зависит от того, будет ли это выгодно полиции или нет»³⁴.

И далее: «Тюрьмы, будь то располагающиеся в столице или в провинции, есть не что иное, как пристанища с земляным полом и полным отсутствием отопления. Заключённым же здесь еду приносят друзья или родственники, а те, которые таковых не имеют, заранее обречены на голодную смерть»³⁵.

В 1901 г. в Корее был голод, который очень сильно увеличил криминогенную обстановку. В почти двухсоттысячном Сеуле (население Сеула в 1903 г. насчитывало 194 тыс. человек³⁶) было 20 тыс. нищих, а в провинциях действовало множество разбойничьих шаек³⁷.

---

³³ Bishop I. Korea and her neighbours. London. 1898, p. 372.

³⁴ The Passing of Korea, стр. 57

³⁵ The Passing of Korea, стр. 64

³⁶ Гамильтонъ Ангъюсъ. Корея. С. 40.

³⁷ Там же. С. 223

А. Гамильтон указывает, что голод не принял бы такие размеры, если бы правительство поддержало запрет на вывоз риса из страны, а Япония продавала в интересах своих рисоторговцев отмену такого запрета, отчего пострадало более миллиона человек (он считал не только умерших, но и тех, чье здоровье было серьезно подорвано из-за систематического недоедания)³⁸.

Правда, как раз здесь подсуетился Ли Ён Ик, который импортировал большое количество аннамского риса на продажу по разумной цене. С тех пор, какие бы ошибки Ли Ён Ик не совершал, всегда находился кто-то, кто упомянул бы этот рис. Благодаря этой умной и успешной уловке он всегда оставался фаворитом двора³⁹.

Народные волнения начались не только в Сеуле, серьезные восстания вспыхнули в двух южных провинциях⁴⁰, и В. М. Тихонов приводит довольно впечатляющие данные о внутренней нестабильности и количестве «благородных разбойников», громивших усадьбы чиновников и богачей и раздававшие беднякам отнятое добро⁴¹. Он же пишет, что в 1904 г. дороги Кореи оставались небезопасными для торговцев, а в отдельных районах администраторы чувствовали себя настолько неуверенно, что предпочитали платить «дань» вожакам сильных крестьянских отрядов⁴².

«Укрепление армии». Несмотря на перевооружение корейской армии и то, что в 1900 г. расходы на оборону составили 1/5 госрасходов, ее реальная боеспособность была очень низкой, а престиж среди корейского населения невысок. По словам простых корейцев, солдаты были способны только грабить и убивать безоружных и бежали даже от плохо вооруженных повстанцев⁴³, а в

---

³⁸ Там же. С. 224.

³⁹ The Passing of Korea, стр. 174

⁴⁰ Hulbert, Homer B. The history of Korea. vol. 2 стр. 350

⁴¹ В.М. Тихонов, Кан Мангиль. История Кореи. Том I, С. 482-483

⁴² В.М. Тихонов, Кан Мангиль. История Кореи. Том I, С. 483

⁴³ Корея глазами россиян (1895-1945). С. 135.

качестве элитных войск по-прежнему использовались охотники на тигров. Так, в 1901 г. их мобилизовали для охраны границы от набегов хунхузов⁴⁴.

Нелицеприятный портрет корейской армии оставил и А. Гамильтон: «Корея не имеет ни армии, ни флота, которые могли бы быть пущены в ход с пользой; она находится в положении страны, лишенной даже возможности возвысить голос в свою собственную защиту. Войска всего несколько тысяч человек, которые за последние годы были обучены владению европейским оружием. Они снабжены ружьями Гра (устарелого образца), Мурата, Мартини и ружьями, заряжающимися с дула. Искусство корейцев в стрельбе очень сомнительное; кроме того, они отличаются недостатком дисциплины и храбрости. Артиллерии у них вовсе нет, а кавалерия ограничивается несколькими сотнями всадников, не умеющих ездить и не имеющих понятия об употреблении присвоенного им оружия. В армии имеется много офицеров, а флот состоит, кажется, из 23-х адмиралов и одного железного угольного лихтера, до самого последнего времени бывшего собственностью японской паровой компании»⁴⁵.

Российский штабс-капитан Афанасьев, посетивший Корею в 1903 г., дает аналогичные оценки по результатам пребывания в Корее, посещения смотров и учений корейской армии, казарм и служебных помещений: пехоты корейской армии обучены удовлетворительно, хотя форма и оружие набраны с бору по сосенке, а патроны от винтовок хранятся в военном министерстве (видимо, для предотвращения мятежа); кавалерия и артиллерия – не удовлетворительно; саперы и обоз не обучены по своим специальностям совершенно. Зато «Хор музыки отличный и вполне может соперничать с лучшими военными оркестрами нашей армии».

В 1900 г. Кочжон начал увольнять из армии прояпонски настроенных офицеров и ставить на высшие командные посты лиц прорусской ориентации. Корейская армия достигла численности в 15,5 тыс. человек, в том числе 372

---

⁴⁴ Гамильтонъ Ангьюсь. Корея. С. 199.

⁴⁵ Там же. С. 17-18.

офицера⁴⁶. При этом в конце 1902 г. на содержание корейского войска, *включая управленческие расходы (!!),* ушло свыше четверти бюджета страны, или более 2, 8 млн йен. Масштаб коррупции аудитория может оценить самостоятельно.

Планировалось введение всеобщей воинской повинности и доведение численности армии до 100 тыс., но тут случилась русско-японская война.

Однако в этот же период Корея предприняла «ползучую» попытку расширить свою территорию. После восстания *ихэтуаней*, когда в Маньчжурии образовался вакуум власти, корейское правительство начало прибирать к рукам район Цзяньдао (кор. Кандо) на левом, китайском берегу р. Туманган, где корейское население намного превышало китайское⁴⁷. Корейские власти стали не только поощрять эмиграцию туда корейцев, но и собирать с них налоги, рассчитывая превратить этот достаточно плодородный район в свою житницу⁴⁸.

В 1902 г. корейское правительство решило официально включить район Цзяньдао в состав своего государства и назначило туда губернатором Ли Бом Юна⁴⁹, который с разрешения сеульского правительства сформировал на корейском берегу Тумангана вооруженный отряд и с его помощью основал в Цзиньдао ряд военных постов⁵⁰. И хотя в 1903 г. китайская власть была восстановлена, корейцам фактически приходилось платить налоги и тем, и другим⁵¹. Заметим, что окончательный отказ от претензий на Кандо произошел только в 1909 г., когда внешней политикой заправляли уже не корейцы, а японцы.

---

⁴⁶ Пак Б. Д. Россия и Корея. С. 303.

⁴⁷ Корейцы Кандо переселились в Китай в результате тех же процессов, что образовали корейское землячество в российском Приморье. Во время восстания *ихэтуаней* в Китае этот регион был оккупирован русскими войсками, а затем воспринимался многими как «ничья земля».

⁴⁸ Забровская Л. В. Политика Цинской империи в Корею. 1876-1910 гг. М., 1987. С. 100-110.

⁴⁹ Брат Ли Бом Чжина и активный член прорусской партии.

⁵⁰ Пак Б. Д. Россия и Корея. С. 474.

⁵¹ Собственно, именно с этим моментом и связано самоназначение одного из руководителей *Ыйбён* Ли Бом Юна «губернатором Кандо». В начале XX в. он, еще до подписания каких-либо документов, был отправлен туда надзирать за сбором налогов, но с укреплением китайской власти в регионе Пекин в конце концов настоял на том, чтобы Ли вернулся в Корею.

Социальная сфера. Здесь стоит подчеркнуть дальнейшее распространение христианства и миссионерской деятельности – и связанных с этим проблем. Как писал А. Гамильтон, «Назрел момент для введения новой, более практической философии, и с течением времени, по мере того как распространялось христианство, стало ослабевать и сопротивление великой вере гуманности. В настоящее время соблюдается терпимость по отношению ко всем почти европейским исповеданиям; корейцы находят обращение в христианство выгодным для себя, так как это избавляет их от вымогательств чиновников⁵². Тем не менее, распространение христианства все-таки во многих случаях сопровождается ужасами и кровопролитием. Но и помимо этих препятствий к водворению христианской веры в Корею, возникает вопрос, проникнута ли деятельность различных миссионеров тем духом милосердия, который должен быть неразлучен с их учением? Не осуждая в частности поступков тех или иных миссионерских групп, я скажу только, что хотя духовенство римско-католической и англиканской церкви проявляет принципы самоотвержения, но этого вовсе не замечается в беспечальной жизни американских миссионеров, получающих хорошее вознаграждение и всякие блага»⁵³.

Развивая эту тему, британский путешественник замечает, что большинство американских миссионеров было тесно связано с торговыми компаниями, и лишь вмешательство дипломатов привело к тому, что они перестали открыто заниматься коммерческой деятельностью. Большая их часть получала высокое жалование и льготы⁵⁴. К тому же ситуация с иностранцами в Корею напоминала европейские поселения в китайских городах конца XIX – начала XX вв.⁵⁵

Тем не менее, «Горячность миссионерской пропаганды за последние годы ничем не обуздывалась. Печальные последствия кипучей деятельности различных обществ, происходящие от их неограниченной свободы, обрушились как раз на

---

⁵² Дело в том, что кореец христианского вероисповедания воспринимался как человек, который находился под «миссионерской крышей» и уже не мог быть простым объектом произвола со стороны чиновников.

⁵³ Гамильтонъ Ангьюсь. Корея. С. 231.

⁵⁴ Там же. С. 233.

⁵⁵ Там же. С. 154.

самых неутомимых из миссионеров и на других лиц, совершенно неповинных в религиозных гонениях (Имеется в виду то, что не обращенное в христианство население иногда очень сильно завидовало защищенным от произвола, что служило причиной погромов. Прим. автора.) . Давно пора принять энергичные меры к ограничению такого необузданного, свирепого прозелитизма. Нельзя позволять миссионерам селиться врассыпную во внутренних областях страны; необходимо, чтобы на все их действия последовало согласие со стороны местного консула и совета иностранных посланников. Кроме того, было бы разумнее не позволять женщинам в одиночку вести пропаганду за пределами, намеченными трактатом»⁵⁶.

Католики не отставали, и Хальберт пишет о вызванных ими беспорядках в провинции Хванхэ, которые стали причиной расследования только потому, что были задеты интересы протестантов⁵⁷. Есть сведения и об аналогичных злоупотреблениях на о. Чечжудо, где в 1901 -1902 гг. дело дошло до погромов.

Развитие промышленности и инфраструктуры. Распространение современных технологий. Учитывая сильное давление со стороны великих держав и трудности самостоятельного развития всех отраслей промышленности, Дворцовое ведомство⁵⁸ было вынуждено передать России, США, Англии, Японии и др. в одинаковом объеме различные концессии на строительство железных дорог, разработку рудников, лесов, рыбные угодья и т. д. на условиях получения части прибылей. России главным образом были переданы права на эксплуатацию рудников, лесов и рыболовных угодий в зонах рек Туманган, Амноккан и побережья Восточного (Японского) моря; США – право на разработку золотых и серебряных рудников в Унсане (в 1899 г.) и эксплуатацию Сеульской трамвайной линии (совместный американо-корейский проект, об участии которого мы

---

⁵⁶ Там же.. С. 235.

⁵⁷ Hulbert, Homer B. The history of Korea. vol. 2 стр. 345

⁵⁸ Дворцовое ведомство (Куннэбу) непосредственно ведало рудниками, железными дорогами, производством женьшеня и мясными лавками, стараясь не допускать передачу концессий на них иностранным державам.

упоминали выше); Англии – концессии на золотые и серебряные рудники в Ынсане; Германии – права на разработку золотых рудников в Танхёне провинции Канвон. Японии удалось заполучить все важнейшие железнодорожные магистрали, пересекающие полуостров с севера на юг, путем получения прав на прокладку линий Сеул-Пусан и Сеул-Инчхон⁵⁹. Кроме этого, Япония приобрела право добычи золота в нескольких районах и рыбной ловли по всей стране. В результате доходы от торговли в открытых портах, составлявшие в 1895 г. и 1896 г. в среднем около 717 000 долларов, а в 1902 г. составили 1 204 776 долларов⁶⁰.

Что же до развития собственной промышленности, то отдельные корейские «буржуа» получили возможность заниматься своим делом, но государство абсолютно не помогало им в этом. Никаких намеков на индустриализацию или модернизацию как планомерную программу, методично проводимую в жизнь государством, мы не наблюдаем. К 1904 г. в Корее было лишь 222 официально зарегистрированных промышленных и торговых фирм, большую часть из которых составляли мелкие предприятия⁶¹.

Первый телеграф появился в Корее в 1884 г. на японской почтовой станции в Пусане после того, как датская компания проложила подводный кабель между Пусаном и Нагасаки. В ноябре 1885 г. корейское правительство взяло у Китая ссуду для прокладки кабеля между Сеулом и Ыйджу. Затем правительство Кореи распорядилось проложить телеграфные линии между Сеулом и Пусаном в 1888 г. и Сеулом и Вонсаном в 1895 г. Однако денег на содержание линий выделялось недостаточно, линии содержались в крайне не удовлетворительном состоянии, и при плохой погоде связь часто прерывалась. Во время войны с Китаем японская армия построила свои телеграфные линии между Пусаном, Сеулом и Чемульпхо. Затем, в соответствии с российско-японским протоколом, подписанным в 1896 г.,

---

⁵⁹ В 1896 г. американцу Джеймсу Морзе удалось получить концессию на строительство первой железнодорожной линии между Сеулом и Инчхоном, но из-за финансовых трудностей проект встал, и в 1898 г. концессия была выкуплена японским синдикатом.

⁶⁰ К. И. Вебер. Записка о Корее до 1898-го года и после. <http://koryo-saram.ru/k-i-veber-zapiska-o-koree-do-1898-go-goda-i-posle/>

⁶¹ В.М. Тихонов, Кан Мангиль. История Кореи. Том I, С. 482

российское правительство получило право прокладки кабеля от Сеула до российской границы. Эта новая линия имела ответвления, которые шли к морским портам и шахтам на севере полуострова.

Любопытно, что телеграф вызывал сильные протесты традиционалистов, и в стране даже распространилось приводимое Хальбертом пророчество: «Когда расцветут белые сосны, Север перейдет к Татарии (читай – России), а Юг к креветкам». Япония по своей форме напоминает креветку, а "Белые сосны" люди интерпретировали как телеграфные столбы. Таким образом, считалось, что когда Корея станет открыта для иностранных отношений, она будет разделена между Россией и Японией⁶².

К 1905 г. в Корею появились и телефонные линии. Они были проложены из Сеула в Сувон и Чемульпхо. Общая численность телефонных пользователей во всей стране не превышала 50 человек.

Железная дорога Сеул – Инчхон протяженностью около 4 км была сдана в эксплуатацию в октябре 1901 г. В августе того же года финансируемый правительством японский синдикат «Сеул-Пусанская железнодорожная компания» приступил к строительству линии Сеул-Пусан общей протяженностью 450 км, которая была закончена к ноябрю 1904 г. и пущена в эксплуатацию 1 января 1905 г. уже во время русско-японской войны, когда японским войскам потребовалась логистическая поддержка.

Появление таких путей сообщения было очень важно, так как в Корею начала XX в. почти не было мощных дорог. Исключение составляли так называемая «большая дорога», соединявшая Сеул с китайской границей, и еще несколько незначительных дорог между Сеулом и провинциальными центрами.

Возникновение железной дороги внесло изменения в повседневную жизнь, изменив концепцию времени, которое стало исчисляться в минутах и секундах, не говоря уже о поездах, которые приходили и уходили по расписанию⁶³.

---

⁶² Hulbert, Homer B. The history of Korea. vol. 2 стр. 347

⁶³ Understanding Korean History. С. 186.

В 1887 г. в Корее появились первые электрические лампочки, которые освещали королевский дворец Кёнбоккун. В 1899 г. появился трамвай (одновременно с Японией и раньше, чем в Китае)⁶⁴. Однако судьба как сеульского трамвая, так и освещения императорского дворца, уже упоминалась нами выше.

Корейское почтовое ведомство было учреждено только в 1895 г. и находилось под управлением японцев⁶⁵: после мятежа Года Капсин современная почта была сформирована только 10 лет спустя. Просто в связи с тем, что ее руководитель принадлежал к мятежникам.

Здравоохранение держалось на миссионерских больницах, и А. Гамильтон отмечает очень большое распространение в Корее малярии, оспы (эпидемии случаются каждые 4-5 лет) и туберкулеза⁶⁶,

Если подводить итог описанному, перед нами открывается «печальная картина ретроградного движения как в политической, так и социальной жизни страны»⁶⁷. Стоило прогрессистам потерять влияние, как правящая клика осуществила откат ко временам до реформ Кабо. Для автора это очень важно, потому что такая ситуация не могла не подтолкнуть сторонников прогресса в объятия внешних сил.

В остальном, рассуждения о благоденствии Кореи перед русско-японской войной напоминают автору разглагольствования о «богоспасаемой Российской империи», которая была так хороша, что абсолютно непонятно, почему же в ней случилась революция и почему за самодержца никто не вступился⁶⁸: ведь иначе бы гражданская война началась после февраля 1917 г. между монархистами и их противниками.

---

⁶⁴ Understanding Korean History. С. 186-187.

⁶⁵ Гамильтонъ Ангьюсь. Корея. С. 44.

⁶⁶ Там же. С. 227.

⁶⁷ К. И. Вебер. Записка о Корее до 1898-го года и после. <http://koryo-saram.ru/k-i-veber-zapiska-o-koree-do-1898-go-goda-i-posle/>

⁶⁸ Более того, большинство деятелей Белого движения (генерал Корнилов и Ко) куда больше, чем большевики, приложили руку к свержению царя.

Российско-японское соперничество

Как представляется автору, борьба за Корею между двумя соседними империями приобрела новые формы. Страны пытались прибрать ее к рукам не политическими, а экономическими методами. Однако, с другой стороны, сказывалось то, что после обретения главной стратегической цели в лице незамерзающего порта в Манчжурии и определенной нехваткой сил и ресурсов на Дальнем Востоке Россия не рассматривало корейское направление как приоритетное. В рамках этого тренда 13 (25) апреля 1898 г. российский посланник в Японии Р.Р. Розен и глава японского МИДа Ниси Токудзиро подписали в Токио т. н. Протокол Ниси – Розена, согласно которому Россия и Япония взаимно обязывались признавать Корею независимым государством и воздерживаться от непосредственного вмешательства в ее дела. Даже назначение финансовых или военных советников должно быть оговорено предварительным соглашением⁶⁹.

Формально содержание документа, закрепляло российские интересы в Корее и удерживало Японию от активного вмешательства в корейские дела, однако подписание протокола фактически совпало с выводом из Кореи финансового советника и военных инструкторов в результате действий Общества Независимости. Кроме того, одна из статей протокола говорила о том, что «ввиду широкого развития торговых и промышленных предприятий Японии в Корее и значительного числа японско-подданных, проживающих в этой стране, российское Императорское правительство не будет препятствовать развитию торговых и промышленных сношений между Японией и Кореей»⁷⁰.

Этот параграф многие (в том числе и К.И. Вебер) воспринимали как необоснованную уступку, справедливо обращая внимание на то, что передает отказ от активности на корейском направлении инициативу в руки Японии, которая обладает куда большими возможностями для увеличения своего влияния

---

⁶⁹ Пак Б. Д. Россия и Корея. С. 305.

⁷⁰ К. И. Вебер. Записка о Корее до 1898-го года и после. <http://koryo-saram.ru/k-i-veber-zapiska-o-koree-do-1898-go-goda-i-posle/>

на Корею. Однако для Петербурга важнее было то, что Манчжурия признавалась сферой влияния Российской империи, и замечание В.И. Ленина о том, что «Маньчжурию обменяли на Корею», очень хорошо указывает на характер ситуации⁷¹.

Как отмечал в своем хорошо известном историкам докладе К. И. Вебер⁷², основными опорами японского влияния в Корее на рубеже веков являлись: многочисленная японская колония; оживление торговых связей между двумя странами (во внешней торговле Корее доля Японии составляла 90 % в экспорте и 60-70 % в импорте) и установление регулярного пароходного сообщения; сооружение японцами между Сеулом и Пусаном железной дороги (статус которой с точки зрения закрепленных территорий был похож на статус КВЖД) и телеграфной линии, а также – учреждение в Корее японских банков, которые оказались там единственными кредитными учреждениями⁷³, и свободное обращение в Корее ассигнаций японского банка «Дайити Гинко», которые на территории Кореи ходили как полноправное платежное средство.⁷⁴

С ассигнациями «Дайити Гинко» связана любопытная история, для осознания которой вспомним, насколько аховой была ситуация с денежным обращением на территории Кореи того времени. Проблему надо было решать, и с этой целью банк «Дайити Гинко» начал выпускать банкноты, которые бы принимались к обращению в Корее и за ее пределами.

Но против японских банкнот активно выступал Ли Ён Ик, - как из-за своей прорусской ориентации, так и потому что в новых условиях всесильный министр финансов не мог более «химичить» с качеством монет. Когда в январе 1903 г.

⁷¹ История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Том I. С. 365.

⁷² Вебер предложил довольно разумный план по сдерживанию активности такого рода, - потребовать вывода из Кореи японский войск ввиду восстановления в стране порядка, создать свой банк и иные инфраструктурные проекты, издавать свою газету на английском языке и вести в ней контр-пропаганду, начать учить в России корейскую молодежь и др.. Однако его идеи не получили поддержки.

⁷³ Корея глазами россиян (1895-1945). С. 127-129.

⁷⁴ К. И. Вебер и другие источники отмечают по этому поводу, что это было очень эффективным способом привязывания к Японии корейских финансов, так как в случае политического кризиса частный банк вполне мог объявить о своем банкротстве, после чего его ассигнации утратили бы платежную способность, что привело бы к катастрофическим последствиям.

новый министр иностранных дел Чо Бён Сик (тот самый, который приложил руку к разгону Общества независимости) разрешил принимать банкноты, Ли потребовал отставки Чо и лично лишил банк этой привилегии, заявив, что японцы собираются разорить страну, так как сначала они хотят наводнить ее своими ассигнациями, а потом по той или иной причине (например, из-за неуступчивости корейцев или после какого-то эксцесса) банк объявит себя банкротом, и все ассигнации обесценятся. Однако через некоторое время министр финансов подтвердил распоряжение Ли, и корейцы бросились сдавать эти ассигнации обратно в банк. Японцы заявили протест на это, поскольку такая политика действительно чуть не привела банк к банкротству, а доказательств их коварных планов предъявлено не было. В результате после серии совещаний власть была вынуждена отменить распоряжение и признать право этих ассигнаций на хождение в Корее⁷⁵.

Опорой Страны восходящего солнца была и многочисленная японская колония в Корее, где жило до 25 тыс. японцев⁷⁶, а в Сеуле она насчитывала 4 тыс. совершеннолетних членов, имея свои почту, телефон, телеграф и полицейскую службу⁷⁷. Для сравнения: американская колония в Корее в 1904 г. насчитывала 240 чел., из них проживали 100 – в Сеуле⁷⁸, а русскую вообще составляли почти исключительно дипломаты и несколько торговцев⁷⁹. А. Гамильтон отмечает, что манеры и быт японцев в Корее сильно отличались от канонического образа, и среди них было очень много маргинальных и криминальных элементов⁸⁰.

Как писал японский посланник Хаяси Гонсукэ: «Единственное, чего нам недостает в Корее, - это чувство полной уверенности, что мы в каждый данный и

---

⁷⁵ Ангьюсь Гамильтонь. Корея. С. 97.

⁷⁶ Помимо столицы, японцы жили в портовых городах, во многом определяя их облик. Это частично видно по литературе того времени, в том числе и русскоязычной, где для Пусана и Вонсана предпочитали использовать их японские названия – Фузан и Гензан.

⁷⁷ Корея глазами россиян (1895-1945). С. 142.

⁷⁸ Там же. С. 138.

⁷⁹ Там же. С. 172.

⁸⁰ Там же. С. 124.

притом неожиданный момент не получим какого-нибудь сюрприза из рук России»⁸¹. Однако российские действия на корейском плацдарме существенно уступали японским. Не был решен важный вопрос об открытии корейских портов на р. Амноккан. Попытки русских скупать землю в районе открытых для иностранной торговли портов тоже ничем не кончились, так как эти участки остались не использованными и на них не была создана какая-то инфраструктура⁸². Та же судьба постигла попытку России получить места для стоянки своего флота в Масане или Чинхэ, что очень удобно в качестве промежуточной стоянки между Владивостоком и Порт-Артуром⁸³.

Когда Россия попыталась протянуть телеграфную линию, которая бы связала Корею с Владивостоком, Кабинет министров Кореи ей отказал. Впрочем, русские инженеры начали установку столбов, а посланник Павлов намекнул, что их удаление будет воспринято как знак недружелюбия. Тем не менее, местные должностные лица в течение нескольких месяцев выводили столбы из строя⁸⁴.

Эту историю стоит сравнить с историей с банкнотами. Ибо с одной стороны, российское предложение прокладки телеграфной линии таило в себе гораздо меньше опасностей, с другой – попытка России воздействовать на ситуацию по дипломатическим каналам была проигнорирована.

Бывали и проблемы «из-за межкультурной коммуникации». В. Серошевский описывает инцидент, который случился, когда в японском квартале Чемульпо были устроены жертвенники, на которых были выставлены фрукты, а группа русских матросов, решив, что это просто выставленные угощения, взяла с одного из жертвенников несколько груш и стала их есть. Увидевшие это японцы бросились на них, и завязалась драка, в ходе которой двое японцев были убиты, а русские сбежали под защиту своих товарищей. Однако вскоре после этого японцы устроили в городе беспорядки и даже ворвались в английское консульство, разыскивая убежавших матросов там. Толпа японцев рассеялась только после

⁸¹ Пак Б. Д. Россия и Корея. С. 335.

⁸² Там же. С. 316-317.

⁸³ Ангьюсь Гамильтонь. Корея. С. 177.

⁸⁴ Там же. С. 171.

действий японского консула⁸⁵. При этом он замечает, что в 1903 г. такие странные инциденты, в которых был и замешаны русские, случались неоднократно.

К определенному успеху можно отнести разве что картографические экспедиции русских офицеров, которые имели не только военно-стратегическую цель, но и возбуждение симпатий к России⁸⁶. Также нельзя не отметить деятельность Ли Бом Чжина на посту корейского посланника. В этом качестве Ли сменил на этом посту Мин Ён Хвана, который считался первым посланником Кореи в России и всех ведущих странах Европы одновременно, но уехал из Петербурга в Америку, даже не выполнив формальных дипломатических обязательств посла⁸⁷. И хотя, учитывая то, какой пост он занимал во время пребывания *вана* в русской миссии, данное назначение можно расценивать как почетную ссылку или попытку убрать ценного человека подальше от недругов, для улучшения отношений двух стран Ли Бом Чжин сделал чрезвычайно много.

В ноябре 1901 года Ито Хиробуми, который был сторонником пророссийской ориентации Японии, повёл переговоры с С. Ю. Витте с целью заключения соглашения о разделении сфер влияния. Смысл его инициативы сводился к окончательному закреплению сфер влияния: Япония получала свободу действий в Корее, а Россия – в Маньчжурии. Однако военный министр А. Н. Куропаткин высказался против: «полный отказ от Кореи составит слишком дорогую цену для соглашения с Японией». Мнение императора Николая II было аналогичным: «России никак нельзя отказаться от прежнего её права держать в Корее столько войск, сколько там находится японских».

В октябре 1902 г, когда исполнилось 40 лет со дня восшествия Кочжона на трон, Россия попробовала активизироваться, и в ответ на просьбу корейского

---

⁸⁵ Корея глазами россиян (1895-1945). С. 155-156.

⁸⁶ Корея глазами россиян (1895-1945). С. 24.

⁸⁷ Пак Б. Д. Россия и Корея. С. 335.

двора в Сеул был направлен К. И. Вебер, который должен был передать Кочжону торжественный адрес и наградить его орденом Андрея Первозванного⁸⁸.

Однако прояпонские круги распустили слух о том, что Вебер прибыл не просто так, а привез некие секретные требования, так что Кочжон боялся его принимать и сказывался больным⁸⁹. В результате торжественные празднования были отложены, Вебер уехал домой, так и не вручив орден⁹⁰.

Безобразовская клика как катализатор проблем

Мы уже упоминали, что российская политика на корейском/дальневосточном направлении не была четко сформирована, но когда до этого направления добралась печально известная «безобразовская клика», все стало совсем грустно.

Данный термин, введенный С.Ю. Витте, означает группировку крупных помещиков и сановников, оказывавших серьезное влияние на правительство и проводивших авантюристический внешнеполитический курс. Кроме того, они имели свой корыстный интерес в рамках т.н. Восточно-Азиатской промышленной компании, которая планировалась ими как аналог британской Ост-Индской.

В клику, имеющую неограниченное влияние на Николая II⁹¹, входили такие высокопоставленные сановники, как А. М. Безобразов, великий князь Александр Михайлович, Граф И.И. Воронцов-Дашков, адмирал Е. И. Алексеев, князь Феликс Юсупов, В.К. Плеве (автор выражения «маленькая победоносная война») и др. Если С. Ю. Витте и его единомышленники выступали за мирное завоевание Дальнего Востока экономическими методами, «безобразовская клика» была

---

⁸⁸ Пак Б. Б. Карл Иванович Вебер и Корея после 1897 г. С.104-116 // Корея: история и современность. К девяностолетию со дня рождения профессора Михаила Николаевича Пака. Сборник статей. М.-Сеул, 2008. С. 105.

⁸⁹ Пак Б. Б. Карл Иванович Вебер и Корея после 1897 г. С.104-116 // Корея: история и современность. К девяностолетию со дня рождения профессора Михаила Николаевича Пака. Сборник статей. М.-Сеул, 2008. С. 108.

⁹⁰ Там же. С. 110.

⁹¹ Хотя до 1903 года все «безобразовские» авантюры финансировались из личных средств Николая, а в Восточно-Азиатскую промышленную компанию вложились как дальние, так и близкие родственники императорской семьи, император не требовал с Безобразова никаких отчетов.

сторонницей военного решения проблемы и создания на Дальнем Востоке так называемой «Желтороссии». Кроме этого, хотя маньчжурское направление было для России более выгодным, клика выступала за корейское отстаивали представители более авантюристического курса⁹².

Более всего на ситуацию на полуострове повлияла история создания на корейской границе военизированных поселений под маской так называемой «лесной концессии». Осенью 1896 г. некто Бриннер – российский купец из Владивостока получил от корейского правительства право в течение 20 лет рубить лес на берегах рек Амноккан и Туманган. В случае если работы не будут начаты в течение пяти лет с момента получения концессии, договор терял силу. Когда этот срок начал приближаться, русский посланник ходатайствовал о продлении его еще на 3 года. Однако 20 июля 1903 г. был подписан контракт, согласно которому округ Ённампхо предоставлялся в аренду российской компании. Компания обещала уплачивать корейскому правительству за него земельную подать, отдельно платить за срубленный и сплавляемый лес и обеспечить перенос могил корейцев, если их владельцы решат перенести их с этой территории⁹³. Кроме этого, российская компания обязывалась не строить на данной территории любые промышленные объекты кроме предназначенных для удовлетворения местных нужд⁹⁴.

Однако на деле концессия должна была быть прикрытием для развертывания на ее территории «боевого авангарда» в 20 тысяч человек, переодетых в платье лесных рабочих, и проведения подготовительных работ по организации оперативной базы и коммуникационных линий в преддверии конфликта и де-факто ползучего захвата корейских земель⁹⁵.

---

⁹² История Кореи (Новое прочтение). С. 250.

⁹³ Напомним, что в Корею нет кладбищ, и захоронения производятся в местах, благоприятных с точки зрения геомантии. Ввиду этого вопрос о могилах предков был весьма серьезным для каждого большого индустриального проекта, так как с потомками захороненных надо было договариваться, если проект задевал места захоронений. Противники проекта всегда могли поднять вопрос об осквернении могил.

⁹⁴ Гамильтонъ Ангъюсъ. Корея. С. 178-182.

⁹⁵ Б.Д. Пак, «Россия и Корея», с.338

И вот уже в мае 1903 г. на российском берегу Амноккана появились русские войска. Группа военных из 40 человек перешла границу, переодевшись в штатское, после чего в сопровождении сотни китайских кули создала лесопромышленный поселок и купила дома и землю на имя корейских чиновников, которые их сопровождали⁹⁶. Затем компанию Бриннера фиктивно продали русскому поверенному в делах Н. Г. Матюнину. В результате получилось, что российские дипломаты на Дальнем Востоке защищали интересы не российского МИДа, а безобразовской шайки⁹⁷.

Летом 1903 г. Безобразов стал статс-секретарем, что существенно повысило его статус. Более того, 30 июня 1903 года член клики Алексеев был назначен наместником Его Императорского Величества на Дальнем Востоке, фактически руководящим деятельностью всех ведомств региона. Хотя военный министр А. Н. Куропаткин и министр иностранных дел В. Н. Ламсдорф были сторонниками линии Витте, они оказались отрезанными от принятия решений. В июне-июле 1903 г. границу пересекали все новые и новые группы русских по 30-60 чел., большей частью вооруженных. Корейское правительство протестовало, однако Павлов указывал на то, что лесопромышленный поселок не запрещен условиями концессии. Между тем, население поселка начало заниматься не только его строительством, но и рубить лес на заповедных участках вопреки протестам местных корейских властей, строить насыпь на берегу Амноккана для прокладки узкоколейной железной дороги⁹⁸. Одновременно стали появляться иные подобные поселки, создаваемые по образцу военных поселений, которые русские пытались связать между собой телеграфной линией⁹⁹.

Когда японский посланник получил текст договора между корейским правительством и русской лесопромышленной компанией, он 25 августа 1903 г. обратился ко двору с ультиматумом, заявив, что если такой договор будет

---

⁹⁶ Там же. С. 178-182.

⁹⁷ Пак Б. Д. Россия и Корея. С. 339.

⁹⁸ Подобная железная дорога может рассматриваться как обязательный элемент «леспромхоза». Но, конечно, может использоваться и для переброски войск.

⁹⁹ Гамильтонъ Ангъюсъ. Корея. С. 178-182.

подписан, Япония сочтет это нарушением японо-корейских договоренностей, поскольку де-факто речь идет о колонизации приграничных территорий. В тот же день российский посланник тоже потребовал аудиенции у министра, но тот сказался больным, и заставил Павлова ждать 7 часов, после чего рассерженные Павлов заявил, что с министром он больше никаких дел иметь не будет и станет обращаться к самому императору¹⁰⁰.

Под воздействие дипломатического демарша японцев двор отдал распоряжение не допускать русских к дальнейшему захвату земли, однако усилия местных властей ни к чему не привели. Население русской колонии в Ённампхо увеличилось, на корейской территории начали появляться русские военные в форме, а на территориях фактории стали строить сторожевые башни и позиции для полевой артиллерии¹⁰¹. Более того, если верить Хальберту, безобразовцы были намерены переименовать Ённампхо в Порт-Николай¹⁰².

Между тем, опасность войны понималась хорошо, особенно той частью российских военных и дипломатов, которая «работала в поле»,. Вот отрывок из письма командированного в Корею секретаря миссии в Пекине Г. Штейна (15/27 ноября 1895 г.): «Все моряки наши, а у нас перебивала их за последнее время масса, боятся войны (с японцами) как огня, и говорят, что если у нас в Военном и Морском министерствах есть хоть один честный человек, то ей не бывать. Ни угольных складов, ни провианта, транспортов, дорог, быстроходных судов – ничего нет. Даже аварий починить негде, так как если большой Владивостокский док и готов, то мастерских не существует еще даже в зачаточном состоянии. Что Владивостокский док – порт вполне и, безусловно, замерзающий, несмотря на ледорезы и всевозможные проекты подогреваний бухты искусственным образом, признано всеми моряками. Стали ли все у нас пессимистами, мнительными и

---

¹⁰⁰ Там же. С. 178-182.

¹⁰¹ Там же. С. 178-182.

¹⁰² The Passing of Korea, стр. 187

подозрительными, или по какой другой причине, но так и кажется, что японцы выжидают зимы, чтобы... вызвать нас на войну в менее всего удобный для нас момент. Что японцы знают наши слабые стороны лучше, может быть, чем мы сами, почти не подлежит сомнению, так как весь Владивосток полон японцев, а японец, как известно, по существу своему шпион, от первого министра до последнего кули»¹⁰³.

Я намеренно довольно подробно рассказываю об этой ситуации, так как именно данные действия безобразовской клики ускорили начало русско-японской войны, хотя против инициативы А. Н. Безобразова выступали и С. Ю. Витте, и посланник Ли Бом Чжин¹⁰⁴. Кроме того, под влиянием данных действий официальной позицией двора стал нейтралитет и стремление не сближаться ни с той, ни с другой стороной.

Правда, чуть только давление Японии становилось сильнее, *ван* кидался в российские объятия – настолько, что в 1903 г. был готов бежать. Российский посланник в Корее А. И. Павлов писал о намерении корейского императора Кочжона перебраться в Россию¹⁰⁵ так: «Сегодня император через ближнего евнуха, коему еще доверяет, передал мне следующее: не имея больше сомнения в неминуемости занятия Кореи японцами и со дня на день ожидая, что находящиеся уже в Сеуле японские войска оцепят дворец, подкупленная японцами дворцовая охрана умертвит его самого, он умоляет императорское правительство дать ему совет, как поступить и может ли он надеяться, что мы дозволим ему, в минуту опасности, укрыться в русской миссии, чтобы затем с нашей помощью направиться совсем в пределы России».¹⁰⁶ Для автора это довольно важно, потому что позволяет задать неприятный для корейских националистов вопрос о том,

---

¹⁰³ Там же. С. 23.

¹⁰⁴ История Кореи (Новое прочтение). С. 278.

¹⁰⁵ Корея глазами россиян (1895-1945). С. 131

¹⁰⁶ Секретная телеграмма А.И. Павлова. Сеул, 17/30 декабря 1903 г. Архив внешней политики российской империи. Фонд «Китайский стол». Опись 491. Дело 42. Лист 253.

всегда ли можно верить показаниям вана, которого они традиционно выставляют последовательным поборником независимости страны¹⁰⁷.

Преддверие войны и вопрос о нейтралитете Кореи

Ангус Гамильтон был совершенно прав, когда описывал положение как Кореи «безнадежное: корейское правительство бессильно воспрепятствовать и наступательному движению России и постоянному распространению японского влияния»¹⁰⁸. И. Бишоп тоже довольно откровенно пишет, что уход Кореи в японские руки был бы Англии и Америке более выгоден, как минимум, потому, что в этом случае Корея не оказывается в сфере влияния России.

К середине 1903 г. катализированное «лесной концессией» противоборство между Россией и Японией стало причиной прямых переговоров, на которых, в частности, снова обсуждался вопрос о разделе Кореи на сферы влияния по 39-ой параллели¹⁰⁹. Переговоры, однако, быстро показали свою непродуктивность, а идея раздела Кореи на сферы влияния в России особенным успехом не пользовалась¹¹⁰. В воздухе запахло порохом и следующим этапом, на котором произошло значительное изменение сил на полуострове, стала русско-японская война 1904-1905 гг.

До этого времени и Япония, и Россия пытались навязать Корею союзный договор, чтобы выдавить противника с этой территории, и из телеграммы российского посланника А.И. Павлова, датированной 23 декабря 1903 г. (5 января 1904 по новому стилю) нам известно, что японцы еще до начала войны требовали принятия протектората, и что Кочжон был готов пойти на японские условия¹¹¹.

¹⁰⁷ Не сталкивались ли мы и ранее и не будем ли сталкиваться позднее с ситуацией, когда одним Кочжон говорил одно, а другим по тому же поводу, - другое, всякий раз желая сложить с себя ответственность за принятое решение?

¹⁰⁸ Гамильтонъ Ангьюсь. Корея. С. 17-18.

¹⁰⁹ На с. 354-355 своей книги «Россия и Корея» Б. Д. Пак весьма подробно излагает предложения сторон, сделанные непосредственно перед войной.

¹¹⁰ Пак Б. Д. Россия и Корея. С. 360.

¹¹¹ Корея глазами россиян (1895-1945). С. 165

Впрочем, Кочжон, как обычно, юлил. В письме, направленном Николаю II через своего флигель-адъютанта, он уверял, что в случае разрыва отношений между Россией и Японией Корея будет твердо на стороне России. 5/18 января 1904 г. Кочжон официально заявил, что ввиду осложнений между Японией и Россией Корея объявляет нейтралитет, как бы ни закончились русско-японские переговоры. Информация была передана через французского консула. России же было тайно передано через посланника, что император решил объявить о нейтралитете только ради того, чтобы оградить себя от угроз японцев, которые требовали от него заключения союзного договора. Кочжон объяснял это тем, что если Япония нарушит нейтралитет Кореи, он сможет открыто объявить себя союзником России, однако, как мы знаем, на это его храбрости не хватило¹¹².

21 января 1904 г. министрам иностранных дел Австрии, Англии, Германии, Италии, Китая, России, США, Франции и Японии была отправлена официальная телеграмма корейского правительства: «Ввиду осложнений, возникших между Россией и Японией, и ввиду затруднений, встреченных переговаривающимися сторонами к достижению мирного исхода, корейское правительство по поручению Его Величества Императора объявляет, что оно приняло твердое решение соблюдать строжайший нейтралитет...»¹¹³, но японская военная машина была уже запущена, и 27 января 1904 г.¹¹⁴ судьба Кореи де-факто уже была решена.

К тому же Х. Хальберт упоминает о том, что перед началом войны японцы будто бы подобрали в Желтом море лодку и обнаружили на ней корейца, перевозящего письмо в Порт-Артур с просьбой о прислании войск. Документ не был официальным, но исходил от высших должностных лиц Кореи¹¹⁵.

---

¹¹² Там же. С. 166- 167.

¹¹³ Пак Б. Д. Россия и Корея. С. 364.

¹¹⁴ Надо отметить, что нападение на российскую эскадру на рейде Порт-Артура произошло не внезапно. Дипломатические отношения были разорваны за 3 дня до того. Иное дело, что от японцев никто не ожидал подобной прыти, поскольку каноны ведения войны конца XIX - начала XX вв. предполагали, что сначала объявляется война на дипломатическом уровне, а потом лишь начинаются мобилизация, перемещения войск и т. п. Достаточно посмотреть на то, сколько времени прошло между началом первой мировой де-юре и де-факто.

¹¹⁵ The Passing of Korea, стр. 190

Отступление историографа – к вопросу о нейтральных странах

В начале XX в. корейский двор и ряд сочувствующих ему российских дипломатов начали активно выступать с идеей «нейтрализации Кореи» по бельгийской модели (т. е. придания стране статуса нейтральной под гарантии ее территориальной неприкосновенности со стороны великих держав). Высказывался в пользу подобного и американский дипломатический советник Вильям Сэндз, служивший в Корее в 1899-1903 гг.¹¹⁶, и потому нам стоит немного выйти за рамки корейской темы и поговорить о том, когда, как и почему нейтральная страна может избежать агрессии соседей.

Понятно, что раздел страны на сферы влияния не всегда ограничивает дальнейшую экспансию. Нейтралитет подразумевает отсутствие стремлений или желания вторгаться. Однако встает вопрос о гарантиях нейтралитета, ибо в большой политике слишком часто выигрывает тот, кто нарушает правила первым. А это значит, что договор соблюдается до тех пор, пока соблюдать его выгоднее, чем нарушать.

К сожалению, подобная концепция выглядит очень слабой по ряду причин. Исторический опыт существования нейтральных стран говорит о том, что такая страна или играет роль буфера, а не объекта соперничества, или в состоянии постоять за себя, или находится далеко от основной зоны конфликта, или «овчинка не стоит выделки».

Выгода от соблюдения договора может быть обусловлена как двухсторонними условиями, так и гарантиями со стороны внешних сил, а равно – общественного мнения, отчасти манифестированного в форме международного права. Нарушающий договор подвергнется осуждению всех остальных и может заработать больше проблем, чем выгоды. В начале XX в. обстановке острых противоречий силы, способной гарантировать нейтралитет, не было. Кроме того,

---

¹¹⁶ В.М. Тихонов, Кан Мангиль. История Кореи. Том I, С. 476

в политике господствовала несколько иная ментальность. Во-первых, нейтралитет воспринимался как привилегия уважаемых стран, способных постоять за себя. Это – стояние над конфликтом, а не статус «яблока раздора», являющегося причиной конфликта. Не случайно, с японской точки зрения, для того, чтобы начинать разговоры о своем статусе нейтрального государства, Корея должна была, как минимум, привести в порядок свои финансовые дела и обладать более сильной армией численностью от 40 тыс. чел¹¹⁷.

К тому же, это сейчас мы знаем, как закончилась русско-японская война, а в начале XX в. российские власти и общественное мнение страны были абсолютно уверены в победе над азиатами, и предложенная концепция нейтралитета, которую проталкивал тогдашний российский посланник в Японии А. П. Извольский, не встретила поддержки именно потому, что отказываться от Кореи не хотел никто. Россия была уверена, что ее сил и ресурсов хватит на то, чтобы взять эту территорию под контроль, причем – всю территорию. В рамках такой парадигмы поддержка нейтралитета воспринималась как отказ от претензий на Корею, а разделение этой страны на сферы влияния – как отказ от претензий на половину страны в ситуации, когда можно «взять всё». В результате и российский, и японский МИД оценили инициативу нейтралитета как несвоевременную. И не случайно в царском манифесте от 18 февраля 1904 г. говорилось, что Россия ведет войну не только за свои честь и достоинство, но и за «тихоокеанское господство»¹¹⁸.

Можно, конечно, вспомнить Таиланд, который избежал колонизации благодаря тому, что был разделен на сферы влияния. Однако в Таиланде раздел произошел между Англией и Францией, которые не собирались вступать в серьезный конфликт по такому малозначительному поводу, и страна сыграла роль буфера между британской Индией и французским Индокитаем. К тому же, территория Таиланда не имеет ни с одной из этих метрополий общие границы.

---

¹¹⁷ Пак Б. Д. Россия и Корея. С. 329.

¹¹⁸ История Кореи (Новое прочтение). С. 265

Однако Корея была объектом соперничества, спорной территорией, и, следовательно, вряд ли смогла бы эффективно исполнять роль буфера. Потому тот же Сэндз, видя в нейтрализации страны идеальный вариант решения «корейского вопроса», в то же время наиболее реалистичным полагал «цивилизация» Кореи посредством Японии.

Глава двенадцатая, в которой «пять предателей» подписывают протекторат, Ито Хиробуми переодевается в ханбок, а Ли Сын Ман остается ни с чем.

Русско-японская война 1904 -1905 гг на территории Кореи

Решение начать войну у Японии возникло не мимолётно – она целенамеренно готовилась к ней на протяжении нескольких лет, и война всё равно бы случилась рано или поздно – некоторые, в том числе Витте, предсказывали её ещё в начале 1901 года.

24 января (6 февраля) 1904 г. Япония официально объявила о разрыве дипломатических отношений с Россией, а два дня спустя начались военные действия, в ходе которых японцы сразу же стали прибирать к рукам Корею. В стране разместились японские войска и были введены военное положение и декрет о смертной казни для корейцев, обнаруженных в районе военных коммуникаций.

Мы не будем здесь подробно останавливаться на ходе русско – японской войны. Он подробно описан в обширной исторической и художественной литературе. Отметим только, что территорию Кореи война практически не захватила, и в трудах корейских историков она отражения не нашла, - даже о подвиге крейсера «Варяг» они практически не упоминают.

Сражение «Варяга» и «Корейца» с эскадрой адмирала Уриу Сотокити описано во многих источниках, и потому будем краткими. Российские суда находились в Чемульпо в качестве стационаров, задачей которых была защита дипломатических представительств в случае ухудшения обстановки. Отконвоировав транспорты и высадив десант, и Уриу объявил, что ждет сражения на внешнем рейде, либо будет вынужден атаковать порт, где находились и иные иностранные военные корабли. Как пишет Х. Хальберт, «Стоя на якоре, они могли лишь преуспеть в вовлечении Франции, Италии, Великобритании и Соединенных Штатов. И, конечно, были те, кто были готовы обвинить Россию в

трусости. Если это было поводом для начала войны, то по крайней мере должно было доказать бесстрашие царских подданных. Поэтому командир Варяга приказал расчистить палубу и приготовиться к сражению. Было установлено, что он предпочел бы оставить Корейца пришвартованным, а быстрый Варяг, сделав резкий рывок, смог бы ускользнуть от японцев и удачно пройти сквозь строй. Но командир Корейца не хотел слушать какие-либо предложения. Он не собирался отказываться от своей доли чести, и если единственный путь получить ее заключался в отчаянной атаке, то он отправится вместе с Варягом и потонет, если понадобится».

По его мнению, «Русские собирались идти на верную смерть. Кто-то назовет это безрассудством, а не храбростью, но они неправы. Корабли были обречены в любом случае. Офицеры и экипаж были обязаны идти вперед и в предсмертной схватке нанести удар врагу. Идти на битву с равными шансами на победу и поражение - поступок смелого человека; отправиться в объятия смерти, имея за собой ничего, кроме явного поражения, – поступок, достойный героя. Японцы бы были последними, кто отрицал доблестный подвиг русских»¹.

Далее, в результате короткого боя, сведения о потерях в каковом существенно разнятся в зависимости от ангажированности источников, лишенные возможности продолжать бой русские корабли вернулись в порт, после чего «Кореец» взорвался, а «Варяг» открыл кингстоны и затонул².

---

¹ The Passing of Korea, стр. 197

² Привожу описание боя по Хальберту: «... Единственный шанс для русских нанести хоть какой-то урон – как можно больше сократить дальность стрельбы. Т.к. пушки Варяга 6 дюймов и 4/10 калибра, они совершенно бесполезны на больших расстояниях. Все началось за пять минут до наступления вечера. Японский флот не был повернут в сторону приближающихся кораблей, что доказывает отсутствие намерений бросать все свои силы одновременно против русских. Известно, что только два японских корабля - Асама и Чиёда - участвовали в бою. 10 из 12 командиров по вооружению были расстреляны. Заряд пробил бак, пролетел между корпусом и рукой командора, которую он поставил на бедро, и, разорвавшись, убил всех присутствующих. Оба капитанских мостика были разрушены разорвавшимся снарядом, а капитан тяжело ранен в левую руку. Очевидцы с берега и с кораблей, стоящих в порту, видели, как пламя огня вырывалось из кормы, и заряды попадали чуть ниже ватерлинии. Именно они нанесли критический урон кораблю. Спустя 45 минут постоянной борьбы корабль повернул в сторону порта. Был замечен сильный крен на левый борт, который мог быть вызван лишь серьезными повреждениями ниже ватерлинии. Из-за сильного повреждения одного из двигателей Варяг мог плыть только со скоростью 10 узлов в час. Японцы преследовали два медленно идущих обратно в порт корабля и неустанно обстреливали, пока русские не доплыли до места швартовки. Тогда преследователи отступили, и сражение было закончено. Кореец был невредим. Японцы обрушили весь огонь на более крупное судно».

Помимо этого, на территорию Кореи был совершен казачий рейд, дошедший 28 февраля до северных ворот Пхеньяна и отступивший после перестрелки с охраной³. Небольшое сражение на корейской территории произошло только 28 марта под Чонджу, где российский отряд «занял позицию на холме к северо-западу от города и держал ее в течение трех часов. Но даже здесь максимальные потери достигали лишь 15 человек с каждой стороны»⁴.

25 апреля Владивостокская эскадра появилась в устье гавани Вонсана. На причале стоял лишь один японский корабль, Гоё Мару, вскоре потопленный миноносцем. Это и последующий обстрел⁵ спровоцировало некоторую панику, но у русских не было намерений атаковать город, и вскоре они отплыли. За несколько часов до этого был потоплен японский транспорт Кинсю⁶.

Итоги русско-японской войны и первый этап закабаления Кореи

Прибиение страны к рукам началось еще до окончания войны, когда Сеул был занят войсками, Ли Ён Ик арестован и увезен в Японию, а 23 февраля 1904 г. правительство было вынуждено подписать протокол, который подтверждал предоставление Японии военных концессий, после чего в Корею были размещены шесть с половиной батальонов, начавших прокладывать железные дороги и взявших под контроль телефонную и телеграфную сеть. К середине марта 1904 г. общая численность японских солдат в Корею составила более 100 тыс. человек.

В марте 1904 г. пришел конец гильдии побусанов⁷. В мае 1904 г. были подписаны «Принципы предоставления льгот в Корею», которые давали японцам право размещения воинского контингента, экспроприации земель в военных целях, руководства внешней и финансовой политикой. Каждый японский солдат

³ The Passing of Korea, стр. 203

⁴ The Passing of Korea, стр. 205

⁵ Hulbert, Homer B. The history of Korea. vol. 2 стр. 368

⁶ The Passing of Korea, стр. 207

⁷ The Passing of Korea, стр. 204

на корейской территории чувствовал себя полноправным господином, и войска творили там все, что им заблагорассудится⁸. Х. Хальберт приводит много примеров чинимого японцами произвола (в том числе в отношении граждан США и принадлежащего им имущества), безразличия японских официальных лиц и бессилия корейских властей⁹.

22 августа 1904 г. было подписано «Соглашение о советниках», предусматривающее, что у корейского правительства будут советники - финансовые (японцы) и дипломатические (граждане третьих стран по рекомендации японского правительства). При этом определенное количество американцев было японскими агентами влияния. К ним относят как упомянутого ранее Вильямса, выступавшего против Со Чжэ Пхия, так и Дурхама Стивенса, который был личным другом Рузвельта и консультантом при министерстве иностранных дел.

Началось активное экономическое закабаление. Ставший главным консультантом по финансовым вопросам чиновник министерства финансов Японии Мэгата Танэтаро обесценил корейскую вону на 20-50 %, облегчив экспорт из страны, и под предлогом наведения «порядка» в финансах конфисковал средства императорской семьи (по сути, наконец положив конец практике, когда император воспринимал государственный карман как личный).

По его же инициативе в январе 1905 г. был опубликован, а с июля 1905 г. начал действовать, так называемый «Указ о денежной реформе», согласно которому запрещалось обращение корейской медной монеты и вводились обмен и обращение японской валюты, причём низкокачественные корейские деньги из обмена исключались. В результате у корейских торговцев истощались денежные ресурсы, а корейские национальные финансовые учреждения быстро разорялись. Японские же банки приобрели контроль над денежным оборотом страны.

17 июня 1904 г. к корейскому правительству обратился японский финансист Нагамори, который предложил предоставить ему 50-летнюю концессию на ВСЕ

⁸ Василевская И. И. Колониальная политика Японии в Корее накануне аннексии (1904 ~ 1910). М., 1975. С. 18.

⁹ The Passing of Korea, стр. 217

пустующие или необрабатываемые земли Кореи. При этом первые 5 лет концессия не должна была облагаться налогами. Против такого проекта подняли голос и помещики, и высокопоставленные чиновники, образовавшие общество *Поанхва* (Общество охраны и безопасности), члены которого сочетали сопротивление конкретным действиям японцев на местах с давлением на двор при помощи петиций и демонстраций. Хотя 6 июля общество было разогнано¹⁰, концессию Нагамори не получил.

Кроме того, Япония усилила хватку путем раздачи ссуд и принудительных займов, начиная с предоставления займа в 3 млн. иен в 1905 г. К 1910 г. сумма японского кредита уже превысила 45 млн. иен, и Корея была не в состоянии расплатиться с долгами. Страна оказалась на краю банкротства.

Условия Портсмутского мирного договора, заключенного по итогам войны, были довольно мягкими¹¹, но его вторая статья однозначно определяла статус Кореи: «Императорское российское правительство, признавая, что Япония обладает в Корее главными политическими, военными и экономическими интересами, обязывается не препятствовать никаким вмешательствам, мерам административным, протекторатным и контрольным, принятие которых в Корее Япония сочтет необходимым»¹².

Тем не менее, хотя Портсмутский мир подтвердил приоритет Японии в Корее и ее право контролировать ситуацию в стране, с формальной точки зрения ее независимость и территориальная неприкосновенность уничтожены не были. Поэтому Б. Д. Пак считает пятилетнюю отсрочку потери Кореей своей независимости определенной победой российской дипломатии¹³.

---

¹⁰ The Passing of Korea, стр. 209

¹¹ Ситуация на переговорах была достаточно сложная. Россия вела достаточно агрессивную политику, исходя из того, что Япония гораздо больше истощена, и дальнейшее ведение войны позволит России реализовать стратегическое преимущество. Однако Япония была истощена совсем не настолько, насколько казалось российским дипломатам, а, кроме того – ее поддерживали Вашингтон и Лондон. В итоге Россия уступила Японии южную часть Сахалина, свои арендные права на Ляодунский полуостров и Южно-Маньчжурскую железную дорогу, соединявшую Порт-Артур с Китайско-Восточной железной дорогой. То есть, Япония обрела меньше, чем ожидалось и не получала денежных контрибуций, на которые очень рассчитывала.

¹² Корея глазами россиян (1895-1945). С. 225.

¹³ Пак Б. Д. Россия и Корея. С. 377-378.

***Ильчинхве* – собрание негодяев и/или наследник Общества независимости?**

На фоне успехов Японии значительную активность развила и прояпонская фракция при дворе. Она практиковала создание массовых обществ, аналогичных *Тоннип хёпхве*, но направленных на привнесение в страну прогресса через потворство деятельности Японии. Эти настроения были усилены тем, что в русско-японской войне «Азия одержала победу над Европой». Интересно, что достаточно большое число представителей этой группы происходило из низших классов, ранее принимавших участие в движении *тонхак*.

Наиболее видным политическим лидером прояпонской фракции был Сон Бён Чжун, который начинал как мальчик на побегушках при семье Мин. Г. Хендерсон считает его первым крупномасштабным политическим деятелем новой формации, какого бы мнения ни придерживалась по этому поводу официальная южнокорейская историография¹⁴. В 1885 г. он был отправлен в Японию для того, чтобы убить Ким Ок Кюна, но вместо этого подпал под его влияние. Вернувшись в Корею, был арестован подозрительной королевой, но сумел выкрутиться, и в 1894 г. сопровождал корейского принца во время его поездки в Японию, где остался на 10 лет, вернувшись в качестве военного переводчика японской армии во время русско-японской войны. В Японии он сблизился с Утида Рёхэй, руководителем Общества Черного Дракона, в котором усмотрел родственную душу: Утида тоже был представителем низших классов, националистом и сторонником модернизации, а Сон Бён Чжун - достаточно искренним в понимании модернизаторской роли японской империи¹⁵.

В Корее Сон Бен Чжун стал серым кардиналом *Ильчинхве* (Общества единения и прогресса), которое было основано бывшим военным Юн Си Бёном (председатель) и высокопоставленным чиновником Ли Гон Хо¹⁶. В ноябре 1904 г

¹⁴ Henderson. P. 207.

¹⁵ Толстокулаков И. А. Политическая модернизация Южной Кореи. Часть I. С. 247.

¹⁶ История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Том I. С. 384.

Ильчинхве слилось с *Чинбохве* (Обществом прогресса), созданным бывшими членами *тонхак* Сон Бён Хи (спасаясь от правительственных преследований, он уехал в 1901 г. на учебу в Японию)¹⁷ и Ли Ён Гу¹⁸, ставшим официальным руководителем Общества

В программу *Ильчинхве* входили почитание императорского дома, требование административных реформ и улучшения внутреннего управления. Борясь с традиционной структурой, ему даже удалось осудить несколько губернаторов. Члены *Ильчинхве* были сторонниками прогресса, в знак чего носили короткую стрижку. В области внешней политики они выставляли основным врагом Россию, выдвигали идею федерации Японии и Кореи и придерживались японского лозунга «Азия – для азиатов!», считая, что Япония стоит в одном ряду не с угнетателями, а с угнетенными нациями Востока, и имеет с другими народами Азии общие интересы, обусловленные расовой и культурной близостью. Это важно, так как Общество не только занималось прояпонской пропагандой, но и отстаивало идею о прогрессивном развитии Кореи, выдвинуло программу административной реформы, связанной с преобразованиями в области государственного управления и экономики и подчеркивало свою верноподданническую позицию по отношению к корейскому монарху¹⁹.

Поначалу *Ильчинхве* было популярно только в южных, сельскохозяйственных регионах страны, остававшихся под влиянием *тонхак*. Но уже через несколько месяцев после своего создания вовлекло в сферу своего влияния свыше 200 тыс. крестьян и было в состоянии мобилизовать 270 тыс. человек на организованное Японией строительство железных дорог Северной Кореи и Маньчжурии, а в течение 1905 г. неоднократно выступало с декларациями, поддерживающими Японию и требующими протектората. Собственно, эти декларации затем активно использовались японскими властями как доказательство того, что значительная часть корейского населения сама

¹⁷ Естественно, в советских учебниках Сон Бён Хи был назван одним из реакционных главарей *тонхак*, который, захватив руководство остатками крестьянской армии, способствовал ее разгрому.

¹⁸ Василевская. С. 26-27.

¹⁹ Толстокулаков И. А. Политическая модернизация Южной Кореи. Часть I. С. 247-248.

выступает за протекторат. Как отмечает И. А. Толстокулаков, «японцы позволили *Ильчинхве* монополизировать право выступать от имени всей нации и видели в нем единственного законного представителя корейской общественности»²⁰.

Ильчинхве имело право на внешние сношения, устраивало развернутые демонстрации у стен королевского дворца и, по его собственным данным, насчитывало миллион человек. Оно организовывало массовые митинги и было способно собрать на митинг 10 тыс. человек даже в таком небольшом городе, как Сувон. Ячейки общества существовали не только в Корее, но и в Китае и России²¹.

Ильчинхве активно занималось практическими делами, имело свою газету *Кунмин Синмун*, что можно перевести как «Народная газета», и свои собственные отряды самообороны, которые не только играли роль силовых структур, но и боролись с *Ыйбён*, причем последние считали их бóльшими врагами, чем японцев. Правда, политические методы *Ильчинхве* были далеки от чистоты. Члены *Ильчинхве* активно практиковали рэкет, шантаж, клевету, политическое давление, устраивали аресты и погромы, что стало причиной снижения их популярности. Похоже, техники массовых демонстраций, террора и запугивания придерживались представители всех корейских политических организаций, являвшихся помесью политической организации европейского типа с классическим дальневосточным тайным обществом наподобие небезызвестной китайской Триады.

После окончания войны *Ильчинхве* получило от японских властей 200 тыс. иен²², и этот аргумент обычно используют как доказательство его «проплаченности». Однако следует отметить, что никакие финансовые вливания сами по себе не могут создать серьезное общественно-политическое движение, если для него нет базы.

---

²⁰ Там же. С. 248.

²¹ <http://www.arirang.ru/news/2007/07154.htm>

²² История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Том I. С. 385.

В 1906 г. *Ильчинхве* окончательно размежевалось с *тонхак*, и его численность стала падать. Если в 1906 г. в нем насчитывалось около миллиона членов, то в 1910 г. – чуть больше 140 тыс. После аннексии Кореи в 1910 г. *Ильчинхве* было расформировано, а самых видных его членов наградили японскими орденами²³. Тем не менее, Г. Хендерсон считает, что решающую роль в демонтаже корейской традиционной политической системы сыграло именно оно²⁴.

С точки зрения Хендерсона, это была первая успешно действующая политическая партия, которую отличало выдвижение достаточно четкой политической платформы и издание общенациональных газет и журналов для ее массовой пропаганды.

Ильчинхве сыграло важную роль и в модернизации общественного сознания Кореи. Оно применяло такие техники современной политической культуры, как массовые митинги, публичные выступления, листовки, декларации (при желании их можно воспринимать как модификацию традиционного петиционного движения), организация широкомасштабной финансовой поддержки своей деятельности, лоббирование, публичное и весьма результативное давление на власть от имени народа и т. п., еще активнее, чем Общество независимости²⁵.

Все это заставляет несколько пересмотреть бытовавший в советской и российской традиционной историографии взгляд на *Ильчинхве* как на кучку продажных политиканов и марионеточную организацию, созданную японцами для прикрытия своих планов по захвату страны. Хотя Общество, безусловно, спонсировалось японцами и имело в своих рядах японских советников, его, похоже, следует воспринимать не как небольшую группу прояпонских агентов влияния, как считали у нас раньше, а как достаточно массовую организацию,

---

²³ Там же. С. 385.

²⁴ Henderson. P. 67-71.

²⁵ Толстокулаков И. А. Политическая модернизация Южной Кореи. Часть 1. С. 248-249.

состоящую из сторонников идеи «Великого Востока» как Азии для азиатов под духовным главенством Японии.

На взгляд автора, многочисленность Ильчинхве и его популярность среди прогрессистов объясняется несложно, особенно если помнить состояние дел, описанное в предыдущей главе. Видя весь тот масштаб разрухи, косности и коррупции, который существовал в стране, сторонники прогресса считали, что ее собственные власти не способны на решительные действия, способные привести Корею к цивилизации и процветанию, и, более того, озабочены лишь собственным благополучием. В этой ситуации многие из них были готовы опираться на кого угодно, лишь бы изменить нынешнее положение дел.

К тому же, не следует забывать, что мы анализируем события с позиции послезнания, откуда хорошо видно, чем характеризовалось правление японцев. Но те, кого привыкли называть прояпонскими элементами, отнюдь не собирались менять плохое на худшее и не до конца представляли себе, чем обернется ситуация – неслучайно к деятельности *Ильчинхве* имели отношение не только прямые пособники японских захватчиков, но и патриоты из умеренного крыла просветительского движения. Советская историография очень любила выставлять на первое место «японского прислужника Сон Бён Чжуна», но Сон Бён Хи, который имел в *Ильчинхве* не меньший вес, впоследствии оказался одним из авторов Декларации независимости.

Принуждение к протекторату 1905 г.

5 ноября 1905 г. по указке японских властей руководители *Ильчинхве* выпустило декларацию, требовавшую установления японского протектората над Кореей. «Для Кореи, - говорилось в этом документе, - нет иных путей, как целиком передать право внешних сношений дружественной Японии и поддержать национальный престиж, опираясь на ее силу. Поскольку сохранение

независимости и территориальной целостности Кореи зависит от рескрипта японского императора, мы должны вступить в искренний и честный союз с дружественной Японией: только опираясь на ее руководство и покровительство, можно добиться вечного и беспредельного благоденствия для нашего государства»²⁶.

«Идя навстречу этому пожеланию», 17 ноября 1905 г. японцы установили в Корею свой протекторат, что подразумевает сохранение правящей династии и внутренней структуры государства при уничтожении структуры внешней, то есть расформировании армии, отсутствии самостоятельно проводимой внешней политики и т. д. генеральным резидентом Японии в Корею стал Ито Хиробуми, подписавший договор о протекторате с японской стороны.

Договор о протекторате состоял из пяти следующих статей

1. Внешние связи Кореи передавались под контроль Японии.
2. Япония брала на себя обязательства по выполнению всех договоров, заключенных между Кореей и другими государствами. Корея лишалась права заключать международные договоры без согласия Японии.
3. Японским представителем в Корею назначался генеральный резидент, который имел право «давать советы корейскому императору», когда сочтет нужным.
4. Все существующие договоры между Японией и Кореей остаются в силе, если они не нарушают статей данного договора.
5. Японское правительство гарантирует безопасность и достоинство корейского императора.

Как принято считать, договор подписан в буквальном смысле под дулами винтовок. Вначале (проект был представлен еще в октябре) Ито несколько раз пытался обратиться к Кочжону, но тот отказывался встретиться с японским посланником, сказываясь больным. Тогда Ито собрал членов корейского

---

²⁶ Герман Ким. История иммиграции корейцев. Интернет-версия книги.(дай адрес) Цит. по кн.: Сидэхара Хироси. *Чосён сива*. (Очерки по истории Кореи), Токио. 1925. С. 527.

кабинета, принадлежащих к прояпонской группировке, но и здесь не встретил единства. Министр иностранных дел Пак Че Сун заявил, что возражает против проекта договора, однако если император прикажет ему подписать договор, он подчинится. Ли Ван Ён ответил ему, что требования Японии – логический результат итогов войны, и что Корея, «чья внешняя политика принудила Японию к войне с Россией», должна помочь поддержать будущий мир на Дальнем Востоке. Ито также полагал, что Корея находится в моральном долгу перед Японией, отстаившей её независимость в русско-японской войне ценой жизни своих подданных, и поэтому обязана принять условия договора.

Премьер-министр Хан Гю Соль решительно отказался подписать договор и собирался доложить императору «о предательстве», но, когда он покинул помещение, где шло заседание, был схвачен японцами²⁷. Правда, в иной версии Хан Гю Соль предусмотрительно скрылся, зато в соседней комнате бряцали оружием японские солдаты²⁸.

Х. Хальберт приводит еще одну версию, с любопытным дополнением: японцы заявляли, что, как только Корея станет достаточно сильной и богатой для поддержания своей независимости, она будет ей возвращена²⁹.

В общем, договор был подписан пятью министрами³⁰, хотя практически сразу же после этого по Сеулу распространился слух, что японцы силой завладели императорской печатью, а затем подделали подписи корейской стороны. И источником его действительно были ван и близкие к нему круги, которые таким образом пытались оправдаться перед общественным мнением.

Уже на следующий день после установления протектората корейский император официально заявил, что не давал согласия на заключение договора³¹. 19 ноября Коджон приказал наказать всех министров, подписавших договор,

---

²⁷ Василевская. С. 34.

²⁸ История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Том I. С. 388.

²⁹ The Passing of Korea, стр. 222

³⁰ Это были министр иностранных дел Пак Че Сун, министр просвещения Ли Ван Ён, военный министр Ли Гын Тхак, министр внутренних дел Ли Чжи Ён и министра земледелия, торговли и промышленности Квон Чжун Хен. В корейскую историю эти министры вошли как «пять предателей».

³¹ И. И. Василевская. Колониальная политика Японии в Корее накануне аннексии (1904-1910 гг.), М., 1975, стр. 35.

однако приказ Коджона не был приведен в исполнение. Ито Хиробуми отдал указ о помещении императорской семьи под охрану японской жандармерии.

26 ноября 1905 г. Ли Бом Чжин передал в МИД России очередное секретное письмо, в котором император Кореи излагал свою версию случившегося: «...министр Хаяши (Хаяси – японский посланник в Сеуле), генерал Хасэгава (командующий японскими войсками) и маркиз Ито Хиробуми в сопровождении вооруженных сил и полицейских-японцев проникли ночью во дворец с целью заставить меня подписать договор о признании протектората Японии над Кореей. Я и мои министры сопротивлялись их угрозам. Тогда японцы силой ворвались в мои покои, где захватили мою императорскую печать и печать министерства иностранных дел, которая хранилась в бюро министерства иностранных дел. После того как японцы поставили печати к подготовленным ими документам, они снова потребовали, чтобы я их подписал, но я, как и в первом случае, энергично отказался...»³².

Мелодраматичность этой сцены вызывает определенные сомнения (слабохарактерность корейского государя нам хорошо известна), тем более что когда японцы явились к нему для объяснений, он сказал им, что не делал подобное заявление. Однако российский МИД широко распространил эту информацию, так как она позволяла обвинить Японию в насилии и попрании международного права³³. Так как правом подписания договоров с иностранными государствами обладал только император, текст, не одобренный им, являлся недействительным. Кроме того, подписание этого договора нарушало как минимум Портсмутский договор с Россией, в протоколе которого обуславливалось оформление соответствующим соглашением с корейским правительством каждого мероприятия японского правительства, ущемляющего корейский государственный суверенитет.

---

³² Пак Б. Д. Россия и Корея. С. 381.

³³ Современные корейские историки тоже очень любят эту версию, поскольку она снимает ответственность с Коджона, однако следует помнить, что информация из единственного и ангажированного источника не должна рассматриваться как достоверная на 100 %. Мы не раз сталкивались с ситуацией, когда Коджон дает «добро» на что-то, а затем после предъявления ему претензий заявляет, что его заставили сделать это против его воли.

С конца ноября 1905 г. западные державы стали отзывать из Сеула своих посланников и заменять их консулами³⁴.

В феврале 1906 г. было закрыто японское посольство и учрежден офис генерального резидента, который формально осуществлял контроль за внешними связями Кореи, а также – за выполнением всех обязательств Кореи по отношению к Японии. Последнее давало ему возможность контролировать все внутренние дела страны³⁵.

Генеральный резидент имел очень широкие полномочия, касавшиеся законодательных, исполнительных и судебных функций, а также военных вопросов. В его ведение были переданы все дела, касающиеся иностранцев, проживавших в Корее, и расположенных на Корейском полуострове консульских учреждений иностранных государств. Он мог потребовать от корейского правительства принятия мер, необходимых, по его мнению, для строгого выполнения обязательств, возложенных на Корею договором о протекторате. Он мог отдавать приказание непосредственно местным корейским властям и только после этого ставить в известность корейское правительство. Он имел право наказывать тюремным заключением на срок до одного года и налагать штраф до 200 иен за нарушение изданных им распоряжений, а в случае особой необходимости мог отдать приказ о применении военной силы. Наконец, наиболее ярким свидетельством неограниченности власти генерального резидента было его право отменять по своему усмотрению любые приказы корейских властей³⁶.

С января 1906 г. японские консульства в Корее были превращены в аппараты провинциальных резидентов, которые были созданы во всех открытых портах и провинциальных центрах. Хотя прежняя административная структура местной власти сохранялась, все местное управление находилось под строгим японским контролем. Провинциальные японские резиденты получили права советников

---

³⁴ Пак Б. Д. Россия и Корея. С. 382

³⁵ История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Том I. С. 389.

³⁶ Шипаев В.И. Колониальное закабаление Кореи японским империализмом (1895-1917). М., 1964. С. 86.

корейских губернаторов по всем вопросам местного управления. Так возникла двойная система управления, в которой решающую роль играл аппарат резидента.

Естественно, процесс претворения в жизнь решений Договора о протекторате шел и под непрерывным контролем *Ильчинхве*, которое постоянно выпускало воззвания, направленные против чиновников, отрицательно относящихся к протекторату, и осуществляло иные меры давления.

Генеральный резидент Ито Хиробуми и его политика

Здесь нам надо отвлечься от корейской темы и сказать несколько слов о тех, кто решал корейский вопрос с японской стороны, будь то Ито Хиробуми или, ранее, Иноуэ Каору. Во-первых, это были люди с весьма боевой биографией³⁷. Ито и Иноуэ, в частности, были известны участием в поджоге британского посольства в 1862 году. Тогда они еще принадлежали к традиционалистам. Однако затем они перешли в лагерь сторонников модернизации, чему способствовало их знакомство с достижениями цивилизации.

Во-вторых, перед тем, как начать проводить реформы в Корее, они провели аналогичный комплекс преобразований у себя дома. С не меньшим рвением и не менее шокирующим эффектом с точки зрения ревнителей традиции. Запрет на традиционные прически был введен и в Японии, а запрет самураям носить мечи был чрезвычайно серьезным ударом по самурайскому мироощущению. Тем не менее, японское общество пережило это, и Ито и Ко были уверены в том, что Корею ждет та же судьба.

Поэтому не стоит усматривать в их действиях особую тягу к национальному унижению корейского народа. Желая модернизации и японизации, они

---

³⁷ При этом надо помнить, что столкновения сторонников и противников императора проходили в Японии куда более жестко. Мастера меча и наемные убийцы использовались обеими сторонами и того же Ито Хиробуми однажды чуть не убили сторонники сёгуна. Если бы не укрывшая его добродетельная гейша, он был бы мертв. Выжив после покушения Ито выкупил девушку и взял ее в жены.

воплощали свои идеи в жизнь жестко и напористо, игнорируя возможное сопротивление.

Что же до Ито, то о нем стоит рассказать подробнее. Ито не только человек, подписавший конвенцию Ли-Ито в 1885 г., а впоследствии ставший генеральный резидент в Корее. Его некоторые историки называют его «японским Бенджамином Франклином», ибо перед нами - один из отцов-основателей японского государства, автор Конституции страны и человек, который трижды занимал пост премьер-министра и председателя Тайного Совета. Ему же принадлежит очень известная среди японистов цитата: «Политические системы, обычаи, образование, медицина, оборонное производство Запада превосходят восточные. Поэтому наш долг — перенести на японскую почву западную цивилизацию, стремиться к прогрессу, чтобы наш народ быстро стал вровень с этими территориями, день и ночь стараться и учиться³⁸». В качестве министра внутренних дел Ито Хиробуми сыграл ключевую роль в присоединении к Японии островов Рюкю.

В молодости Ито и Иноуэ относились к традиционалистам, но в 1863 году они и еще трое юношей из княжества Тёсю тайно уехали на стажировку в Великобританию. Вернувшись, оба сделали политическую карьеру: помимо участия в корейских делах, Иноуэ Каору был первым министром иностранных дел Японии. Также он занимал должности министра общественных работ, министра земледелия, министра внутренних дел и специального посланника Японии в Корее.

Ито же занимался корейскими делами с 1870-х гг. Так, именно он в свое время дал отпор Сайго Такамори, убедив императора и его окружение, что Япония пока не готова вести победоносную войну. В 1885 г. он провел встречу с Ли Хунчжаном, благодаря которой удалось избежать вооруженного конфликта за

---

³⁸ В. Совастеев. Хиробуми Ито в интерьере японской истории. Цит. По http://web.archive.org/web/20071026233659/http://www.japantoday.ru/znakjap/histori/pdf/Sovasteev_35.pdf

влияние на Корейском полуострове. В 1901 г. Ито вел переговоры с С. Витте, целью которых также было предотвращение войны. Еще деталь: для того чтобы заняться корейскими делами, Ито оставил пост премьер-министра.

Понятно, что политик такого уровня взялся за дело быстро и эффективно, в короткие сроки осуществив целый ряд преобразований, каковые, с одной стороны, должны были упрочить японское господство, с другой, способствовать скорейшей «цивилизации».

В кратчайшие сроки была создана современная налоговая система, проведено упорядочение и унификация валютной системы страны, поступления в бюджет увеличены в 4 раза, доходы двора окончательно отделены от правительственных, создана современная банковская и кредитная системы.

31 октября 1906 г. был опубликован ряд постановлений, вносящих изменения в законодательство о недвижимости: иностранцы получили право на владение любыми землями в Корее. При этом всякая сделка по купле-продаже, закладу или передаче земли, заключенная с иностранцем, нуждалась в дополнительном утверждении японским резидентом³⁹.

Это сопровождалось поощрением иммиграции, причем нельзя сказать, что на проблему контингента полностью закрывали глаза. В сентябре 1906 г. появился издал «Закон о покровительстве переселенцам», и с 1906 по 1910 г. численность японского населения выросла с 81,7 тыс. человек до 171,5 тыс., т. е. в два раза⁴⁰, при этом число чиновников правительственных учреждений выросло с 5037 до 22, 9 тыс. человек⁴¹. Это вызывало ряд проблем, так как «начался сильный наплыв японского низшего класса, который, опираясь на силу японского оружия, начал обходиться с корейцами как с последними отбросами на земле и совершать всевозможные бесчинства»⁴² с проблемой боролись, но недостаточно.

³⁹ Василевская И. И. Колониальная политика Японии в Корее накануне аннексии (1904-1910 гг.), стр. 76.

⁴⁰ В 1908 г. их число составило 126 тыс. человек, а к 1911 г. — уже 210 тысяч.

⁴¹ История Кореи. С древнейших времен до наших дней. Т.1. М., 1974. С 390

⁴² The Passing of Korea, стр. 213

Была проложена железнодорожная ветка Сеул-Ыйджу, после чего стало возможным за 36 часов перебросить войска с Японских островов до китайской границы, а время путешествия от Сеула до китайской границы было сокращено с 3 дней до 26,5 часов. Между основными городами были проложены телеграфные и телефонные линии. Было построено около 800 км новых дорог и улиц и существенно расширены старые.

Ряд мер был направлен на повышение эффективности и производительности аграрной сферы. В 1906 г. была создана школа сельского и лесного хозяйства. С лета 1908 г. началось форсированное введение новых методов обработки земли (в том числе использование удобрений) и новых сортов культур (включая сахарную свеклу, хлопок и шелк). В том же году существенному усовершенствованию подверглась ирригационная система.

Японцам было необходимо увеличить производительность сельского хозяйства на Корейском полуострове хотя бы потому, что в Японии в это время производительность земли аналогичного качества была в два раза больше, чем в Корее. Между тем, Корея должна была обеспечивать рисом как себя, так и Японские острова. Естественно, это проходило на фоне взятия земель под контроль: в июле 1907 г. был издан закон «об использовании государственных необрабатываемых земель», согласно которому таковые могли сдаваться в аренду сроком до 10 лет как корейцам, так и иностранцам.

В корейской историографии Ито оказался наиболее демонизированным представителем японских властей, хотя его позиция в корейском вопросе была, возможно, наиболее мягкой. С точки зрения личных качеств Ито вел себя значительно мягче, чем Юань Шикай, который постоянно и демонстративно унижал вана и его сановников, демонстрируя свое превосходство. Ито наоборот даже часто появлялся в корейской национальной одежде, стремясь подчеркнуть близость двух народов и мягкость своих методов, и один из апологетизирующих

его авторов писал, что «во всех делах, касавшихся внутренней политики Кореи, Ито был большим корейцем, чем сами корейцы». В вопросе о темпах и методах ее присоединения к Японии он относился скорее к умеренным.

Позиция Ито по «мирному завоеванию Кореи» неоднократно отмечалась российскими дипломатами. При этом Ито, с одной стороны, напоминал корейцам, что «мы всегда могли бы покорить вас, но мы предпочли сделать из вас друзей», а с другой – требовал от японцев не злоупотреблять своим положением в Корее⁴³ и даже пытался прекратить жестокость японских войск⁴⁴

Безусловно, не стоит увлекаться описанием положительной роли Ито в истории Кореи. Спор между Ито и фракцией военных (а до этого с Сайго Такамори) заключался не в том, следует ли проводить экспансию, а в том, какими методами и насколько интенсивно ее надо проводить. Однако корейская историография старательно лепит из Ито классического «иноземного захватчика». На взгляд автора, это создает очень интересную аберрацию восприятия, при которой более хамское поведение Юаня не привлекает столько внимания потому, что он вроде как представлял традиционного сюзерена, отчего его действия воспринимались как более допустимые: начальнику положено.

Попытки Кореи «жаловаться в местком»

Борьба против протектората осуществлялась по нескольким направлениям. Первым была вооруженная борьба в форме отрядов Армии справедливости *Ыйбён*, о котором будет отдельная глава. Вторым – просветительское движение, направленное на создание частных школ, издание книг, всяческую пропаганду корейского национализма. Третьим – дипломатическая активность, нацеленная на то, чтобы обратить на проблемы Кореи внимание запада и добиться еще одной «Трехсторонней интервенции».

⁴³ Корея глазами россиян (1895-1945). С. 209.

⁴⁴ Эти сведения подкрепляются не только публичными заявлениями Ито, но и его личной перепиской с руководителями Японии.

Россия помочь уже не могла. Накануне Портсмутского мира Кочжон направил через Вебера Николаю II письмо, где говорилось, что «положение моей страны может быть спасено только могущественным содействием Вашего Величества»⁴⁵. Однако максимум, что мог сделать российский МИД, - это передать устное послание от Николая II: «Скажите императору, что я ему посылаю привет, желаю здоровья и долгого благополучного царствования. Мы теперь не можем помочь Корее, потому что заняты внутренними делами и устройством границ. Но император не должен падать духом, а должен надеяться на лучшие времена. Мое к нему расположение неизменно»⁴⁶.

К тому же новый министр иностранных дел А. П. Извольский выступал за сближение с Японией в дальневосточном вопросе, противостоя тем, кто предлагал опираться на США⁴⁷. Потому все, что могла делать Россия – это поддерживать корейскую миссию в Санкт-Петербурге, руководимую Ли Бом Чжином, который занимал этот пост с 15 марта 1899 г.⁴⁸ Отказавшись «вернуться домой», Ли «представлял Корею» после принятия протектората и аннексии страны Японией, официально руководя миссией и передавая деньги на создание партизанских отрядов. По информации Б. Д. Пака, он поддерживал тесные связи со своим братом Ли Бом Юном и даже собирался взять на себя верховное руководство партизанскими отрядами. Во время русско-японской войны он снабжал русское правительство информацией о передвижении и действиях японской армии. Однако после того, как страна была аннексирована, у Ли не было возможности сделать что-то реальное⁴⁹, и 13 (26) января 1911 г. он покончил с собой после того, как Россия была вынуждена прекратить поддержку «дипломата несуществующей страны». Самоубийство Ли произвело очень сильное

---

⁴⁵ Пак Б. Б. Карл Иванович Вебер и Корея после 1897 г. // Корея: история и современность. К девяностолетию со дня рождения профессора Михаила Николаевича Пака. Сборник статей. М.-Сеул, 2008. С. 115.

⁴⁶ Запись Плансона от 7 (20) января 1906 г. // АВПРИ. Фонд 2Посольство в Токио», 1907 г. Дело 196. Лист 43.

⁴⁷ Пак Б. Д. Россия и Корея. С. 392.

⁴⁸ По возвращении *вана* из российской миссии Ли Бом Чжин перешел на дипломатическую работу, став сначала посланником в США, а затем – в России. Рискну предположить, что такое назначение было или своего рода почетной ссылкой, или попыткой *вана* спрятать ценного для него человека от гнева тех, кто считал Ли одним из главных виновников пленения правителя.

⁴⁹ Пак Б. Д. Россия и Корея. С. 412.

впечатление, широко освещалось в газетах, а расходы на похороны взяло на себя российское правительство.

Поэтому в первую очередь двор рассчитывал на помощь США, но ни одна из попыток Кореи задействовать американскую помощь в критической для нее ситуации не увенчалась успехом. Как отмечает И. А. Толстокулаков, по сути дела, США относились безучастно к корейским проблемам до середины XX в⁵⁰. Еще после окончания японо-китайской войны 1894-1895 гг. живущим в Корее американцам было предложено не вести антияпонскую агитацию, дабы не поколебать нейтралитет, которого США придерживались в этом конфликте. Правительство США не поддержало тройную интервенцию Германии, Франции и России 1895 г. и отказало корейскому королю, когда после смерти королевы Мин он через Аллена пытался найти убежище в американском посольстве (его бегство в русскую миссию произошло после этого).

А в ходе русско-японской войны президент Теодор Рузвельт счел, что «необходимо признать японское господство в Корее в обмен на признание Японией американской гегемонии над Филиппинами, несмотря на послание императора Кочжона, доставленное ему усилиями американского дипломата Х. Б. Хальберта, и рекомендацию американского поверенного в делах в Сеуле Г. Аллена, который считал, что США должны вмешаться и сдержать японскую агрессию. Эта точка зрения и была отражена в Соглашении Тафт-Кацура⁵¹, которое было подписано в Японии 27 июля 1905 г. за 12 дней до начала переговоров в Портсмуте между Россией и Японией и за 14 дней до подписания второго англо-японского союзного договора⁵². По сути, японское влияние на Корею было обменено на американское влияние на Филиппинах.

---

⁵⁰ Толстокулаков И. А. Политическая модернизация Южной Кореи. Часть 1. С. 262-263

⁵¹ Соглашение названо по фамилиям двух его подписантов – военного министра США и премьер-министра Японии. Беседа касалась нескольких аспектов, но по поводу Кореи Тафт полностью согласился с тем, что право Японии на Корею является "логическим следствием настоящей войны". Кацура же согласился с мнением Тафта, что Япония заинтересована в сохранении на Филиппинах американского управления, поскольку США являются дружественным Японии государством. Протокол составлен в форме свободной записи беседы, однако соглашение . получило полное одобрение президента Рузвельта.

⁵² Choong Soon Kim. Tradition... P. 53.

В том же году был денонсирован договор 1883 г., согласно которому США обязывались оказывать Корее помощь в критической ситуации. Ряд историков, в том числе Хон Ин Соп, полагают, что этим Соединенные Штаты, по сути, нарушили договор 1883 г., отказав Корее в помощи перед лицом внешнего врага как раз тогда, когда это было жизненно необходимо, а Хон вообще постоянно подчеркивает, что союз Японии с Англией и Америкой, по его мнению, привел к аннексии страны.

Последняя официальная попытка получить помощь от США была предпринята 11 декабря 1905 г., когда бывший корейский посол во Франции, возвращавшийся домой через США, передал государственному секретарю заявление о том, что договор о протекторате от 17 ноября 1905 г. был подписан под давлением, и просил воздействовать на Японию. Однако американская сторона ответила, что контроль Японии над внешними сношениями Кореи осуществляется в соответствии с соглашениями от 23 февраля и 22 августа 1904 г., против которых Корея, якобы, не возражала, и потому Соединенные Штаты вмешиваться не могут⁵³.

Король пытался посылать в Америку и на Запад тайных эмиссаров. Одним из таких посланников был все тот же Ли Ён Ик, которого Кочжон отправил во Францию, но в Китае этот тайный посол был обнаружен японскими полицейскими властями. После этого Ли Ён Ик был освобожден от занимаемых должностей, был вынужден жить за границей и умер во Владивостоке в 1907 г.

Таких эмиссаров было несколько, но наиболее известный из них - Ли Сын Ман, бывший активный член Общества независимости, которого в 1904 г. ради этой секретной миссии специально выпустили из тюрьмы.

Так как этот персонаж еще сыграет свою роль в истории Кореи, расскажем о нем поподробнее, ибо в советской (да, пожалуй, и в левой вообще) историографии он представлен как одна из наиболее одиозных фигур) а либерал-демократы, наоборот, его скорее превозносят. Так, авторы «Истории Кореи» 1974 г.

---

⁵³ Василевская. С. 31

пытаются сделать из Ли Сын Мана представителя прояпонской фракции ещё на раннем этапе его карьеры, заявляя, что при помощи высокопоставленных родственников Ли стал членом Тайного совета, где так рьяно покровительствовал прояпонской фракции, что правительство было вынуждено обратить на это внимание и отправить его в отставку. И когда в 1897 г. он был арестован властями, бессрочную каторгу ему заменили на семь лет из-за заступничества японского посланника⁵⁴. Апологеты Ли, наоборот, заявляют, что сидел он как защитник парламентской идеи и был брошен в темницу (разумеется, по ложному) доносу *побусанов*.

Но уместно напомнить, что Ли Сын Ман родился в 1875 г. и был арестован в 22 года в основном как организатор силовых акций против врагов общества и активный участник уличных драк между сторонниками Общества независимости и его противниками⁵⁵. Юн Чхи Хо называл его «горячей головой», и несмотря на последующую мифологизацию, первое появление Ли Сын Мана на публике было связано не с его деятельностью как агитатора, а с участием в драках с *побусанами*, в которых он принимал активное участие.

Заметим также, что Ли Сын Ман был арестован задолго до того, как королевский двор начал против Общества организованные репрессии (1897 г. - период, когда власть скорее покровительствовала обществу), а это отчасти говорит о том, что его преступления действительно не могли не привлечь внимания. 9 января 1899 года Ли был обвинён в участии в мятеже, безуспешно пытался совершить побег, за что был подвергнут пыткам и приговорён к пожизненному заключению.

Ли Сын Ман прибыл в США за две недели до соглашения Тафт-Кацура. Однако если до подписания договора о протекторате посланцы Коджона рассматривались как уполномоченные представители корейского императора, то после 17 ноября 1905 года такие посланцы были не более чем частными лицами,

⁵⁴ История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Том II. С. 455.

⁵⁵ По некоторым непроверенным сведениям от «молодых левых» историков РК, Ли был одним из главарей боевых групп, нападавших на людей, не согласных с мнением Общества, избивали и убивали их, создавая атмосферу террора, на что власти уже не могли не прореагировать.

нелегально передававшими послания лица, официально лишённого права внешних сношений. С формальной точки зрения, прав на личную аудиенцию с официальным представителем иностранной державы у представителей Коджона было ничуть не больше, чем у любого другого частного лица.

Рузвельт заявил, что пойдёт на помощь Корею только тогда, когда просьба об этом поступит по официальному каналу, а в посольстве Кореи подкупленные японцами чиновники сослались на то, что относительно Ли Сын Мана у них нет никаких инструкций. Миссия не увенчалась успехом, и Ли остался в США.

Следующим эмиссаром такого рода был миссионер и историк Х. Халберт, который прождал несколько дней у дверей госдепартамента в надежде на встречу с президентом или государственным секретарем. Однако он был принят уже после того, как договор был подписан, и ему было сказано, что США, «к сожалению», уже ничего не сможет сделать.

... и невмешательство внешнего мира

Что было причиной такого безразличия Америки к судьбе Кореи? Во-первых, отсутствие экономических интересов, о которых говорил автор «Корейской политики», обернулось отсутствием интереса вообще. Во-вторых, в то же время в Америке была принята Доктрина Монро, согласно которой основным направлением американской экспансии должна была стать не Азия, а Латинская Америка. В-третьих, работала японская пропаганда, представлявшая корейцев феодальными варварами, погрязшими в лени и невежестве, не способными к самостоятельному управлению страной (упирали на феодальные пережитки, грязь, антисанитарию, бескультурье и т. п.) и срочно нуждающимися в том, чтобы их цивилизовать. В-четвертых, президент Теодор Рузвельт, который получил Нобелевскую премию мира за посредничество между Россией и Японией при заключении Портсмутского мирного договора, считал, что Корея

была «камнем под ногой», - если корейцы не могут помочь себе сами, какой смысл Америке вступать из-за них в конфликт с Японией?

Здесь вообще следует отметить, что американская администрация Теодора Рузвельта, равно как и современные ему британские власти, занимала прояпонскую позицию не только в корейском вопросе. Стремительный прогресс Японии казался им образцом модернизации азиатской страны, особенно – по сравнению с Китаем, который, по аналогии с султанской Турцией, называли «больным человеком Азии». Кроме того, Япония рассматривалась как средство сдерживания России, не угрожающее, однако, англо-американским интересам. Такая политика продолжалась вплоть до 1920-х годов, когда Япония начала превращаться в региональную сверхдержаву⁵⁶.

Помимо отсутствия общего интереса к Корее сыграло свою роль и то, как ее представляли люди, считавшиеся интеллектуалами мирового уровня. Например, Джордж Кеннан, известный писатель и хороший знакомый Теодора Рузвельта, называл Корею и корейцев «прогнившим продуктом разложившейся восточной цивилизации», считая японский контроль над Кореей естественным и логичным⁵⁷. Кеннан же сыграл ключевую роль в подготовке Соглашения Тафт-Кацура⁵⁸.

Подобная позиция была не единственной, и пора немного рассказать о том, как на Западе воспринимали Корею. Хотя рядовые американцы из числа тех энтузиастов, которые вели в Корее культурно-проповедническую деятельность, пытались будоражить общественное мнение, их не услышали. Слышали иное: на с. 127-132 своей книги «Корея. Место под солнцем», Б. Камингс приводит обширную подборку цитат из текстов европейских авторов того времени (путешественников, журналистов и т. п.), посвященных Стране Утренней Свежести.

Большая часть этих авторов, которые не были профессиональными востоковедами, естественно обращала внимание на многочисленные архаичные

---

⁵⁶ Cumings B. Korea's place... С. 125.

⁵⁷ Choong Soon Kim. Tradition... С. 3

⁵⁸ Там же. С. 341.

аспекты корейского быта или государственного управления, и эти внешние моменты настолько отталкивали их, что у них не возникало желания изучать проблему всерьез. Им в глаза бросались исключительно застой, рутина, антисанитария, поражающая воображение бедность и т. п. На фоне Японии и пытающегося модернизироваться Китая Корея казалась чем-то уж совсем архаичным и срочно нуждающимся в привнесении туда света цивилизации. При этом (Б. Камингс специально это отмечает) такой позиции придерживались как консерваторы, так и представители более прогрессивных организаций вроде Фабианского общества.

Сыграло свою роль в формировании имиджа корейцев и убийство террористами из *Бйбён* Дурхама Стивенса. Личный друг американского президента был отправлен Кочжоном в Америку для того, чтобы изменить тамошнее общественное мнение в пользу Кореи, однако сразу же по прибытии в Сан-Франциско в газетном интервью он позволил оскорбительные высказывания в адрес корейского народа, как неспособного к самоопределению и довольного японским колониальным режимом. Отказавшись от требования публичного извинения со стороны корейского землячества в США, вместо этого в своих публичных лекциях чернил страну и ее обычаи и прославлял протекторат как единственный способ принести в нее цивилизацию. В марте 1908 г. «предатель» был убит корейскими патриотами Чан Ин Хваном и Чон Мен Уном.

Оба покушавшихся были христианами и эмигрантами (Чан перебрался в США в 1906 г.). Когда в марте 1908 г. реплики Стивенса о том, что простой народ приветствует японское правление в Корее, вызвали бурю в корейском сообществе, оба присутствовали на собрании клеймившем Стивенса, и независимо друг от друга решили его покарать. 23 марта 1908 г. они подкараулили Стивенса в порту Сан-Франциско, где он собирался сесть на корабль, отправляющийся в Вашингтон. Но его пистолет⁵⁹ был завернут в платок и не выстрелил. Тогда Чон попытался ударить Стивенса по лицу, но не вышло и

---

⁵⁹ Любопытная деталь: тогда в США азиатам было запрещено иметь оружие, и Чон одолжил пистолет у знакомого.

это. Чон обратился в бегство, Стивенс погнался за ним, и в этот момент стрельбу открыл Чан, попавший первой пулей в Чона и двумя последующими в спину Стивенса.

Толпа чуть не линчевала обоих покушавшихся, но полиция отправила Чана в участок, а Чона в больницу. Два дня спустя Стивенс умер от полученных ран, а Чон оставил письменное заявление на корейском языке, в котором он заявлял, что Стивенс предал доверие корейцев, которые обратились к нему как к американцу в поисках справедливости, и заявлял, что готов умереть ради того, чтобы тот ответил за свою ложь.

Понятно, что для американского общества эта история выглядела совсем не так, как для корейских патриотов. Во-первых, два азиата публично убили белого человека. Во-вторых, человек был убит даже не за действия, а за высказывания: вместо того, чтобы их опровергнуть, нападавшие прибегли к покушению и тем самым только подтвердили его правоту. В результате американская пресса преподнесла это событие отнюдь не как акт справедливого возмездия, и действия представителей *Блйбён* окончательно укрепили академические круги в том, что корейцы являются «низшими беспозвоночными», управлять которыми нужно твердой рукой⁶⁰.

Судебное слушание превратилось в арену противоборства между японскими властями и корейской общиной. Чон Мен Ун был освобожден за недостаточностью доказательств его вины, а Чан Ин Хвана федеральный суд приговорил к 25 годам тюремного заключения, хотя он заявлял, что предпочтет смерть тюремному сроку. Однако отсидел Чан всего 10 лет, в 1927 г. вернулся в Корею и основал там детский приют, но под давлением японских властей был вынужден вернуться в Америку, где в 1930 г. покончил с собой.

Как бы то ни было, на Западе было сформировано достаточно четкое общественное мнение по поводу того, что такое Корея и что с ней надо делать.

---

⁶⁰ Cumings B. Korea's place... P. 142, 143.

Оно было уверено в том, что прогрессивные японцы решат проблемы этой страны, а репрессии и т. п. есть лишь необходимые издержки. Признавая совершаемые японцами преступления, Европа рассматривала их как элемент выбора целей и средств. Потому и протекторат, и последовавшая пять лет спустя аннексия Кореи Японией, прошли без протестов с чьей либо стороны. Даже ни один из миссионеров не выступил против. Мир как бы счел, что Япония взяла то, что принадлежит ей по праву, и подобное пренебрежительное мнение о Корее сохранялось у американских и европейских дипломатов вплоть до конца второй мировой войны.

Просветительство и ненасильственное сопротивление протекторату

После протектората отношение масс к модернизации несколько изменилось: энтузиазм начального этапа сменился неприятием «чужеродных» элементов и желанием защитить национальные ценности и традиции. По мнению Толстокулакова, «даже либеральные круги Кореи, разделявшие буржуазно-демократические идеалы Запада, не хотели мириться с новой зависимостью от интеллектуальных и культурных стандартов европейских государств и Японии»⁶¹.

Направлений деятельности и ее методов у борцов с протекторатом было несколько.

Самоубийства в знак протеста и петиционное движение.

Традиционалисты действовали по канону, устраивая демонстрации и засыпая Кочжона прошениями. Один только Мин Ён Хван послал Кочжону 40 петиций, требовавших отмены протектората.

26 ноября группа бывших министров и сановников подала вану петицию с просьбой не ратифицировать договор о протекторате, но японская охрана к вану их не пустила. На следующий день Мин Ён Хван написал еще одну петицию,

---

⁶¹ Толстокулаков И. А. Политическая модернизация Южной Кореи. Часть 1. С. 251-252

подписал ее своей кровью и покончил с собой⁶². В завещании Мина было указано, что он намерен помочь корейской независимости с небес⁶³. Его примеру последовал ряд высших чиновников на уровне министра юстиции.

Однако надо обратить внимание, что среди высшего эшелона чиновников согласных сотрудничать с японцами было намного больше, нежели патриотов и противников протектората. Профессиональные перебежчики из одной фракции в другую снова выполнили этот маневр, не удаляясь от власти. Этому способствовала и относительно мягкая политика японцев: мы знаем о ряде громких самоубийств в знак протеста, но ничего не знаем о заключении под арест и процессах против отказавшихся сотрудничать: отстранение от должности и высылка из столицы были единственными видами наказаний, применяемыми против непокорных высокопоставленных чиновников.

Патриотические общества. Важной формой сопротивления было создание разнокалиберных патриотических обществ, которые должны были как минимум быть альтернативой *Ильчинхве*: существовала целая серия таких обществ, состав руководства которых был примерно одинаковым: бывшие члены Общества независимости и иные националисты.

Поанхве (Общество защиты) было, по одной версии, основано Вон Сесоном, Сон Суманом, У Ги и др, по другой – Хо Ви, и служило, в основном, для противодействия концессии Нагамори.

Синминхве (Новое народное общество) было организовано в апреле 1907 г. протестантскими активистами Син Чхэ Хо, Ли Дон Хви и Ан Чхан Хо в апреле 1907 г. и считалось нелегальным. Оно насчитывало несколько сотен членов, занималось как формированием национального капитала, так и влиянием на национальное и демократическое сознание посредством образовательной и культурной деятельности, открывая частные школы и занимаясь созданием

---

⁶² Пак Б. Д. Россия и Корея. С. 380-381.

⁶³ Korean War and Modern History. С. 53.

легальных организаций просветительской направленности. Важно и то, что это, пожалуй, были первые корейские республиканцы.

Однако среди членов Общества быстро наметился раскол между более умеренными сторонниками Ан Чхан Хо и сторонниками вооруженной борьбы во главе с Ли Дон Хви. Когда действия Общества на территории Кореи стали невозможны, умеренные перебрались в США, а радикалы – в Китай.

Кунминхве (Корейское национальное общество), было создано в 1909 г. Считается, что создал его вообще Мин Ён Хван⁶⁴, но после его смерти деятельность этого Общества переместилась, в основном, за пределы Кореи – главным образом, на Гавайи и в США, где оно пользовалось покровительством американских миссионеров-баптистов. Кстати, историки-коммунисты утверждали, что оно было создано весной 1917 г. отцом Ким Ир Сена Ким Хён Чжиком⁶⁵.

Хёптонхве (Общество сотрудничества) было создано Ли Чжуном, Ли Сан Чжэ и др. представителями старой гвардии Общества независимости, но быстро распалось.

Хонджон ёнгухве (Общество по изучению конституционного строя), было создано в 1905 г. Юн Хё Чжоном, Ли Чжуном, и др. Это были не столько республиканцы, сколько монархисты, выступавшие за установление конституционной системы, основанной на парламентском строе, но после учреждения японского генерал-губернаторства и запрета политической деятельности оно также было распущено.

Тэхан чаганхве (Общество усиления Кореи) было создано в феврале 1906 г. Пак Ын Сиком и др и воспринималось многими как наиболее действенный преемник Общества независимости и самое крупное патриотическое общество в стране того времени⁶⁶, особенно после того как в апреле 1906 г. к ним примкнули Юн Хё Чжон и его сторонники.

---

⁶⁴ Точнее, Мин создал *Кунмин кёюкхве* (Общество гражданского воспитания).

⁶⁵ История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Том II. С. 38.

⁶⁶ Там же. С. 406.

Тэхан чаганхве признавало только мирные методы борьбы и считало одной из своих главных целей развитие образования и промышленности. Они же поддерживали кампанию за выплату государственного долга Японии. Летом 1907 г. Общество организовало демонстрации против свержения Кочжона, которые, по информации авторов учебника 1974 г., переросли в уличные бои. В августе 1907 г. после того, как был издан Закон о поддержании общественного спокойствия, который позволял силовикам распускать подобные организации, Общество было распущено, но несколько месяцев спустя воссоздано под названием *Тэхан хёпхве* (Корейское общество), созданное в союзе с представителями религии *Чхондогё* и в большей степени ориентированное на японское культурное руководство.

Тэхан хёпхве (корейское общество) частично субсидировалось японцами и отвергало вооруженные методы борьбы, однако начало критиковать японскую политику как только речь зашла об аннексии. Было распущено в сентябре 1910 г.

Газеты, частные школы и т. п. Все эти Общества активно выпускали свои газеты и журналы, создавали филиалы в провинции, открывали дневные и вечерние частные школы, готовили педагогические кадры и новые учебники, серьезно вкладываясь в создание кадровой основы для своего движения.

В течение 1905-1910 гг. было открыто более 2000 частных школ (большая часть из них – под прикрытием протестантской церкви или патронажем крупных сановников типа все того же Ли Ён Ика), так что в сентябре 1908 г. правительство даже издало специальный указ о частных школах, целью которого было не подпускать к просветительской работе представителей национально-освободительного движения. Теперь для открытия школы требовалась санкция генерал-губернаторства, а в школах позволялось использовать только проверенные цензурой учебники. А в 1911 г., уже после аннексии, японское правительство приняло специальное постановление о развитии образования в

Корею, окончательно прикрыв все частные школы и лишив просветителей возможности воспитывать в них патриотов⁶⁷.

Наиболее заметной газетой просветительской направленности⁶⁸ была *Тэхан мэиль синбо*, созданная в 1904 г. Ян Ги Тхаком и представителями *Синминхве*. Издателем газеты был англичанин Бетелл, что давало определенное прикрытие: между Великобританией и Японией существовал союзный договор, поэтому японцы не могли контролировать газету, которой управлял англичанин.

Вначале *Тэхан мэиль синбо* выходила в смешанном корейско-китайском написании, однако впоследствии стала использовать только корейскую азбуку. Для иностранцев она выходила на английском языке под названием *Korea Daily News*.

Из иных газет можно отметить *Мансебо*, печатный орган религиозного движения *Чхондогё*, и *Хвансон синмун*, которая была основана еще в 1898 г. Намгун Оком и др. как основной орган умеренных реформаторов. Именно в ней была опубликована серия статей о «правде о заключении «Договора пяти статей».

Кроме этого, просветители активно переводили книги о том, как та или иная страна (Швейцария, США, Италия) добилась независимости, или о том, как и где проходили реформы – включая биографии Бисмарка и Петра Первого.

Движение за выплату внешнего долга страны. Эта кампания (*кукчхэ посан ундон*) была начата в Тэгу в январе 1907 г. группой во главе с Ян Ги Тхаком. В основе ее лежала идея, что одним из поводов к аннексии страны могут стать невыплаченные долги корейского правительства японским банкам, - их сумма достигла 13 млн. вон и продолжала расти. Участники движения собирались решить эту проблему за счет собственных средств, отдавая в «фонд выплаты государственного долга» последние сбережения, бросая курить или снимая с себя

⁶⁷ Толстокулаков И. А. Политическая модернизация Южной Кореи. Часть I. С. 261.

⁶⁸ Газеты *Хансон синбо* (Новый Сеульский вестник - формальный официоз), *Кунмин синбо* (орган общества *Ильчинхве*) и др. активно выступали с прояпонских позиций.

украшения⁶⁹. Ван и чиновники поддержали кампанию только тем, что бросили курить.

За три месяца общенациональной поддержки к маю 1907 г. было собрано всего 200 тыс. вон, после чего японцы вмешались⁷⁰. В августе 1908 г. Ян Ги Тхак был арестован японцами по обвинению в создании финансовой пирамиды и мошенничестве⁷¹. Считается, что обвинения были фальшивыми и связанными с тем, что а) движение набрало слишком большой вес; б) корейский государственный долг и неспособность страны его выплатить были одной из причин, оправдывающих протекторат и аннексию в глазах мирового общественного мнения; в) часть собранных денег действительно шла на поддержку *Ыйбён* в) началась фракционная борьба с взаимными обвинениями в хищениях. И хотя Ян был оправдан за недостатком улик, к концу года движение сошло на нет, а собранные средства были то ли конфискованы японцами, то ли потрачены нецелевым образом.

Эмиграция. Для многих из числа не желающих мириться с таким положением вещей выходом стала эмиграция как в приграничные районы Китая или России, так и за океан. С 1903-1905 гг. началась эмиграция корейцев на Гавайи и западное побережье США, где сформировались большие корейские землячества.

Лидером калифорнийского землячества без особых проблем стал Ан Чхан Хо, создавший общество *Хынсадан* (Хан Ён У переводит его как «Организация воспитания джентльменов», 1913 г.).

В 1909 г. Ли Сын Ман основал на Гавайях Корейскую национальную ассоциацию» (*Тэхан Кунминхве*), а годом позже в том же регионе появилась организация Пак Ён Мана (который, собственно, и пригласил Ли на Гавайи).

---

⁶⁹ Эта процедура сбора средств вспоминается многим в связи с тем, как проходили подобные мероприятия в РК после финансового кризиса 1997 г.

⁷⁰ Understanding Korean History. С. 182

⁷¹ Korean War and Modern History. С. 57

Между Паком и Ли вскоре вспыхнуло серьезное соперничество, особенно после того, как в 1915-1918 гг. Корейская национальная ассоциация стала представительным органом корейской диаспоры на Гавайях. Борьба за власть, в которой победил Ли Сын Ман, стала примером серьезной внутренней фракционной борьбы, являвшейся бичом национально-освободительного движения⁷². В ходу были как традиционные для Кореи методы интриг и террора, так и «науськивание на противника» американских властей по обвинению в растрате казенных денег или покушении на убийства. В финале Ли Сын Ман устранил своего конкурента, обвинив Пак Ён Мана, который собирался создать на Гавайях аналог *Ыйбён*, в подготовке нападения на японские военные корабли на гавайской территории с целью вызвать американо-японскую войну⁷³.

---

⁷² Henderson. С. 85.

⁷³ Korean Politics in Transition. С.?

Глава тринадцатая, в которой Армия справедливости терпит поражение у Восточных ворот, а автор анализирует, что такое *Ыйбён*, отчасти занимаясь ревизионизмом

Часть аудитории автора, возможно, помнит странно звучащий для российского уха стишок, начинавшийся словами «В горах скрывается *Ыйбён* (Армия справедливости)¹, врагам урон наносит он...», так что вооруженное сопротивление японцам стоит отдельного и подробного рассказа. И поскольку оно продолжалось и после аннексии страны, автор счел, что ему стоит посвятить отдельный раздел.

В корееведении *Ыйбён* является своего рода «священной коровой», посягнувший на славу которой может заслужить ярлык осквернителя и непатриота. Однако нужно обратить внимание на то, что, несмотря на высокий уровень спекуляций вокруг деятельности корейских партизан, большинство монографий и учебников содержит очень мало фактов относительно как конкретных моментов деятельности *Ыйбён*, так и эффекта от этой деятельности. Мы же попытаемся посмотреть на *Ыйбён* непредвзято, проанализировать то, чем занималась эта «Армия», из кого состояла, и какой урон японскому империализму был действительно нанесен ею.

Замечание историографа о том, как сложно быть партизаном без «Большой Земли»

Однако перед тем как перейти к партизанам корейским, поговорим немного о партизанах вообще. Дело в том, что когда средний российский читатель слышит слово «партизан», в его сознании встает, прежде всего, образ партизана Великой Отечественной войны. Между тем, условия, в которых существовали наши партизаны на Украине или в Белоруссии, являются скорее

¹ Термин «*Ыйбён*» не является специфически корейским. В конфуцианской культуре название «Армия Справедливости» употребляется достаточно часто.

исключением, нежели правилом.

Партизанская война – это война, ведомая скрывающимися среди местного населения вооружёнными формированиями, избегающими открытых и крупных столкновений с противником. С поправкой на сложно-пересеченную местность, она в значительной степени нивелирует техническое преимущество противника, против которого выступают партизаны. Леса и горы снижают эффективность использования тяжелой техники и делают партизан недоступными для большинства видов стратегического наблюдения. Но ведение крупномасштабной партизанской войны требует много ресурсов, в первую очередь, оружия, обмундирования, продовольствия и медикаментов.

Понятно, что если небольшие мобильные группы диверсантов могут самостоятельно существовать благодаря поддержке местного населения, то ведение крупномасштабной партизанской войны требует значительного количества сил и ресурсов, и средства на содержание нескольких сотен вооруженных людей велики.

Успех партизанского движения в Советском Союзе во время Великой Отечественной был во многом связан с поддержкой «Большой Земли», снабжавшей партизанские отряды кадрами, продуктами, оружием и боеприпасами, активной поддержкой местного населения и высоким уровнем организации в целом². Но что бывает, когда такой «Большой земли» нет?

Без финансовой поддержки и снабжения ведение малой войны постепенно скатывается к чистой воде диверсиям и терроризму, однако для победы этого мало. Терроризм, особенно терроризм нового образца, направленный против инфраструктуры общества и государства, может нанести им значительный урон, однако пока история не знает ситуации, при которой освобождение от оккупантов было достигнуто только за счет терроризма.

«Безденежные» партизаны вынуждены или полностью переключивать

---

² Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны имело высокую степень организации. При Ставке Верховного Главнокомандования был организован Центральный штаб партизанского движения во главе с первым секретарем ЦК КП Белоруссии П. К. Пономаренко, а на периферии - областные штабы партизанского движения и их представительства на фронтах (Украинский штаб партизанского движения, Ленинградский, Брянский и т. п.).

свое обеспечение на плечи местного населения, или искать помощь из-за рубежа. Однако оба варианта имеют неприятные последствия. Зарубежные спонсоры могут начать ставить условия, постепенно превращая борцов за свободу в своих агентов влияния (осознанных или нет, в данном случае неважно), используя свою помощь как рычаг давления. Особенно в той ситуации, когда без нее партизаны практически бессильны³.

Вариант «самофинансирования» во многом упирается в то, что на одни добровольные пожертвования много не навоюешь. Именно поэтому вынужденным следствием является появление рэкета, точнее – силового варианта «параллельного налогообложения», когда с потенциальных сочувствующих собирается регулярная и уже не добровольная дань. Неприятно то, что переход к такой практике, по сути, снижает число тех, кто продолжает поддерживать партизан активно и добровольно. И тенденция такая присутствует всегда.

Можно еще зарабатывать деньги самим, но речь здесь идет не столько об экспроприациях, сколько о «коммерческой деятельности» самих партизан, которая, однако, должна отнимать у них минимум времени и приносить максимальную прибыль. Этому критерию соответствуют только такие разновидности криминальной экономики, как торговля наркотиками, дающая «героиновую прибыль», или взятие «коммерческих заложников». А из этого вытекает уже общая криминализация партизан и угроза возникновения ситуации, при которой быть наркоправителем выгоднее и удобнее, чем борцом за свободу. Изначальная идея остается только фасадом, как это случилось в «Золотом треугольнике».

Оружие составляет отдельную проблему, лишь косвенно связанную с проблемой финансовой поддержки. Дело в том, что чем выше технологический уровень общества, тем больше разрыв между «гражданским» и армейским оружием. Грубо говоря, если в средние века крестьяне, вооруженные вилами и

³ Представляется, что примерно по такому пути пошли чеченцы, когда стали брать деньги у «мирового ваххабизма». Напомню, что это породило определенные противоречия в лагере Дудаева и косвенно спровоцировало переход на сторону федералов Кадырова и Ко, для которых Москва оказалась меньшим злом, чем те, кто собирался использовать их в качестве пешек в игре за совсем не чеченские интересы.

пиками, могли противостоять правительственным войскам, не сильно опережающим их по характеру вооружения, то во второй половине XX в. полноценно воевать с танками и авиацией с помощью охотничьих ружей невозможно.

Но армейское оружие надо где-то брать. Вариант «добыть в бою» хорош, но для этого надо уже быть достаточно вооруженным, чтобы отобрать оружие у врага. Оттого наилучшие партизаны - это бывшие подразделения регулярной армии (будь то окруженцы или те, кто вместо расформирования «ушел в горы» с оружием в руках), у которых на момент начала партизанской войны армейское оружие было. Другой вариант – криминалитет, у которого в силу его образа жизни и финансовых возможностей есть шанс такое оружие добыть и быть вооруженным лучше гражданского населения.

Кроме того, вынужден отметить и очень опасную проблему этического плана, связанную с «народной войной». С точки зрения «куртуазной» войны, народная война является своего рода нарушением принятых правил: когда армия противника разбита, а его столица захвачена, населению полагается прекратить сопротивление. Но патриотизм заставляет сопротивляться захватчику все население страны, и война становится тотальной, и разница между армией и мирным населением стирается. А это влечет за собой то, что армия оккупантов как бы получает право обращаться с мирным населением как с воюющей стороной. В результате получается резкая эскалация насилия: после того как двенадцатилетний пионер-герой стреляет по немцам из леса, немцам кажется логичным стрелять по всем замеченным в лесу двенадцатилетним детям, поскольку им неизвестно, кто из них потенциальный пионер-герой, а кто – нет. Понятно, что такие действия в отношении мирного населения порождают порочный круг. Население поднимается на сопротивление, сопротивление влечет за собой новые карательные меры и т. д.

Положение осложняется тем, что обычная армия не готова к тотальной войне со всем населением страны, а не с ее армией. В условиях партизанской

войны противник как бы везде и нигде. Мирный гражданин вечером берет ружье и уходит в ночь бороться с захватчиками. Между тем, обычной армии нужен четко определенный противник, и к полицейским мерам или зачисткам она, как правило, не готова. Это – дело частей, специально натренированных на борьбу с партизанами. Но когда/если таких частей нет, военные начинают или сбиваться на эксцессы от постоянного напряжения, или начинают действовать по привычному шаблону, ровняя деревни тяжелой техникой.

Как правило, малая (антипартизанская) война выигрывается тремя способами. Первый – дипломатический, заключающийся в том, чтобы лишать партизан поддержки местного населения, натравливать партизанские отряды друг на друга, склонять их руководство к сотрудничеству и т. п. Второй – «бить по площадям», применяя тактику, похожую на действия немцев во время Второй мировой войны или американцев во Вьетнаме. Безжалостное уничтожение вероятных опорных баз врага в сочетании с техникой устрашения и применением оружия массового поражения достаточно эффективно, но малогуманно, ибо приближается к геноциду. Третий путь – запустить в лес «своих» партизан – хорошо подготовленные, мобильные, знающие местность боевые подразделения, превратив войну в охоту.

Ыйбен до объявления протектората и на фоне русско-японской войны

Если не считать отрядов, существовавших на фоне реформ 1895-95 гг. (так называемых *Ыльми Ыйбён*), то первые формирования с таким названием были организованы конфуцианскими традиционалистами еще в 1904 г. и были плохо организованы и вооружены. Об этом свидетельствуют их призывы к активному сопротивлению, «выковывая мечи из тяпок и вил». Среди тех, кто организовывал подобные отряды, были и такие старые зубры, как Чхве Ик Хён – один из тех конфуцианских сановников, меморандум которых стал поводом для свержения Тэвонгуна, бывший министр Мин Чжон Сик или бывший уездный начальник Лим

Бён Чхан. Деятельность этих отрядов была наиболее активной в провинциях Чхунчхон, Чолла, Кёнсан, а среди личного состава хватало бывших *тонхаков* или «благородных разбойников», а также крестьян, которые стонялись с насиженных мест в ходе работ по строительству линий Сеул-Пусан и Сеул-Инчхон.

В августе 1904 г. бывший правительственный чиновник Хо Ви⁴, ранее известный обширной программой реформ, и другие патриоты создали специальное Общество политических друзей (кор. *Чонъухве*), которое занималось в основном уничтожением членов прояпонских организаций. Он же создал *Поанхве* (Общество по охране безопасности), разогнанное японцами и созданное для противодействия попыткам японцев захватить пустующие и залежные земли⁵.

Еще ранее, 1 июля 1904 г, Хо Ви и ряд иных сановников высокого ранга опубликовали в газете «Хвансон Синмун» воззвание с призывом у восстать против японских захватчиков « с целью принести мир и процветание монарху и всему народу» .

На поддержку *Ыйбён* ассигновала определенные средства и царская Россия, которой во время русско-японской войны 1904-1905 гг. были нужны и партизаны, и проводники, тем более что многие должностные лица и военные чиновники корейской армии оказывали русским поддержку. Так, подполковник корейской армии Ким Ин Су, он же Ким Виктор, бежал в Россию и командовал тремя тысячами кавалеристов, действовавшими совместно с *Ыйбён*⁶.

На этом этапе Россия активно поддерживала корейские отряды в северных провинциях, которые формировались как на территории Кореи, так и в Кандо или российском Приморье. Один из первых отрядов «*Ыйбён*» был создан весной 1904 г. Ли Бом Юном (тем самым братом Ли Бом Чжина и «губернатором Кандо»). Во время русско-японской войны по поручению Кочжона он сформировал тысячный отряд, который оказывал помощь русским войскам. До окончания войны эта

---

⁴ Хо Ви начал формировать отряды еще в 1896 г., но по приказу короля распустил свою армию. Затем он сделал стремительную карьеру при корейском дворе, однако, когда засилье японцев при дворе стало невыносимым, вернулся в родную провинцию Кёнсан.

⁵ Хегай П. А., Цой С. М. Патриот Кореи Хо Ви.// Сотрудничество. Материалы 6-ой международной конференции. Москва 29-30 ноября 2000 г. С. 96

⁶ Пак Б. Д. Россия и Корея. С. 370.

«Корейская вольная дружина» оставалась в Маньчжурии, где была разоружена. В начале 1906 г. по требованию китайских властей люди Ли были вынуждены покинуть территорию Маньчжурии, и большая их часть (сам Ли и 250 его сторонников) перебралась в Россию.

Другой отряд *Ыйбён* организовал бывший юнкер Чугуевского военного училища Хён Хан Гын. В марте 1904 г. отряды *Ыйбён* вели упорные бои с японскими войсками под Вонсаном, Пхеньяном и в ряде районов центральных и южных провинций Кореи⁷.

Муссировалась даже мысль о создании корпуса корейских добровольцев. В ноябре 1904 г. подполковник Корф предлагал создать корейское народное ополчение, вооружить их оружием со складов Приамурского военного округа и использовать в качестве стратегического резерва российской армии для борьбы с японцами. Корф предполагал, что ополчение будет и воевать, и нести службу в гарнизонах. Комплектоваться оно должно было, как из *Ыйбён*, так и из охотников или перебежчиков. Бригада ополченцев должна была состоять из трех полков, в которых русские занимали бы должности, начиная с командира роты и выше. По мнению самого Корфа, план не был реализован из-за нежелания высшего офицерства открыто вмешиваться в дела Кореи⁸.

Северный и Южный типы Ыйбён

Обычно партизанское движение не пытаются разделять, но с точки зрения автора там довольно рано выделяются две группировки, имеющие собственные связи, лидеров, сферы влияния и способы борьбы и достаточно обособленные друг от друга. Условно их можно назвать северной и южной⁹.

Южная группа *Ыйбён* формировалась в основном конфуцианскими учеными, в лучшем случае патриотическими сановниками, на их средства, и

---

⁷ Там же. С.369.

⁸ Там же. С. 370-371.

⁹ См подробнее работы А. Куракова (ссылка!!)

состояла из представителей низших слоев корейского общества, обладающих минимальными навыками ведения боя. Эта ситуация несколько улучшилась в 1907 г. после роспуска корейской армии, когда к партизанам присоединилась часть солдат и офицеров, обладавших военной подготовкой.

Основу северной группы составляли тигровые охотники, приспособленные к бою и знакомые с огнестрельным оружием и крестьяне, проходившие подготовку под командованием русских инструкторов во время русско-японской войны 1904-1905 годов. Ее палитра руководителей была более пестрой: встречаются и вожаки из простонародья, и представители аристократии.

В отличие от южной группы, руководители северной имели значительные дотации как со стороны правительства Российской Империи, так и из сторонних источников¹⁰, обладая базами на территории России или Китая. Конечно, далеко не всегда это проходило с разрешения региональных властей, которые чаще попустительствовали этому из-за собственных антияпонских настроений.

Южная группа *Ыйбён* и некоторые обще-статистические данные

Поначалу основная масса повстанцев продолжала традиции тонхак или Ыйбён годов Ыльми – многочисленные, но слабо вооруженные группы, прокламации, возвещающие о том, что хотя Корея слаба, лучше умереть стоя, чем жить на коленях. «Только тогда мы избежим позора перед всеми странами Поднебесной».

Хороший пример - созданный в марте 1906 г. отряд во главе с Мин Чжон Сиком. Его численность отряда составляла 1100 человек, из которых 600 человек были вооружены ружьями, 200 копьями и 300 шли в бой с голыми руками¹¹.

Подавляли повстанцев как японские части, так и правительственные войска. С этим связана любопытная коллизия гибели отряда Чхве Ик Хёна: когда

---

¹⁰ Например, деятельность командира Ли Бом Юна во многом финансировал его брат Ли Бом Чжин, **полномочный представитель Корейской Империи в России.**

¹¹ История Кореи, том 2, стр 129.

в 1906 г. против него бросили части корейской армии, он, подобно Чон Бон Чжуну, счел, что «недопустимо драться с собственными братьями» и обратился с предложением о перемирии, однако был арестован и передан японцам. Те сослали его на Цусиму, где Чхве уморил себя голодом, отказываясь принимать пищу из рук врагов.

В целом руководство южной группы находилось в руках традиционалистов, что хорошо видно по нескольким ключевым моментам. Во-первых, значительная часть их воззваний написано не на простонародном языке, а на ханмуне. Для консерваторов это было совершенно естественно, однако в условиях изменившегося мира это означало определенную потерю потенциальной аудитории. Во-вторых, члены южной Ыйбен должны были соблюдать все сословные правила по отношению к дворянам, и за непочтительность бывала и смертная казнь¹².

Единственным простолюдином среди командиров Южной группы был Син Доль Сок, - этот благородный разбойник начал свою карьеру еще со времен года Ыльми, однако во многом действовал сам по себе. Его отряд насчитывал до трех тысяч бойцов, но в 1908 г. он был выдан японцам одним из подчиненных.

С января по июнь 1906 г. в южных провинциях произошел ряд столкновений между отрядами Ыйбён и регулярными войсками. Особенно заметной была активность в провинции Чхунчхон, где насчитывалось около 1100 повстанцев.

С мая по июнь 1906 г. шли бои за город Хончжу, взятый партизанами под руководством Мин Чжон Сика. Японцам удалось взять город только после того, из Сеула было прислано подкрепление, состоящее из кавалерийского эскадрона, пулеметного и артиллерийского взводов. Потери со стороны партизан составили 83 убитыми, японцы потеряли 14 человек.

Можно обратить внимание на то, что народ сопротивлялся практически по собственной инициативе, - хотя в 1907 г. Хо Ви снова начал формировать

---

¹² Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи. Т.2, с.43-45

партизанские отряды, утверждая, что в секретном письме получил на это разрешение от Кочжона, двор ни разу не пытался напрямую обратиться к Ыйбён и призвать к его поддержке.

В 1907 г. число членов *Ыйбён* и ее общая активность существенно выросли в связи с тем, что в а) после договора семи статей процессы японизации наконец добрались до нижних уровней власти и вызывали закономерное сопротивление б) ряды партизан влились солдаты и офицеры расформированной корейской армии, успевшие получить какую-то подготовку, а часто – и современное оружие. При этом надо отметить, что сам роспуск армии прошел относительно спокойно даже если учитывать широкоизвестный мятеж частей сеульского гарнизона.

Дело было так. После объявления о роспуске армии командир батальона первого гвардейского полка Пак Сон Хван в знак протеста покончил жизнь самоубийством. Его подчиненные ворвались в помещение, где хранилась амуниция, завладели оружием, укрылись в казармах и стали стрелять по каждому японцу, попадавшему в их поле зрения. Вслед за ними восстал почти весь сеульский гарнизон, но сражение длилось всего три с половиной часа. Японцы окружили казармы, где находились корейские солдаты, и открыли по ним пулеметный огонь, после чего корейские части были вынуждены сдаться. О масштабе мятежа можно судить по количеству жертв: 12 корейских офицеров и 56 солдат были убиты, 5 офицеров и 54 солдата – ранены, 516 – взяты под арест, около 200 смогли сбежать. Потери японской стороны составили 3 офицера убитыми и 40 солдат убитыми и ранеными.

Восстали и иные немногочисленные воинские подразделения в Вончжу и на о. Канхвадо¹³, но там, где *Ыйбён* действовала действительно эффективно, ее части состояли из бывших солдат. Так, например, отряд Мин Гын Хо, насчитывавший несколько тысяч человек и нанесший японцам серию поражений, состоял в основном из солдат гарнизона корейской армии в г. Вончжу, которые

---

¹³ Henderson. P. 335.

отказались разоружаться. А многочисленный отряд Ли Ган Нёна на границе провинций Кёнсан и Канвон состоял, в том числе, из солдат Андонского гарнизона.

Вошли в *Ыйбён* и представители иных «вооруженных сообществ». Так, в провинции Хамгён сопротивление началось после того, как японцы попытались разоружить издревле пользовавшихся огнестрельным оружием охотников на тигров. Последние часто использовались в качестве полувоенной силы и были прекрасными стрелками. Из их числа был и выдающийся партизан Хон Бом До, относящийся, впрочем, скорее к северной группе¹⁴.

Судя по некоторым элементам стратегии Армии справедливости, в состав *Ыйбён* вошло и значительное число криминальных элементов. Это понятно, поскольку, во-первых, эта прослойка имела хотя бы какое-то оружие и боевую подготовку, а во-вторых – связь политики и организованных преступных сообществ проявилась в Корее весьма рано. Достаточное число политических организаций было аналогом китайских тайных обществ, которые очень часто являли собой смесь религиозной секты или политической организации и организованной преступной группировки, которая часто добывала деньги на нужды общества или обеспечивала ему боевое прикрытие. Большая часть тайных обществ, имея какое-то внешнее прикрытие, занималась уничтожением членов *Ильчинхве*, созданием запасов оружия для подготовки крупномасштабного восстания и накоплением денежных средств.

Данные о численности отрядов и их военной активности разнятся достаточно сильно. Это хорошо видно на примере конца 1907-1908 гг. - периода, который южнокорейские историки считают пиком партизанской борьбы. По их мнению, на то время *Ыйбён* насчитывала 1451 отряд с общим числом партизан около 70 тыс. человек¹⁵.

По данным японского военного командования, число вооруженных

---

¹⁴ Хон Бом До родился в 1868 г., в 1883-1887 гг. служил в корейской армии, в 1894 г. принял участие в восстании *тонхак*. Свою карьеру в *Ыйбён* Хон начал с 1907 г., неоднократно посещал русский Дальний Восток, в 1910 перебрался в Маньчжурию, затем - в СССР, где остался и умер в 1943 г. в Казахстане.

¹⁵ Ли Ги Бэк. История Кореи: новая трактовка. М., 2000. С. 333.

столкновений в том же 1908 г. превысило 800, а число повстанцев – 50 тыс. человек (общее же количество бойцов *Ыйбён* в течение 1907-1911 гг. составляло примерно 141 тыс. чел.)¹⁶.

Советские историки приводят несколько иную статистику: с августа 1907 г. по декабрь 1908 г. число вооруженных столкновений превысило 1400, и число повстанцев составило немногим меньше 114 тыс. человек.

Вот общая статистика действий *Ыйбен*, приведенная по японским статистическим данным в книге Ли Ги Бэка¹⁷.

Дата	Число боев (столкновений)	Число бойцов <i>Ыйбён</i>, принимавших участие в боях
1907 г. (с августа до декабря)	323	44 116 ¹⁸
1908 г. ¹⁹	1451	69 832
1909 г. ²⁰	898	25 763
1910 г.	147	1891
1911 г. (с января до июня)	33	216
Итого	2852	141 818

Теперь посмотрим на статистику потерь. По данным советских историков, за весь период с 1906 по 1911 гг. повстанцы потеряли 17779 человек убитыми, 3706 человек ранеными и 2139 – пленными²¹. Подобные данные приводит и Лю Ён Ик, которого сложно заподозрить в симпатиях к японцам. Ян Сын Чхоль тоже упоминает 2800 сражений с японскими войсками, в которых партизаны потеряли убитыми, ранеными и пленными 23 тыс. чел., стараясь не упоминать о потерях

¹⁶ Sung Chul Yang. P. 122.

¹⁷ Ли Ги Бэк. История Кореи: новая трактовка. М., 2000. С. 333.

¹⁸ Учебник 1974 г. утверждает, что это без учета мелких стычек и нападений на чиновников и полицейских.

¹⁹ Однако тут же Ли Ги Бэк упоминает, что эти данные приуменьшены, и что по новой информации статистика на 1908 г. составляет 1976 боев и 82 767 участников. А у Хан Ён У в 2000 боях участвовало 80 тыс. человек.

²⁰ По иным данным, 953 столкновения и 27653 участника.

²¹ Василевская И. И. С. 67.

противника, а Хан Ён У утверждает, что только в 1908г. было убито 17 тыс. и ранено 36 тыс. партизан.

Японцы за этот же период (по Лю Ён Ику) потеряли 136 человек убитыми и 2777 ранеными.

Данные эти позволяют сделать несколько интересных выводов. Во-первых, статистические данные касаются не боев, а «столкновений». Термин этот может трактоваться достаточно широко. Иногда возникает ощущение, что апологеты *Ыйбён* склонны описывать как партизанский отряд любую заведенную патриотическим лидером толпу, которая под воздействием зажигательной речи или местного произвола повалила телеграфные столбы и растерзала сторонников Японии. Данные об активности партизан как партизан обычно не приводятся, и историки дают только внешнюю канву действий: тут напали на полицейский участок, там разграбили дом сторонника *Ильчинхе*²² и т. п. Отделить стихийные действия толпы от организованных действий групп сопротивления при таком подходе сложновато.

Во-вторых, обратим внимание на методику подсчета, благодаря которой абсолютно неясно, каково было действительное количество участников партизанских отрядов. Конечно, она создает иллюзию чрезвычайной массовости. Но ведь в ряде сражений могли участвовать одни и те же люди.

Зато, разделив число участников на число столкновений, можно понять, что среднее число принимавших участие в том или ином инциденте, составляет менее 50 человек. Нормально для небольшого партизанского отряда, но маловато для истинно массового мероприятия.

В-третьих, данные о потерях говорят о том, что партизанское движение было далеко не таким активным и эффективным, как это кажется представителям корейской патриотической историографии. Тот, кого интересует сравнительная динамика потерь, может сопоставить эти данные с действиями партизан в Белоруссии, где и напряженность столкновений, и количество их жертв с обеих

---

²² Дом Ли Ван Ёна несколько раз разрушался разгневанными массами.

сторон было гораздо выше.

Впрочем, некоторые отряды действительно были довольно многочисленными: Мин Чжон Сик имел отряд числом около тысячи человек, Чхве Ик Хён и Лим Бён Чхан объединили 900 бойцов. Отряд Син Доль Сока, как мы писали ранее, насчитывал до 3000 человек и представлял серьезную угрозу японцам на побережьях провинций Канвон и Кёнсан. Что же до общей численности партизан, то можно согласиться с точкой зрения В.Ф. Ли, по мнению которого на пике развития партизанского движения в конце 1907 г. общая численность партизанских соединений достигла десяти тысяч чел.²³

Чем занимались партизаны? Отряды *Ыйбён* нападали на отделения и посты японской жандармерии или узловые пункты связи, убивали прояпонски настроенных чиновников или членов *Ильчинхве*, из числа которых только с сентября 1907 г. по август 1908 г. было убито 966 человек (создается впечатление, что основной мишенью партизан были не столько японцы, сколько прояпонски настроенные корейцы). Часто они устраивали придорожные засады, целясь в людей в военной форме западного образца.

«Партизаны» останавливали баржи с рисом, разрушали коммуникации (выкапывая и валя телеграфные столбы) и собирали с богатых крестьян денежные взносы, которые шли на содержание партизан. Такой сбор налога с местного населения «на борьбу с захватчиками» часто напоминал обыкновенный рэкет. В некоторых провинциях повстанцы даже выпускали свои деньги.

По отчетам пограничного комиссара на российском Дальнем Востоке, в приграничных районах Кореи и Китая шли достаточно жесткие столкновения между представителями *Ыйбён*, с одной стороны, и *Ильчинхве* и японцами – с другой. Партизаны перебирались через российскую границу мелкими группами человек по 100 без оружия и военной формы, которые доставлялись отдельно. В результате они уничтожили почти все японские посты и патрули в приграничных районах. Японцы были вынуждены отказаться от распыления своих сил группами

---

²³ История Кореи (Новое прочтение). С. 275

меньше роты и разрушить большинство переправ через р. Туманган²⁴.

В июле 1908 г. корейскую границу перешли 2300 человек Ли Бом Юна, но они были разбиты японцами и вернулись обратно в Приморье. Потери противника составили более пятидесяти человек. Об их собственных потерях умалчивается.

Иногда партизанам удавалось на время занимать какие-то населенные пункты. Помимо упомянутого Вончжу, который японцы взяли после трех дней боев²⁵, в марте 1908 г. 700 партизан удерживали г. Мусан²⁶. Учебник 1974 г. упоминает о захвате *Ыйбён* Чхончжу – главного города провинции Чхунчхон²⁷.

Б. Д. Пак пишет, что отряд Хон Бом До даже захватывал Чхончжин²⁸, а В.Ф. Ли упоминает, что отряды *Ыйбён* под командованием Лю Ин Сока и Ли Со Чхуна захватывали уездные и провинциальные центры, однако не очень понятно, к какому времени относятся эти данные²⁹.

Тем не менее, мы практически не встречаем информацию о создании освобожденных районов или серьезных сражениях бойцов *Ыйбён* и правительственных войск³⁰. Так что, хотя действия партизан дезорганизовывали японскую систему управления страной, и апологеты *Ыйбён* любят описывать, как в результате этого связь между регионами была нарушена, а служившие японцам чиновники были убиты, находились в бегах или просили об отставке³¹, вред от них был меньше, чем кажется.

Пожалуй, только отряды Хо Ви в южной и центральной части страны, значительную часть которых составляли бывшие военнослужащие корейской армии, вписываются в наше понимание того, что такое партизанские отряды современного типа. Они были достаточно многочисленными (к декабрю 1907 г. под его знаменем насчитывалось несколько тысяч человек, в том числе –

²⁴ Корея глазами россиян (1895-1945). С. 200-204.

²⁵ История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Том I. С. 399

²⁶ Там же. С. 402.

²⁷ Там же. С. 377.

²⁸ Пак. Б. Д. Корейцы в Российской империи (Дальневосточный период). С. 167.

²⁹ История Кореи (Новое прочтение). С. 272.

³⁰ Василевская И. И.. С. 65.

³¹ Там же. С. 64.

восставшие солдаты гарнизона на о. Канхва) и несколько раз даже захватывали уездные центры, уничтожая там японцев и членов *Ильчинхве*. Их отличала большая организованность, и повстанцы даже выдавали местному населению расписки за изъятые продукты и другие материальные ценности. Хо пытался наладить связи с организацией Сунь Ятсена в Китае³².

Объединение армий южной Ыйбён и «штурм Сеула»

Зимой 1907 г. в Янджу (провинция Кёнги) со всей страны собралось более 10 тыс. бойцов *Ыйбён*, которые образовали *Сипсамдо чханыйгун* (Армию справедливости 13 провинций). Идея соединения сил всех партизан принадлежала командиру отряда *Квандон чханый* (Войско справедливости Востока) и командиру Ыйбён со времен Ыльми Ли Ин Ёну, который направил послания другим командирам и призвал их сосредоточить силы в столичной провинции с тем, чтобы штурмовать здание сеульского генерал-губернаторства.

Совещание командиров приняло решение о создании объединенной армии в 24 отряда общей численностью около 6000 человек, во главе которых стали Ли Ин Ён (главнокомандующий) и Хо Ви (главный военачальник/начальник штаба). Одновременно были направлены послания в консульства разных стран в Сеуле с просьбой признать Армию справедливости военной организацией на основании международного права и поддержать ее действия.

Однако когда авторы приводят последующие списки назначений (в особенности – командиров региональных вооруженных сил), то надо помнить, что речь скорее идет о совещании региональных атаманов, каждый из которых на данный момент уже обладал своими вооруженными силами. Таким образом, командиры отрядов просто «легитимизировали себя» в качестве командующих фронтами. Что же касается центрального руководства, то опять-таки неясно, насколько речь шла о действительном создании структуры, способной обеспечить

³² Хегай П. А., Цой С. М. Патриот Кореи Хо Ви. // Сотрудничество. Материалы 6 международной конференции. Москва, 29-30 ноября 2000 г. М., 2001, с. 99.

стратегическое взаимодействие, а не об утверждении наиболее уважаемого полководца «первым среди равных», хотя история последующей попытки партизан взять штурмом Сеул говорит скорее о втором варианте.

27 февраля 1908 года погибает Мин Гын Хо, герой партизанского движения тех лет. Желание отомстить за павшего товарища стимулирует лидеров Ыйбен начать операцию по атаке на столицу ; хотя Хо Ви, похоже, действительно пытался превратить партизанскую вольницу в нечто более организованное, пропагандистское описание этого события у Хан Ён У говорит о многом:

«В январе 1908 г. они начали наступление на Сеул, однако передовой отряд в 300 человек под командованием Хо Ви столкнулся с неожиданной превентивной атакой японской армии и потерпел поражение в предместье столицы у ворот Тондэмун. Как раз в это время главнокомандующий Ли Ин Ён, получивший известие о смерти отца, сказал, что «непочтительность к родителям равна неверности», и отправился домой. В результате наступательная операция потерпела полное поражение».

Итак, армия повстанцев была остановлена японскими войсками уже в предместьях Сеула (до Восточных ворот не дошли примерно 9 км), а само нападение очень хорошо показало слабость, несогласованность и низкую дисциплину этого партизанского движения. Отряды несвоевременно и поочередно подходили к месту сбора, а командующий внезапно уехал на похороны отца. Авангард партизан натолкнулся на японскую засаду и был вынужден отступить, в результате чего координация действий была окончательно утрачена. Таким образом, речь шла не об одновременном сражении, а о ситуации, когда отдельные отряды подходили, ввязывались в бой и отступали.

После провала сеульской операции армия *Чханыгун* распалась, и отряды *Ыйбён* стали действовать независимо друг от друга. Партизанская деятельность сводилась к отдельным боям местного значения, наибольшими успехами которых были временные захваты небольших населенных пунктов.

Спад *Ыйбен* и перебазирование партизан в Кандо

После 1909 г. (полагаю, сыграли свою роль жесткая реакция японских властей на убийство Ито и окончательно сформированный курс на аннексию), Япония начала целенаправленно давить партизан, введя на территорию Кореи пехотную дивизию, кавалерийский полк и 6 тысяч жандармов, мобильное перемещение которых по стране обеспечивалось сетью новых дорог и железнодорожных путей, а быстрая передача информации – современной телефонной и телеграфной связью. Отряды *Ыйбён*, которые были снаряжены устаревшим оружием, сразу попали в затруднительное положение, оказавшись лицом к лицу с японской армией, оснащенной винтовками и пулеметами.

Подавление *Ыйбён* носило исключительно жестокий характер. По словам очевидцев, японские войска убивали целые семьи и сжигали их дома при малейшем подозрении на попытку укрыть партизан.

О том, что «войска применяют чересчур жестокие меры по отношению и повстанцам и мирным жителям», заявляли даже некоторые японские националисты. В особенности пострадала провинция Чолла, где в жизнь провели так называемый «План карательной операции в южных районах» (сентябрь-октябрь 1909 г.), представлявший собой серию показательных зачисток.

Кроме того, против партизан действовали и прояпонски настроенные корейцы. Ли Ин Ён был выдан японцам провокатором и умер в тюрьме³³, а когда в декабре 1909 г. к японцам в плен попал Хо Ви, он был осужден на смерть через повешение корейскими судьями³⁴. В июне 1908 г. был создан корпус корейских помощников жандармов, которых к концу 1908 г. было набрано более 8 тыс.³⁵

Ильчинхве не сидело сложа руки и организовывало собственные «группы самозащиты», которые продолжали традицию деревенских отрядов самообороны³⁶, воевавших с *тонхак*. К концу 1908 г. их удалось организовать

³³ Василевская И. И. С. 108.

³⁴ Хегай П. А., Цой С. М. Патриот Кореи Хо Ви.

³⁵ История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Том I. С. 404.

³⁶ Здесь снова напрашивается аналогия с «Речными заводами», из текста которых видно, что подобные отряды

больше двух тысяч³⁷. *Ильчинхве* засылало в партизанские отряды своих агентов, его члены собирали для японцев разведданные, уничтожали активистов *Ыйбён*, а также (по свидетельству Б. Д. Пака) устраивали беспорядки на территории России для того, чтобы подорвать доверие царского правительства к корейцам³⁸.

В результате к концу 1909 года сила сопротивления резко упала. Большая часть командиров бежала в Манчжурию и Сибирь, начав трансформацию Армии Справедливости в Армию Независимости. Южная группа Ыйбён как таковая перестала существовать как организованная сила, хотя малые группы в 60-70 человек продолжали действовать по всей стране. Они совершали налеты преимущественно ночью, а днем укрывались в горах.

Осенью 1910 г. отряды *Ыйбён*, расположенные в различных районах Кореи и Кандо (Цзяньдао), насчитывали в своих рядах 17200 человек. Из них 5 тысяч действовали в Кандо, 6 тысяч - в центральных провинциях Кореи, 2400 – на севере страны, 3800 – в Южной Корее³⁹. К 1911 г. сопротивление практически сошло на нет, хотя, согласно иным источникам, отдельные отряды продержались до 1915 г.

Северный Ыйбён - в России и не только

Из цифр выше уже понятно, что северный Ыйбён сумел в целом продержаться дольше, чем южный, потому что у них была условно решена та проблема большой земли, о которой мы говорили ранее.

Сначала немного о корейском землячестве в России. В начале 1890-х годов в целях упорядочения управления царская администрация создала новую административную единицу – волость, куда вошли 22 из 32-х корейских деревень в Приморской области. Центром волости стало село Янчиге, а волостным старшиной был избран Чхве Чжэ Хён (Петр Семенович Цой). Существовала и корейская слободка во Владивостоке.

представляли для «благородных разбойников» гораздо большую опасность, чем правительственные войска.

³⁷ История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Том I. С. 403.

³⁸ Пак Б. Д. Корейцы в Российской империи (Дальневосточный период). С. 175.

³⁹ Пак Б. Д. Россия и Корея. С. 411.

Чхве был, по сути дела, некоронованным королем корейцев Приморья. Мясоторговец, переселившийся в девятилетнем возрасте с родителями на территорию России, он присутствовал на коронации Николая II, а в 1913 г. - на праздновании 300-летия дома Романовых. Он был одним из двух корейцев, получивших государственные награды от царской России (вторым был Ли Бом Чжин) и высокие посты в регионе как до, так и после Октябрьской революции.

Компактное расселение и в целом дружественная позиция России вели к тому, что большая часть командиров *Ыйбён* обосновалась на данной территории или как минимум эмигрировала туда⁴⁰. Ли Сан Соль (1870-1907), один из участников делегации в Гааге, бежал во Владивосток в 1906 г. , эмигрировал в Россию и умер во Владивостоке в 1907 г. По Хан Ён У, ещё в 1905 г. в Приморье было учреждено общество *Ханминхве* (Общество корейского народа) как орган самоуправления корейцев и развернулось активное движение по созданию национальных органов печати и корейских национальных школ.

Первый отряд *Ыйбён* непосредственно на территории России был сформирован Чхве Чжэ Хёном в 1906 г., В начале 1908 г. с русской территории в Северную Корею ушло больше тысячи хорошо вооруженных и экипированных повстанцев, благо после окончания русско-японской войны у уволенных в запас офицеров и унтер-офицеров осталось довольно много оружия. При этом пограничный комиссар Южно-Уссурийского края поддерживал с повстанцами тесные связи, и его мнение, которое разделялось властями Приамурья, заключалось в том, чтобы, не оказывая *Ыйбён* официальной поддержки, не препятствовать их деятельности, если корейцы не нарушают российские законы.

На территории России обосновался и Ли Бом Юн (1863- ?), – тот самый «губернатор Кандо», который в течение русско-японской войны организовал на территории Кореи тысячный отряд, который оказывал помощь русским войскам, а по окончании войны был вытеснен в Россию. Поселившись недалеко от Посьета

⁴⁰ В это время на территории России весьма активно «тусовалось» большое количество лидеров националистического движения, которые затем встречаются в корейской истории в качестве представителей не левого, а правого крыла (например, «будущая правая рука Ли Сын Мана» Ли Бом Сок, который никогда не был замечен в симпатиях к левым).

(где было много корейских поселенцев), он объявил, что действует по согласованию с Владивостокским губернатором, и, выдавая себя за родственника правящей в Корее династии, начал формировать отряды добровольцев для борьбы за восстановление корейской независимости.

С территории Приморья в Северную Корею было направлено несколько крупных партизанских отрядов общей численностью около тысячи человек. Корейское население оказывало партизанам финансовую и продовольственную помощь. Хотя китайские власти не разрешали Ли Бом Юну постоянно проживать в Кандо из-за его прошлой враждебной Китаю деятельности, они не мешали ему руководить своим отрядом.

В тесном контакте с Ли действовал и такой партизанский командир, как Хон Бом До. Основная база его отряда находилась в труднодоступном районе Капсана, и в середине 1908 г. «Ыйбён» под его командованием освободили от японцев города Самсу, Чхончжин и Капсан и уничтожили стоявшие здесь воинские гарнизоны⁴¹.

Бойцы применяли характерную для охотников тактику, описание которой сохранилось в ряде донесений: «Инсургенты редко стреляют на дальние дистанции, разве по ясно видимым кучкам. Неприятеля они подпускают на дистанцию от 100 до 600 шагов и бьют точно прицельными пулями, как охотник бьет зверя. У них нет стремления только вывести неприятеля из строя, а непременно убить. А так как они вооружены преимущественно большекалиберными ружьями (берданками, шаспо, винчестерами, маузеарми и проч.), то процент убитых у неприятеля всегда очень велик. Это наводит невольную панику и регулярные японские солдаты, подготовленные совсем к другой системе боя,- с огромным разбрасыванием бесприцельных пуль, да еще и легкораненых (гуманное оружие),- потеряв, положим, при наступлении сразу половину товарищей наповал убитыми, обращаются в безумное бегство и

---

⁴¹ Забегая вперед, отметим, что поколение спустя в этой же местности будет активно действовать Ким Ир Сен.

спокойно расстреливаются выдержанным, стойким и находчивым неприятелем, как скачущие дикие козлы»⁴².

К концу 1908 г. в его отряде насчитывалось более 800 чел⁴³, он имел внутреннее функциональное разделение⁴⁴, а в горных пещерах, которые служили отряду укрытием, оружейные мастерские изготовляли даже самодельные пушки⁴⁵.

В ответ на рост антияпонской борьбы, посольство Японии в Петербурге заявило протест царскому правительству, обвинив его в поддержке корейских деятелей, и потребовало запрещения подобных действий на территории России. Учитывая, что русское правительство искало соглашения с Японией по проблемам Дальнего Востока, военный губернатор Приморской области дал указание «не допускать явной антияпонской агитации среди корейцев» и легальных антияпонских выступлений. В результате на деятельность Ли и Ко просто стали закрывать глаза, ибо нелегальная активность не проверялась.

Летом 1907 г. Ли Бом Юн отправил в Сеул двух своих людей для того, чтобы получить от Кочжона официальные полномочия руководить антияпонским движением в Приморье (значит, до того никаких официальных полномочий у него не было). Российские власти, однако, заявили Ли, что они признают только те полномочия, данные корейским императором, которые будут удостоверены российским генеральным консулом в Сеуле. Консул уговорил посланцев «в безумии подобного предприятия» и отправил обратно в Россию. В это время считалось, что подчиненные Ли вооруженные отряды составляют всего 4 тыс. человек.

В свою очередь Япония бросила против повстанцев части регулярных войск», в результате чего партизан постепенно вытеснили обратно. В 1908 г. японцы периодически заявляли России протест по поводу действий Ли Бом Юна. Правда мешалась с ложью. Утверждалось, например, что дружинники Ли живут в

⁴² Б.Д.Пак борьба российских корейцев за независимость Кореи 1905-1919 стр. 61

⁴³ Иногда приводится число в 4000

⁴⁴ История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Том I. С. 402.

⁴⁵ История Кореи (Новое прочтение). С. 273-274.

русских казармах и обучаются русскими армейскими офицерами. Однако между Россией и Японией не была заключена конвенция о взаимной выдаче преступников, а тех корейских агитаторов, которые были арестованы, отправляли не в Корею, а в Маньчжурию.

Ли Бом Юн в 1910 г. имел под ружьем 2000 инсургентов, объединенных в несколько отрядов⁴⁶. Пока имелись возможности, он получал средства и оружие от своего брата Ли Бом Чжина, который продолжал считаться «посланником в Петербурге». Пожалуй, подчиненные ему отряды были наиболее многочисленными.

В январе 1909 г. в Хабаровск приезжал Ким Ин Су – доверенное лицо Кочжона, офицер распущенной корейской армии, который пытался убедить российские власти в том, что Япония вскоре нападет на Россию, и потому Россия должна помогать *Ыйбён*, предоставляя корейским партизанам свое подданство. Безрезультатно.

В октябре 1909 г. российскую границу перешел Хон Бом До и начал путешествовать по корейским селам, занимаясь сбором средств. Там же оказался и Ю (Лю) Ин Сок (1842-1914), давний участник *Ыйбён* в Корее и в Кандо. Ли Бом Юн обеспечивал его контрабандным оружием.

В первой половине 1910 г. Ю Ин Сок сформировал «военную организацию», - структуру единой Армии справедливости тринадцати провинций (*Чангъйхве*), которая должна была вторгнуться в Корею и освободить ее. Кроме полевых командиров вроде Ли Бом Юна или Хон Бом До в руководстве Армии присутствовали и такие видные эмигранты, как Ан Чхан Хо. Руководители Армии даже обращались к Кочжону с просьбой переехать в Приморье и создать там правительство в изгнании.

8 июля 1910 г. во Владивостоке было создано политическое общество *Сонмёнхве* как единый руководящий центр. В его состав вошли: Ли Бом Юн (председатель), Ю Ин Сок (командующий всеми отрядами *Ыйбён* на территории

---

⁴⁶ Корея глазами россиян (1895-1945). С. 223.

Приморской области), Ли Сан Соль (инструктор по обучению войск), Хон Бом До, Ли Бом Сок и др.⁴⁷ Оказывал поддержку организации и Ан Чхан Хо.

Но одновременно с этим стал проявляться и раскол внутри руководства *Ыйбён*, в частности, между Ли и Цоём, которого, как мы видим, в вышеописанной организации нет. Сказывались и корейская любовь к фракционизму, и противостояние между местными и пришлыми корейцами, и привычки ряда руководителей вести себя в традициях вольницы.

На с. 198 своей книги Пак Б. Д. приводит текст жалобы группы корейских крестьян на действия Ли Бом Юна, оговариваясь, правда, что эта жалоба могла быть организована японскими агентами. В жалобе говорилось, что они вынуждены платить налоги и российским властям, и Ли как «губернатору»⁴⁸. При этом, собирая с корейцев деньги, Ли, дескать, использовал их исключительно в личных целях, проживая в первоклассных гостиницах и обманывая народ ложью о том, что деньги идут на закупку оружия и действия партизанского отряда, в то время как его так называемое «войско» никуда не отправлялось, занимаясь исключительно грабежом и насилием. Указывали, что большинство населения запугано, и просили принять меры.

Несмотря на то, что японские агенты действительно могли приложить руку к тому, чтобы эта жалоба дошла до властей, у автора нет оснований не верить тому, что эти события в принципе не могли иметь место. Тем более, что похожие претензии к Ли Бом Юну выдвигал и Чхве Чжэ Хён. Его японцы, кстати, тоже пытались скомпрометировать, стремясь на основе подложных сведений представить его «засланным казачком» и добиться его высылки из России⁴⁹.

Разрыву между Ли и Чхве способствовал факт нападения отряда под руководством одного из родственников Цоя на японских торговцев, в котором Ли усмотрел разбойничий набег, а не проявление патриотизма. Кроме того, против Ли интриговал Мун Чхан Бом (Василий Мун), представитель корейских

⁴⁷ Пак Б. Д. Россия и Корея. С. 414-415.

⁴⁸ Топоров А. А. Владивосток как зарубежный корейский центр антияпонского освободительного движения (1905-1916 гг.)

⁴⁹ Корейцы в Российской империи (Дальневосточный период). С. 191

торговцев в Приморье. Последний был богатым мясоторговцем и, вероятно, был против «сбора средств». В августе 1910 г. он подбросил русским властям (по утверждению некоторых историков, поддельное) распоряжение Ли Бом Юна, в котором он призывает к восстанию, требуя оружия и денег от имени Владивостокского губернатора.

Вызывала недовольство российских властей и активность протестантских организаций, в первую очередь *Кунминхве*, которое занималось культурной и просветительской деятельностью, однако, так как миссионеры вели не только антияпонскую, но и антирусскую пропаганду, в ноябре 1911 г. православная церковь даже опубликовала специальное «Слово к корейцам», в котором подчеркивалось, что пресвитерианство – это не русская и не православная вера, и придерживаться ее – значит оскорбить царя и весь русский народ⁵⁰.

В результате царское правительство, опасавшееся ухудшения отношений с Японией, снова предприняло ряд мер против руководителей антияпонского движения. 30 августа 1910 г. власти Приморья арестовали 42 активных участника Ыйбён, а 8 самых активных главарей, в том числе Ли Бом Юн и Ли Сан Соль, были сосланы в Иркутск как японские агенты, хотя повод для ссылки был, естественно, другим. Интересно, что Ли Бом Юна корейское население прятало, и найти его удалось, опять-таки, при помощи людей Мун Чхан Бома⁵¹.

Японский МИД бомбардировал Россию просьбами принять меры по ликвидации антияпонского подполья на российской территории, однако власти Приморья практически игнорировали эти требования, и даже инструкции центральных властей, предписывающие выдать японцам хотя бы кого-нибудь, чтобы они отвязались, оставались невыполненными.

В мае 1911 г. высланным в Иркутск снова разрешили вернуться во Владивосток, а в ноябре 1911 г. было создано Общество по поощрению предпринимательства (*Квонопхве*), поддержанное Приамурским генерал-губернатором, который даже стал его почетным членом. Состав почти тот же: как

⁵⁰ Пак Б. Д. Корейцы в Российской империи (Дальневосточный период). С. 207.

⁵¹ Там же. С. 189

представители российских корейцев, так и беглые националисты. Председатель – Чхве Чжэ Хён, его заместитель – Хон Бом До, председатель правления – Ли Сан Соль⁵². Согласно уставу, членами Общества могли быть только российскоподданные корейцы. Формально Общество должно было заниматься предоставлением крова и работы беглым корейцам, но фактически было занято антияпонской деятельностью – как военной, так и культурной или экономической. Ожидая новой русско-японской войны, руководители Общества даже создали свое правительство. Японцы же пытались их скомпрометировать, сначала – выдав нескольких его активистов за японских шпионов, а потом – представив документы об антияпонском характере общества, в результате чего в августе 1914 г. его легальные отделения были закрыты.

Поддержка *Ыйбён* со стороны России начала прекращаться после того, как 19 мая 1911 г. по старому стилю между Россией и Японией был подписан договор о взаимной выдаче преступников. Формально он касался только уголовников, однако в секретном приложении к нему речь шла о борьбе с теми, кто, находясь на территории одной страны, будет злоумышлять против государственного устройства другой. И хотя русские власти так никого японцам и не выдали, высылая корейцев в Маньчжурию или ссылая их в Восточную Сибирь, государственная поддержка *Ыйбён* постепенно стала сходить на нет. Последнее крупное вторжение партизан с русской территории состоялось в марте 1911 г, а когда в первую мировую войну Россия и Япония вступили как союзники, большинство национально-патриотических организаций корейцев в Приморье было вынуждено прекратить свою деятельность. Царское правительство стало чаще арестовывать корейцев по японскому представлению⁵³, так что часть руководителей *Ыйбён* была арестована, часть умерла по естественным причинам,

---

⁵² В иной версии председателем Общества был Ю Ин Сок, заместители – Чхве Джэ Хён и Ли Бом Юн, надзиратель за порядком – Хон Бом До. Вообще же, заметим, что разнообразных обществ в то время организовывалось великое множество, и их названия часто дублировали друг друга. Корейское молодёжное просветительское общество, Общество общих интересов, Общество взаимопомощи корейцев, объединение *Чхольхёльдан* (Общество железа и крови) и проч.

⁵³ В августе 1915 г. японцы потребовали выдворить из России 29 человек, ведущих антияпонскую пропаганду в России и полосе отчуждения КВЖД. На 2/3 список состоял из старых знакомых.

часть перебралась в Маньчжурию: центром антияпонской активности стал Кандо, куда перебрались и Ли Бом Юн со товарищи⁵⁴.

В России остались немногие, однако в 1914 г. Ли Сан Соль, Ли Дон Хви и другие создали во Владивостоке *Тэхан кванбоккун чонбу* (Военное правительство возрождения Кореи), которое планировало создание Армии независимости и развёртывание вооружённой борьбы, но планы остались планами.

В 1915 г. корейское тайное общество пытались создать немцы, - таковое должно было бы вести борьбу и против России, и против Японии. Проект не удался, так как немцы собирались давать деньги и оружие только после того, как корейцы начнут делать что-то сами, но этот козырь был разыгран японцами, и на основе провокационных слухов в начале 1917 г. ряд видных деятелей корейского движения за независимость, в том числе Ли Дон Хви, были арестованы и выпущены на свободу только после Октябрьской Революции⁵⁵.

Новый виток создания корейского партизанского движения на Дальнем Востоке связан событиями марта 1919 г., и об этом мы поговорим в свой черед, тем более что партизан того времени уже не принято называть *Ыйбён*.

Вот и все про партизан: вывод получается несколько отличным от традиционного.

Во-первых, *Ыйбён* не была революционным движением и состояла скорее из консерваторов–традиционалистов (заметим, что об этом говорит и само его название). Несмотря на пример, безусловно, стойкого антияпонского духа, практически никто из участников Армии справедливости не предпринимал меры по повышению своей эффективности посредством внутренних реформ. В этом смысле даже *тонхак* шли впереди их, поскольку предлагали хотя бы какую-то программу модернизации⁵⁶.

---

⁵⁴ Пак М. Н. Корейское национально-освободительное движение на территории России в период, предшествующий Первомартовскому движению // Первомартовское движение за независимость Кореи 1919 г. Новое освещение. Сборник статей. М., 1999. С. 50-53.

⁵⁵ Пак Б. Д. Корейцы в Российской империи... С. 234.

⁵⁶ Choong Soon Kim. Tradition and Transformation in Korea. P. 55.

Консервативные позиции большинства руководителей *Ыйбён* проявлялись и в том, что большая часть их стихов, в отличие от агитационных текстов просветителей, была написана не на живом литературном языке, а на *ханмуне*.

Во-вторых, у *Ыйбён* не было ни выучки, ни опыта, ни оружия (ружья были, в основном, фитильные), ни координации действий (большая часть отрядов действовала сугубо в пределах своего удела или волости). Даже единое командование, собравшееся в декабре 1907 г., не сумело осуществить координацию движения, и *Ыйбён* осталась разобщенной.

В-третьих, деятельность *Ыйбён* была направлена не столько против японцев, сколько против прояпонски настроенных корейцев, а борьба с японской структурой сводилась к перерезыванию проводов и мелким стычкам, далеким от понятия «народная война». Не случайно южнокорейские авторы скорее обходят тему успехов *Ыйбён*, поскольку в стратегическом плане борцам за свободу Кореи с оружием в руках ничего добиться не удалось.

Человек, не являющийся патриотом Кореи, мог бы даже задаться вопросом: «Была ли принципиальная разница между действиями *Ыйбён* и полугангстерскими формированиями, но надо понимать, что превращение «борцов за свободу» в «полевых командиров» очень часто является процессом, который связан не со злой волей руководителей восстания, а с объективной ситуацией, о которой мы упоминали в рассуждении историографа.

В-четвертых, *Ыйбён* значительно страдала от фракционной борьбы и внутренних дразг. Это хорошо видно на примере действий корейских патриотов на российском Дальнем Востоке, где царское правительство даже отселяло вглубь Сибири нескольких наиболее известных лидеров *Ыйбён*, обвиненных их соплеменниками в вымогательстве и создании частной армии.

Глава четырнадцатая, в которой императора увольняют, Ан Чжун Гын убивает Ито Хиробуми, а Корею окончательно аннексируют

Что бы подумали Кобаякава, Като и Кониси, если бы жили они сейчас, взглянув на луну сегодня вечером?

Тэраути Масатакэ, сложено по случаю аннексии Кореи

Демарш в Гааге и свержение Кочжона

Даже после установления протектората и неудач его тайных эмиссаров Кочжон все еще лелеял надежду на помощь запада, считая одним из средств спасения установление над Кореей коллективного протектората заинтересованных держав¹. Эта идея посещала Кочжона с 1906 г.², и в январе 1907 г. в газете *Korea Daily News*, издаваемой в Сеуле англичанином Бэтеллом, было опубликовано послание, в котором Кочжон обращался с открытой просьбой о помощи к правителям России, Америки, Франции, Германии: «...давление сильного соседа день ото дня увеличивается. Нас уже лишили права внешних сношений и наносят ущерб нашему суверенитету. Я и все мои подданные, возмущенные и встревоженные, апеллируем ко всему миру... Исходя из идеи добрых отношений и помощи слабому, я обращаюсь ко всем дружественным странам и искренне уповаю на их добродетель, которая может сохранить независимость нашей страны и распространить на меня и на всех моих подданных свои благодеяния»³.

Пак Че Сун, возглавлявший правительство Кореи, немедленно объявил это заявление фальшивкой, и в правительственном вестнике было опубликовано опровержение. Однако редакция настаивала на достоверности информации и в

¹ История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Т. 1, М, 1974, стр. 395.

² Корея глазами россиян (1895-1945). С. 191.

³ И. И. Василевская. Колониальная политика Японии в Корею накануне аннексии (1904-1910 гг.), М., 1975, стр. 43

подтверждение своих слов опубликовала фотографию императорской печати, которой было скреплено данное послание⁴.

Прижатый к стене *ван* снова заявил, что сделал это по воле своего окружения, и хотя правительство откестилось и от этого заявления, под давлением японцев и *Ильчинхве* Пак Че Сун подал в отставку, и его сменил Ли Ван Ён.

В 1907 году Коджон вновь отправил в Вашингтон Халберта, чтобы добиться содействия США в восстановлении независимости Кореи. Безрезультатно.

Последней попыткой действий в дипломатическом направлении было отправление корейской делегации на международную конференцию в Гааге в 1907 г.⁵ Согласно донесению генерального консула России в Сеуле Г.А. Плансона министру иностранных дел А. П. Извольскому от 12 июля 1907 г., в конце апреля его посетил представитель Коджона по имени Юн Дэ Хон, который заявил о намерении ехать в Гаагу и просил оказать содействие. В письме к Николаю II Коджон писал: «В настоящее время... мое положение становится все более затруднительным и мне некуда апеллировать. К счастью, в настоящее время открылась международная мирная конференция»⁶.

Плансон пытался отговорить Юна, используя следующие аргументы:

1. В программу конференции входят вопросы, не связанные с Кореей, а касающиеся общих вопросов ведения войны. Рассматривать там судьбу Кореи не имеет смысла.

2. Программа конференции уже выработана и одобрена и внесение в повестку дня новых тем неосуществимо в техническом отношении, даже с учетом того, что изначально программу формировала Россия.

3. Международному сообществу сейчас не до Кореи, - несвоевременное обсуждение этого вопроса может, наоборот, только ухудшить ее судьбу.

---

⁴ И. И. Василевская. Колониальная политика Японии в Корею накануне аннексии (1904-1910 гг.), М., 1975, стр. 43.

⁵ Конференция 1907 г. состоялась 15 июня-18 октября, приняв 13 конвенций по международно-правовым нормам ведения войны. В ней участвовали представители 44 государств.

⁶ Пак Чон Хё. Русско-японская война 1904-1905 гг. и Корея. – М.: «Восточная литература» РАН, 1997, стр. 251.

Юна убедили не ехать, но, как выяснилось, было несколько команд «ходоков», и непонятно, действовали ли они по собственной воле или по приказу императора. Еще одна такая группа добралась до Владивостока и пыталась добиваться от его военного губернатора разрешения на проезд в Гаагу. Им объяснили, что Россия не будет препятствовать их переезду, но привели похожие аргументы, так что и эта группа отказалась от своего намерения⁷.

Однако была и третья группа, руководимая бывшим замминистра внутренних дел Ли Сан Содем и сопровождавшаяся Х. Хальбертом⁸, направилась в Нидерланды через Петербург, но под давлением Японии и Англии корейскую делегацию признали неправомочной⁹ и не допустили к участию в конференции. Корейских представителей не приняли ни министр иностранных дел Голландии, ни даже глава российской делегации, который был на конференции председателем¹⁰. Последнее было связано с директивой Извольского о том, что посланцы *вана* не могут считаться официальными представителями страны, и дипломатам следует воздерживаться от общения с ними. Данный факт можно трактовать и как определенные козни, и как буквальное выполнение требований протектората, в рамках которого сфера внешней политики находится под контролем не *вана*, а Японии. И потому претензии корейцев действительно нелегитимны.

Согласно иной версии, после того как посланцы прибыли в [Гаагу](#) и обратились к странам-участницам с просьбой вмешаться, руководство конференции решило запросить [Сеул](#), действительно ли эти корейцы были посланы [Кочжоном](#). Однако телеграмма императору, попала на стол к Ито Хиробуми, после разговора с которым [Кочжон](#), по обычаю, заявил, что не имеет к этому отношения¹¹.

---

⁷ Корея глазами россиян (1895-1945). С. 193-195.

⁸ После данной истории японцы выслали Хальберта из страны.

⁹ Глава российской делегации Нелидов в письме к министру иностранных дел Извольскому недвусмысленно заявил, что «вышеназванные корейцы не могут считаться облеченными каким-либо официальным положением или миссией и что о личности их ничего достоверного даже неизвестно...».

¹⁰ Пак Б. Д. Россия и Корея. С. 397.

¹¹ Мещеряков А. Н. Император Мэйдзи и его Япония. С. 649

Послание, отправленное Кочжоном на мирную конференцию, демонстрирует как его политический инфантилизм, так и надежду на то, что Запад не может не помочь. Кочжон писал: «Поскольку независимость Кореи признается всеми государствами, с которыми она находится в дружественных отношениях, то я имею право отправлять делегации на все международные конференции, которые созываются с любой целью. Однако по условиям договора от 17 ноября 1905 г., который был вырван у меня силой, японцы при помощи угроз, нарушая все международные нормы, лишили меня права непосредственного общения с дружественными странами. Не признавая этот акт японцев, я назначил делегатов для того, чтобы поставить в известность державы об ущемлении прав моих японцами и об угрозе, которая нависла в настоящее время над моей страной, а также для того, чтобы восстановить непосредственные дипломатические отношения между моей страной и иностранными державами, на которые моя страна имеет право в силу своей независимости»¹². Ван напоминал, что перед началом русско-японской войны Корея объявила о своем нейтралитете, но Япония «похитила ее дипломатические права, и теперь в стране царят произвол и насилие». Указывалось, что Япония «делает все, что ей угодно. Это противоречит гуманности и международным законам».

Естественно, что с точки зрения международного протокола такой текст выглядел несколько странно, тем более что тематика Гаагской конференции совсем не была связана с корейским вопросом.

Ван рассчитывал на то, что в рамках складывающейся системы международных отношений великие державы не бросят Корею на произвол судьбы. Однако страна Утренней свежести никого не волновала. Устами «Таймс» державы заявили, что конференция занята колоссальной работой и она не имеет времени рассматривать «исчерпанные вопросы»¹³. Трибуну делегация получила

---

¹² Пак Б. Д. Россия и Корея. С. 395-396. Цит. По: Василевская И. И. Колониальная политика Японии в Корее накануне аннексии (1904 ~ 1910). М., 1975. С.44

¹³ И. И. Василевская. Колониальная политика Японии в Корее накануне аннексии (1904-1910 гг.), М., 1975, стр.44-45.

только на собрании Международного пацифистского клуба, где было зачитано письмо Кочжона, обращенное к мировой общественности.

Посланцы Кочжона дали интервью журналистам: «Нас послал император не только на Гаагскую конференцию, но и ко всем правительствам Европы и Америки, чтобы протестовать против обращения с нами Японии, и в частности, чтобы объяснить, что Корея никогда не откажется от независимости и не согласится на японский протекторат»¹⁴. Но в целом миссия была провалена, и как писал впоследствии тот же Плансон, явление корейцев в Гаагу оказало японцам большую услугу, т. к. окончательно прояснило вопрос о том, как «цивилизованные державы» смотрят на закрепощение страны¹⁵.

Зато мероприятие стало поводом для красивой легенды о том, что, не сумев привлечь внимание к бедственному положению своей страны, один из членов делегации Ли Чжун демонстративно покончил с собой чуть ли не прямо в зале заседаний. В действительности причиной его смерти была болезнь, но националистически настроенные историки (как на Севере, так и на Юге) делают его духовным наследником Мин Ён Хвана.

Так как на сей раз Кочжон уже не мог сказать, что он не при чем и его заставили, Ито решил, что «упорство императора в подобного рода интригах должно быть истолковано как враждебное отношение к японцам, которому должен быть положен предел»¹⁶. Явление корейской делегации на международной конференции могло свидетельствовать о том, что японцы до сих пор не контролировали корейского императора и внешние сношения Кореи, что выглядело своего рода потерей лица.

---

¹⁴ История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Том I. С. 395.

¹⁵ Корея глазами россиян (1895-1945). С. 196.

¹⁶ Медведев А.И. Дальний Восток. Краткий военно-статистический очерк театра русско-японской войны. СПб., 1904. Цит. по Пак Чон Хё. Русско-японская война 1904-1905 гг. и Корея. – М.: «Восточная литература» РАН, 1997, стр. 254.

6 (19) июля 1907 г. под давлением как японцев, так и *Ильчинхве*, императора вынудили отречься от престола в пользу его сына Сунчжона, страдавшего легкой формой олигофрении. Формально это выглядело как решение кабинета министров, хотя Корея оставалась быть абсолютной монархией, и кабинет не был наделен полномочиями выражать недоверие императору. Тем не менее на третий день постоянных убеждений со всех сторон отречение было подписано.

Текст его достаточно интересен. Кочжон заявлял, что желание отречься у него возникло еще 10 лет назад, и что сейчас просто наступила такая возможность, и, делая такой шаг, он следует естественному ходу событий, а не подчиняется внешнему давлению. Что отречение принесет благополучие династии, и те, кто не понимает мотивов его поступка, являются невежественными подданными¹⁷. Интересно то, что «10 лет назад» - это как раз время, когда Корею настигла первая волна преобразований. Текст можно понимать так, что Кочжона действительно тяготила необходимость принимать критические решения в меняющейся стране и быть явной марионеткой в руках иностранцев¹⁸.

Отречение Кочжона взволновало народ, несколько дней проходили демонстрации, было разрушено здание издательства газеты общества *Ильчинхве*, а несколько японцев подверглись нападениям со стороны населения, однако порядок был наведен быстро. В конце августа 1907 года состоялась официальная церемония коронации Сунчжона, прошедшая, можно сказать, «в рабочем порядке» по сравнению с многодневными празднествами прошлых лет. Ни Кочжон, ни российский посланник на ней не присутствовали. Вид Сунчжона производил «удручающее впечатление», - «бледный, болезненно одутловатый, с безжизненными испуганными глазами, он казался человеком больным и расслабленным»¹⁹. 35 лет он провел в «затворничестве» и имел смутное представление о жизни вне дворца.

¹⁷ Василевская И. И. С. 47.

¹⁸ Правда, по одной из версий, текст писал Ито, а ван только поставил свою подпись.

¹⁹ Донесение генерального консула в Сеуле А. Сомова министру иностранных дел А.П. Извольскому. Сеул, 12 ноября 1908 г. Цит. по : Корея глазами россиян (1895-1945). М, 2008, стр. 205.

Впрочем, экс-император еще на что-то рассчитывал. В 1908 г. была сделана безуспешная попытка организовать бегство Кочжона в Россию, но секретная телеграмма А.П. Извольского генконсулу в Сеуле А. Сомову от 11 ноября 1908 г. гласила: «Из Китая сообщают, что бывший корейский император подготавливает бегство в русские пределы. Едва ли это при установленном за ним надзоре возможно. Но если бы к вам обратились по означенному вопросу корейцы, то Вам надлежит, конечно, самым решительным образом отклонить всякие контакты к осуществлению такого плана, указывая на гибельные его последствия как лично для императора, так и для государства»²⁰.

В июне 1909 г. *Кочжон* направил еще одного гонца с просьбой о помощи, но полиция его перехватила. В декабре того же года два представителя Кореи снова пытались прорваться на Гаагскую мирную конференцию, а в мае 1910 г. *Кочжон* направил в Россию очередного тайного эмиссара. Полковник корейской армии Ли Гап (получил в Японии военное образование, был военным атташе при японской армии во время русско-японской войны, после протектората покинул прояпонскую партию) связался с российскими дипломатами в Шанхае и сообщил, что «император бесповоротно решил бежать» в Россию и от этого его удерживают только два обстоятельства: то, что у него нет средств для существования за границей, и то, что королева Ом решительно выступает против.

Ли Гап передал письмо для российского императора, в котором указывалось «...Я и народ мой живем надеждой, что настанет день, когда Вы освободите нас от ненавистного ига. Ныне приближается час полного поглощения Кореи. Японцы посредством подкупов побуждают немногих корейских изменников ходатайствовать о присоединении Кореи к Японии. Японцы, однако, до сих пор не решаются на этот шаг, так как опасаются всеобщего возмущения. Ныне распространился слух, что между Россией и Японией будет заключено соглашение, и что одним из условий явится согласие России на присоединение Кореи к Японии. Я не могу верить этому слуху и продолжаю думать, что ваше

---

²⁰ Архив внешней политики Российской империи. Фонд «Японский стол». Опись 493. Дело 18. Лист 31.

Величество не отказались от мысли быть защитником Кореи, и что из жалости к несчастному поработанному народу Вы не согласитесь на полное уничтожение его»²¹.

Увы... 4 июля 1910 г. между Россией и Японией было подписано русско-японское политическое соглашение, в котором Япония признавала сферой интересов России Маньчжурию и Монголию, а Россия обязалась не препятствовать дальнейшему укреплению и развитию «специальных интересов» Японии в ее сфере влияния. Японская дипломатия трактовала это как согласие России на аннексию Кореи²².

Усиление японской экспансии

Через несколько дней после отречения Кочжона, 11 (24) июля 1907 г. был подписан так называемый «Договор семи статей», существенно расширяющий права генерального резидента.

Правительства Японии и Кореи, желая улучшить благосостояние Кореи, с целью принести процветание корейскому народу, договорились о нижеследующем.

1. Во всех вопросах, связанных с административными реформами, правительство Кореи будет получать руководящие инструкции от генерального резидента.
2. Законы, принимаемые правительством Кореи, должны будут получить предварительное одобрение генерального резидента.
3. Судебная власть в Корее будет отделена от административной.
4. Назначения и увольнения высокопоставленных офицеров не могут быть произведены без согласия генерального резидента.
5. Корейское правительство будет назначать на любые посты, связанные с Кореей и Японией, лиц, рекомендованных генеральным резидентом.

²¹ Корея глазами россиян (1895-1945). С. 219-221.

²² История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Том I. С. 416-417.

6. Корейское правительство не будет назначать иностранцев на государственную службу без предварительной консультации с генеральным резидентом.

7. Первый пункт японо-корейского протокола, подписанного 22 августа 37 года эры Мэйдзи, признается утратившим силу.

На этот раз не было историй с выкрадыванием печати, подделки подписи и громких речей о том, что императора принудили подписать договор силой. Все прошло относительно тихо и спокойно.

Корейское правительство приняло обязательство руководствоваться его указаниями во всех административных вопросах, включая не только издание законов и распоряжений, но и служебные назначения и перемещения²³. Естественно, в результате на большинство постов заместителей министров каждого из министерств были назначены японцы, и началось так называемое «правление заместителей министров»²⁴.

В дополнение к «Договору семи статей» было заключено секретное соглашение о ликвидации корейской армии, которую до того просто сокращали. Если в 1905 г., по данным Ф. Маккензи, корейская армия насчитывала 20 тыс. чел., на июль 1906 г. в ней было уже всего 8 тыс., а к моменту ее расформирования насчитывала всего 6 тыс. человек²⁵.

1 августа 1907 г. около 2 тысяч корейских солдат без оружия были собраны на учебном плацу у Восточных ворот Сеула и военный министр Ли Бён Му зачитал декрет о роспуске армии. Провинциальные части были распущены в период с 3 августа по 3 декабря 1907 г. Стоит отметить, что, несмотря на ряд мятежей (наиболее известны инциденты в Сувоне и в Сеуле) большинство военнослужащих восприняли новость о роспуске армии достаточно спокойно.

---

²³ Там же. С. 396

²⁴ Естественно, стремящиеся максимально обелить дом Ли националисты (в том числе и Хан Ён У) высказывают предположение, что подпись императора Сунджона, заключившего этот договор, вроде бы не соответствует его почерку, и существует подозрение, что она была сфальсифицирована и принадлежит кому-то другому.

²⁵ В 1906 г. армия Кореи состояла из трех гвардейских батальонов, одного гвардейского эскадрона, одной гвардейской батареи, одного саперного отряда, восьми провинциальных батальонов и восьми жандармских отделений, плюс военная свита двора.

Некоторые даже выглядели весьма довольными той суммой, которую им выдали, и мирно разошлись.

Зато еще в 1906 г. формально для защиты японских граждан в стране была введена японская жандармерия. Число жандармов быстро выросло до шести тысяч, хотя в основном они располагались в мелких постах, примерно по 15 человек в каждом. Этого хватает, чтобы пассивно контролировать страну и пресекать мелкие стихийные бунты, но недостаточно в условиях серьезного сопротивления²⁶.

26 марта 1908 г. была основана Восточно-колониционная акционерная компания (*Тоё такусёку кабусики кайся*, сокращенно – *Тотаку*), создание которой было проведено в форме закона, принятого обеими палатами японского парламента по инициативе премьер-министра Кацура Таро²⁷.

Формально *Тотаку* считалась обычной акционерной компанией с капиталом 10 млн. иен. Ей было предоставлено право на получение кредита в десятикратном размере по отношению к оплаченному капиталу, а японское правительство гарантировало возмещение долговых обязательств компании и процентов по ним на сумму 20 млн. иен. Японское правительство обязалось выдавать компании в течение 8 лет ежегодную субсидию в размере 300 тыс. иен в качестве гарантии акционерам 8-процентного дивиденда внесенного капитала. Вместе с тем, японское правительство получало право полного контроля и вмешательства во все дела компании вплоть до отмены нежелательных решений и увольнения неугодных служащих. Все это, как полагает И.И. Василевская, дает основания считать *Тотаку* полугосударственным предприятием²⁸.

Тотаку получила право продавать, покупать, брать и сдавать в аренду земли и постройки, вербовать и размещать на своих землях японских поселенцев и корейских крестьян. Она служила не только целям экономического закабаления

---

²⁶ Корея глазами россиян (1895-1945). С. 215.

²⁷ Ито Хиробуми был резко против создания *Тотаку*, считая что ее не учитывает интересы корейского правительства и народа. Кроме того, таким образом кабинет вмешивался в дела генерального резидента.

²⁸ Василевская И. И. Колониальная политика Японии в Корее накануне аннексии (1904-1910 гг.), стр. 79.

Кореи, но и политико-стратегическим целям, так как стремилась заселять японскими переселенцами прибрежные области Кореи, местности вдоль железных дорог, окрестности крупных городов и, наконец, Северо-Восточную Корею, имевшую особенно важное стратегическое значение. Под прикрытием *Тотаку* были захвачены невозделанные и казённые земли, плюс была предусмотрена мобилизация корейских рабочих на их освоение. За год было освоено 30 тыс. гектаров таких территорий.

Увеличивалось влияние японцев на сельское хозяйство. Происходила скупка корейских земель, увеличивалось число японцев занимающихся земледелием, причём управление генерального резидента издало ряд законов о землевладении, предоставлявших преимущества японцам. В 1905-1910 гг. происходила принудительная скупка земли в провинциях Чхунчон и Чолла. В результате таких захватов земли в конце периода протектората в руках японцев оказалось значительное количество пахотной земли, захваченной под предлогом «военных нужд» в годы русско-японской войны, а также находящейся в собственности мелких японских землевладельцев и крупных помещиков.

24 июля 1909 г. были упразднены корейские суды, функции которых полностью перешли японским судам, и военное министерство; судебное производство переведено на японское законодательство²⁹. Через год, в июле 1910 г., они прибрали к рукам корейскую полицейскую службу³⁰.

В конце 1909 г. началась замена японцами корейских чиновников вплоть до уровня уезда : корейцы были вытеснены с постов уездных начальников, а впоследствии — даже письмоводителей.

В марте 1908 г. было издано постановление об акционерных компаниях, согласно которому, чтобы создать таковую, необходимо было получить разрешение корейского правительства. Предпринимательская деятельность, таким образом, была поставлена под контроль корейского правительства, а значит и

²⁹ История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Том I. С. 413-414.

³⁰ Пак Б. Д. Россия и Корея. С. 401.

генерального резидентства. Это постановление стало важным элементом так называемой политики промышленного развития (сиксан кванъёп), по которой в дальнейшем для регистрации всех юридических лиц необходимо было получить одобрение правительства.

В конце 1908 г. доля японских предприятий составила 85,8 процентов общего числа промышленных объектов. Японские капиталовложения в 22,6 раза превышали все инвестиции корейских и других иностранных предпринимателей. На предприятиях, принадлежащих японцам было занято 88,4 процента всех корейских рабочих. Наконец, на долю японских предприятий приходилось 82,1 процента общей стоимости всей выпущенной в стране продукции.

С мая 1908 г. началась прокладка отдельных телефонных линий для полиции и жандармерии. В 1910 г. уже после аннексии в Корее появился первый беспроводной телеграф, он использовался только для обмена сообщениями между официальными лицами. К 1908 г. на полуострове работало уже 172 телеграфных станции, однако основными их пользователями были военные, полицейские и жандармы.

Выстрел Ан Чжун Гына и его последствия

Есть несколько мнений относительно того, когда и как в Токио было принято решение об аннексии. Традиционная советская историография излагала это событие так: «10 апреля 1909 г. в Токио состоялось секретное совещание между японским премьер-министром Кацура, министром иностранных дел Комура и генеральным резидентом Ито и было принято единогласное решение о том, что только аннексия может разрешить корейскую проблему. 6 июля 1909 г. на заседании японского кабинета было принято официальное решение об аннексии Кореи»³¹. Той же точки зрения придерживается и Б. Д.Пак³².

³¹ Жуков Е. М. История Японии. Краткий очерк. М., 1939. С. 153

³² Пак Б. Д. Россия и Корея. С. 402.

По иной версии, на встрече как минимум не было единогласия – Ито, носитель умеренных взглядов, выступал против ястребов во главе с Кацура. Таковые полагали, что Корея не может существовать самостоятельно и должна быть присоединена к Японии как покоренная страна. В этих кругах разговоры об аннексии шли еще с момента подписания договора о протекторате.

Ито же стоял не за немедленную аннексию, а за постепенное присоединение Кореи к Японии, считая, что форсированные темпы повлекут за собой большие протесты. В отличие от военных, Ито не видел практического смысла и финансовой выгоды в прямой аннексии Кореи, он планировал, направить ее «по пути прогресса и цивилизации»³³, а затем предоставить ей определенную автономию, дабы не тратить средства на поддержании войск, полиции, судов и т.д. По некоторым сведениям, противники жесткого варианта аннексии даже предлагали присоединить Корею к Японии по ирландскому образцу с тем, чтобы Корея сохраняла в рамках унии определенную самобытность³⁴.

Как бы то ни было, Ито Хиробуми искусно работал на два фронта: с одной стороны, он старался не перегибать палку, с другой - вел дипломатическую пропаганду, объясняя, что единственная цель Японии – облагодетельствовать корейский народ. Его активно поддерживала пресса, в том числе англоязычная, хотя в Ильчинхве находили линию Ито в Корее слишком мягкой.

Ито оставался генеральным резидентом до июня 1909 г., после чего стал руководителем Тайного Совета Японии. Затем резидентом короткое время был бывший министр финансов Сонэ Арасукэ, вскоре умерший от болезни. Утверждается, что после ухода с данного поста Ито потребовал от Кацура письменную гарантию того, что Корея не будет аннексирована еще 7-8 лет.

Однако 26 октября 1909 г. Ито Хиробуми был застрелен «генералом армии *Ыйбен*» Ан Чжун Гыном, превращенным затем пропагандой и Севера, и Юга Кореи в культовую фигуру национального сопротивления.

³³ : Корея глазами россиян (1895-1945)., стр. 210

³⁴ Корея глазами россиян (1895-1945). С. 215.

Ан (1879 —1910) был весьма интересной личностью. Выходец из дворянской семьи, в которой частыми гостями были католические миссионеры, Ан принимал активное участие в подавлении восстания *тонхак*, считая его одной из разновидностей *Ильчинхве*³⁵. Брат Ан Чжун Гына Ан Мён Гын также был активным деятелем сопротивления и организатором повстанческого движения в среде националистически настроенной интеллигенции.

В январе 1897 г. Ан обратился в католичество и принял имя Томас. По окончании русско-японской войны Ан становится активным участником антияпонского движения, быстро перейдя от просветительства к вооруженной борьбе и тактике индивидуального террора. Кроме этого, он был автором трактатов на политологическую тему, в том числе сочинения *Тонъян пхёнхва рон* (Проблемы мира и Восток).

В марте 1907 г. Ан Чжун Гын эмигрировал на российский Дальний Восток. 5 марта 1909 г. в Новокиевске (Приморье) Ан Чжун Гын и одиннадцать его соратников создали очередное общество. Затем они отрезали себе безымянные пальцы на левой руке и, написав кровью четыре иероглифа «независимость Кореи», поклялись расправляться с высшими военными чиновниками и прояпонски настроенными лицами³⁶.

Корейские историки пытаются представить Ан Чжун Гына военным командиром, формировавшим во Владивостоке вооруженные отряды так, что Ли Бом Юн был одним из подчиненных ему командиров. Однако и тут даже в апологетических текстах встречаются важные факты и детали, которые совершенно не вписываются в официальную картину. Цитируем профессора Пак Хвана:³⁷

«Начиная с 1905 г. в Приморском крае начала разворачиваться

---

³⁵ Ким Чхан Су. Историческое значение подвига Ан Чжун Гына // Ан Чжун Гын и антияпонское освободительное движение на территории России. Корейско-российская международная конференция, посвященная 92 годовщине подвига Ан Чжун Гына. Владивосток, 2001.

³⁶ Ким Чхан Су. Историческое значение...

³⁷ Пак Хван (проф. У-нт Сувон). Деятельность Ан Чжун Гына в российском Приморье// Ан Чжун Гын и антияпонское освободительное движение на территории России. Корейско-российская международная конференция, посвященная 92 годовщине подвига Ан Чжун Гына. Владивосток, 2001

антияпонская борьба, которую вела Армия справедливости. Ведущую роль в этом движении стало играть общество *Тонихве*, созданное в 1908 г. в п. Ёнчху (ныне Краскино). 7 июля 1908 г. группа из 300 корейцев, в составе которых был Ан Чжун Гын, представители обществ *Тонихве* (возглавляемого Чхве Дже Хёном) и *Чханихве* (возглавляемого Ли Бом Юном), а также командующий артиллерией Чон Гён Му и Ом Ин Соп, атаковали деревню Хонидон, расположенную на побережье р. Туманган. При этом были убиты два солдата военного гарнизона Кёнхын и один жандарм.

Развернувшие таким образом активное антияпонское движение Ан Чжун Гын и другие представители приморской Армии справедливости 19 июля 1908 г. потерпели поражение от японских войск в районе г. Хверён. Эта операция провалилась из-за того, что Ан Чжун Гын, возглавлявший отдельный отряд, в соответствии с нормами международного права освободил пленных японцев, которые впоследствии напали на отряд. После этого случая Ан Чжун Гын был отвергнут соратниками, и по возвращении в Ёнчху он съездил во Владивосток, Хабаровск, Партизанск и другие города с целью восстановления своего имени.

Чтобы восстановить имя, он занялся образовательной деятельностью в Партизанске, а также создал здесь общественную организацию. Именно Ан Чжун Гын 25.01.1909 г. (по лунному календарю) вместе с Ким Ги Рёном и другими организовал в Ёнчху общество *Ильсимхве*. В этой организации он действовал как советник.

Кроме того, переехав в январе 1909 г. из Партизанска в Ёнчху вместе с Пак Чун Соном, Хан Ги Су и 30 другими солдатами Армии справедливости, он прилагал все усилия к восстановлению Армии. Активизировав освободительное движение в Партизанске, Ан Чжун Гын был арестован сторонниками общества *Ильчинхве*, и подвергся смертельным мукам³⁸».

Я не случайно привел этот достаточно длинный пассаж, который является наглядным примером современной южнокорейской патриотической риторики,

³⁸ Момент тут, кстати, занятный. По данным южнокорейских источников, захваченный Ан «подвергся смертельным мукам», но отчего-то остался жив. При этом о его побеге из плена тоже не упоминается.

очень мало отличающейся по своему стилю от северокорейских образцов, ибо в нем немало интересного. Так называемая «партизанская активность» активной здесь не выглядит, что понятно по ее итогам и цифрам потерь. Попытки Ана воевать цивилизованно (если мы принимаем указанную версию конфликта) вызывают остракизм и ему приходится очень долго восстанавливать репутацию. Любопытно и то, что прояпонское общество *Ильчинхве* действует не только на территории Кореи, но и в России.

Жизненный путь Ана хорошо подчеркивает дуализм корейского национально-освободительного движения данной эпохи, в которой традиционная конфуцианская политическая культура смешивалась с европейскими напластованиями. С одной стороны, ревностный католик, пытавшийся заниматься чем-то вроде просветительства. С другой – выбор террора как оружия, клятвенные письма кровью и отрубленные пальцы. Хорошим примером такого подхода является и речь Ан Чжун Гына на суде, в которой традиционные конфуцианские сентенции перемешаны с риторикой, характерной для более современной прессы. Позволю себе привести и прокомментировать достаточно большой отрывок из этой его речи.

«Само собою, разумеется, убийство это является не личным моим делом, а тем более оно не имеет в своей основе какую-либо личную месть; говорю я это для того, чтобы рассеять неправильные взгляды, сложившиеся у многих по поводу этого убийства.

Ради сохранения независимости Кореи, Япония, по велению своего императора, вела войну с Россией, и когда победоносные японские войска возвращались на родину, то корейский народ радовался этой победе, как своей собственной. Затем последовало назначение князя Ито генерал-резидентом Кореи. По прибытии на место своего назначения князь Ито сумел добиться заключения договора, состоящего из 5 статей, заключить который ему удалось только потому, что при этом он ввел в заблуждение правительства Кореи и Японии. Этот

поступок князя Ито возмутил всю Корею, начиная от правительства и кончая простым народом. Но не прошло много времени, как ему не только удалось заключить между Японией и Кореей новый договор, состоящий из 7 статей, но, не встречая препятствий к осуществлению своих жестоких, зверских планов, в конце концов, он дошел до того, что лишил нашего государя свободы действий.

Это последнее обстоятельство возмутило не только меня одного, но и всех подданных корейского императора, и у всех появилось одно мучительное желание – возродить могущество Кореи, и корейский народ поднял оружие за правое дело, за свою независимость. Я же, являясь одним из его главных руководителей, совершал нападения то там, то здесь; к несчастью, в последний раз был схвачен. Я преступник, но нельзя меня относить к категории преступников обыкновенных.

Отношение корейского народа к своему государю таково же, как и отношение японского народа к своему императору. Если японский народ по отношению к своему государю осуществляет на деле свой верноподданнический долг, то на то же самое, само собой разумеется, имеет право и народ корейский. Князь Ито по вступлении на должность генерал-резидента Кореи, опираясь на военную силу, заставил корейское правительство согласиться с заключением вышеупомянутых двух договоров, несмотря на то, что князь Ито состоял на службе в Корее, он, хотя и был иностранным подданным, лишил свободы нашего государя и, в конце концов, заставил его отречься от престола.

Для человека высшее, святое – это личность государя, и его верховная власть для подданного это то, на что он не смеет посягнуть и что он не может себе присвоить. Князь Ито посягнул на эту священную власть. Можно ли этот его поступок назвать поступком верноподданническим по отношению как к японскому императору, так и к корейскому? Корейский народ, будучи оскорблен до глубины души, поднял оружие за правое дело и начинает вести борьбу с японскими войсками. Князь Ито всегда говорил об упрочении независимости Кореи, но это были только слова, на деле же он захватил в свои руки все, начиная

от сношений с иностранными державами и юстиции, кончая делами управления, путями сообщения и почтой. Таким образом, он является в действительности государственным изменником. Кроме того, он вызвал восстания в корейском народе для того, чтобы, подавив их силою оружия и воспользовавшись этим, осуществить свои планы. Князь Ито для Японии был деятелем, хотя и положившим много труда на ее пользу, но в то же время, в сущности, изменившим ей».

Получается весьма забавно: Ан позиционирует себя не столько как террориста современного образца, сколько как благородного мстителя недостойному чиновнику, который из-за своих мерзких действий является изменником и по отношению к Японии. Он действует согласно старому паттерну, при котором убийца изменника или недостойного чиновника, который своими действиями вызвал возмущение народа, имеет право на помилование. Главное преступление Ито у Ана – лишение Кочжона власти как покушение на естественный порядок событий. Государь для него священен, и, подливая масла в огонь, Ан обвиняет Ито Хиробуми в убийстве королевы Мин, к которому тот был непричастен. Одновременно, выдавая себя за одного из главных руководителей *Ыйбён*, Ан не пытается выступать с явными антияпонскими лозунгами и отношение его к японскому императору достаточно верноподданническое, хотя и основывается на постулате «Кесарю - кесарево, богу – богово». Он не обвиняет Японию, делая виноватым в сложившейся ситуации только убитого Ито. Более того, Ан занимает антирусскую позицию и пытается представить дело так, что «хорошая» Япония отстаивала независимость Кореи от России, но злобный Ито воспользовался ситуацией и навязал стране протекторат.

При этом некоторые обвинения Ана в адрес Ито заведомо абсурдны: например, Ан обвиняет его в убийстве «отца нынешнего японского императора», хотя на момент смерти императора Комэя Ито был не в Киото, а в своём родном княжестве Тёсю. Некоторые исследователи, в частности, А. Н. Мещеряков, на

основании этого делают вывод о том, что Ан Чжун Гын был сумасшедшим³⁹, но автор склонен списать это на общекорейскую склонность к пафосу. Как бы то ни было, Ан был казнен, а произведенный им выстрел оказал прямо противоположный эффект.

Конечно, среди историков идет определенная дискуссия о том, надо ли было убивать Ито, и не совершил ли Ан Чжун Гын одну из наиболее трагичных ошибок в корейской истории. Но сторонники классической версии обычно выдвигают следующий аргумент. Во-первых, решение об аннексии было уже в целом принято, и личная позиция Ито ничего не решала. Во-вторых, Ито превратился в символ японского господства и его ликвидация имела не менее символическое значение. В-третьих, если бы возобладала точка зрения Ито, то благодаря его модели силы корейского национально-освободительного движения оказались бы существенно подорванными, а значит – у японцев было гораздо больше шансов осуществить программу этноцида при меньшем сопротивлении.

В современной РК Ан Чжун Гын почитается католиками как местночтимый святой. Предпринимались даже попытки канонизировать его на «федеральном уровне», но они столкнулись с проблемами технического плана (неизвестно место захоронения, отсутствие данных о чудесах и т. д.).

Замечание историографа. Успешен ли терроризм как метод достижения политических целей?

Многие классики указывали на бесперспективность террора как метода достижения политической цели. Во-первых, терроризм, обычно, не высокоточное оружие, и вероятность гибели мирных граждан, крайне негативно воспринимаемая общественным мнением, очень высока. Даже при индивидуальном терроре убийцы далеко не всегда выбирают нужную цель. У них не всегда есть доступ к достоверной информации, и они, как правило, не отличаются глубоким политическим видением ситуации, чтобы угадать, что

³⁹ Мещеряков А. Н. Император Мэйдзи и его Япония. М., 2006. С. 660.

скрывается под теми или иными ходами государственного деятеля. В результате, они часто убивают «не того».

Во-вторых, серия подобных действий обычно стимулирует более жесткие меры, направленные на противодействие терроризму, которые, как правило, вызывают много проблем. Враг получает оправдание своим дальнейшим действиям в глазах общественности. При этом он может сослаться на то, что практика уже показала, что иначе действовать нельзя, и более мягкие меры неэффективны и приводят к трагическим последствиям.

В-третьих, даже в массовом сознании образ террориста сильно отличается от образа романтического тираноборца, что снижает международный рейтинг приверженцев террора. Даже среди своих сторонников после совершения теракта они могут встать на одну доску с теми, против кого борются с точки зрения использованного насилия.

В-четвертых, основная составляющая террора - провокация. А строить свою стратегию на одних провокациях нельзя. Выходит, терроризм как доктрина борьбы является или тупиковым направлением, или вынужденной мерой при отсутствии иных вариантов.

Более того, история пока не знает случая, когда та или иная организация добилась своей цели, используя исключительно терроризм. В качестве примера иногда называют эсеров, но следует помнить, что образ «студента в очках и с бомбой» во многом - дань советской историографии. Боевая организация находилась под контролем Охранки и большую часть своей истории возглавлялась провокатором, а поддержка этой партии на селе в 1917 г. была выше, чем у большевиков. Не добились своего ни взорвавшие в России царя народовольцы, ни сербская «Черная Рука».

Терроризм – оружие слабых, тех, - к нему скатываются тогда, когда полномасштабное партизанское сопротивление вести уже невозможно. Ведь для подготовки террористического акта нужно гораздо меньше сил и ресурсов, чем для содержания партизанского отряда или организации действительно массовой

акции.

Аннексия

Убийство Ито не только усилило негативный имидж корейских террористов, но и изменило баланс внутри Японии. Сам Ито, как мы уже упоминали, был сторонником не аннексии, а протектората, и стремился усиливать позиции Японии в стране медленно и постепенно. Однако после его смерти в правительстве Японии взяли верх сторонники аннексии, и запущенный механизм закрутился на полную скорость и силу.

Начиная с 4 декабря 1909 г. *Ильчинхве* направило в адрес императора Кочжона, генерального резидента и главы кабинета серию петиций «от имени миллионов членов *Ильчинхве*» - с требованием немедленного слияния двух стран. Было также выпущено обращение к корейскому народу, убеждающее его в покорном принятии японского подданства.

4 декабря, в день первой петиции, было проведено совместное собрание *Ильчинхве* и *Тэхан хёпхве*, на котором представители Корейской ассоциации выразили резкий протест против политики, проводимой *Ильчинхве*, и приняли решение о полном разрыве с ним.

Понятно, что в декабре 1909 – январе 1910 гг. это было встречено бурей народного возмущения: в Сеульском театре состоялся многотысячный митинг, на котором были выработаны обращения к правительству и генеральному резиденту с требованием наказать деятелей *Ильчинхве*, в городе начался сбор средств для борьбы с коллаборационистами; был публично избит Ли Ён Гу, отделение *Ильчинхве* в Пхеньяне пришлось закрыть в связи с бегством его членов. На митинге 9 декабря было решено добиваться закрытия *Кунмин синбо*, 6 января 1910 г. в столице прошло собрание жителей Сеула и 40 близлежащих уездов. В

такой ситуации Генеральный резидент Сонэ даже объявил о том, что Япония не собирается пока присоединять к себе Корею⁴⁰.

В январе – марте 1910 г. японские власти получили еще 13 петиций с просьбой о скорейшей аннексии. Традиционно их полагают поддельными или инспирированными самими японцами, но мы уже знаем, что вся страна, как один человек, против протектората не выступала. Члены *Ильчинхве*, наоборот, агитировали за скорейшую аннексию, мотивируя это тем, что Корея и так является независимым государством только по названию, и необходимо просто зафиксировать де-юре ситуацию, которая существует де-факто⁴¹. Количество сторонников этой точки зрения было весьма значительным, о чем свидетельствует хотя бы такой пример. В августе 1911 г., уже после аннексии, когда «сабельный режим» проявился достаточно сильно, группа прояпонски настроенных корейцев преподнесла японскому императору торжественный адрес с выражением благодарности за оказанные благодеяния. За 6 месяцев эта группа собрала 250 тыс. подписей, которые были сведены в 53 тома. Хотя националистическая пресса долго и активно разоблачала эту акцию, заявляя, что 250 тыс. – это не 20 млн., и что подписи были получены обманом и угрозами, факт остается фактом⁴².

Однако весной 1910 г. «ястребы» в Токио победили, и 30 мая 1910 г. на пост генерального резидента в Корею (с сохранением за ним портфеля военного министра) был назначен генерал Тэраути Масатакэ, представлявший наиболее агрессивно настроенную часть японского кабинета. Тэраути считался человеком жестким и упрямым, но умелым и дальновидным администратором. Он принадлежал к «армейской» группировке и был давним сторонником курса на аннексию, так что всем стало ясно, что с «назначением его на пост генерального резидента, провозглашение аннексии сделалось вопросом недалекого будущего»⁴³.

---

⁴⁰ История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Том I. С. 414.

⁴¹ Василевская И. И. С. 69.

⁴² Пак Б. Д. Корейцы в Российской империи (Дальневосточный период). М., 1993. С. 203.

⁴³ Корея глазами россиян (1895-1945). М., 2008, стр. 227.

На новом месте генерал начал, с одной стороны, готовиться к силовому варианту (общая численность японских войск в Корее достигла 50 тыс. человек, в том числе 1,5 тыс. жандармов, обученных для борьбы с партизанами, созданы восемь новых полицейских участков, крупные военные силы были стянуты на охрану стратегических важных объектов и т. п.), с другой – стал обрабатывать корейскую аристократию и чиновников, укрепляя пятую колонну.

В июне 1910 г. в Корее был устроен «плебисцит». Каждый уезд должен был выбрать представителя, среди которых по понятным причинам превалировали члены *Ильчинхве*. Затем этих депутатов привезли в Токио, где они единогласно высказались за аннексию. Все это сопровождалось кампанией в СМИ.

21 июня 1910 г. указом японского императора было создано Колониальное бюро, которое подчинялось премьер-министру и ведало делами, касающимися Тайваня, Сахалина и Кореи. Этим самым Япония открыто приравнивала Корею к своим колониям, и в июле 1910 г. правительство утвердило окончательный текст Договора об аннексии, оформленной как добровольная уступка корейским императором всех верховных прав японскому императору «полностью и на вечные времена»⁴⁴.

(Интересно, что в присоединении Кореи японцы ориентировались на американский опыт. И члены *Ильчинхве*, и сами японцы указывали на то, что процесс присоединения Кореи к Японии происходил по аналогии с присоединением к США Гавайских островов).

С соседями тоже договорились: 4 июля 1910 г. между Россией и Японией было подписано Соглашение, в котором Япония признавала сферой интересов России Маньчжурию и Монголию, а Россия обязалась не препятствовать аннексии Кореи⁴⁵. А 14 июля 1910 года английский министр иностранных дел Э. Грей в беседе с японским послом выразил согласие Англии на аннексию Кореи при условии сохранения прежних таможенных тарифов. США, как мы помним, не возражало со времени соглашения Тафт-Кацура.

⁴⁴ История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Том I С. 417-418.

⁴⁵ История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Том I С. 416-417.

В середине августа 1910 г. генерал Тэраути потребовал от премьер-министра Кореи Ли Ван Ёна подписать уже подготовленный договор об аннексии. 18 августа 1910 г. Ли Ван Ён собрал заседание кабинета министров, на котором поставил вопрос о присоединении Кореи к Японии. Все члены прояпонского правительства, за исключением министра просвещения Ли Ён Сика (последнему приписывается фраза: «Я не могу подписать договор о национальном разрушении даже под угрозой казни»), выразили согласие.

22 августа 1910 г. состоялось специальное совещание членов кабинета с участием корейского императора и старейших государственных деятелей. Это совещание также приняло все условия, предложенные генералом Тэраути⁴⁶. В тот же день Ли Ван Ён, получив полномочия от императора, подписал «договор» об аннексии Кореи.

Отношение к этой ситуации императора Сунчжона и его поведение в связи с ней интерпретируются по-разному. С одной стороны, Тэраути и Ко пытались убедить нового императора присоединиться к ходатайствам о присоединении Кореи к Японии, но тот объявил, что лучше покончит с собой⁴⁷. С другой, в советской историографии присутствует уморительная картинка о том, что когда император во время подписания договора об аннексии пытался воспротивиться, «специально приглашенные японские генералы начали угрожающе брякать оружием, после его трусливый правитель тотчас согласился⁴⁸. С третьей стороны, стоит помнить, что Кореей на тот момент управлял «человек ограниченных возможностей», манипулировать мнением которого было несложно.

29 августа 1910 г. «договор» был опубликован. Как можно заметить, неделю спустя и «во избежание...». Из соображений безопасности текст был вывешен лишь около полицейских участков, громкие обсуждения были запрещены.

После аннексии Тэраути, уже в качестве генерал-губернатора, выступил с двумя прокламациями. Одна была обращена к корейцам и содержала в себе план

⁴⁶ Ключников Ю., Сабанин А. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 1, М., 1925. С. 346.

⁴⁷ Корея глазами россиян (1895-1945). С. 222.

⁴⁸ История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Том I. С. 418.

действий, включая поощрение уважаемых людей, модернизацию страны, обеспечение безопасности, предостережение против фракционной борьбы, которая была названа «давно укоренившимся злом», внимание к здравоохранению и образованию и подтверждение свободы религиозных верований. Заканчивался текст по-самурайски жестко: «Никакого снисхождения не будет оказываться тем, которые, руководствуясь злыми намерениями, будут препятствовать проведению каких-либо административных мер. Но те, которые будут вести себя лояльно и жить мирно по закону, получают и передадут своему потомству блага справедливого и доброжелательного правления. Вы, жители Кореи, должны поэтому надлежащим образом усвоить себе требования нового режима и тщательно стараться неуклонно исполнять их»⁴⁹.

Вторая прокламация была обращена к японцам и японскому населению Кореи и предостерегала их от «головокружения от успехов»: «...если бы японцы смотрели на аннексию, как на результат завоевания слабейшей страны сильнейшею, и говорили бы и действовали под таким ошибочным заключением, то они пошли бы против требований духа, в каком настоящий шаг сделан»⁵⁰. Тэраути призывал своих соотечественников не держать себя как высшие по отношению к корейцам и не подвергать корейцев оскорблениям, так как это может привести к проблемам в отношениях между народами: «Пусть японцы всегда помнят, что корейцы – наши братья, и обращаются с ними с симпатией и дружески; и в преследовании индивидуальных задач при взаимопомощи и кооперации оба народа пусть внесут каждый свою лепту в дело прогресса и развития всей империи»⁵¹.

Отступление историографа: оценка действий Японии с точки зрения международного права того времени

---

⁴⁹ Корея глазами россиян (1895-1945). С. 243

⁵⁰ Там же. С. 243

⁵¹ Там же. С. 244

Понятно, что и по поводу протектората, и по поводу аннексии существуют длительные прения, цель которых – доказать незаконность этого акта. На основании того, что корейский император не подписал договор, и на документ так и не была поставлена государственная печать Кореи⁵², корейские и не только исследователи доказывают, что аннексия была не законна. И вправду, в современной системе международных отношений аннексия не признается как принцип взаимоотношений между государствами, в основе которого лежат агрессия и нарушение суверенных прав государства. Также, дипломатические соглашения считаются недействительными в случае, если представитель одной стороны подвергался угрозам со стороны другой. Однако данная норма относится к современным положениям международного права, которое значительно отличается от международного права, существовавшего до конца Второй Мировой войны.

При рассмотрении вопроса законности протектората Японии над Кореей или ее аннексии следует избегать т.н. «послесуждения», когда действия тех или иных исторических личностей оцениваются с точки зрения современных моральных и правовых норм⁵³.

Надо помнить специфику международного права, которое изменяется в зависимости от господствующих трендов международной политики и типа общественной системы, в котором оно функционирует. Так что давайте вспомним, какие догмы господствовали в нем тогда.

Во-первых, это т.н. «немецкая доктрина внешнего государственного права», известная также как нигилистическое направление. Таковая оправдывала политику силы и утверждала, что поскольку в международных отношениях нет власти, стоящей над государством и способной принудить его соблюдать правила,

---

⁵² Формально, все официальные государственные документы должны были быть заверены печатью и императорской подписью. Данный документ единственный не имел императорскую подпись.

⁵³ Грубо говоря, «послесуждение» позволяет в условиях современной агитации, связанной с темой педофилии, осудить за пропаганду таковой Уильяма Шекспира, поскольку Джульетте «нет еще четырнадцати лет».

нормы международного права являются лишь моральными предписаниями, не обязательными к исполнению.

Во-вторых, это принцип легитимизма, в рамках которого внешние силы (точнее, цивилизованные державы) могли вмешиваться во внутренние дела других стран, если их правительства были не способны навести у себя порядок.

В-третьих, оставалось узаконенным право государств на войну и территориальные захваты. Международных договоров, либо иных актов, закрепляющих на данном историческом этапе принципы невмешательства во внутренние дела государств, не существовало. А раз не существовало официально принятых норм, эти нормы нельзя было и нарушить.

В-четвертых, существовало неформальное разделение на цивилизованные и нецивилизованные народы, - вторые были объектом колониальной экспансии, и принципы суверенного равенства государств на них не распространялись. Международное право того времени предоставляло метрополии полную власть над колонией, и подписание соглашения с таковой было чистой формальностью, не регулировавшейся «цивилизованными» международными нормами.

Потому ни неравноправные договоры, ни протекторат, не воспринимались как действия, заслуживающие осуждения: кстати, Российская империя на тот момент имела протекторат над Хивой и Бухарой.

Конечно, после первой мировой войны традиция изменилась. Любое государство стало признаваться носителем суверенитета, и что бы оно ни делало на своей территории, не служило поводом для внешнего вмешательства или ограничения международным сообществом его действий. Этот принцип соблюдался и по окончании второй мировой войны, поскольку Нюрнбергский и Токийский процессы были процессами над теми, кто проиграл войну. Хотя еще после основания Лиги Наций международное право не признавало незаконными международные договоры, заключенные под угрозой насилия.

Окончательно принцип суверенного равенства государств получил официальное закрепление в Декларации о принципах международного права 1970г., и Заключительном акте Хельсинского Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в 1975 г..

Впрочем, после распада биполярного мира мы снова наблюдаем тенденцию, при которой внешние силы могут вмешиваться в дела государства, если оно совершает определенные действия, как правило, маркируемые преступлениями против человечности. Протекторат или аннексия пока считаются моветоном, но свергнуть «неправильный» режим не возбраняется.

Но вернемся к началу XX в. , который Корея встретила с довольно неприглядным имиджем бедной, нецивилизованной и насквозь коррумпированной страны, чья власть ничего не делала для того, чтобы изменить ситуацию. Такое внутреннее положение делало Корею «законной добычей» для колониальной экспансии.

Как писал А.Н. Шпейер , «То безобразное состояние, в котором находится в настоящее время Корея, высшие классы коей, не исключая короля, возводят взятки на степень необходимого, если не единственного фактора внутренней политики, тот поголовный обман и та беспросветная ложь, которые царят ныне во всех слоях корейского общества, приводят меня к тому грустному убеждению, что **никакие старания наши не смогут поставить нашу несчастную соседку на ту нравственную высоту, ниже которой самостоятельное существование государства немислимо и не может быть допущено его соседями**»⁵⁴.

Это мнение разделялось как политиками, так и интеллектуалами. Как заявил в октябре 1907 г. военный министр США Тафт, Япония «на законном основании предприняла реформы в соседней стране, дурно управляемой на основе методов XV века»⁵⁵. Как пишет Хальберт, общественность настойчиво убеждали, что корейцы – дегенерирующий и презренный народ, ни на что не способный и

---

⁵⁴ Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. С. 15

⁵⁵ И. И. Василевская. Колониальная политика Японии в Корее накануне аннексии (1904-1910 гг.), М., 1975, стр. 58.

интеллектуально неполноценный. И лучше им сидеть под управлением Японии, чем пытаться что-либо сделать самостоятельно⁵⁶.

При этом такую позицию занимали и люди прогрессивных взглядов, которым раздражающие элементы корейской политической жизни бросались в глаза особенно четко. Конечно, большинство авторов подобного рода не были специалистами по Востоку, и их обзорные работы и путевые записки были крайне субъективны, тем более что обычно Корею посещали после Японии и сравнение казалось очевидным. Но увы, даже сочувственные работы типа книг Хальберта все равно создавали представление дикой и отсталой страны, уступающей в цивилизации даже Китаю.

В результате, как отмечает Б. Камингс, против аннексии Кореи не выступил никто⁵⁷. С точки зрения принципа легитимизма, Япония установила контроль над территорией, правитель которой был неспособен обеспечить внутренний порядок, и подтверждений этому хватало – от размера внешнего долга, до ситуации с коррупцией в административной системе.

Оттого, несмотря на все жалобы Кочжона, Корея не рассматривалась как самостоятельный и полноправный субъект международного права. Великие державы уже считали ее колонией, независимо от того, давала Корея на это официальное согласие или нет. К тому же ни Англия, ни Франция, ни США не могли признать законными требования корейского императора, поскольку сами они проводили подобную политику в отношении других «нецивилизованных» государств.

Что же до процедурных вопросов типа отсутствия на договоре нужных печатей, то законным в эпоху империализма считалось не то, что было принято в соответствии со всеми установленными нормами и процедурами, а то, что могло быть подкреплено и доказано силой.

---

⁵⁶ The Passing of Korea, стр. 9

⁵⁷ Cumings B. Korea's place in the sun: A modern history. New York-London, 1997, p. 142.

Ясно, что корейский государь не мог ратифицировать договор об аннексии, как и любой другой правитель не мог официально ратифицировать завоевание своей страны. Но разве тогда это кого-то волновало? Юридические проблемы превратились бы в реальные только в том случае, если какая-то иная «цивилизованная держава» решила бы оспорить действия первой, а в корейском вопросе все со всеми договорились.

Заключение к первому тому

Подводя итоги развития корейской традиции в период между открытием страны и ее аннексией, можно сделать ряд наблюдений о трансформации корейской политической культуры к этому времени. Ибо не забываем, что книга наша – очерки социально-политической истории Кореи, и мы прочли сейчас только ее первую часть.

С открытием Кореи страна вошла в сложную, незнакомую игру международных политических интриг. Внешнее вторжение во внутренние дела страны разваливало старую структуру власти и демонстрировало иные, до того неизвестные, методы политической активности. Однако методы эти еще не были определяющими и внедрение нового шло по традиционным паттернам. По-прежнему все попытки что-либо изменить выглядели как стремление воздействовать через *вана*. Отстранение короля от власти воспринималось как покушение на основы и вызывало неодобрение как в массах, так и на нижних ступенях бюрократической системы.

Это хорошо видно из всех крупных выступлений конца XIX в. В 1882 г. восставшие солдаты собирались убить королеву и чиновников из ее клана, но не самого Кочжона. Ким Ок Кюн намеревался взять короля в заложники и, контролируя его, осуществлять свои реформы под его прикрытием, но слишком явное смещение короля с властного места не обеспечило ему поддержку масс, чье сознание воспринимало его именно как замыслившего свергнуть династию. *Тонхак* требовали реформ, свободы вероисповедания и наказания погрязших в коррупции чиновников, но не смены династии или «отставки» Кочжона. Прояпонский кабинет Ким Хон Чжипа, сформировавшийся после японо-китайской войны, находился у власти до тех пор, пока контролировал короля, а попытка править при помощи *Кунгук кимучхо* просто провалилась. Как только Кочжон сбежал в Русскую миссию, Ким и часть его коллег были побиты камнями

и убиты, а оставшиеся в живых были вынуждены покинуть страну. Даже в период активности Клуба независимости Со Чжэ Пхиль требовал реформ, засыпая короля меморандумами или привлекая его внимание уличными демонстрациями или статьями в своей газете. Но как только толерантное отношение короля к *Тоннип Хёнхве* изменилось, его активность быстро сошла на нет.

Именно потому требования к монарху оставались высокими, и это также видно по отношению в Корее к королю Кочжону. Он не имеет в глазах корейцев того трагического ореола, которым у нас сейчас «украшают» последнего российского самодержца, и не воспринимается как трагическая фигура, в отличие от Тэвонгуна или покойной королевы Мин, которая, при всех особенностях ее характера, отличалась большей активностью.

«Служение старшему» тоже не исчезло, но претерпело определенные изменения. Старый китаецентричный миропорядок исключал наличие иных сверхдержав, способных служить предметом для подражания. Но когда престиж Китая как сюзерена стал падать, представители различной политической ориентации начали с не меньшим пафосом и рвением ориентироваться на иные страны, полагая их новой моделью сюзерена и образцом для развития страны.

В этом смысле создание разнообразных прорусских, проамериканских или прояпонских группировок является продолжением той же тенденции. Как иные конструкты подобного типа, садэчжуый вбит очень глубоко, и очень часто мы наблюдаем, как те, кто на словах выступает против этого явления, на деле остаётся в плену его рамок. Хороший пример этого – деятельность «Общества независимости», которое в патриотическом аспекте сравнивало с землей одни ворота, символизирующие зависимость от Китая, и построило на их месте Триумфальную арку, которая, по сути, была такими же воротами, только указывающими на абстрактную Европу. Даже провозглашение *вана* императором было направлено не столько на возрождение национального духа, сколько на переход Кореи под юрисдикцию нового миропорядка, где разница в титулах правителей уже не играла такой роли.

Двору всегда было проще решать проблему, используя внешнюю крышу и не особенно сопротивляясь внешнему воздействию. В 1882 и 1884 гг. король не сопротивлялся китайскому вторжению, считая действия китайцев легитимной мерой. После окончания японо-китайской войны контроль сменился на японский, а затем, на короткое время, - на российский; Кочжон пытался найти себе нового сюзерена и защитника, при этом выбирая страну, чей государственный строй в наименьшей степени подвигал бы Сеул к структурным переменам. В этом контексте определенные русофильские настроения консерваторов были связаны с тем, что Россия, как абсолютная монархия, где сохранялись сословные привилегии, была гораздо более предпочтительным сюзереном, чем США (республика) или Япония (конституционная монархия), даже если вынести за скобки факторы, связанные с исторической памятью и напряженностью японо-корейских отношений в прошлом.

И можно отметить, что судя по частоте, с которой Кочжон намеревался просить Россию о протекторате или снова сбежать на территорию российской миссии, его не стоит позиционировать как человека, для которого на первом месте была бы независимость страны. Забегая вперед можно отметить, что после аннексии и Кочжон, и весь корейский двор жил во вполне комфортных условиях, примерно аналогичным младшей ветви японского императорского дома, не пытаясь, стать знаменем антияпонского сопротивления

Эта тенденция продолжалась и после навязанного Японией протектората. Вместо того, чтобы активно инспирировать национально-патриотическое движение и партизанскую войну по всей стране, Кочжон предпочитал искать помощь за рубежом (обращение в 1907 г. к Мирной конференции в Гааге). Наоборот, повстанцы воспринимались скорее как угроза, возможно потому, что объектом их ненависти были не только иноземные захватчики, но и коррумпированные чиновники. Потому можно согласиться с В.М. Тихоновым, который считает, что корейские правящие круги не видели в них своих

подданных граждан, которые были способны оказать двору поддержку и помочь отстоять независимость¹.

Впрочем, анализируя дипломатическое направление борьбы с протекторатом, можно ясно проследить влияние новых тенденций. Так, в меморандумах протеста против протектората корейский двор ссылался не только на отсутствие в действиях японцев «гуманности», но и на нарушение ими норм международного права. Для традиционной страны это был новый и нетипичный аргумент. Такая же двойственность прослеживается и в отправлении тайных посланников с одновременными попытками действовать в рамках системы европейских международных организаций. Смесь старого и нового прослеживается и в речах Ан Чжун Гына, и в стиле действий *Ыйбён*.

Стоит суммировать и основные направления российской политики на корейском направлении. До определенного времени Россия считала, что Корея не стоит конфронтации с Китаем и иными дальневосточными державами, а когда по итогам трехсторонней интервенции Российская империя приобрела незамерзающий порт Порт-Артур, ценность Кореи снизилась еще больше, поскольку главная региональная геополитическая цель была выполнена.

Именно потому в российско-японских переговорах по корейскому вопросу Россия не является «инициирующей стороной»: основные инициативы исходят от Японии, в том числе – предложение о разделе страны на сферы влияния, от которого Россия отказалась. И в итоге Россия или добивалась обеспечения равных возможностей с Японией, или была готова обменять Корею на Манчжурию.

Краткосрочные периоды, когда Корея оказывалась «в прицеле», связаны или с активностью российских дипломатов непосредственно в Корее (не всегда встречавшей поддержку наверху и предшествующей обертению Порт-Артура), или с преддверием русско-японской войны и ситуацией, когда корейский вопрос де-факто оказался в ведении не МИД/государственной машины, а собравшейся

---

¹ Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: Т. 2: С. 26-27.

вокруг царя группы авантюристов, имевшей в этом вопросе экономический интерес.

С другой стороны, и корейский двор занимал не столько прорусскую, сколько антияпонскую позицию. Проверить это можно, задав себе вопрос: «Проводил ли ван пророссийскую политику, когда у него была возможность выбора?». Россия была для него наиболее приемлемым сувереном только тогда, когда из игры выбыл Китай.

Подведение итогов данного тома заставляет искать ответы еще на два важных вопроса: почему у Кореи не получилось провести модернизацию по японскому образцу и, в связи с этим, был ли у страны шанс сохранить свою независимость.

Формально, и Корея, и Япония до своего «открытия» находились в изоляции² и уже 200 лет пребывали в состоянии «долгого мира», когда отсутствие любых серьезных внешних и внутренних конфликтов вроде бы лишает страту вызовов, в ответ на которые возникает потребность в модернизации. При этом японская «фора» составляла всего 20 лет. Зафиксированное открытие страны произошло в 1853 г., а реставрация Мэйдзи – в 1868. При этом учтем, что догоняющая модернизация теоретически может осуществляться быстрее, так как стране не надо изобретать всё самостоятельно.

Давайте подумаем, какие нужны предпосылки для того, чтобы в стране случилась буржуазная модернизация. Во-первых, это **социально-экономические предпосылки**: для буржуазной революции требуется критичное количество буржуазии. Если в многомиллионной стране буржуазия насчитывает всего несколько сотен человек, буржуазная революция вряд ли будет иметь успех. Требуется достаточно многочисленный средний класс, в первую очередь – городское население, которое будет движущей силой модернизации.

² Корея поддерживала дипломатические отношения только с Китаем и Японией, а Япония имела дипломатические сношения только с Кореей и допускала ограниченные контакты с голландскими купцами.

К исходу эпохи Токугава японское общество обладало внутренним потенциалом для развития капитализма. К середине XIX в. страна насчитывала два города – миллионника – Киото и Эдо. Существовала традиция вольных городов (Сакаи), важная для выработки концепции гражданского общества³. Была развита внутренняя торговля и значительное количество структурных элементов, которые затем удачно «вложились» в модернизацию страны. Например, уже существовала не просто биржа, где торговали рисом, а система вполне аналогичная современным биржевым торгам, результатом которой были, например, трактаты, посвященные анализу колебаний рынка и описывающие определенные модели поведения цен..

Для сравнения – в Корее в то же время в столице насчитывалось всего 250 тыс. жителей, а в остальных городах – и того меньше. Со времени открытия страны до ее аннексии Японией в стране не возникло той многочисленной прослойки активного городского населения и городской буржуазии, которая могла стать движущей силой реформ. Развитой внутренней торговли не было. При этом большинство ремесленников по старинке работало на казенных предприятиях фактически в качестве крепостных, а большинство торговцев (именно торговцев, а не купцов) – не лавочники, а коробейники.

Сложно сказать, насколько Япония опережала Корею по уровню технического прогресса, но судя по заявлениям представителей сирхак, сельское хозяйство было развито плохо, и целый ряд орудий труда был более примитивным, чем в соседнем Китае. Здесь показательна история с «изобретением» Чон Да Саном подъемного крана. Его модель была более громоздкой и имела меньший КПД, чем китайские образцы, однако в совей докладной записке двору Чон отмечал, что несмотря на недостатки, это та модель, которую сумеют без проблем сделать местные ремесленники.

---

³ Современное слово «гражданин» указывает своим происхождением на связь с вольными городами, в то время как его иероглифический аналог «кунмин» граждан страны/подданных и состоит из иероглифов «государство» и «народ».

Во-вторых, это **идеологические предпосылки**, в первую очередь связанные с местом конфуцианства в официальной идеологии. Можно отметить, что конфуцианство как система хорошо способствует консервации и сохранению традиции. Но способствует ли классическое неоконфуцианство модернизации – очень большой вопрос из-за отсутствия в нем концепции прогресса. В сочетании с укреплением начетничества и ортодоксии это легко приводит к отторжению нового, что хорошо видно по реакции на модернизацию со стороны фундаменталистов вичжон чхокса.

В Японии конфуцианство изучали, но оно не оказывало доминирующего влияния, что видно и по отсутствию в стране системы государственных экзаменов, и по заявлениям японских сторонников этого учения, сделанных в стиле «если из-за моря приплывет войско захватчиков во главе с Конфуцием и Мэн-цзы, мы будем противостоять им несмотря на все почтение». В Корее же считалось, что в рамках теории малого Китая Корея сохранила ортодоксальную традицию конфуцианства и потому является «большим католиком, чем Папа Римский», что усиливало консервативный тренд.

Сюда же – вопрос развития науки и сбора информации о внешнем мире. В Японии, несмотря на изоляционизм, через голландскую факторию на острове Дэдзима в Нагасаки в страну поступали сочинения по астрономии, медицине, математике. "Окно в Европу" также позволяло следить за мировыми новостями и даже получать технические и технологические новинки. Существовала группа переводчиков, которая «вводила в научный оборот» важные труды, и школа «голландской науки».

В Корее обскурантизм занимал более сильные позиции. Восприимчиками европейского знания были лишённые социального лифта сооль, в то время как интеллектуальная подготовка янбанов оказалась выхолощенной и превращенной в набор знаний конфуцианского начетчика, который должен был знать правила и каноны, помнить то, что написал Конфуций на такой-то строчке такой-то страницы, но это не давало им развития творческих сил.

В-третьих, это **предпосылки, связанные с определенным состоянием элиты** и ее желанием идти на перемены. Модернизация – это довольно сложный комплексный процесс, который требует больших усилий. Традиционное общество всегда сопротивляется ей, потому что она разрушает принятый уклад и насильственно вводит массу новшеств., которые люди должны принять. Например, развитие промышленности и торговли требует не только политической воли властей, но и большого количества рабочих рук. Тех самых крестьян, которые вынужденно уходят в города, пополняя ряды пролетариата. А для этого требуются очень серьезные и болезненные для села изменения.

Здесь хочется сделать любопытное замечание. Образцовый самурай, даже несмотря на то, что фехтование к этому времени стало «гражданским», должен был равно владеть и мечом, и кистью, оказавшись во время «долгого мира» в нише чиновника или ученого. В Корее же занятия боевыми/воинскими искусствами не входили в «джентльменский набор» янбана, которые, наоборот, старались подчеркнуть свою отдаленность от физического труда. Сложно сказать, насколько занятия боевыми искусствами воспитывали бойцовские качества, способные повлиять на выбор человека и в общеполитической ситуации. Но автору кажется, что некоторые психологические факторы здесь имеют значение.

Впрочем, большее значение здесь имеет уже упоминавшийся ранее садэчжуый, в рамках которого корейские ученые и политики думали не столько о самостоятельном пути развития в отсутствие сюзерена, сколько пытались найти новый образец взамен утраченного.

Да, корейские конфуцианцы могли заявлять, что корейское конфуцианство правовернее китайского, но такая трактовка не означала попытку отделиться от Китая и противопоставить китайской традиции нечто свое. На стратегическом уровне такие попытки закончились мятежом Мёчхона, а на тактическом – неудачными планами борьбы с маньчжурами в XVIII в.

Да, какая-то политическая фракция могла считать, что правильным сюзереном – образцом для Кореи должна быть не страна А, а страна Б, но при этом не подвергалась сомнению мысль о том, что сюзерен как цивилизационный и культурный образец должен быть, и что мы должны старательно его копировать. Представление о том, что сюзерена можно (а на самом деле нужно) догнать и перегнать, в корейской политической культуре практически отсутствовало.

Можно сказать, что, с одной стороны, у корейских властей не хватило желания и политической воли для того, чтобы неуклонно осуществлять программу модернизации. С другой стороны, можно сказать, что у них не хватило и возможностей для этого.

Можно ли было предотвратить аннексию? Это довольно сложный и интересный вопрос, по которому есть несколько точек зрения. Одна говорит о том, что на момент открытия страны разрыв между Кореей и Японией был таков, что даже в случае успешной догоняющей модернизации страна банально не успела бы развиться до того уровня, чтобы оказать достойное сопротивление: судьба Кореи была предрешена еще до прихода Коджона к власти.

Иные полагают, что шанс был, и что если бы прогрессисты пришли к власти хотя бы в 1884 году, страна могла бы осуществить модернизацию. Да, безусловно, мы получили бы страну, которая ориентировалась бы на Японию и США, но возможно, сумела бы обеспечить себе независимость за счет лавирования между сверхдержавами.

Однако здесь упускается из виду ряд моментов. Во-первых, Соединенные Штаты, скорее всего, оставались бы равнодушными к судьбе Кореи, и реальная борьба за влияние проходила бы в треугольнике «Россия-Китай-Япония». Во-вторых, сами по себе прогрессисты на тот момент были слишком малочисленны и не имели той поддержки в обществе, которая бы позволила бы осуществить комплекс реформ в короткие сроки. А 10 лет спустя во время реформ года Кабо прогрессисты оказались слишком зависимы от Японии, ибо процесс разделения

демократов и патриотов (как кажется автору) уже прошел точку невозврата.

И здесь мы, к сожалению, упираемся в личностный фактор, связанный с государем Кочжоном, который отнюдь не был сторонником модернизации. Вначале он выступал за ограниченное развитие, потому что это была воля сюзерена. Но при этом внутренней потребности в модернизации, похоже, им не ощущалось. И это очень хорошо видно на примере «потерянных лет» (1898 – 1904), когда, избавившись от всех угроз, корейский правящий дом мог бы, при желании, начать модернизацию, но на деле погрузился в застой и коррупцию настолько, что фактически откатился к временам до реформ Года Кабо (1894).

Можно обратить внимание, что как только на вана переставали давить обстоятельства, и он оказывался перед реальным выбором продолжать или не продолжать реформы, происходил глубокий откат. Это было и перед убийством королевы Мин, когда государь фактически дезавуировал реформы, заявив о том, что все решения он принимал под давлением. И в ситуации после разгона общества независимости, когда вместо того чтобы развиваться произошел откат на 10, если не на 20 лет назад.

К сожалению, государя интересовало в первую очередь личное благополучие, а не благосостояние страны. Ключевым вопросом противостояния двора и реформаторов постоянно оказывался вопрос о дворцовых расходах и отделении их от государственной казны. При этом личные средства императорского двора абсолютно не тратились на модернизацию.

Возможно, судьба Кореи была бы иной, если бы вместо Кочжона ей управлял дальновидный, образованный, мудрый и деятельный правитель, понимающий необходимость перемен. Вопрос лишь в том, откуда ему там было взяться. Тэвонгун обладал достаточными качествами политического лидера, но по своим убеждениям он был традиционалистом, и даже находясь в тактическом союзе с японцами, оставался противником модернизации и где мог, пытался ее тормозить. Обстановка двора и главное конфуцианская ориентация на прекрасное прошлое существенно снижала вероятность появления на троне вана-

реформатора, которому для осуществления своих планов пришлось бы радикально идти против традиции (и здесь снова бы встал бы вопрос о поддержке и тех, на кого такой реформатор мог бы опереться, учитывая, что даже по сравнению с Китаем, система социальных лифтов в Корее практически не работала). Поэтому конец такой корейской империи был закономерен, и хотя абсолютизировать заслуги Кочжона в этом не стоит, в гибель своей страны он внес весьма весомый вклад.